

**Жизнь Святого Василия Великого,
архиепископа Кесарии Каппадокийской, и
его пастырская деятельность
архим. Агапит**

Глава 1

Для чего при описании жизни великих людей упоминается об их предках и достигается ли предполагаемая при этом цель? Почему не должно вспоминать о земном величии предков св. Василия? Христианские доблести предков его, их мученичество, скитание по лесам и чудесное их насыщение. Первоначальное воспитание родителей св. Василия, и их христианские добродетели. Их молитвы о даровании сына, его болезнь вскоре после рождения и чудесное исцеление от болезни по молитвам родителей. Обязанность родителей пеших предварительно о своем умственном и нравственном воспитании, чтобы передать детям добрые наклонности и расположение к добру. Примеры зависимости наклонностей детей от характера и наклонностей их родителей. Должно ли сообщать детям понятие о Боге и законе Божиим до полного раскрытия в них смысла и понятия окружающих предметов, и почему? Почему жизнь земная, назначенная первоначально для блаженства, преисполнена скорбей? Пребывание св. Василия до семилетнего возраста у его бабки, св. Макрины, и его первоначальное воспитание. После семилетнего возраста его пребывание в доме родителей, и продолжение его религиозно – нравственного воспитания и развития умственных способностей под руководством родителей. Вступление св. Василия в Кесарийскую школу, и его отличные успехи в науках и примерное поведение, приобретение ему общее уважение от наставников и жителей города. Причины, побудившие его отправиться в Константинополь для дальнейшего образования. Что содействовало к охранению его нравственности в школах, где и учителя были язычники, и ученики были собраны из разных мест и с разными воззрениями на предметы веры? Содержание его поучения к юношам о том, как пользоваться творениями языческих писателей. Его прибытие в Афины, и причины, послужившие к теснейшей дружбе с Григорием. Его успехи в науках, его благонравие, и его отношения к товарищам. Почему не вредило ему общество и безнравственных товарищей?

Наставление юношам, как соблюсти непорочность сердца и чистоту веры, живя среди беспорядочных совоспитанников. Окончание учения и разлука со св. Григорием.

При описании жизни людей, великих по понятиям земли, которых деятельность ограничивалась возвышением благоденствия человека, в каком бы то ни было отношении, только на земле, не редко вспоминают и их предков. Вспоминают или для того, чтобы возвысить блеск их деяний славными подвигами их предков, или для того, чтобы недостаток славных деяний в описываемых лицах восполнить отражательным светом от деяний их прародителей, хотя в сем последнем случае цель не достигается. О благородстве и величии человека, – говорит св. Григорий Богослов, – надобно судить по личным достоинствам и изображать себя должно чертами, не от других заимствованными, так как и красоту лица и доброту краски, и высокую или низкую породу коня оценивают по свойству вещи, самой в себе взятой¹.

Если бы мы о св. Василии Великом имели понятие такое же, какое имеют о великих деятелях земли, слава деяний которых не переносится с ними в загробную жизнь, то мы о нем могли бы сказать вместе со св. Григорием Богословом в похвалу ему, что его предки представляют много примеров военачальства, народоправления, могущества при царских дворах, также богатства, высоты престолов, гражданских почестей и блистательного красноречия².

Но, имея в виду говорить о великом не на земле только, но и на небе, обо всем этом умолчим, так как и сам св. Василий Великий говорит: «в рассуждении праведников и того, что действительно сделано ими, достаточно к показанию превосходства их добродетелей»³.

Мы, впрочем, упомянем о некоторых из предков св. Василия Великого, но не о их внешних отличиях, а о их христианских доблестях, и не для того, чтобы прибавить нечто к Василиевой славе. «Море, говорит св. Григорий Богослов, не имеет нужды, чтобы вливалась в него река, хотя и вливаются в него множество самых больших рек», не возвышая, однако же, уровня его поверхности. Мы упомянем о христианских

доблестях предков св. Василия Великого для того, чтобы показать, «какие примеры имел он перед собою с самого начала, на какие взирал образцы, и сколько их превзошел»⁴.

«В царствование Римского Императора Максимиана воздвигнуто было последнее, но самое жесточайшее из всех предшествовавших, гонение на христиан. В это время многие тысячи христиан засвидетельствовали свою несокрушимую веру и непоколебимую преданность Христу мученической смертью. В эту-то страшную годину испытания христиан, дед св. Василия Великого по матери лишен был имени и жизни за имя Христово»⁵.

Дед же св. Василия Великого по отцу и его бабка Макрина, лишившись всего своего имения, которое по повелению Императора было отобрано в казну, и сами горели желанием пострадать за Христа, чтобы получить на небе неувядаемые венцы и вечную блаженную жизнь; но не хотели однако же, произвольно отдать себя мучителям, пока не были призваны к этому подвигу невидимою десницею подвигоположника Христа, зная, что и самый подвиг должен быть законным. «Закон же мученичества, – говорит св. Григорий Богослов, – таков, чтобы, как щадя мучителей и немощных не выходить на подвиг самовольно, так вышедши не отступать: потому что первое есть дерзость, а последнее – малодушие»⁶. Руководимые таким законом, они с небольшим числом преданных слуг и с малым запасом средств к пропитанию скрылись в густых лесах, покрывавших горы и долины Понта, где и блуждали под открытым небом в продолжении семи лет, пока не прекратилось гонение с воцарением другого Императора. Такая жизнь, полная лишений и скорбей, вдали от общества, знакомых, родных и друзей, заставившая терпеть попеременно и холод зимы, и палящий зной лета, и голод, и жажду, для людей, привыкших жить в покое и полном довольстве, поистине была мученичеством, отнимавшим жизнь не мгновенно, как то бывает под ударом палача, но медленно и с более продолжительными страданиями. Но сила Божия в немощи совершается, и что кажется невозможным для естественных сил человека, то возможно для Бога. Дед и бабка св. Василия, несмотря на

преклонность своих лет, хотя не без чувства скорби, но с совершенною покорностью воле Божией, провели многотрудную жизнь в лесах. Промысел Божественный, невидимо хранивший их и укреплявший их немощные силы, соблюл их жизнь, чтобы они, как говорит св. Григорий Богослов «могли служить для других побудителями к добродетели, живыми мучениками, одушевленными памятниками, безмолвною проповедью»⁷. И что многотрудная жизнь их приятна была Господу Богу, то Он засвидетельствовал особенным чудом.

Однажды к концу уже семилетнего странствования по лесам, дед и бабка св. Василия, со всеми разделявшими их эту, исполненную скорбей и лишений, жизнь, восчувствовали ослабление сил и потребность подкрепить их более питательною пищею, нежели та, которую мог доставлять лес своими скудными произрастениями, немогшими даже доставить удовлетворительного питания и для животных. Орудий к ловле лесных животных, годных для питания, они не имели, и потому для них одним средством к достижению этой цели оставалась молитва к Богу, назначившему всех животных на службу человеку. К такому средству для пропитания себя привело их размышление о чудесах, явленных Богом народу Израильскому, во время странствования их в пустыни. «Что невероятного, говорили они, если Бог чудес, Который богато пропитал в пустыни народ странствующий и бедствующий, дождал хлеб, посылал птиц, подавал пищу, не только необходимую, но и роскошную, разделял море, останавливал солнце, пресек течение реки, – что невероятного, говорили они, если сей Бог и нас, подвижников благочестия, пропитает ныне сладкими снедями? Ибо много зверей, которые избежав трапезы богатых, какая и у нас бывала некогда, скрываются в сих горах, много птиц годных в снедь летает над нами. И уже ли они неуловимы, если Ты только, Господи, восхощешь?» Так они зывали к Богу, – говорит св. Григорий Богослов, – и явилась добыча, добровольно отдающаяся в руки снедь, самоуготованное пиршество. Откуда вдруг взялись на холмах олени? И какие рослые, и какие тучные, как охотно поспешающие на заклание! Можно было почти догадываться, что они негодуют, почему не

прежде были вызваны. Одни манили к себе ловцов, другие следовали за ловцами... И какое чудо! ловцы сами были распорядителями ловли: нужно было только захотеть им и что нравилось, то взято, а лишнее отослано в дебри до другого времени»⁸.

Святые страдальцы за Христа, по прекращении гонения на христиан, поселились в Понте, близ Неокесарии, в одном из своих поместий. Уединенная жизнь, проводимая ими здесь, давала им возможность беспрепятственно заниматься служением Богу. Дед св. Василия Великого скоро отошел ко Господу для получения заслуженного воздаяния за свою неизменную преданность Ему до конца своей жизни. Св. Макрина, оставшись вдовой, обратила все свое внимание на юного еще своего сына Василия. Первою ее заботою было вдохнуть в него крепкую веру в Бога, живую любовь к Нему и ревность к благочестию. Когда эта цель была достигнута, св. Макрина, принимая во внимание прекрасные способности своего сына, дала ему возможность развить их в лучших училищах по всем отраслям наук, особенно в красноречии. По окончании учения в учебных заведениях, Василий, сын св. Макрины, скоро снискал себе славу своим красноречием в судебных местах и в училищах Понтийской области, сделавшись вместе с тем владельцем богатых имений в Понте, Каппадокии и Малой Армении.

Св. Макрина, ценя в своем сыне более всего живую веру и ревность о христианском благочестии, и зная вместе с тем, что добрая и благочестивая жена может много содействовать к развитию в муже добрых наклонностей, а злая истребить и то, что было уже доброго в душе, искала для своего сына такой жены, которая бы, соединяя в себе просвещенный ум с живою верою, доброе сердце с ревностью о христианском благочестии, могла и в муже, по крайней мере, поддерживать то, что уже насаждено было в его душе доброго.

Еммелия, жившая в Каппадокии, как удовлетворявшая своими душевными качествами всем желаниям св. Макрины и ее сына Василия, обратила на себя их внимание. Родители Еммелии, как мы уже выше сказали, кончили жизнь свою

мученической смертью за веру во Христа, и имение их отобрано было в казну. Еммелия, оставшись таким образом еще в юных годах сиротой, желала всю жизнь свою посвятить на служение Богу в девстве; но, бесприютности своего положения, а особенно по глубокому уважению к высокому благочестию св. Макрины, согласилась принять ее предложение, и отдала свою руку ее умному и благочестивому сыну Василию. Но, вступив в супружество с Василием, не забывала впрочем, блаженного удела девственницы – пецись без развлечения о Господних, како угодити Господеву (1Кор. 4:34). Преданность Господу и внимательность к Его святым внушениям, готовность на всякие жертвования в пользу св. Церкви и нуждающейся братии, воспитание детей в духе христианского благочестия, ясно свидетельствовали, что супружеская жизнь не мешала ей питать в душе постоянно горячую любовь к Господу и освящать всякое свое дело мыслью о Нем.

Св. Григорий Богослов, с восхищением взирая на высокую святость жизни св. Василия Великого и чудное сочетание всех христианских доблестей в его родителях, Василия и Еммелии, говорит: «если надлежало, чтобы похваляемый нами муж (св. Василий Великий) дарован был людям: то всего приличнее было как ему произойти от сих, а не от других родителей, так и им именоваться родителями сего, а не иного сына»⁹.

Плодом супружеской любви Василия и Еммелии были четыре сына и шесть дочерей, из коих одна еще в младенчестве умерла. Старшая из всех детей, оставшаяся в живых, была дочь, св. Макрина, старший между сыновьями был св. Василий Великий. За ним родился Навкратий, который по несчастному случаю лишился жизни в молодых годах. После Навкратья родился св. Григорий, Епископ Нисский, младший из всех был св. Петр, Епископ Севастийский. Некоторые из дочерей посвятили себя на служение Богу в девственной жизни, а некоторые вступили в супружескую жизнь, «впрочем так, – как говорит св. Григорий Богослов, – что супружеская жизнь не препятствовала им наравне с первыми преуспевать в добродетели, напротив, сие обратили они только в род, и на образ жизни»¹⁰. Души и вступивших в супружескую жизнь также

были проникнуты чувством благоговения к Господу, как и души девственниц, та же любовь к Богу руководила всеми их действиями, тот же страх Божий ограждал их от всего, что имеет вид греха, то же стремление к подвигам благочестия выражали и они в своих действиях, как и девственницы. На супружеские отношения смотрели они, не как на средство к удовлетворению чувственных пожеланий, а как на указанный Богом путь к благословенному рождению чад; и потому каждое зачатие младенца в чреве предварялось молитвою к Богу о благословении плода супружеской любви и заботливым очищением своих душ от всего страстного и греховного, чтобы детей сделать естественными наследниками добрых расположений своих душ, так как дети всегда служат отражением наклонностей и характеров своих родителей. Каждое семя дает плод по роду своему; какое семя посеяно, такой и плод получится. Если мы обратим внимание только на некоторые примеры из истории Церкви: то и тогда легко можем убедиться в той истине, что добрые или худые наклонности детей в большой зависимости находятся от душевных расположений их родителей и первоначального воспитания, какое дается детям.

Когда наши прародители – Адам и Ева согрешили против Бога нарушением данной им заповеди, когда грех проник все силы их души и тела: они зачали и родили Каина. Когда же их души, по изгнании их из рая, очищены уже были в некоторой степени покаянием: они рожают Авеля, кроткого и благоговейного перед Богом, которого жертвы уже благоугодны были Ему. Когда же душа Адама и Евы, пораженные скорбью о несчастной кончине сына, еще более прониклись духом покаяния и достигли еще большей чистоты: родился у них еще с высшими духовными совершенствами – Сиф, сделавшийся родоначальником благочестивого племени. В этих постоянно усовершенствовавшихся душевных качествах сыновей Адама и Евы нельзя не видеть зависимости душевных качеств детей от степени духовного совершенства их родителей. Нельзя при этом не обратить внимания на рождение некоторых праведников ветхозаветных и некоторых святых новозаветной

Церкви. Праотец Исаак, пророк и первосвященник Самуил, пречистая Матерь Господа нашего Иисуса Христа, св. Иоанн Креститель, св. Григорий Богослов, св. Василий Великий, и, более близкий к нам по времени, преподобный Сергей Радонежский Чудотворец, – все они были плодом молитв их родителей.

*

Отцы и Матери! Кто бы из вас не желал иметь таких детей, каких имели праведные Василий и Еммелия? в одном семействе четверо детей причислены Церковью к лику прославленных святых, и все остальные их дети отличались высоким благочестием, засвидетельствованным одним из великих прославленных святых, св. Григорием Богословом. Какое дивное и умирительное зрелище представляет все семейство Василия и Еммелии! По истине святое семейство! Если вы, отцы и матери, хотите, чтобы ваши желания иметь благочестивых детей не остались бесплодными, старайтесь возвести свои души на такую же степень умственного и нравственного совершенства, на какой находились души праведных Василия и Еммелии. Но если вы и достигнете такого же совершенства, а следовательно, приобретете способность рождать детей с предрасположением к добру: то и при этом помните, что дети в младенческом своем состоянии – это еще только прекрасная почва, способная принести сторичный плод; но, чтобы плод, при своем обилии, был и доброкачественный, сейте на почве душ ваших детей добрые семена. И посвятив добрые семена, не забывайте, что все первоначальные проявления сил душевных развивающихся умственно и физически ваших детей – это еще нежные ростки, которые легко может и зной солнечный попалить, и дуновение ветра – исказить, и падающий град – побить. Поэтому и вы, отцы и матери, подобно земледельцу, радующемуся появившейся зелени на полях и вместе томимому страхом неблагоприятных погод во время лета, не доверяя своим силам, молитесь Господа ежедневно и с усердием, дабы Он просветил умы ваших детей своею благодатью к познанию истины спасительного учения евангельского, согрел бы их сердце любовью к Нему – Творцу и

Промыслителю, и ко всему доброму, направил бы их волю к неуклонному следованию по пути заповедей Его, и отвратил бы их от всего худого. Но моля Бога, и сами старайтесь оградить их от зноя пробуждающихся страстей, могущего поглотить зародыши и предрасположения к добру, и через то замедлить их развитие, заботьтесь защитить их от тлетворного дыхания ветров – ложных мудрований, могущих извратить их понятия о добре и истине, употребляйте усилия – не допустить их до поражения и искажения градом дурных примеров, невольно увлекающих за собою, подобно бурным потокам. А главное, свою семейную жизнь старайтесь устроить так, чтобы она была для ваших детей и училищем благочестия, и лечебницей от нравственных ран, нанесенных душам ваших детей вне дома. При этом примите во внимание и то, что ваше слово останется бездейственным на детей, если оно не будет сопровождаться назидательным примером вашей собственной жизни.

Но возвратимся к семейству благочестивых Василия и Еммелии.

Старшею из всех их детей, как мы уже сказали, была св. Макрина. Всем детям, конечно, дано было одинаковое воспитание, и потому, чтобы составить себе понятие о домашнем воспитании всех детей Василия и Еммелии, обратим внимание на первоначальное домашнее воспитание св. Макрины. «Мать сама заботилась, – пишет св. Григорий Нисский, – об образовании дочери своей, но не о том внешнем образовании, которое дети обыкновенные почерпают из стихотворческих произведений. Она почитала постыдным и вовсе неприличным для нужной и благовоспитанной души изучать женские страсти в трагедиях, или знакомиться с бесстыдством в комедиях, и некоторым образом осквернять себя нескромными рассказами о женщинах. Юная дочь изучала то, что мать находила для нее удобопонятным из богодухновенного Писания, особенно премудрость Соломонову, и все то, что служит к образованию нашей нравственной жизни. Она также знакома была и с книгою Псалмов и в свое время прочитывала из них свою долю. Вставала ли с ложа, принималась ли за учение, отдыхала ли перед обедом и после

обеда, идучи ко сну, стоя на молитве: везде она имела при себе Псалтырь, как добрую спутницу, которая никогда не отлучалась от своей подруги¹¹. При таком воспитании, семейство Василия и Еммелии сделалось примерным училищем благочестия, ученики которого, бывши святыми и верными служителями Церкви на земле, соделывались и блаженными наследниками царства Христова на небеси.

После св. Макрины Василий и Еммелия много лет не имели детей. Но сильное желание иметь сына, чтобы сделать его естественным наследником, так сказать, родовых христианских добродетелей, мужественной веры в Бога, готовой пострадать за Него даже до смерти, пламенной любви к Нему, выражающейся в ревностном исполнении Его святой воли, и сыновней преданности Ему во всех даже скорбных обстоятельствах жизни, преданности, основанной на непоколебимой вере в Его Божественный промысел, без воли которого не может не только родиться дитя на свет, но и волос упасть с головы, – они молили Бога Жизнодавца о даровании им сына. И молитва их была услышана Богом. В год молитвы их, в бытность их в Кесарии Каппадокийской, у них родился (в конце 330 г.) сын, коему имя дано было Василий. Сердца родителей исполнились великою радостью. Но земля не есть страна невозмутимых радостей, хотя и создан человек для блаженства. Причиной этому, впрочем, не Бог, Который по бесконечной благодати своей пострадал на Кресте, чтобы снова открыть путь человеку к блаженству, закрытый им произвольным грехом, – но сам человек, его неспособность пользоваться земными радостями безвредно для своей души. Рай, насажденный на земле, по недостойнству человека пользоваться им, перенесен на небо, а потому жизнь человека на земле сделалась уже не местом блаженства, а только путем, ведущим к блаженству. Но как каждая дорога имеет два направления: одно, которое ведет к цели путешествия, другое удаляет от этой цели, так и жизнь человеческая есть путь, имеющий два направления. Идя по одному направлению, человек приближается к цели своего путешествия – к вечному блаженству; идущие по противоположному направлению,

удаляются от цели земной жизни человека. Милосердный Отец небесный, непрестанно надзирающий за каждым движением путника употребляет разные способы, чтобы дать ему должное направление. Усталому путнику иногда на пути расстилат зеленый ковер, испещренный разнообразными цветами, или манит его вперед, раскрывая перед мысленным взором его чудную картину невыразимого блаженства, ожидающего его в конце путешествия; а иногда, для укрепления его сил, дает даже ощутить в душе сладость будущего блаженства. Путнику же, избравшему противоположное направление, ведущее уже не к блаженству, а к гибели и вечному мучению, Господь, по своей любвеобильной попечительности о нем, воздвигает разнообразные препятствия, чтобы отвратить его от гибельного пути, и возвратить на путь истинный.

Бывает, впрочем, что Господь посылает скорби и таким путникам, которые идут прямо к предположенной ими благой цели, и посылает скорби для того, чтобы они, усладившись приятным ночлегом, не замедлили в пути. По этой, может быть, причине Господь не дал Василию и Еммелии долго услаждаться радостью о рождении сына. Немного прошло времени по рождению св. Василия, как он заболел. Болезнь, быстро развиваясь, дошла до того, что, по соображениям врачей, не оставляла никакой надежды на его возвращение к жизни. Но родители св. Василия Великого не отчаивались. Зная то, что невозможное для человека возможно для Бога, они обратились с теплою молитвою к Богу, чудотворная сила Которого и теперь также может проявляться, как она проявлялась в прежние времена. И молитва их, основанная на вере во всемогущество и благость Божию, не осталась бесплодною. Ночью в сновидении Господь Иисус Христос сказал скорбящему отцу тоже, что некогда царедворцу в Капернауме: иди, сын твой жив есть (Ин. 4, 50). И младенец выздоровел¹².

Родители св. Василия Великого жили в Неокесарии, главном городе Понтийской области. Но слабое здоровье чудесно исцеленного младенца расположило их отдать его для первоначального воспитания его бабке, св. Макрине, жившей в сельском уединении, близ Неокесарии. Здесь младенец

Василий, проживший до семилетнего возраста, дыша чистым воздухом и питая душу благочестивыми наставлениями св. своей бабушки, укреплялся и развивался не только телом, но и духом. Никакой разговор не касался его слуха, который не напоминал бы ему о Боге, Его бесконечной благодати и Его любвеобильной заботливости о всем мире и особенно о тех, которые, именуясь христианами, связаны с Ним искреннею любовью и ревностною заботливостью об исполнении Его святой воли. От св. Макария св. Василий Великий научился не только разным молитвам, но и Символу веры, составленному св. Григорием, Епископом Неокесарийским, для Неокесарийской Церкви. И этот символ, в то смутное время, волнуемое разными еретическими учениями, имел весьма большое значение, как выражение истинного учения Православной Церкви о догматах веры. Впечатлительная душа св. Василия вполне соответствовала благочестивой ревности св. Макария, и все ее наставления так глубоко впечатлевались на его мягкой, как воск, душе, что св. Василий Великий даже тогда, когда стоял уже на кафедре Епископа, в опровержение возводимой на него клеветы в неправом его учении, указывал на символ св. Григория Неокесарийского изученный им еще в младенческом возрасте, как на доказательство правоты своих убеждений и учения. «О вере же моей, писал св. Василий Великий Неокесарийцам, какое доказательство может быть яснее того, что воспитан я бабушкой, блаженною женою, которая по происхождению ваша? Говорю о знаменитой Макарии, от которой заучил и изречения блаженнейшего Григория, сохранившееся до нее по преемству памяти, и которые и сама она соблюдала, и во мне еще с малолетства напечатлевала, образуя меня догматами благочестия¹³.

Есть люди (не знаю, как их назвать правильнее, злонамеренными или только не благомыслящими), – которые говорят, что не должно учить детей закону Божий, как предмету недоступному еще их пониманию, пока не разовьется в них вполне рассудок и самосознание. Но вы, отцы и матери, желающие истинного блага своим детям и не желающие оплакивать горестные последствия для ваших детей от дурного

направления их ума и действий, отвращайте слух свой от столь зловредных речей, и примите себе за неперемнное правило, при воспитании ваших детей, образ действий бабки св. Василия Великого, Макрины, и его родителей. С самого раннего детства ваших сыновей и дочерей, следя внимательно за каждым проявлением их ума и сердца, вы не могли не заметить, что зло, скрывающееся в растленной нашей природе, еще до раскрытия в них полного смысла и понимания окружающих их предметов, подобно годным и негодным травам, пробивающимся на поверхность земли еще до полного проявления благотворной теплоты весеннего солнца, – проявляется в них в различных греховных движениях: капризах, гневе, раздражительности, злопомнении, мщении, зависти и прочем подобном сему. Каждый земледелец, желающий, чтобы доброе семя, которое он намерен посеять на поле, не пропало без плода, прежде выпалывает сорные травы, и потом уже густо засеивает поле добрым семенем, дабы плевелы, если и прорастут снова впоследствии, не имели силы заглушить развившихся уже ростков доброго семени. Так и вы, добрые и попечительные родители, с самого раннего возраста старайтесь подавлять в ваших детях все греховные проявления, и внушать им понятие о Боге, любовь к Нему и страх наказания за грех. Привыкнув с детства ко всему доброму, они и в последующей жизни способны будут противиться возникающим дурным расположениям и внушениям, руководимые любовью к Богу и ограждаемые страхом Божиим.

Когда св. Василий Великий достиг семилетнего возраста, родители взяли его к себе в дом для дальнейшего развития его ума и сердца. Наставления его благочестивой матери, Еммелии, были вполне согласны с тем духом живой веры в Бога и любви к Нему, которым проникнуты были наставления бабки его, св. Макрины. Она также упражняла св. Василия в чтении слова Божия¹⁴, укрепляла в нем веру в Бога, любовь к Нему, ревность об исполнении Его Божественной воли, начертанной в св. Писании, и всех установлений св. Церкви. И слово блаженной матери неотразимо действовало на сердце св. отрока, так как он во всех ее поступках всегда видел осязательное

подтверждение ее наставлений. Василий, отец св. Василия Великого, подтверждая примером своей высокой благочестивой жизни то, что внушала св. отроку мать, старался развивать его ум изучением разных наук. «Под сим то руководством, говорит св. Григорий Богослов, чудный Василий обучается делу и слову, которые вместе в нем возрастают и содействуют друг другу... изучает первоначальный круг наук и упражняется в богочестии, короче сказать, самыми первыми уроками ведется к будущему совершенству. Ибо те, которые преуспели или в делах, оставив слово, или в слове, оставив дело, ничем, как мне кажется, не отличаются от одноглазых, которые терпят большой ущерб, когда сами смотрят, и еще больший стыд, когда на них смотрят. Но кто может преуспеть в том и другом, тому возможно быть совершенным и в сей жизни вкушать тамошнее блаженство. Итак, благодетельно было для Василия, что он дома имел образец добродетели, на который взирая, скоро стал совершенным... не отставал (от своих родителей) в высоких порывах добродетели, но как бы в рисунке проявлял будущую красоту добродетели, и до наступления времени строго (подвижнической) жизни предначертывал (своими поступками) то, что нужно для сей жизни»¹⁵. И семена веры и благочестия, посеянные в душе св. Василия Великого его св. бабкою и блаженными родителями, были так чисты и совершенны, что он и в последующей своей жизни, при дальнейшем своем умственном и религиозно-нравственном развитии, не находил нужным изменить или отменить что-либо из того, что воспринято было им в детстве. «Осмеливаюсь, говорит св. Василий Великий, похвалиться о Господе тем одним, что никогда не держался погрешительных мнений о Боге, и не переменял в последствии мыслей, какие прежде имел; но то понятие о Боге, которое приобрел с детства от блаженной матери моей и бабки Макрины, и возрастало во мне; потому что с раскрытием разума не менял я одного на другое, но усовершенствовал ими преподанные мне начала. Как возрастающее семя, хотя из малого делается большим, однако же само в себе остается тем же, не в роде изменяясь, но усовершеншаясь через возрастание: так, думаю, и во

мне тот же разум возрастал по мере моего преспеяния и не заменен теперешним бывший в начале¹⁶.

Существуют между людьми два односторонних взгляда на религиозно-нравственное и умственное образование человека. Одни, смотря на земную жизнь человека, как на последнюю цель его появления на свет, стремятся наполнить свою жизнь всевозможными удовольствиями, не разбирая нравственного достоинства этих удовольствий. Вследствие такого взгляда на жизнь и на самое внешне-научное образование смотрят, как на самое надежное средство к достижению разных благ земных; религиозно-нравственное же образование, как не входящее в сферу их понятий и стремлений, или оставляют без внимания, или предоставляют желающим для увеличения только объема знаний, а не как руководящее начало для всех действий человека. Гибельность такого взгляда на жизнь человеческую понятна каждому, в ком не заглушен совершенно голос совести, кто простирает свой взор за пределы гроба, и в стране вечности ожидает для себя упокоения от своих земных трудов.

Другие, стремясь сохранить в душе благочестие и спасительную веру, видя в то же время, что многие из научно-образованных, увлекаясь духом вольномыслия, отпадают от веры и утрачивают дух христианского благочестия, и по неразвитости своего ума полагая причину нравственного зла в науках, не имеющих прямого отношения к христианскому вероучению, с пренебрежением относятся, как ко всем научно-образованным людям, так и к самой внешней учености, признавая ее, по худому разумению, злохудожною, опасною и удаляющею от Бога. Но не должно, – говорит св. Григорий Богослов, – небо, землю, воздух и все, что в них, презирать за то, что некоторые худо уразумели, и вместо Бога, воздали им Божеское поклонение... Не должно унижать ученость, как рассуждают о сем некоторые; а напротив того, надобно признать глупыми и невеждами тех, которые, держась такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный недостаток, и избежать обличения в невежестве¹⁷.

Но родители св. Василия Великого далеки были от этих односторонних взглядов на веру и внешнюю ученость; они, мудро соединив в себе высокое христианское благочестие с многостороннею ученостью во внешних науках, желали и сыну своему вполне передать это наследство. – И потому, укрепив в его душе веру во все догматы православного христианского вероучения, утвердив его волю в неуклонном повиновении заповедям Божиим и всем уставам св. Церкви, развив в его сердце пламенную любовь к Богу, не допуская и малейшего пристрастия к чему-либо земному и греховному, они старались и ум его обогатить знакомством со всеми науками. Они понимали, что науки, как и капитал, сами по себе, не суть ни зло, ни добро, но могут сделаться тем или другим от способа употребления их самим человеком, владеющим ими. И потому, хорошо понимая высокое настроение души своего сына, они безбоязненно, из под крова родительского, отправили его для дальнейшего образования в Кесарию, место его родины и будущего служения. И св. Василий не обманул их надежд на него.

Кесария, по свидетельству св. Григория Богослова и самого Василия Великого, считалась столицей просвещения, и могла хвалиться, как лучшим достоянием, богатством ученых людей¹⁸. Св. Василий Великий не оставлял никакой науки без внимания, но подобно пчеле, собирающей мед со всякого цветка, старался извлечь полезное из всякой науки¹⁹. Но более всего обращал внимание на словесные науки, дающие возможность ясно и красноречиво выражать свою мысль. О красноречии же и силе в слове заботился он не для того, чтобы блистать только словом, и через это снискивать себе суетную славу от людей, но для того, чтобы принести свое слово в чистую жертву Божью Слово. И слово в устах пастыря Церкви, особенно в то время, когда лжемудрые, но сильные в слове, еретики старались уловлять в свои пагубные сети правомыслящих из православных христиан, нужно было, чтобы распутывать хитросплетенные софизмы лжеучителей и силою красноречия привлекать заблудших к истине, которой внутреннего достоинства они не всегда могли оценить. – Руководясь такою мыслью, св. Василий вскоре достиг такого совершенства в знании всех наук, что не только

превзошел всех своих сверстников, но и сравнился с лучшими из своих учителей, так что, – как свидетельствует св. Григорий Богослов, – «был ритором между риторамии еще до кафедры софиста, философом между философами еще до выслушивания философских положений»²⁰.

Ученость, несопровождаемая благочестивою христианскою жизнью, может возбуждать в других удивление и вызывать со стороны некоторых лиц похвалы, но не может привлекать к обладателю этим, блестящим по наружности, но малоценным по содержанию, сокровищем искреннего уважения. Но 20-летний юноша, св. Василий, обладавший и наружною красотою, хотя и не придававший ей никакого значения²¹, успел не только возбудить удивление своими необыкновенными дарованиями и обширными познаниями в своих товарищах и наставниках, но и заслужил уважение от знатнейших граждан и бывшего в то время Кесарийского Архиепископа Диания²². И уважение это он приобрел не столько своею ученостью, сколько высоким благочестием и отрешенностью от всякой суеты земной. «Науки словесные, – говорит св. Григорий Богослов, – были для него посторонним делом, и он заимствовал из них то одно, что могло споспешествовать нашему (христианскому) любомудрию: потому что нужна сила и в слове, чтобы ясно выразить умопредставляемое. Ибо мысль, не высказывающая себя словом, есть движение оцепеневшего. А главным его занятием было любомудрие, т. е. отрешение от мира, пребывание с Богом, по мере того, как через долнее восходил он к горнему, и посредством непостоянного и скоропреходящего приобретал постоянно и вечнопребывающее²³». И примером своего благочестия и всеми своими поступками, проникнутыми чувством благоговения перед повелениями Господа, столько влиял на нравы знавших его, что справедливо его называет св. Григорий Богослов «иереем для христиан еще до священства».

Св. Григорий Богослов, бывший почти одних лет со св. Василием Великим, вступив в Кесарийское училище для образования себя в словесных науках, сблизился с ним; и здесь положено было начало их тесной дружбе, которая неразрывно связывала их в продолжение всей их жизни.

По окончании занятий в Кесарийском училище, св. Василий Великий, увлекаемый желанием овладеть всем лучшим, что только могла произвести мудрость человеческая, решился отправиться для дальнейшего своего образования в Константинополь, столицу Империи, где были собраны лучшие наставники в красноречии и философии. Но здесь он должен был учиться у учителей-язычников, которые, ревнуя о поддержании погибавшей славы язычества, всеми мерами старались внушать юношам, что изучение разных творений языческих писателей есть единственное средство для поддержания просвещения на земле, и, чтобы вдохнуть в них уважение к языческой религии, старались придать глубокое нравственное значение самым безнравственным языческим обрядам²⁴. Кроме сего, св. Василий неизбежно должен был иметь в числе своих товарищей и последователей всех оттенков языческих верований, и зараженных уже разными видами еретических учений. Имея все это в виду, нельзя, по-видимому, не удивляться тому; как могли родители св. Василия пустить его, еще юного и не утвержденного в вере таинством Крещения, в такое место, которое, кроме величайшей опасности для веры и нравственности, ничего не могло представлять? И как мог сам Василий, столь ревностный об охранении себя в духе благочестия, решиться вступить в такое училище, и, вступив, остаться, подобно трем отрокам, невредженно пребывавшим в вавилонской печи, не поврежденным ни в своих понятиях относительно предметов веры христианской, ни в своих стремлениях к высшему благочестию христианскому?

К решению этих вопросов располагает еще и то, что многие и из современных благочестивых родителей со страхом отпускают своих детей в христианские школы, в которые, к прискорбию проник дух вольномыслия, и потому для них желательно знать то, что охраняло св. Василия от нравственного повреждения в языческих школах, чтобы воспользоваться теми же средствами к охранению своих детей от современного зловерного вольномыслия.

Родители св. Василия Великого, отпуская его в отдаленную страну для дальнейшего образования, не могли опасаться за

него, потому что, наблюдая за ним до двадцатилетнего его возраста, видели, что в нем, по мере усовершенствования его понятий о добре и истине, возрастало и стремление к благоугождению Богу. Вера в благость Божию, в соединении с теплою молитвою к Нему о сохранении святого плода их молитв первоначальных, еще более укрепила в них надежду, что сын их и среди соблазнов мира сохранится целым, и возвратится к ним, к их утешению, с большим запасом сведений и с более твердым расположением ко всему доброму, так как искушения, встречаемые нами в жизни, через победу над ними, служат только поводом к укреплению нашей воли в добре.

Чтобы понять, почему безвредными остались для души св. Василия Великого и его пребывание в Константинополе и Афинах, где наставниками, по большей части, были язычники, и его изучение сочинений языческих писателей: для этого нужно обратить внимание на то, каков был взгляд его на настоящую жизнь, и как он смотрел на сочинения языческих писателей? То и другое мы ясно можем усмотреть из его беседы к юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями.

Обращаясь к юношам, св. Василий говорит: «вам, которые каждый день ходите к учителям и с уважаемыми мужами древности беседуете посредством оставленных ими сочинений, скажу, что сам собою нашел я нечто более полезным. О сем-то самом я хочу дать вам совет, и именно, что не должно, однажды навсегда предав сим мужам кормило корабля, следовать за ними, куда ни поведут, но, заимствуя у них все, что есть полезного, надобно уметь иное и отбросить».

А чтобы юноши умели отличать полезное от бесполезного, показывает им, что христианин, в продолжении всей своей земной жизни, должен иметь всегда, при всех своих занятиях и стремлениях, одну цель – достижение вечно блаженной жизни на небе, а потому из всех благ земных должно считать полезным только то, что содействует к достижению этой цели; все же прочее, что не содействует к этому, или противодействует, считать бесполезным или вредным. «Мы полагаем, – говорит св. Василий Великий, – что настоящая жизнь человеческая вовсе ничего не значит; совершенно не

почитаем и не называем благом того, что доставляет нам совершенство в этой только жизни. Ни знаменитости предков, ни крепости, красоты и величия тела, ни почестей от всех людей, ни самого царства, ни всего прочего, что ни наименуют из человеческого, не признаем великим, даже достойным желания, и не обращаем взора на тех, кто имеет сие, но простираем надежды далее, и все делаем для приуготовления себе другой жизни. Поэтому, что к оной споспешествует нам, о том говорим, что должно любить сие и домогаться сего всеми силами, а что не переходит в оную, то – презирать, как ничего не стоящее». – «И жизнь вечная стоит того, чтобы пренебречь для нее все земное». «Если кто обымет словом и совокупит воедино все счастье людей, со времени их существования: тот найдет, что это не равняется и малейшей части благ той жизни, а напротив того, все здешние блага гораздо больше отстоят достоинством от малейшего из тех благ, чем тень и сновидение скуднее действительности».

Показывает далее, что в эту блаженную жизнь вводят Священные Писания, образующие нас посредством учений таинственных. Но пока юноши, по самому возрасту своему, не в состоянии проникнуть в глубину смысла их, советует им «упражнять свое духовное око и в других писаниях, не вовсе далеких от них, как в некоторых тенях и зеркалах, подражая упражняющимся в деле ратном, которые, приобретая опытность в ловком движений рук и ног, выгодами этой игры пользуются в самых битвах». И чтобы расположить их к предварительному упражнению своих сил духовных занятиями во внешних науках, говорит: «нам предлежит подвиг, важнейший всех подвигов, – подвиг, для которого все должны сделать, для приготовления к которому надобно трудиться по мере сил, беседовать и со стихотворцами, и с историками, и со всяким человеком, от кого только может быть какая-либо польза к попечению о душе.

«Красильщики предназначенное к окраске готовят сперва особыми способами, а потом наводят цвет, пурпуровый или другой какой: подобным образом и мы, чтобы добрая слава наша навсегда осталась неизгладимою, посвятим себя предварительному изучению сих внешних писателей, потом уже

начнем слушать священные и таинственные уроки, и как бы привыкнув смотреть на солнце в воде, обратим наконец взоры к самому свету. Поэтому, ежели между учениями есть какое взаимное сродство, то изучать разность учений, сличая их между собою, немало служит к подтверждению лучшего учения».

Желая далее показать превосходство христианского учения перед внешними науками, сравнивает первые с плодом дерева, а последние с листьями. «Собственное превосходство дерева, – говорит св. Василий Великий, – изобиловать зрелыми плодами; но оно носит на себе и некоторое украшение – листья, колеблющиеся на ветвях: так и в душе, истина есть преимущественный плод, но не лишено приятности и то, если облечена душа внешнею мудростью, как листьями, которые служат покровом плоду и производят приличный вид».

Показав возможность и пользу занятий внешними науками, внушает однако же юношам, чтобы они со строгою разборчивостью брали для чтения книги, и из прочитанного в книгах усвояли только то, что может принести действительную пользу душе. «У стихотворцев, – начну с них, говорит св. Василий, – поскольку они в сочинениях своих не одинаковы, – не на всем по порядку надобно останавливаться умом, но, когда пересказывают нам деяния или изречения мужей добрых, надобно их любить, соревновать им и, как можно, стараться быть такими же. А если доходит у них речь до людей злонравных, должно избегать подражания сему, так же затыкая уши, как Одиссей, по словам их, заградил слух от песней сирен. Ибо привычка к словам негодным служит некоторым путем и к делам. Посему со всяким охранением надобно оберегать душу, чтобы, находя удовольствие в словах, незаметно не принять чего-нибудь худого, как иные с медом глотают ядовитые вещества. Посему не будем хвалить стихотворцев, когда злословят, насмеваются, представляют влюбленных и упивающихся, или когда ограничивают блаженство раздольным столом и разгульными песнями... Тоже самое могу сказать и об историках, особенно, когда пишут они историю для развлечения слушателей. И ораторам не будем подражать в искусстве лгать... Напротив того, займем лучше у них те места, где они

восхваляли добродетель и порицали порок. Ибо как для других наслаждение цветами ограничивается благовонием и пестротой красок, а пчелы собирают с них мед: так и здесь, кто гонится не за единою сладостью и приятностью сочинений, тот может из них запастись в душе некоторою пользою. Поэтому, во всем уподобляясь пчелам, должны мы изучать сии сочинения. Ибо и пчелы не на все цветы равно садятся, и с тех, на кои нападут, не все стараются унести, но, взяв что пригодно на их долю, прочее оставляют нетронутым. И мы, если целомудренны, собрав из сих произведений, что нам свойственно и сродно с истиною, остальное будем проходить мимо. И как, срывая цветы с куста роз, избегаем шипов, так и в сих сочинениях, воспользовавшись полезным, будем остерегаться вредного».

Продолжая речь в том же духе св. Василий советует, чтобы не потерять бесполезно времени, с самого начала рассмотреть каждую из наук, и из всякой науки избирать только то, что ведет к цели нашей жизни. «И поскольку до такой жизни надобно достигать с помощью добродетели, а в похвалу ее много сказано стихотворцами, много историками, и еще более мужами любомудрыми (философами): то на такие особенно сочинения должно обратить внимание». Далее св. Василий указывает на некоторые изречения стихотворцев и философов, которыми или выхваляется добродетель, или указываются средства и побуждения к приобретению оной.

Но так как некоторые, увлекаемые духом тщеславия, любят только на словах выхвалять добродетель, повторяя заученные изречения стихотворцев или философов, а живут совершенно противоположно требованиям доброй нравственности: то св. Василий, предостерегая таких от двойного зла, – нерадения о своем исправлении, прикрываемого лицемерием, говорит: «с жаром хвалить добродетель перед людьми, вести о ней длинные речи, а наедине предпочитать целомудрию удовольствие, и справедливости – прибыток, назвал бы я подражанием тем, которые лицедействуют на зрелище, и часто выходят представлять царей и владельцев, не будучи не только ни царями, ни владельцами, но даже, может быть и свободными». Мы будем представлять собою неприятный хор

певцов, которые разногласят между собою, если наши слова и дела не только не будут между собою в приятной гармонии, но и будут противоречить одно другому.

Показав возможность и пользу знакомства с мнениями и некоторыми рассуждениями стихотворцев и философов, показывает далее, что не бесполезно для тех, которые еще не научились соответствовать своею жизнью высоким требованиям евангельского учения, подражать доблестным поступкам мужей давно минувших времен, сведения о которых сохранились или в непрерывной памяти людей, или в сочинениях стихотворцев и историков. Далее св. Василий Великий указывает и самые примеры доблестных поступков языческих мудрецов.

Так как многие и из современных христиан, не радя о своем духовном совершенствовании, и оставляя свои духовные силы без упражнения, считают некоторые из заповедей евангельских неисполнимыми, какова например заповедь о любви к врагам и подобные; поэтому находим не бесполезным указать на некоторые поступки языческих мудрецов, которые, при одних естественных силах, проявляли иногда такое, совершенство действий, какое требуется и от христиан. «Например, – говорит св. Василий Великий, – некто в народном собрании злословил Перикла, но он не обращал на это внимания, и целый день продолжалось, что один осыпал другого ругательствами, а другой ни мало о том не заботился. Потом вечером уже, и когда смерклось, этого человека, едва прекратившего брань, Перикл проводил со светильником, чтобы даром не пропало у него упражнение в любомудрии. Еще кто-то, рассердившись грозил смертью Евклиду Мегарскому и клялся в этом. Но Евклид сам дал клятву, что умилоствует его и заставит прекратить свое к нему нерасположение. Как хорошо, если приходят на память таковые примеры человеку, когда он одержим уже гневом! – Лучше вовсе не приходить в раздражение. Если же это трудно, то по крайней мере, удерживая раздражительность рассудком, как уздою, надобно не позволять выходить ей за пределы».

«Некто нещадно нападал на Сократа, бил его в самое, лицо, и он не противился, но дозволил этому пьяному человеку насытить свой гнев, так что лицо у Сократа от ударов уже

опухло и покрылось ранами. Когда же тот перестал бить, Сократ, как рассказывают, ничего другого не сделал, а только как на статуе пишут имя художника, написал на лбу: сделал такой-то, – и тем отмстил. поскольку это указывает на одно почти с нашими правилами: то утверждаю, что весьма хорошо подражать таким мужам. Ибо этот поступок Сократа сходен с тою заповедью, по которой ударяющему по ланит должен ты подставить и другую (Мф. 8, 39), – в такой мере надобно мстить за себя. А поступок Перикла или Евклида сходен с заповедью: терпеть гонителей и кротко переносить гнев их, и с заповедью: желать добра врагам и не проклинать их (44). Посему, предварительно обученный сему не будет не верить заповедям, как чему-то невозможному. Не умолчу и о поступке Александровом. Александр, взяв в плен дочерей Дария, о которых засвидетельствовано, что красота их была удивительна, не удостоил и видеть их, считая постыдным – победителю уступить над собою победу женщинам. Ибо это указывает на одно с заповедью, что воззревший на женщину для услаждения, хотя и не совершит прелюбодеяния самым делом, но за то, что допустил в душу желание, не освобождается от вины (Мф. 5, 28).

Указав на доблестные поступки языческих мужей, снова напоминает юношам, чтобы не все по порядку заимствовали из сочинений языческих мудрецов, но только то, что сообразно с главною целью нашей жизни, и больше или меньше содействует к достижению оной. «Ибо стыдно, – говорит св. Василий Великий, – вредное в пище отвергать, а в науках, которые питают нашу душу, не делать никакого различия, но, подобно весеннему ручью, увлекая за собою все встречающееся, нагружать тем душу. И какой в этом расчет, если кормчий не безрассудно отдается ветрам, но направляет ладью в безопасное место, и стрелок бросает стрелу в цель, и медник и плотник стремятся к концу, сообразному с их искусством: а мы останемся ниже и этих рабочих, имея возможность разуметь свое дело, и забывая предположенную для дела цель? И у ремесленников работа их имеет какую-то цель; а для жизни человеческой разве нет цели, соображаясь с которою нужно все делать и говорить тому, кто не намерен совершенно

уподобиться бессловесным? Если будем все говорить и делать, не направляя своих слов и действий к предположенной цели: то, подобно неоснащенному кораблю, будем носиться по волнам житийского моря, и конец нашей жизни будет – неизбежная гибель нашей души. И в состязаниях телесными силами, и если угодно, и в музыкальных орудиях, упражняются в тех именно подвигах, за которые предложены венцы..., но поскольку упомянул я о венцах и о подвижниках, то присовокупляю: они, претерпев тысячи трудностей в тысяче случаев, всеми мерами приумножив свою силу, пролив много пота в трудных телесных упражнениях, приняв много побоев в училищах, избрав не самый приятный образ жизни, но предписанный учителями, и во всем прочем ведя себя так, что жизнь их до подвига была упражнением в подвиге, уже после всего этого являются готовыми на поприще, переносят все труды и опасности, чтобы получить венок из дикой маслины, или из гирчи, или из чего-нибудь подобного, и победив, заслужить провозглашение от глашатаев. Ужели же нам, которым предлежат награды столь удивительные по множеству и величию, что невозможно и словом их выразить, дозволительно предаваться беспечности? ... Нет, не должно нам лениться, и на краткий покой променивать великие надежды, если не хотим слышать укоризны, и терпеть наказания... Невольно погрешившему против долга, может быть и будет некоторое помилование от Бога, но намеренно избравшему худое нет и отговорок, почему бы не терпеть сугубого наказания».

Вследствие таких внушений предвидя естественный вопрос со стороны юношей: что же нам делать? св. Василий Великий, отвечает: «что иное, кроме того, чтобы, освободившись от всех других попечений, иметь попечение о душе?» Далее раскрывая перед их глазами то, что нужно делать для охранения чистоты в душе своей, указывает преимущественно на те недостатки, которыми легче всего увлекается юноша. «Не должно, – говорит св. Василий, – служить телу, кроме крайней необходимости, а душе надобно доставлять все лучшее, любомудрием, как от темницы, освобождая ее от общения с телесными страстями, и вместе и тело соделывая неодолимым для страстей. Чреву

надобно доставлять необходимое, но не слишком сладкое, как делают выдумывающие каких-то приготовителей стола и поваров, обыскивающие всю сушу и море, собирающие дани чреву, как жестокому какому то властелину... А трудиться сверх нужды над волосами и одеждами, по выражению Диогена, свойственно или злосчастным, или обидчикам. Посему утверждаю, что быть и называться щеголем, должны мы почитать столько же срамным делом, как и жить непотребно и злоумышлять на чужое брачное ложе. Ибо для имеющего ум, какая разность – надеть ли на себя зрелищный наряд, или носить одежду простолюдина, если только она достаточно защищает от холода и жара? Подобным образом и прочее надобно заготовлять себе, не превышая нужды, и не больше заботиться о теле, но сколько хорошо это для души. Мужу, поистине достойному сего именованья, быть щеголем и заниматься своею наружностью, не менее укоризненно, как и рабски предаваться другой какой-либо страсти. Употреблять все старание на то, чтобы тело было, как можно наряднее, свойственно человеку, который не познал сам себя и не понимает того мудрого правила, что не одно видимое составляет человека, а потребна некая высшая мудрость, посредством которой каждый из нас познает себя, каков он. А сие, имеющим не очищенный ум, более невозможно, чем больному смотреть на солнце». «Очищением же души служит – презирать чувственные удовольствия, не насыщать глаз нелепыми представлениями чудодеев, или зрением тел возбуждающих к сластолюбию, и через слух не вливать в душу поврежденного сладкопения. Ибо от такого рода музыки, обыкновенно возникают страсти – порождения рабства и низости... В этом господствующем ныне сладкопении должно вам участвовать менее, чем в каком-либо из срамных дел. А растворять воздух различными испарениями, доставляющими удовольствие обонянию, намащать себя благовонными мазями, стыжусь и запрещать вам. Что же сказал бы иной о том, что ненадобно гоняться за удовольствиями осязания и вкуса, разве то одно, что преданные уловлению сих удовольствий принуждены ими бывают жить подобно скотам по прихотям

чрева и того, что ниже чрева. Одним словом все телесное должно презирать тому, кто не хочет, как в тине, погрязнуть в телесных удовольствиях. Столько надобно иметь к телу привязанности, сколько, – говорит Платон, – участвует оно в служении любомудрию, выражаясь несколько подобно Павлу, который дает совет, что немало не должно телу угодия творить в повод похотям (Рим. 13, 14). Те, которые заботятся, чтобы тело было, как можно наряднее, а душу, которая действует через тело, презирают, как ничего не стоящую, чем отличаются от людей, принимающих попечение об орудиях, но не радящих об искусстве, действующем через орудие? Поэтому, совершенно напротив, должно угнетать и удерживать тело, как порывы зверя, и мятежи, производимые им в душе, умирать, поражая рассудком, как бичем, а не ослаблять вовсе узды сластолюбия и не пренебрегать тем, что ум увлекается им, подобно вознице, которого неудержимо несут необузданные кони... Итак, если излишнее попечение о теле бесполезно для самого тела и служит препятствием душе, то покорствовать и услуживать телу – явное безумие. Но если бы мы научились презирать его, то едва ли бы стали удивляться чему-нибудь другому из всего человеческого. Ибо на что понадобились бы еще богатство нам, которые ни во что ставим телесные удовольствия?... Кто обучился в рассуждении подобных вещей вести себя благоразумно, тот самую нужду будет определять естественными потребностями, а не удовольствиями. Ибо, преступившие пределы потребностей, подобно несущемуся вниз по скату, не имея перед собою ничего такого, на чем бы удержаться, нигде не останавливаются в своем стремлении вперед... Но я думаю, что когда нет богатства, не должно его желать; а когда оно есть, надобно много думать не о том, что обладаешь им, но о том, умеешь ли располагать им».

Сделав такого рода наставления юношам, в заключение говорит им: «вы, так как болезни бывают троякие, не окажитесь подобными неизлечимо больным, и не обнаружьте в себе недуга воли, похожего на болезнь страждущих телом. Ибо страждущее неважную болезнью сами приходят к врачам; одержимые важнейшими недугами к себе призывают врачующих; а впадшие

совершенно в неисцельную болезнь черножелчия и приходящих к ним врачей не допускают до себя, чего да не будет с вами; вы не убегайте от людей, которые рассуждают право»²⁵.

Отцы и матери! если вы устроите души ваших детей еще во время домашнего их воспитания, подобно душе св. Василия Великого, и если внушите им неуклонно следовать вышеизложенным его наставлениям, то безопасно может отпускать их во все школы, имея уверенность, что они, живя и вдали от вас, под покровом ваших родительских молитв, охраняемые невидимою божественною благодатью, возвратятся к вам с тою же чистотою сердца, но с большим запасом полезных знаний.

Но так как пример сильнее действует на душу, нежели слово: поэтому последуем за св. Василием Великим в Константинополь и Афины, чтобы видеть, как он, собирая сокровища мудрости человеческой, умел охранять и приумножать и сокровище божественное – веру и благочестие, вдохнутые в его душу св. Макриною и его благочестивыми родителями.

Напутствованный благословением родителей, их святыми молитвами и желанием, чтобы он всегда и везде блюл свое сердце чистым перед лицом всевидящего Бога, св. Василий Великий отправился в Константинополь, где собраны были лучшие наставники в словесности и философии. Быстрые способности и ревностное стремление овладеть во всей полноте всем, что могла произвести мудрость человеческая, и здесь, как и в Кесарии, дали ему возможность скоро превзойти всех товарищей и сделаться предметом удивления для самых наставников. Столичный город много, конечно, представлял соблазнов для вновь вступившего в него юноши, но св. Василий, руководясь теми правилами, которые впоследствии преподавал другим юношам, ни на что не обращал внимания, кроме уроков своих наставников. Если же и ложилась на его впечатлительную душу какая-либо тень от предметов или речей греховного мира, то он имел возможность скоро сгонять ее и снова освещать свою душу частым посещением храмов христианских и слушанием слова Божия.

Для окончательного образования себя в науках, после Константинополя, св. Василий, влекомый Богом, – как говорит св. Григорий Богослов, – и прекрасною алчбою познаний, решился посетить Афины – эту обитель наук, в которую собирались юноши со всех концов Империи, и всех национальностей и верований. Прибытие св. Василия в Афины нужно считать действительно делом Промысла божественного. Афины давали ему возможность лучшим образом ознакомиться с внешними науками, которые в свое время, немало оказали ему помощи к отражению нападений еретиков и других лжемыслителей, нападавших на божественную истину, сокрытую в учении христианском, с одним оружием внешней учености, оружием ничтожным и бессильным против крепких верою, но немало наносившим вреда не крепкой вере простых и малопросвещенных христиан. Афины дали ему возможность, из примера самых его наставников, убедиться в том, что одни внешние науки, без руководства христианским вероучением, не могут приблизить к Богу, не давая сил к возвышению нравственных действий человека на ту степень чистоты, которая необходима, чтобы дать человеку право на общение со всесвятейшим Богом. Афины самым множеством идольских капищ, имевшихся в них, и бессильною ревностью языческих ученых защитить заблуждения языческих верований, дали св. Василию возможность яснее и осязательнее убедиться в недосязаемом превосходстве христианского вероучения. Наконец Афины дали ему возможность теснее сблизиться с будущим великим иерархом и вселенским учителем, св. Григорием Богословом, который во всех обстоятельствах его жизни был и мудрым советником, и ревностным сотрудником.

Св. Василий прибыл в Афины около 352 года. Но здесь, вместо прежнего уважения к нему, которым он по праву пользовался и в Кесарии и в Константинополе, его, на первых же порах, ожидало оскорбление со стороны неразумных обычаев школьных товарищей, которым невольно подвергался каждый из вновь вступивших в Афины учеников. От этого оскорбления спасло его только одно заступничество св. Григория Богослова. Св. Григорий, ознакомившийся со св.

Василием еще в Кесарийской школе, узнав о его прибытии в Афины, умел вдохнуть в своих школьных товарищей такое высокое мнение о его учености и блистательном красноречии, что товарищи приняли св. Василия уже не как новичка, ищущего только мудрости, но с уважением, как человека, приобретшего право на внимание к себе своею ученостью. «Афины, – говорит св. Григорий Богослов, – приняли нас, как речной поток, – нас, которые, отделяясь от одного источника, то есть, от одного отечества, увлечены были в разные стороны любовью к учености, и потом, как бы по взаимному соглашению, в самом же деле по Божию мановению, опять сошлись вместе. Несколько прежде приняли они меня, а потом и Василия, которого ожидали там с обширными и великими надеждами; потому что имя его, еще до прибытия, повторялось в устах у многих, и для всякого было важно предвосхитить то, что всем любезно»²⁶. В Афинах между учениками был обычай всякого новоприбывшего ученика, несмотря на его звание и состояние, подвергать насмешкам и разного рода оскорбительным церемониям. «А я, – говорит св. Григорий Богослов, – своего Великого Василия не только сам принял тогда с уважением, потому что предвидел в нем твердость нрава и зрелость в понятиях, но таким же образом обходиться с ним убедил и других молодых людей, которые не имели еще случая знать его. И следствием сего было то, что почти он один из прибывших избежал общего закона, и удостоен высшей чести, не как новопоступающий. И сие было началом нашей дружбы, отсюда первая искра нашего союза»²⁷.

Вот и другой случай, который доставил св. Григорию возможность высказать свое расположение и преданность св. Василию, а Василию – убедиться более в его дружественных чувствах. Все товарищи смотрели на Василия, за его необыкновенные способности и обширные познания, хотя с уважением, но вместе и с завистью, так как он, вступив еще только в училище, уже восхищал у всех первенство, и потому всегда питали тайное желание победить его в спорных предметах, и таким образом унижить его в мнении всех, знавших и признававших его превосходство. С этим-то намерением

некоторые из учеников – армяне, более хитрые и скрытные по характеру, стали предлагать ему вопросы более спорные, нежели разумные. «Я, – говорит св. Григорий, – не понял сначала их намерения, когда стали они ослабевать и обращаться уже в бегство, возревновал о славе Афин, и чтобы не пала в лице их и не подверглась вскоре презрению, возобновил беседу, подкрепил молодых людей и придал им весу своим вмешательством, ввел, как говорится, равные силы в битву. Но как скоро понял я тайную цель собеседования, потому что невозможно стало скрывать ее далее, употребив нечаянный изворот, перевернул я корму и стал заодно с Василием, сделав победу сомнительною. Василий же понял дело тотчас, потому что был проницателен, сколько едва ли кто другой; и исполненный ревности, словом своим приводит в замешательство ряды сих отважных, и не прежде стал поражать силлогизмами, как принудив к совершенному бегству, и решительно взял над ними верх. Этот второй случай возжигает в нас уже не искру, но светлый и высокий пламенник дружбы»²⁸.

Эта победа в споре с сотоварищами, по-видимому, должна бы доставить приятное ощущение, питая самолюбие, но на св. Василия напротив, подействовала очень неприятно. Он стремился только к тому, чтобы сколько возможно полнее обнять и усвоить те науки, которые преподавались в Афинах, чтобы потом посвятить их на служение Господу Иисусу Христу, а в товарищах желал бы видеть только одно благородное соревнование в науках, не исключая возможности помогать в развитии более слабым товарищам. Но увидав в наставниках, при высокой их учености, стремление к одной пустой славе и приобретению большего количества денег, как должной дани за их ученость, а в товарищах неблагородное стремление унижить выше стоящего по способностям и познаниям, св. Василий сделался печален, и, не окончив учения, решил оставить Афины, называя их обманчивым блаженством. «В таком он был положении; но я, – говорит св. Григорий, – рассеял большую часть его скорби, то представляя доказательства, то к доказательствам присоединяя ласки, рассуждая (конечно и справедливо), что нрав человека может быть изведен не вдруг,

но только с продолжением времени и при обращении совершенно коротком; так и ученость познается не по немногим и не по маловажным опытам. Сим привел я его в спокойное расположение духа, и после взаимных опытов дружбы, более привязал его к себе»²⁹.

Школьные друзья, по большей части, остаются друзьями только до тех пор, пока живут в одних стенах училища, а потом и забывают друг друга, если интересы последующей их жизни расходятся в разные стороны. Так, может быть, кончилась бы и дружба Григория с Василием, если бы они, по выходе из училища, пошли по разным житейским путям. Когда же они открыли друг другу свои желания и высшие цели их образования всей жизни: то соединились теснейшими узами любви, и соединились уже навсегда. «Когда, – говорит св. Григорий, – мы открыли друг другу желания свои и предмет оных – любомудрие»³⁰, т. е. «желание дальше отринуть от себя мир, и самим жить общею жизнью для Бога, успехи же в слове принести в дар единому премудрому Слову»³¹, «тогда уже стали мы друг для друга все – и товарищи, и сотрапезники, и родные; одну имея цель, мы непрестанно возрастали в пламенной любви друг к другу»³².

«В таком расположении друг к другу мы простирались вперед, имея содейственниками Бога и любовь. Нами водили равные надежды, и в деле самом завидном – в учении. Но далека была от нас зависть, усерднейшими же делало соревнование. Оба мы домогались не того, чтобы которому-либо из нас самому стать первым, но каким бы образом уступить первенство друг другу, потому что каждый из нас славу друга почитал собственной славою. Казалось, что одна душа в обоих поддерживала два тела»...

Обратите, юноши, на цель жизни и всех действий двух великих друзей – святых Василия и Григория, чтобы понять вам, почему не вредило им ни общество растленных товарищей, ни собеседование с врагами даже христианства. «У обоих нас, – говорит далее св. Григорий, – одно было упражнение – добродетель, и одно усилие – до отшествия отсюда отрешаться от здешнего, жить для будущих надежд. К сей цели мы

направили всю жизнь и деятельность, и заповеди к тому руководимые, и поощрявшие друг друга к добродетели. И если немного будет сказать так, мы служили друг для друга правилом и отвесом, с помощью которых распознается, что прямо и что не прямо».

Так как общество товарищей большое имеет влияние на характер и образ деятельности особенно вновь вступающих в каждую школу воспитанников: поэтому мы советуем юношам поучиться у святых Василия и Григория в выборе себе товарищей, с которыми имеют намерение вступить в более близкие отношения. «Мы, – продолжает св. Григорий, – вели дружбу и с товарищами, но не с наглыми, а с целомудренными, не с задорными, а с миролюбивыми, с которыми можно было не без пользы сойтись, ибо мы знали, что легче заимствовать порок, нежели передать добродетель, так как скорее можно заразиться болезнью, нежели сообщить другому свое здоровье».

Образ жизни святых друзей заслуживает полного внимания современных юношей и в других проявлениях их жизни и деятельности: потому не обленимся выслушать и дальнейшее повествование св. Григория об их жизни в Афинах. – «Что касается до уроков, – говорит он, – то мы любили не столько приятнейшее, сколько совершеннейшее; потому что и сие способствует молодым людям к образованию себя в добродетели или пороке. – Нам известны были две дороги: одна – это первая и превосходнейшая вела к нашим священным храмам и к тамошним училищам (т. е. в которых обучали христианскому вероучению), другая – это вторая и неравного с первою достоинства, вела к наставникам наук внешних. Другие же дороги – на праздники, на зрелища, в народные собрания, на пиршества, предоставляли мы желающим. Ибо и внимания достойным не почитали того, что не ведет к добродетели и не делает лучшим своего любителя... У нас одно было великое дело и имя – быть и именоваться христианами»³³. И это-то постоянное стремление быть и именоваться христианами сделало то, что они, будучи окружены множеством идолов, которым все преклонялись, и которых все

защищали, оставались всегда верными Христу. «Живя в Афинах, – говорит св. Григорий, – мы утвердились в вере... и там научились презирать демонов, где им удивляются»³⁴.

Неутомимое прилежание и многообъемлющая ученость Григория и Василия, неизменная дружба, высокая нравственность, отражавшаяся во всех поступках, благоразумие и обдуманность во всех словах и действиях, сделали то, что они приобрели известность не только у своих наставников и товарищей, но и в целой Элладе, особенно у знатнейших мужей Эллады. «Ибо кто только знал Афины, – говорит св. Григорий, – тот слышал и говорил о наших наставниках; а кто знал наших наставников, тот слышал и говорил об нас»³⁵.

Сколь великие успехи оказал св. Василий в науках, и в каких именно науках, об этом также подробно говорит св. Григорий. «Кто еще до седины столько был сед разумом? говорит он о св. Василии. Ибо в этом поставляет старость и Соломон (Притч. 4, 6). Кто не только из наших современников, но и из живших задолго до нас, – столько был уважаем и старыми и юными? Кому по причине назидательной жизни, были менее нужны слова? И кто, при назидательной жизни, обладал в большей мере словом? Какого рода наук не проходил он? Лучше сказать: в каком роде наук не успел с избытком, как бы занимающийся этой одной наукой? так изучал он, как другой не изучает одного предмета; каждую науку изучил он до такого совершенства, как бы не учился ничему другому. У него не отставали друг от друга и прилежание и даровитость, в которых знания и искусства почерпают силу. Хотя при напряжении своем всего менее имел он нужды в естественной быстроте, а при быстроте своей, всего менее нуждался в напряжении; однако же до такой степени совокуплял и приводил к единству то и другое, что неизвестно – прилежанием или быстротою способностей он более удивителен. Кто сравнится с ним в риторстве, дышащем силою огня, хотя нравами не походил он на раторов? Кто, подобно ему, приводит в надлежащие правила грамматику или язык, изучает историю, владеет мерами стиха, дает законы стихотворству? кто был так силен в философии – в философии действительно возвышенной и простирающейся в горнее, то

есть, в деятельной и умозрительной, а равно и в той ее части, которая занимается доводами и противоположениями, а также состязаниями и называется диалектикою? Ибо легче было выйти из лабиринта, нежели избежать сетей его слова, когда находил он сие нужным. Из астрономии же, геометрии и науки об отношении чисел изучал столько, чтобы искусные в этом не могли приводить в замешательство, все же излишнее отринул, как бесполезное для желающих жить благочестиво. Врачебную же науку соделали для него необходимостью и собственные телесные недуги и хождение за больными.... Это был корабль столько нагруженный ученостью, сколько сие вместительно для человеческой природы.... Но сколько сие ни важно, значит ли что-нибудь в сравнении с нравственным обучением Василия?»³⁶.

Св. Василию было уже около 27 лет, когда он окончил свое учение в афинском училище. Наступило, наконец, время для святых друзей возвращения в дома родительские. Радость скорого свидания с нежно любимыми родителями удваивалась сознанием возможности привести, наконец, в исполнение заветное желание – всю свою остальную жизнь, со всем богатым запасом знаний, посвятить на служение Богу. Они собрались уже в путь и готовы были вместе отправиться. Но, совершенно неожиданно для них, любовь и глубокое уважение к ним их товарищей и наставников расстроили их планы. «Нам должно уже было возвратиться домой, – говорил св. Григорий, – вступить в жизнь более совершенную, приняться за исполнение своих надежд и общих предначертаний. Настал день отъезда, и, как обыкновенно при отъездах, начались прощальные речи, проводы, упрашивания остаться, рыдания, объятия, слезы. А никому и ничего не бывает так прискорбно, как афинским совоспитанникам расставаться с Афинами и друг с другом. Действительно, происходило тогда зрелище жалостное и достойное внимания. Нас окружала толпа друзей и сверстников, были даже некоторые из учителей: они уверяли, что ни под каким видом не отпустят нас, просили, убеждали, удерживали силою. И как свойственно сетующим, чего не говорили они, чего не делали? Обвиняю при этом несколько сам себя; обвиняю

(хотя это и смело) и сию божественную и неукоризненную душу. Ибо Василий, объяснив причины, по которым непременно хочет возвратиться на родину, превозмог удерживавших, и они, хотя принужденно, однако же согласились на его отъезд. А я остался в Афинах, потому что отчасти сам был тронут просьбами, а отчасти он меня предал и дал себя уговорить, чтобы оставить меня, не желавшего с ним расстаться, и уступить влекущим – дело до совершения своего невероятное: ибо сие было бы то же, что рассечь на двое одно тело»³⁷.

Итак, святые друзья расстались, по-видимому, случайно, вследствие неожиданно возникших обстоятельств, но в действительности по мановению Промысла Божественного, предназначившего им служение св. Церкви в разных местах и при разных обстоятельствах. Хотя духовная любовь между ними всегда сохранялась, и они, в разные времена и при разных обстоятельствах, помогали друг другу в достижении благих целей того или другого, но их школьные предположения о совокупном служении Богу в какой-либо уединенной пустыни никогда не осуществлялись. Два великих светильника не могли быть скрыты под спудом. Промысел Божественный, несмотря на их постоянное стремление жить в уединении, поставил их на свечники высшей иерархической ступени, чтобы они, озаряя светом своего учения и святой жизни омраченные еретическими заблуждениями общества, вели всех непреткновенным путем ко Христу и, через Него, к вечному блаженству на небе.

Глава II

Возвращение на родину св. Василия. Опыты его красноречия на должностях адвоката и учителя красноречия. Какое впечатление производили на душу св. Василия слышимые похвалы его высоким талантам? Его путешествие по пустыням Египетским, Сирийским и Месопотамским, и разным монастырям. Впечатление, вынесенное им из этого путешествия, и причины, заставившие его отказаться от дальнейшего сожительства с великими подвижниками. Монастырь, им основанный на месте родины. Причины, побудившие его избрать это, а не другое место, для иноческой жизни. Почему св. Григорий Богослов не захотел жить вместе со св. Василием, несмотря на свое обещание, данное в Афинах, подвизаться с ним в одном месте. Описание местности, где был устроен св. Василием монастырь. Устройство св. Василием и других мужских и женских монастырей. Заботливость св. Василия о духовном просвещении не только монашествующих, но и окрестных жителей. Четыре его слова «о подвижничестве». Содержание каждого слова. Посещение св. Григорием св. Василия в его монастыре, и занятие вместе с ним св. Писанием, отеческими писаниями, и составлением правил для монашествующих. Содержание пространных и кратких правил. Подвижнические уставы и некоторые извлечения из них.

Проведши около пяти лет в Афинах, св. Василий, двадцати семилетний юноша, в 356 году, с обширными познаниями во внешних науках, с твердым расположением к добру, возвратился на родину. Отца своего он не нашел уже в живых; мать Емеллия с его сестрою, св. Макриною, проводили жизнь в богоугодных занятиях в монастыре, ими основанном, на берегу реки Изиса, на земле, принадлежавшей прежде бабке Василиевой, св. Макрине. Брат его Навкратий также проводил жизнь в монашеских подвигах в пустынном уединении. Таким образом, вся обстановка семейной жизни св. Василия была такова, что представляла ему сильные побуждения немедленно, по прибытии на родину, начать ту уединенную и

подвижническую жизнь, о которой он помышлял вместе со св. Григорием, к которой стремился еще живши в Афинах. Но его высокая ученость, привлекавшая к нему внимание и уважение всех знавших его и слышавших о нем, положила на время преграду его желанию. Знатнейшие из жителей Кесарии, места его первоначального обучения, Неокесарии, места жительства его родителей и его самого, отправили к нему посольство из почетных граждан, приглашая его занять должность адвоката в Неокесарии, обещая при этом и славу и богатство, т. е. такие блага, которые льстят страстям тщеславия и корыстолюбия³⁸. И эти занятия действительно могли доставить св. Василию и богатство и славу, так как красноречие в то время ценилось выше всех талантов, и его нигде нельзя было проявить с таким блеском, как в должности адвоката и на кафедре учителя красноречия. Но все блага земные получают свою цену не от своего внутреннего достоинства, но от наших желаний: чем мы более желаем овладеть ими, тем мы выше их ценим; а кто не желает их иметь, для того они не имеют никакой цены. Святой же Василий Великий говорит о себе: «быть в совершенной неизвестности для меня более желательно, нежели для честолюбцев быть на виду»³⁹. Потому блага, предлагавшиеся жителями Кесарии и Неокесарии, не могли отклонить его от желания заключиться в уединении, дабы через внутреннее усовершенствование себя достичь нетленной славы на небе.

Впрочем св. Василий, – как говорит св. Григорий Богослов, – «чтобы удовлетворить желанию многих, потому что сам по себе не имел расположения жить для зрелища и напоказ», а может быть и для того, чтобы восстановить в себе славу отца, которую он пользовался за свое красноречие, на краткое время принял предложение, как Кесарийцев, так и Неокесарийцев, и показал несколько опытов своего красноречия, как в звании адвоката, так и в должности учителя красноречия. Всеобщий восторг удивления и одушевленные похвалы его обширной учености и блистательному красноречию повсюду сопровождали его. Смотря на св. Василия с точки зрения человека, не освободившегося еще от духа тщеславия и не возвысившегося над суетою земных удовольствий,

естественно было предположить, что и сам св. Василий не оставался совершенно равнодушным к похвалам, которыми его осыпали повсюду. Сестра его, св. Макрина, с заботливостью помышляя об охране чистоты его сердца, дала ему заметить, что он стоит на краю пропасти, и ему грозит большая опасность, если он не поспешит удалиться с поприща, которое представляло так много случаев к развитию гордости своею ученостью. Но св. Василий поспешил успокоить ее, показав словами и делом, что он слишком далек от того, чтобы придавать какое-либо значение похвалам, рассыпавшимся перед ним повсюду. И вообще, как мало придавал он значения внешней учености, это он высказал в одном из своих писем. «Много лет, – пишет он, – провел я в суете и погубил почти всю юность мою в трудах суетных, посещал училища для приобретения познаний в той мудрости, которую Бог признал буйством. Но когда, наконец, как бы востав от глубокого сна, воззрел я на чудный свет Евангелия, и увидел бесполезность мудрости князей века сего престающих, тогда пролил я много слез о своей жалкой жизни и пожелал найти руководителя, который бы ввел меня в познание догматов благочестия. Первою заботою моею было исправить сколько-нибудь мой нрав, поврежденный долголетним обращением с нечестивыми. Поэтому, когда разгнул Евангелие, я увидел в нем, что лучший путь к совершенству – продать имение и раздать нищей братии, отрешиться от всех забот житейских и не увлекаться пристрастием ни к чему земному, тогда пожелал я найти человека из братии, который бы сам избрал такой образ жизни, дабы с ним вместе переплыть пучину кратковременного сего жития»⁴⁰.

После внушений св. Макрины, св. Василий, сколько по влечению собственного своего сердца к уединению, столько же и для успокоения благочестивых матери и сестры, заключился в уединение. И чем более вникал в самого себя, чем более внимал божественным внушениям Господа Иисуса Христа при чтении Евангелия, тем более находил в себе недостатков и несообразностей с высокими требованиями Евангельского учения; сознание в себе недостатков есть главное основание

совершенствования человека. Пока человек, омрачаемый духом гордости, находится в самообольщении касательно своих достоинств, до тех пор он не может двинуться вперед относительно своего нравственного совершенствования. Но говоря о недостатках, которые находил в себе св. Василий, не должно допускать той мысли, чтобы он имел в себе какие-либо дурные наклонности, свойственные его возрасту. Проследив его жизнь с детства до лет, близких к мужескому возрасту, мы видели уже, что все его внешние действия и внутренние расположения души были таковы, что он мог быть образцом нравственной жизни и для седовласых старцев. Как гениальный художник всегда остается не доволен своими произведениями, сравнивая их не с произведениями обыкновенных, хотя и лучших художников, но с тем идеалом совершенства, который носится перед внутренним оком его пылкой фантазии; так и св. Василий находил в себе множество недостатков, пробуждавших в нем чувство сокрушения, сравнивая свои поступки не с действиями своих сверстников или лучших из граждан, но с высшими требованиями евангельского учения, стремящегося возвести человека, еще при жизни его на земле, на степень ангельской чистоты. Совершенство во всем – вот цель всей его жизни! Он учился везде, где только можно было научиться чему-либо хорошему и полезному, и учился всему, что только находил достойным внимания просвещенного человека. Но внешние науки не дали ему того, к чему стремилась его чистая душа, и он оставил их, справедливо сожалея о времени, употребленном на изучение их, как о времени, потерянном бесплодно для души. Ему хотелось иметь ясное, сколько возможно для ограниченного ума человека, понятие о верховном Существе, он желал знать путь к сближению с этим верховным Существом: но обо всем этом определенные понятия могло дать только одно Евангелие, а ни какая из внешних наук. Поэтому он оставил все науки, и занялся исключительно изучением одного Евангелия.

Но чтобы ясно видеть предмет, для этого не достаточно иметь здоровое зрение, нужен еще солнечный свет; чтобы поднять какую-либо тяжесть, не достаточно иметь одно усердие

к тому, нужно еще иметь и силы для этого. Для понимания же высших предметов откровенного учения нужен божественный свет, для выполнения всех требований Евангельского учения не достаточно одних естественных сил, нужна божественная помощь. Свет же божественный, озаряющий наш ум и делающий его способным к пониманию вышеестественных предметов, и божественная помощь, дающая нам силы к исполнению и таких требований Евангельского учения, которые кажутся превышающими естественные силы человека, подаются нам через Таинства. Поэтому св. Василий Великий поспешил омыться водами Крещения, укрепить свои духовные силы через таинства Миропомазания и вступить в теснейшее общение с Господом Иисусом Христом через таинство Причащения. Все эти таинства он принял от руки Кесарийского Архиепископа Диания⁴¹.

Тройственная Божественная благодать, полученная св. Василием через Таинства, так сильно воздействовала на его, уже подготовленную к высшему служению, душу, что он с первого же начала вступления в св. Христову Церковь, решился исполнить заповедь Христову, ведущую к высшему совершенству: если хочешь быть совершенным; поди, продай имение твое, и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною (Мф. 19, 21). Но иноческая жизнь, полная всевозможных лишений и разного рода искушений со стороны плоти и диавола, не могла не представляться ему трудною по его неопытности в этом роде жизни: и потому он желал найти человека, который бы решился с ним вместе пройти этот трудный путь жизни и быть, если не наставником и руководителем, то, по крайней мере, разумным и благожелательным собеседником. Естественно, при таком желании первая мысль св. Василия обратилась к св. Григорию Богослову, как выразившему уже желание вместе с ним посвятить себя на служение Богу в звании инок, с полным отрешением от всего земного. Руководствуясь этою мыслью, св. Василий написал своему афинскому другу, приглашая его приехать к нему для осуществления выраженного в Афинах желания. Но получил в ответ от св. Григория письмо, из

которого ясно было видно, что предположения афинские о совокупной жизни и любомудрии навсегда останутся без исполнения. Св. Григорий писал: «признаюсь, изменил я обещанию жить и любомудрствовать вместе с тобою, как дал слово еще в Афинах во время тамошней дружбы и тамошнего слияния сердец. Но изменяю не добровольно, а потому, что один закон превозмог над другим; закон, повелевающий прислуживать родителям над законом товарищества и дружбы. Впрочем, я в этом не изменю совершенно, если ты будешь согласен на то же самое. Иногда я буду у тебя, а иногда ты сам благоволи посетить меня, чтобы все было у нас общее, и права дружбы остались равночестными. Так можно мне будет и родителей не оскорбить, и быть вместе с тобою»⁴².

После такого ответа со стороны своего друга, св. Василий решился образовать свой монастырь. Но чтобы собрать в свой монастырь все лучшее, что было выработано долголетними опытами святых подвижников, он решился посетить великих подвижников, живших в Александрии и других местах Египта, также в Палестине, Келесирии и Месопотамии. И увидевши их, – говорит св. Василий, – «дивился воздержанию их в пище, дивился терпению в трудах, изумлялся неослабности в молитвах... живя как бы в чужой плоти, самым делом показывали, что значит быть здесь пришельцами (Евр. 11, 13), и что значит иметь житие на небесах (Флп. 3, 20). Подивясь сему и ублажив жизнь сих мужей, которые на деле показывают, что носят в теле своем мертвость Иисусову, пожелал и сам я, сколько было мне возможно, сделаться подражателем оных мужей»⁴³. И святые мужи, которых случилось видеть св. Василию, были действительно таковы, что составляли предмет удивления и подражания не только для современников, но и для последующих веков. Тогда было самое цветущее состояние иночества в Египте. Хотя Антоний Великий и отошел уже ко Господу, но пустыни Египетские наполнены были тысячами учеников его и подражателей. Между ними были тогда Поплий Великий, два Макария – Египетский и Александрийский, Пафнутий, Пиор, Исидор пресвитер Скитский и другие. Все они, соединяя с удивительным подвижничеством высокую мудрость

в советах, обладали вместе и разными особыми дарованиями духовными, которые свидетельствовали о присутствии в их душах Духа Божия. В Келесирии были свои подвижники, которые были замечательны еще тем, что, кроме брани внутренней, вели другую непрерывную брань с остатками прежнего язычества. В Месопотамии, особенно в горах Низибийских, сотни иночествующих представляли зрелище, странное для мира, который, не имея сил подняться до понимания их высокой, отрешенной от всех благ земных, жизни, называл их не иначе, как пасущимися⁴⁴. К этому названию подала повод самая жизнь подвижников; так как они, чтобы поддержать в себе мысль, что они только странники на земле, а отечество их на небесах, не имели постоянного пребывания на одном каком-либо месте, но постоянно переменили места своего пребывания в пустыни, питаясь одним быльем.

Путешествие св. Василия по пустыням и монастырям продолжалось около года. Но усладившись достойными подражания подвигами св. мужей, воспользовавшись их мудрыми наставлениями, он не решился остаться ни в одном из посещаемых им монастырей или пустынь; как ни усладительна была для его души жизнь св. мужей, но он не мог смотреть спокойно на раздоры и несогласия, возмущавшие тогда церковь по причине усиления ариан; и потому спешил возвратиться в свою отечественную страну, которая одна тогда между восточными областями сохранила мир вместе со строгим православием.

Возвратившись на родину, св. Василий, вероятно, руководясь тем же чувством любви к родным, каким руководился и св. Григорий в своих действиях и в определении образа своей жизни, решился остаться в Понте, и для устройства своего монастыря избрал уединенное место на берегу реки Ириса, на противоположной стороне которой жили его мать Еммелия и сестра Макрина. Избранное им место было богато и лесом, и водою, произращало всякого рода плоды при небольшом усилии со стороны человека, и главное – было совершенно спокойно и никакой путник не нарушал безмолвия этого места. Это-то удобство так приятно было для Василия, что

он предполагал здесь окончить и дни свои⁴⁵. Здесь, отрешившись от всех забот житейских, не увлекаясь пристрастием ни к чему земному, он проводил жизнь, подражая подвигам тех великих мужей, которых видел в Египте и Сирии. У него ничего не было, кроме одной нижней и другой верхней одежды; трапезу его составляли хлеб с солью, жажду его утоляла одна вода; сон его был весьма непродолжителен и на голой земле⁴⁶. Посвятив себя уединению для достижения высшего нравственного совершенства, св. Василий в то же время со всем усердием занимался усовершенствованием своего богословского образования. Изучением св. Писания, при пособии древних толкователей⁴⁷, и изучением писаний отеческих он занимался еще с несравненно большим усердием, нежели внешними науками. Совершенство во всем – это была цель его жизни, для достижения которой он употребил все усердие, не щадя своих сил и здоровья.

Обогатившись при содействии благодати Божественной, глубоким пониманием слова Божия и разными духовными дарованиями, св. Василий, по любви к Господу Иисусу Христу и ревности о распространении Его славы на земле, и по любви к ближнему и заботливости о спасении его души, не мог не чувствовать потребности употребить свои таланты во славу Божию и спасение ближних. И первое внимание его обращено было на живших невдалеке от него пустынников, которые продолжали свое служение Богу в уединении, не имея общения между собою. Но св. Василий, желая их собрать в свой монастырь, объяснил им, как невыгоды для них самих в отшельнической жизни, так и весьма большую пользу, какую может принести общежитие, как им самим, так и другим, имеющим общение с ними.

Прежде всего объяснил им, что жизнь отшельническая, хотя и имела своих знаменитых представителей, но, как исключение, не может быть общим правилом для всех вступающих на путь служения Богу, так как такая жизнь должна идти вопреки общему строю жизни человеческой и самому определению Божию, выраженному в самом устройстве организма человеческого. Как разные члены в теле человека не могут жить

один без другого и для поддержания общей жизни в теле нужно, чтобы они исполняли каждый свое дело, помогали друг другу; так и в одинокой жизни человек, с одной стороны лишается возможности приобрести то, чего не имеет, с другой стороны – сделать добро другому тем благом, которым, по милости Божией, сам обладает. «Поэтому-то,— говорит св. Василий, – Создатель Бог определил, чтобы мы имели нужду друг в друге, и через то вступали друг с другом в единение (Сир. 13, 20)».

«Но и без этого, – продолжает он, – понятие о любви Христовой не позволяет каждому иметь в виду собственное свое; ибо сказано: любы не ищет своих си (1Кор. 13, 5)».

«А жизнь, со всеми разобщенная, имеет одну цель – служение собственным каждому потребам. Это же явным образом противно закону любви, какой исполнял Апостол: не иский своя пользы, но многих, да спасутся (1Кор. 10, 33)».

«А потом, в удалении от всех нелегко каждому узнавать свой недостаток, не имея человека, который бы обличал его и исправлял с кротостью и срдоболием. Ибо от врага обличение нередко в благосознательном возбуждает желание уврачевания. Человека же, живущего в одиночестве, найти трудно, если кто прежде, не сблизился с ним в жизни; поэтому с ним сбывается сказанное: горе единому, яко аще падет, некому воздвигнуть его (Еккл. 4, 10)».

«Раздельная жизнь не имеет многих добродетелей, ведущих к спасению, ибо при раздельной жизни, не зная состояния другого, не может «ни радоваться с прославленным, ни страдать со страждущим».

«Сверх сего, поскольку один не в состоянии вместить всех духовных дарований, но каждому, по мере веры, бывает подаяние Духа, то в общежитии собственное дарование каждого делается общим для живущих вместе: овому бо дается слава премудрости; иному же слава разума; другому вера; иному пророчество; иному дарования исцелений, и т. д. (1Кор. 12, 8–10). Каждое же из сих дарований приемлющий имеет не в большей мере для себя, чем для других; почему в общежитии действию Святого Духа в одном необходимо переходить на всех вместе. Поэтому живущий особо, если и имеет какое-либо

дарование, по причине недеятельности заключает его в себе, и оно делает бесполезным; а сколько сие опасно, знает все вы, читавшие Евангелие. В сожительстве же многих, и своим дарованием каждый наслаждается, приумножая оно через подаяние другим, и пользуется дарованиями других, как своими».

«Совокупная жизнь имеет и иные многие блага, которые нелегко все перечислить. Ибо она более одинокой жизни способствует к соблюдению дарованных нам от Бога благ, и к охранению от внешних козней врага. Надежнее людьми бодрственным пробуждением, если бы одному и случилось вздремать тем смертельным сном, об избавлении от которого научил нас молиться Давид, говоря: просвети очи мои, да некогда усну в смерть (Пс. 12, 4). И согрешающему удобнее расстаться с грехом, когда приводит его в стыд согласное осуждение многих... А жизнь одинокую, кроме показанных опасностей, сопровождают и другие. Первая и важнейшая из них – опасность самоугодия. Ибо, не имея человека, который бы мог оценить дело его, возмнит, что достиг до совершенства заповеди. А сверх того, заключив навсегда душевные силы и не давая им упражнения, не знает своих недостатков, не познает и успеха в делах, потому что отняты все случаи к достижению требуемого в заповедях. В чем покажет смиренномудрие, не имея человека, перед которым бы мог доказать, что смиреннее его? в чем покажет сердолобие, будучи отделен от общения с многими? Как будет упражнять себя в долготерпении, когда нет противящегося его мнениям? Если кто скажет, что в усовершении нравов довольствуется он изучением Божественных Писаний, то поступит он подобно тому, кто учится строить, и никогда не строит, обучился искусству ковать, но не хочет приложить уроков к делу. Ему Апостол скажет: не слышатели бо закона праведни пред Богом, но творцы закона, сии оправдятся (Рим. 2, 13). Вот и Господь, по преизбытку человеколюбия, не удовольствовался только словесным научением, но, чтобы во всей точности и ясности показать нам пример смиренномудрия в совершенстве любви, Сам, препоясавшись, умыл ноги учеников. Кого же омоешь, кому

услужишь, перед кем будешь последним живя один особо? А это доброе и красное житие братии вкупе, которое Дух Святой уподобляет миру, благоухающему на главе архиерея, как будет иметь место, когда живут поодиночке (Пс. 132, 2)? Поэтому, совокупное житие, братие, есть поприще подвижничества, благонадежный путь к преспеянию, постоянное упражнение и поучение в заповедях Господних. И оно целью имеет славу Божию, по заповеди Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех (Мф. 5, 16), так сохраняет в себе черты упоминаемых в книге Деяний Святых, о которых написано: вси же веровавши бяху вкупе, и имяху вся обща (Деян. 2, 44)»⁴⁸.

Столь разумное, столь доказательное и убедительное слово св. Василия сосредоточило во вновь устроенном монастыре всех отшельников, живших в недалеких местах Понтийской и Каппадокийской области. Управление монастырем и руководство собравшейся братии принял на себя сам св. Василий. И эта обитель и собранная в ней братия были предметом самых нежных попечений со стороны св. Василия Великого даже и тогда, когда он был уже в сане Архиепископа. Слава о высоком подвижничестве св. Василия, равно как и о его мудрости в советах, скоро распространилась по всему Понту и Каппадокии, вследствие чего к нему стали стекаться люди для беседы духовной, а некоторые, быв одушевлены его проникающею до глубины сердца речью, оставались навсегда в его обители с совершенным отрешением от всех выгод и удовольствий, предлагаемых миром. Сначала эти посещения с благочестивою целью утомляли св. Василия и заставляли его скорбеть о нарушенном уединении его пустынной жизни. Но потом, воодушевленный благочестивым настроением душ приходивших и их искреннею жаждою назидания, он уже сам почерпал утешение в сознании того, что через его слово, при содействии благодати Божественной, распространялось и укреплялось царство Христово в душах верующих. Этим невольным отрешением от глубокого уединения Промысел Божественный незаметно подготавливал св. Василия к

дальнейшему общественному служению св. Церкви. Плодотворное действие его слова на души приходивших к нему настолько распалило в его сердце ревность о спасении душ, искупленных кровию Господа Иисуса Христа, что он нередко надолго оставлял свое любимое уединение, обходя города и селения со словом назидания и вразумления. Всем говорил соответственно нуждам каждого. Одних старался пробудить от греховного усыпления, убеждая их обратить внимание на свою душу и прекратить пагубное угождение ненасытной плоти; других наставлял в истинах православной веры, или убеждал отступить от лжеверия, всеянного в их души еретиками. Иных возбуждал к молитве, к попечению о бедных; более же созревших располагал к монашеской жизни. Вследствие такой плодотворной беседы св. Василия в разных местах Понтийской области основались многие монастыри, как мужские, так и женские, которые также пользовались всегда его руководством и попечением⁴⁹.

Когда у св. Василия было братии еще не так много, то он руководствовал их своим примером и частными наставлениями. Но когда братия начала умножаться, то говорил им и общие поучения, в которых обнимал со всех сторон монастырскую жизнь, и выяснял нравственное значение всех возможных случайностей. Из поучений сего рода дошло до нас четыре, и все под названием – слово о подвижничестве. Предоставляя прочитать эти слова с должным вниманием монашествующим, мы обратим в них наше внимание только на те места и мысли, которые могут быть общеназидательными и поучительными для всех христиан, как мирских, так и монашествующих.

Слово 1. «Вознамерившийся повиноваться Христу и поспешающий к нищелюбивой и неразвлеченной жизни истинно достоин удивления и убажения», – говорит св. Василий. Но желающему вступить на трудный путь иноческой жизни советует прежде испытать себя и предварительно приучить себя к терпению скорбей телесных и духовных, дабы, не имея силы противостоять встретившимся испытаниям, опять со стыдом и посмеянием не возвратиться к тому, от чего бежал, к осуждению души, возвращаясь в мир и делаясь для многих соблазном,

подавая повод всем заключать о невозможности жить о Христе». «Таковой будет осужден не только, как изменник Христу, как оставивший свои ряды воин, но и как виновный в гибели развращенных им через соблазн его поступком».

Но таковые беглецы, для успокоения своей совести, говорят, что они могут и живя в мире благоугождать Богу добрыми делами. Святой же Василий мнимое благоугождение Богу добрыми поступками для такого беглеца находит невозможными «Кто в жизни, – говорит он, – безгрешной по ее неразвлеченности, не имел сил выдержать борьбы с врагом, тот в жизни многогрешной и им самим управляемой – без всякого руководства со стороны мудрого и опытного наставника – возможен ли преуспеть в какой-либо добродетели?».

«Человеколюбивый Бог, пекущийся о спасении нашем, предвидя неместимость жизни подвижнической для всех, дал жизни человеческой двоякое направление, т. е. супружество и девство, чтобы тот, кто не в состоянии вынести подвигов девства, вступал в сожитие с женою, зная, что потребует от него отчет в целомудрии, святости и уподоблении тем, которые в супруестве и при воспитании детей жили свято», каковых примеров можно много найти и в ветхозаветной и новозаветной Церкви.

Но некоторые, увлекаясь греховными или ведущими ко греху обычаями мирскими, и желая дать себе возможно больший простор к удовлетворению страстей и порочных привычек, в утешение себе, или правильнее, к обольщению себя пагубными мечтами, говорят: мы не монахи, нам нельзя не следовать обычаям мира, и нам Бог простит. Но не так рассуждал об этом св. Василий Великий.

«Соглашаешься ли в том, – спрашивает он, – что Евангелие дано и оженившимся? Вот тебе приведено в ясность, что, в послушании Евангелию потребует отчет у всех людей, – монахи ли они, или живут в супруестве. Для вступившего в брак достаточно и того, что ему извиняется невоздержание, пожелание жены и сожитие с нею; прочие же заповеди, как всем равно указанные, не безопасны для нарушителей. Иисус Христос, благовествуя заповеди Отца, обращал речь к живущим

в мире (а не к монашествующим, которых еще и не было тогда). А если и случилось, что вопрошенный наедине отвечал ученикам своим, то свидетельствовал, говоря: а яже вам глаголю, всем глаголю (Мк. 13, 37). Поэтому и ты, избравший общежитие с женою, не опускай рук, как будто вправе ты отдаться миру. Тебе к получению спасения потребно больше трудов и осторожности: потому что избрал себе жилище среди сетей и под державою отступнических сил, имеешь побуждения к грехам, и все твои чувства день и ночь напряжены к вожделению их. Поэтому знай, что не избежишь борьбы с отступником и не одержишь над ним победы без многих трудов на страже Евангельских догматов. Ибо, как можешь отказаться от ратоборства с врагом, ведя жизнь в самом ратоборном поприще? А это поприще – вся поднебесная земля, по которой кружит и которую обходит враг, как бешеный пес, ища, кого поглотить, как узнаем из истории Иова (Иов 2, 2). И поэтому, если отрекаешься от брани с противоборником, то ступай в другой мир, в котором его нет; там дозволено будет тебе отречение от борьбы с ним и безопасное небрежение о догматах евангельских. А если это невозможно, спеши обучиться ратоборству с ним, в Писании изучая ратоборное искусство, чтобы тебя, побежденного им по незнанию, не предали вечному огню. И это как бы мимоходом сказано тем, которые в супружеской жизни без опасения нерадят о сохранении Христовых заповедей».

Обращаясь опять к монашествующим, советует при самом вступлении в иноческую жизнь, разорвать всякую связь с родными по плоти, друзьями и близкими людьми, чтобы беспрепятственнее и теснее соединиться со Христом. Впрочем, этим требованием воспрещается только пристрастная любовь к кому бы то ни было, препятствующая свободному служению Христу, а не любовь о Господе, которую мы обязаны иметь ко всем ближним. Советует также предварительно распорядиться своим внешним благосостоянием, употребив его на дела благоугодные, так чтобы при себе ничего не оставлять; так как надежда на богатство, каково бы оно ни было и в чем бы ни

состояло, препятствует утверждению в душе всецелого упования на Промысел Божественный.

«Когда же, – далее говорит св. Василий, – при Божием содействии победишь врага своего в этой первой войне... с великою заботливостью и внимательностью постарайся найти мужа, который бы непогрешительно предшествовал тебе в образе жизни, хорошо умел руководить шествующих к Богу, украшен был добродетелями в собственных делах своих и имел свидетельство любви своей к Богу, был сведущ в Божественных Писаниях, не рассеян, не сребролюбив, не озабочен многим, безмолвен, боголюбив, нищелюбив, не гневлив, непамятозлобен, силен в назидании сближающихся с ним, не тщеславен, не высокомерен, не льстив, неизменчив, ничего не предпочитал Богу. И если найдешь такого, предай ему себя, ни во что вменив, и отринув прочь всякую свою волю.

Некоторые, придавая слишком большое значение своему уму и привыкнув к своеволию, смотря на монашеский обет беспрекословного послушания, говорят, что этот обет не может быть одобрен, потому что он, как им кажется, уничтожает свободу воли в человеке – один из величайших даров Божиих. Но справедливо ли, что этот обет уничтожает свободу в человеке? Нечто подобное этому можно видеть и в обыкновенной жизни человеческой. Одержимый какою-либо тяжкою телесною болезнью, не находя сам в себе сил к исцелению своей болезни, вручает себя свободно какому-либо врачу, известному уже своею опытностью и знанием, и беспрекословно, без всякого размышления, исполняет его советы и предписания и однако же никто не думает, чтобы через это свободное подчинение врачу, совершенно уничтожилась свобода действия в больном. Не тоже ли самое бывает, когда нравственно больной, видя постоянное расслабление в себе всех сил духовных и не находя сам в себе никакой возможности к ослаблению окрепших уже дурных своих привычек и греховных склонностей, свободно покоряет свой ум и волю внушениям и руководству другого человека, известного уже своим благочестием и мудростью наставлений, подтверждаемых многими нравственно-исцеленными через него

и получившими расположение и силы к лучшей и полезнейшей деятельности? Где же тут уничтожение свободы, когда нравственно больной покорил себя другому по свободному убеждению в превосходстве духовной мудрости своего руководителя? Никакой врач не позволит своему пациенту действовать несогласно со своими указаниями и наставлениями; в противном случае больной сам на себя берет ответственность за неуспех лечения или большее расстройство здоровья. Так духовный врач никак не может позволить вольности в действиях ума и воли нравственно больному, если хочет он быть совершенно исцеленным; в противном случае неуспех врачевания духовного остается на ответственности больного.

Убеждая посвящающего себя жизни монашеской к отречению от своей воли, как единственно верному пути к спасению, св. Василий говорит далее: «если по благодати Божией найдешь (а поискав, непременно найдешь) учителя добрых дел, наблюдай за собою, чтобы не делать тебе ничего вопреки воли учителя. Ибо все, что делается без него, есть некое хищение и святотатство, ведущее к смерти, а не к пользе, хотя бы дело твое казалось тебе добрым». Советует также не позволять себе таких действий вопреки принятым обычаям в обители иночествующих и, по отношению к братии вести себя смиренно, как прилично последнему из рабов. «Положи в сердце своем, что ты бесчестнее и грешнее всех людей, что ты странник и пришелец, и из жалости принят отрекшимися от мира прежде тебя, спеши быть последним из всех и всем рабом. Имей уши отверстые к слушанию, и руки, готовые исполнять слышанное, уста имей молчаливые и сердце осмотрительное. Будь ленив к празднословию, а благоразумен и сведущ в спасительном слышании Божественных Писаний. Да будет тебе горьким вкушением слышание мирских рассказов, и сотами меда беседа мужей преподобных». Советуя подражать делам утвердившихся в добре, запрещает осуждать падающих. «Не будь судьей,— говорит св. Василий, — чужих падений. У них есть Судья праведный, иже воздаст комуждо по делом его (Рим. 2, 6). Ты сам себя удерживай от падения и, сколько есть сил,

облегчай свое бремя. Отягощающий бремя свое и понесет его. В покаянии спасение, а неразумное осуждение других – смерть покаяния». Особенно советует не оставлять без крайней нужды своей келлии, дабы суетными разговорами с мирскими людьми не расслабить своей ревности в подвиге и бдительности над своими помыслами и сердечными расположениями, и через общение в их усладительной для вкуса трапезе не ослабить своего подвига в посте и не положить начала сластолюбию, этой матери многих страстей. Сколько возможно, – говорит св. Василий, – сколько от тебя зависит, уклоняйся от всякого выхода в общество,... хотя возвратишься в келлию (избежав гнусных пороков), но уже не таким, каким вышел, но расслабленным и болезненным, не расположенным ни к какому доброму делу, и только по истечении длинного времени способным сделаешься к свойственному тебе навыку. Поэтому, если случится тебе по какому-нибудь обстоятельству выйти из келлии, то, облекшись в броню страха Божия, вооружившись любовью Христовою и воздержанием во всем, оградив вторжение сластолюбия, тотчас, по исправлении нужды, иди назад, ни мало не замедляя и убеждая свои внутренние помыслы, что на всяком другом месте не доступно для тебя спасительное упокоение».

Зная, как много входит в душу греховного через слух, и как сильно опустошается душа через многоглаголение, в предостережение подвижникам говорит: «не подставляй ушей всякому разглагольствующему, и не отвечай всякому говоруну в беседах, не соответственных цели подвижничества. Будь слушателем добрых поучений, и в размышлении о них храни свое сердце. Береги свой слух от мирских рассказов, чтобы не замарать души брызгами грязи. Не старайся вслушиваться, что говорят другие, и не вкладывай головы своей в средину беседующих, чтобы и самому тебе не быть осмеянным, и их не сделать злоречивыми. Не будь любопытен, и не все желай знать, чтобы не удержать тебе в сердце своем гноя страстей. С пользою смотри, с пользою слушай, с пользою говори, с пользою отвечай».

2 Слово. В этом слове в кратких, но определенные выражениях, разъясняется: каков должен быть монах в келлии и вне оной, беседа касается большею частью внутреннего состояния души его.

3 Слово. В этом слове св. Василий показывает сначала, что человек сотворен по образу Божию и по подобию, а грех, увлекши душу в страстные пожелания, изменил красоту образа. Но Бог есть истинная жизнь, потому, кто утратил в себе подобие Божие, тот утратил и общение с жизнью; а кто вне Бога, тому невозможно быть в блаженной жизни. И так как мы утратили блаженное общение с Богом порабощением страстям, поэтому и возвращение к блаженной жизни в Боге возможно только при достижении совершенного бесстрастия. «Если бесстрастием снова восстанавливаем в себе образ Божий, – говорит он, – а уподобление Богу дарует нам непрекращающуюся жизнь, то, вознерадев о всем другом, употребим попечение свое на то, чтобы душа наша никогда не была обладаема никакою страстью; а напротив того, чтобы мысль наша, при нападении искушений, оставалась непоколебимою и чтобы через то соделались мы причастниками Божия блаженства».

Объясняя далее, что девство более всего способствует к такому бесстрастию, показывает однако же, что девственная жизнь не в том состоит только, чтобы воздерживаться от деторождения, но весь образ жизни, и самая жизнь и нравы должны быть девственны. «Можно, – говорит он, – и словом соблюсти, и оком прелюбодействовать, и слухом оскверняться, и в сердце принять нечистоту, и неумеренностью в пище и питии преступить законы целомудрия. Поэтому, если желаем, чтобы облик души нашей по Божию подобию украсился бесстрастием, а через сие приобрели мы и вечную жизнь: то будем внимать себе, чтобы, поступая в чем-нибудь недостойно обета, не подпасть одному суду с Ананием», который, не обещая Богу своего имени, мог удержать его при себе не согрешая, но обещав и не исполнив своего обета, подвергся праведному гневу Божию.

Продолжая речь о девстве, – св. Василий говорит, – что он под именем чистоты девства понимает не воздержание только

от плотской страсти, но и от всякого страстного расположения к какому бы то ни было виду греха. «Говорю же это, – продолжает он, – имея в виду не один род страсти (как думают некоторые, поставляя заслугу девства в одном охранении тела), но страстные расположения всякого рода, чтобы намеревающийся соблюдать себя для Бога не осквернил себя никаким мирским пристрастием. Гнева, зависти, памятозлобия, лжи, гордости, парения мыслей, разговоров не во время, лености в молитве, пожелания иметь, чего еще нет, нерадения о заповедях, нарядных одежд, украшения лиц, собрания и бесед противных приличию и ненужных, – всего этого столько должен остерегаться посвятивший себя Богу обетом девства, что ему равно почти опасно, как пребывать в грехе, от которого он отрекся, так и предаваться чему-либо одному из сказанного».

Внушая далее совершенную покорность воле настоятеля, когда приказывает что-либо склоняющее к благообразию и строгости жизни, советует убедиться братству, что не случайно, но по Божью повелению дана настоятелю такая власть, чтобы преспеяние по Богу совершалось беспрепятственно, когда один предлагает все душе полезное и пригодное, а прочие с благопокорностью принимают благие советы.

Говоря о воздержании в пище, советует «и не нежить плоть и не поступать с нею жестоко, но соблюдать умеренность в том и другом, чтобы плоть, утучнев, не мятежничала, и изнуренная до болезненного состояния не лишилась сил к исполнению заповедей. Ибо равный вред душе в обоих случаях, – и когда плоть непокорна от избытка здоровья предаваясь неистовым порывам, и когда от мучительных болезней изнурена, расслаблена и неподвижна; потому что душа при таком состоянии тела не имеет времени возводить взоры горе, но по всей необходимости бывает занята ощущением боли, и ослабевает подавляемая злостраданием тела».

Любовь к ближнему должна быть основана на любви к Господу, так чтобы мы любили ближнего не по вниманию к каким-либо его личным достоинствам, приятным для нас, а потому, что он – творение Божие, освященное через Таинства божественною благодатью и предназначенное к вечному

блаженству на небе. И потому св. Василий воспрещает пристрастную любовь к какому-либо брату монаху, а внушает всем, чтобы все смотрели друг на друга с равномерным расположением, и чтобы всем обществом владела одна мера любви.

4-е Слово. В этом слове, показав сначала цель подвижничества, – спасение души, советует преуспевать в отречении от имущества, «потому что забота и попечение о вещественном производит великое развлечение в душе».

Вследствие сего и имущество монастырское должно распределяться соответственно нуждам каждого брата, а не его желанию. Но так как нравы у людей различны, и не все одинаково рассуждают о полезном: то, чтобы не произошло вследствие сего какого-либо расстройств, св. Василий советует избрать для всех одного наставника, который должен сделаться общим руководителем действий и помышлений каждого.

«А истинное и совершенное послушание подчиненных наставнику выражается в том, чтобы не только по совету настоятеля удерживаться от несообразного, но чтобы без его воли не делать даже и самого похвального... Если кто, следуя собственным стремлениям, делает себе удобное и не повинуется совету настоятеля, то прегрешение его будет важнее заслуги; потому что противляйся власти, Божию повелению противляется, и награда за послушание важнее награды за преспеяние в воздержании».

И в этом слове, советуя иметь одинаковую любовь ко всем членам братства, как имеем одинаковую любовь ко всем членам своего тела, внушает однако же иметь преимущественное почтение к тем, которые в большей мере приносят пользы всем и каждому, так как и в собственном теле мы не одинаковое имеем попечение, как о глазе, так и о пальце на ноге, хотя боль того и другого одинаково чувствительна для нас.

Внушив иметь любовь к братии, предостерегает особенно от чувства ненависти. «Как имеющий, – говорит он, – любовь имеет в себе Бога, так имеющий ненависть имеет в себе диавола».

Как ни много доставляло св. Василию утешения собравшееся во вновь устроенном им монастыре довольно многочисленное братство, покорное его благим внушениям, связанное между собою любовью и ревнующее о преуспейании в подвигах благочестия; но для полноты блаженства, которым он наслаждался в своем вновь устроенном монастыре, ему недоставало сообщества его друга, св. Григория, и потому он приглашал его к себе. Св. Григорий Богослов, влекомый сколько его дружественными приглашениями, столько же и своею любовью к нему, много раз обещал придти к нему, но всегда был удерживаем обстоятельствами, и обещания таким образом всегда оставались неисполненными. – Но крепкая любовь, подобно пламени, не угасающему от дуновения ветра, а еще более развивающемуся, не ослабевает от препятствий, и возбуждается только сильнее к достижению своей цели. Так и св. Василий, несмотря на многократные и тщетные приглашения к себе св. Григория, не оставлял однако же намерения привлечь его к себе. И на этот раз хотел подействовать на его воображение описанием живописной местности, среди которой расположен был его монастырь. Но св. Григорий, привыкши в тиши глубокого уединения созерцать своим умом высшую красоту – Творца природы, не увлекся красотами тех гор и долин с текущею рекою, о которых ему писал Василий. И потому написал св. Василию в ответ, что положение места не много значит и не может в душе его произвести сколько-нибудь влечения к тому, чтобы жить с ним в кругу собравших им в монастырь подвижников, пока не узнает о самом образе их жизни, и о том, в каких занятиях проводят время⁵⁰.

«Подлинно, – писал ему в ответ св. Василий, – это рассуждение достойно твоей души, которая все здешнее ставит ни во что в сравнении с блаженством, которое уготовано нам по обетованиям»⁵¹. Далее, в том же письме показывает, что единственную цель всей жизни собранного братства служит забота о том, чтобы неуклонно идти по следам Вождя нашего спасения, и раскрывает вместе с тем свое внутреннее состояние и их подвиги, которыми они стараются благоугождать Господу.

После сего письма св. Григорий уже решился расстаться на время со своими родителями и посетить своего друга Василия. Григорий, живя в пустыне у Василия, вместе с ним занимался древними церковными писателями, руководствуясь ими при чтении священного Писания и вместе с ним извлек из писаний великого по трудам своим учителя, но не всегда чистого и твердого в учении, Оригена, изъяснение на некоторые места священного Писания, которое известно под именем Филокалии или Добротолубия⁵². Впрочем, пользуясь сочинениями Оригена при изъяснении св. Писания⁵³, св. Василий избегал его излишней склонности к иносказательному объяснению. Вместе же со св. Василием св. Григорий занимался составлением пространных правил для иноков⁵⁴, которые потом были восполнены св. Василием еще краткими правилами. Но как пространные правила (числом 55), так и краткие (числом 313) изложены в форме ответов на предлагаемые вопросы. Рассмотрим прежде пространные правила и обратим в них преимущественное внимание на те правила и мысли, которые могут быть общеназидательными и обязательными для всех христиан, как мирских, так и монашествующих. Показав в первом правиле, что первою и основанием для всех прочих заповедей должна служить заповедь о любви к Богу, во втором правиле раскрывает, что этой любви нельзя научить, даже и не должно учить, потому что она вложена в нашу природу самим Богом. «Пороку, – говорит он, – можно дать следующее определение: это лукавое, противное Господней заповеди, употребление того, что дано нам Богом для доброй цели; равно как определение добродетели, требуемой Богом, будет следующее: это употребление Божиих даров с доброю совестью, по заповеди Господней». Тоже самое нужно сказать и о любви. Любовь есть естественное стремление души к тому, кто служит для нас источником жизни, света и блаженства. «Получив заповедь любить Бога, приобрели мы также и силу любить вложенную в нас при самом первоначальном нашем устройстве»... «Любовь к Богу не есть что-либо, учением приобретаемое. Не у другого учились мы восхищаться светом, быть привязанными к жизни, не другой кто учил нас любить

родителей или воспитателей». «В рожденных есть природная любовь к родившим, и это доказывает привязанность бессловесных, и в людях с первого возраста открывающееся расположение к матерям».... «О псе и других подобных животных нужно ли говорить, какую привязанность они оказывают к тем, которые кормят их»! Поэтому недостатком любви к Сотворшему нас и отчуждением от Него, да не покажем себя неразумнее младенцев и свирепее зверей. Если бы мы и не знали, каков Он по благодати, то потому одному, что от Него получили бытие, должны мы безмерно любить Его со всею нежностью и непрестанно прилепляться к памятованию о Нем, как дети прилепляются к матерям»...

Продолжая доказывать естественность любви к Господу, св. Василий говорит: «от природы в нас есть вождение прекрасного, хотя по большей части одному то, а другому другое кажется прекрасным. Что же досточуднее Божией красоты? Какое представление приятнее Божия великолепия? Какое желание душевное так живо и сильно, как желание, порождаемое Богом в душе, которая очищена от всякого порока и с истинным расположением говорит: уязвлена есть любовью азъ (Песн. 2, 5)? Подлинно неизреченны и неописанны молниеносные блистания Божией красоты; ни слово не может выразить, ни слух вместить.... Если красота сия, незримая телесными очами, а постигаемая только душою и мыслью, озаряла кого-либо из святых: то, возмущенные здешнею жизнью, говорили они: увы мне, яко пришествие мое продолжися (Пс. 119, 5)! когда прииду и явлюся лицу Божию (Пс. 14, 3), и: разрешится и со Христом быти, много паче лучше (Флп. 1, 23). Тяготясь сею жизнью, как узилищем, столько были неудержимы в стремлении те, у кого коснулось души Божественное желание. По причине ненасытного желания созерцать Божественную доброту, они молились о том, чтобы зрение красоты Божией простиралось на всю вечную жизнь (Пс. 21, 4)».

Доказав естественность нашей любви к Господу из естественной потребности нашей природы любить родителей и все прекрасное, далее доказывает тот же предмет

потребностью нашей природы быть признательным к благодетелям. «Если по природе, – говорит св. Василий, – имеем любовь и расположение к благодетелям, и решаемся на всякий труд, чтобы воздать за оказанное нам благодеяние, то какое слово может изобразить Божии дары? Они таковы по множеству, что превышают всякое число, так велики и важны, что достаточно и одного, чтобы обязать нас ко всякой благодарности Подателю». Указывает за сим на неисчислимы дары Божии, поданные нам благодатью Божию:

в устройстве вещественной природы, где все направлено к тому, чтобы наше земное существование сделать благоденственным,

в сообщении нашей душе таких сил естественных и благодатных, которыми мы можем уподобляться самому Богу и делаться причастниками Его блаженства,

в Его любвеобильной заботливости о нашем спасении после нашего отпадения от Него.

Указав на все эти дары благодати Божией, завершённые и запечатлённые крестными страданиями Господа Иисуса Христа, говорит: «когда все это привожу себе на мысль, прихожу в какой-то ужас и страшное исступление от боязни, чтобы по невнимательности ума или по причине занятия суетным, отпав от любви Божией, не сделаться мне некогда укоризною Христу. Ибо тот, кто ныне обольщает нас, и мирскими приманками всемерно старается произвести в нас забвение о Благодетеле к гибели душ наших, ругается и посмеивается над нами, тогда пренебрежение наше обратим в укоризну Господу, и будет хвалиться нашею непокорностью и нашим отступничеством; потому что он не сотворил нас и не умер за нас, однако же имел нас своими последователями в непокорности и нерадении о заповедях Божиих».

В третьем правиле, говоря о любви к ближним, развивает прежде выраженную мысль, что нет заповеди, к исполнению которой Господь не даровал бы сил. «Закон, – говорит он, – есть возделыватель и воспитатель сил, какие заключены в нас в виде семени». – Каждая сила в нашей душе, оставаясь без упражнения, слабеет понемногу, и может быть доведена через

недеятельность до совершенной неспособности проявить себя в соответствующем ей действии. Пример эгоистов, которые на всех и на все смотрят, как на средства к достижению своих личных целей, показывает, что в них естественная любовь к ближнему через недеятельность доведена почти до омертвления. Но чем более человек упражняет в себе эту силу, вложенную в нас Богом, деятельным участием в благосостоянии ближнего, тем более в нем она крепнет. И через постоянную деятельность эта сила может быть доведена до такой степени, что человек станет собственное свое счастье измерять степенью счастья своего ближнего, как нежно любящая мать не может считать себя счастливою, если видит своего сына или дочь изнывающими от сильных страданий. Господь потому и требует от нас плодов этой любви, что семена ее предварительно уже вложил в наше сердце. Господь говорит: заповедь новую даю вам, да любит друг друга (Ин. 13, 34). И желая возбудить нашу душу к исполнению сей заповеди, в доказательство, что Его ученики, потребовал не знамений и чудес необычайных, но что говорит? о семь разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин. 13, 35). И благотворение ближнему вменяет Ему самому. Ибо говорит: взалкался и дасте Ми ясти; потом присовокупляет: понеже сотвористе единому сих братьев моих меньших, Мне сотвористе (Мф. 25, 35; Мф. 25, 40).

Некоторые, любя из ближних только тех, которые им нравятся, и своими внутренними качествами доставляют им утешение, следовательно, любя в них только себя самих, говорят: я люблю Господа, но не могу любить ближнего, который мне делает зло и своим внутренним или внешним безобразием отталкивает от себя. – Но ты, говорящий так, лжешь; ты не любишь Господа. Аще кто речет, – говорит св. апостол Иоанн, – яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец (1Ин. 4, 20). Говоришь, что любишь Бога, – докажи это на деле. Не любим словом, ниже языком, – говорит тот же апостол, – но делом и истиною (1Ин. 3, 20). И сам Господь признаком истинной любви к Нему поставляет соблюдение Его заповедей: любяй Мя, – говорит Господь, – заповеди моя соблюдет (Ин. 14, 23). Заповедь же Его говорит тебе: возлюбиши ближнего яко сам

себе и: любите враги ваш, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть. Если истинно любишь Господа: все это соблюдешь; если же не соблюдаешь: то не любишь Господа. «Следовательно,— говорит св. Василий, — через исполнение первой заповеди можно преуспевать и во второй, а через исполнение второй опять возвратишься к первой; и кто любит Господа, тот любит и ближнего.... И опять, кто любит ближнего, тот продолжает свою любовь к Богу; потому что Бог милость Его к ближним приемлет за милость к Себе».

В пятом правиле св. Василий говорит о способе, при содействии которого только достижимо может быть возможно точное и совершенное исполнение заповедей о любви к Богу и ближним. «Надобно знать, — говорит он, — что не можем преуспевать ни в соблюдении всякой другой заповеди, ни в самой любви к Богу и любви к ближнему, блуждая мыслями туда и сюда». Как невозможно достижение совершенства ни в каком-либо другом деле или искусстве, если занимающийся ими, забыв предположенную им в деле цель, переходит от одного дела к другому, оставив без внимания главный предмет своих занятий. «Поэтому и упражнение в благоугождении Богу по Евангелию Христову бывает успешно при удалении от мирских попечений и при совершенном удалении себя от развлечений... Намеревающийся истинно последовать Богу должен отрешиться от уз житейского пристрастия, а сие достигается совершенным удалением от прежних нравов и обычаев и забвением оных... Без этого невозможно нам достигнуть цели — благоугождения Богу... А сделав это, надобно всяцем хранением блюсти свое сердце (Притч. 4, 23), чтобы никак не терять мысли о Боге, и памятования о чудесах Его не осквернять представлениями суетного, но святую мысль о Боге, постоянным и чистым памятованием напечатленную в душах наших, всюду носить с собою, как неизгладимую печать. Ибо таким образом приобретается нами любовь к Богу, которая и возбуждает к исполнению заповедей Господних, и вместе, опять ими сама соблюдается, делаясь продолжительною и непоколебимою». Непрестанное памятование о Боге,

поддерживая в нас любовь к Нему, вместе служит лучшим пособием к точному исполнению заповеди Божией, согласно воле Давшего оную, и к ограждению себя от греха. Потому «надобно всякое дело совершать, как бы оно делалось перед очами Господа, и всякую мысль слагать, как бы Господь назирал ее. Ибо в таком случае будет и всегдашний страх, который по написанному, не терпит неправды, досаждения же и гордыни и пути лукавых (Притч. 8, 13), и любовь усовершится, исполняя сказанное Господом: не ищу воли моя, но воли пославшего Мя Отца (Ин. 5, 3); потому что душа сохранит всегдашнюю уверенность, что как добрые дела приятны Судии и Подвигоположнику нашей жизни, так дела противные вскоре подвергнутся осуждению».

Некоторые, привыкнув проводить большую часть жизни своей без мысли о Боге и о нравственном достоинстве своих действий, в извинение своей рассеянности, говорят, как возможно непрестанно мыслить о Боге, когда, по самому закону мышления, мы в одно и то же время не можем мыслить о двух предметах?! – Св. Василий Великий находит это возможным. «Как ковач, – говорит он, – при обделке, например, топора, помня того, кто дал ему работу, и имея его в уме, представляет тот вид и ту величину, какие назначены, соображает работу с волею заказавшего (а если забудет, то сделает или что-либо другое или иначе, нежели как сказано): так и христианин, всякое действие, маловажное и важное, соображая с волею Божиею, и поступок свой распорядит со всею исправностью, и вместе сохранит мысль о Том, кто повелел так поступать, таким образом выполнить сказанное: предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да неподвижуся (Пс. 15, 8), удовлетворим также и этой заповеди: аще яству, аще ли пиет, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите (1Кор. 10, 31)».

Сказав в пятом правиле о необходимости собранности в мыслях для утверждения себя в любви к Богу и ближним, в шестом правиле показывает, что к достижению этой собранности весьма много содействует уединение. «Вредно, – говорит он, – вести жизнь в обществе с людьми, которые

небоязненно и презрительно смотрят на обязанность в точности исполнять заповеди.... Поэтому, чтобы ни очами, ни ушами не принимать нам ничего раздражающего на грех, и нечувствительно не привыкнуть к нему, чтобы в душе, ко вреду и пагубе ее, не оставались как бы образов каких и отпечатков видимого и слышимого, и чтобы нам придти в возможность пребывать в молитве, для этого прежде всего уединимся по месту жительства. Таким образом можем преодолеть прежний обычай, по которому, жили мы вопреки заповедям Христовым, и также в состоянии будем стереть с себя греховные пятна любомудренною молитвою и постоянным изучением Божией воли. А в молитве и в сем изучении невозможно успеть среди многих людей, развлекающих душу и занимающих ее делами житейскими... Сверх других многих неудобств, душа, смотря на множество живущих беззаконно, во-первых, проводит время не в том, чтобы очувствоваться в собственных своих грехах и сокрушаться покаянием о прегрешениях, напротив же того, через сравнение себя с худшими, приобретает какое-то мечтательное понятие о своих заслугах; а потом мятежами и недосугами, какие обыкновенно производит мирская жизнь, будучи отвлекаема от драгоценного памятования о Боге, не только лишается возможности радоваться и веселиться о Боге, чтобы прийти в состояние сказать: помянух Бога и возвеселихся (Пс. 76, 4), но и совсем привыкает к пренебрежению и забвению судов Божиих. А больше и пагубнее сего зла и потерпеть невозможно».

В 16-м правиле, доказывая необходимость воздержания для намеревающегося жить благочестиво, говорит: «умерщвление и порабощение плоти ничем не производится так успешно, как воздержанием, потому что кипучесть юности и неукротимость в стремлениях, как бы некоторою уздою, удерживаются воздержанием». Впрочем, – далее говорит он, – воздержание не должно ограничиваться одним удержанием себя от излишнего употребления яств, услаждающих вкус или утучняющих плоть; но должно простираться на все страсти, порождаемые сластолюбием, или служащие орудием к ее удовлетворению; как – то: гордость, превозношение, гнев,

раздражительность, зависть, недоброжелательство, властолюбие, честолюбие, тщеславие, излишняя стяжательность и проч. «Строгий закон воздержания назначает меру языку, пределы очам, непытливое слышание ушам. Кто не остается в сих границах, тот невоздержен и своеволен».

В 17-м правиле св. Василий показывает, что воздержание должно простираться на самый смех. «Ибо предаваться неудержимому и неумеренному смеху – знак невоздержности, необузданных движений, и несокращаемого строгим разумом надмения в душе. Душевную радость изъяснить даже светелою улыбкою не противно прилично, по сказанному: сердцу веселящемуся, лице цветет (Притч. 15, 13). Но смеяться громко, всем телом приходить в невольное сотрясение, свойственно человеку необузданному, неискусному, неумеющему владеть собою. И Екклесиаст предотвращая такой род смеха, которым более всего сокращается душевная твердость, говорит: смеху рекох: погрешение (Еккл. 2, 2), яко глас терния под котлом, тако смех безумных (Еккл. 7, 6). И Господь, хотя понес на Себе необходимые немощи плоти, и все, что служит свидетельством добродетели, например, утомление и жалость к скорбящим, однако же, сколько видно из евангельской истории, не смеялся, а напротив того возвещал горе предающимся смеху (Лк. 6, 25)».

В 22-м правиле отвечая на вопрос, какая одежда прилична христианину? – говорит: «слово наше показало уже, что необходимы смиренномудрие, простота, во всем старание о малоценности и небольших издержках, чтобы телесные потребности менее представляли нам поводов к развлечению. К тем же целям надобно стремиться и в рассуждении одежды... Как люди славолюбивые уловляют себе славу и облакающе их одеждою, домогаясь того, чтобы смотрели на них и величали их за дорогое платье: так, очевидно, тому, кто по смирению поставил жизнь свою на последней ступени, и в этом надобно занять последнее между всеми место». Указывая далее на первоначальную цель устройства одежды первых людей – прикрытие срамоты и защиту от разрушительных для здоровья перемен погоды, советует и теперь при устройстве одежды руководствоваться только этою целью. Щегольства же в

одежде, введенного «изысканностью искусств, посвятивших себя суете», советует отвращаться, так как щегольство в одежде, не только не закрывает срамоты тела, но напротив, вскрывает наружу самую срамоту души, обличая в человеке или дух тщеславия, или растление души чувственностью.

В 50-м правиле, разрешая вопрос: согласно ли с целью благочестия пользоваться врачебными пособиями? – обращает прежде всего внимание на то, что первые люди, находясь в состоянии невинности, не имели нужды ни в каких искусствах для прикрытия своей наготы и для пропитания своего, и имея тело безболезненное, не имели также нужды и во врачебном пособии. Но допущенный в душу грех породил нужду, как в труде для приобретения пищи и одежды, так в усилении к снисканию средств для облегчения случающихся болезней. Бог, по действию своего правосудия, отделив падшего человека от древа жизни, осудил его в поте лица снискивать себе хлеб, и по прошествии определенного времени странствования по земле, возвратиться в землю, от нее же взят был. Но движимый своим милосердием к падшему, но кающемуся человеку, «в облегчение горестных последствий проклятия, Он даровал ему смеяленость и способность облегчать свои нужды наукою земледелия и другими искусствами; и поскольку сопряжены мы с болезненною плотью, которая за грех осуждена на истление, и через это подверглась разным немощам, то дана нам и помощь врачебного искусства, хотя в некоторой мере оказываемая страждущим болезнями. Ибо не сами собой прозябли травы, состоящие в свойстве с каждою из немощей, но, очевидно, по воле Создавшего произведены с целью служить к нашей пользе». Поэтому, в случае нужды надобно пользоваться врачебным искусством, но так, чтобы «не в нем одном поставлять причину здоровья, но принимать предлагаемые им пособия во славу Божию и в образец попечения о душе»... «Скотское было бы несмыслие надеяться себе здоровья единственно от рук врача, чему, как видим, подвергаются иные жалкие люди, которые не стыдятся именовать врачей своими спасителями»... Напротив того, как Езекия перевясло смоквий (4Цар. 20, 7) не почел первою причиною своего здоровья, и не

сему приписал исцеление своего тела, но к прославлению Бога присовокупил благодарение за создание смокв. Так и мы, приемля удары (через болезни) от Бога, который с благостью и премудростью устрояет жизнь нашу,... дарованную нам благодать исцеления примем с благодарностью и не будем поставлять в том разности, невидимым ли образом оказалось на нас Божие попечение, или через что-либо телесное, хотя последнее нередко сильнее приводит нас в сознание милости Господней».

Но как в начале первую причину болезней и смерти был грех, так и теперь причиной болезней всегда бывает грех. Господь по своему милосердию болезнями или предохраняет нас от греха, в который мы могли бы впасть, пользуясь крепким здоровьем, или врачует нас от совершенного уже греха, призывая нас через скорбь к покаянию. Итак как для полного исцеления от болезни необходимо устранить самую причину болезни, «поэтому при начале самой болезни, св. Василий говорит: будем просить у Бога сперва познания тех причин, по которым поражает Он нас, а потом избавления от скорбей»... «Часто болезни суть наказания за грехи, посылаемые на нас, чтобы побудить к обращению. Сказано: егоже бо любит Господь, наказует. (Притч. 3, 12); и сего ради в вас мнози немощны и недужливы, и усыпают довольни (немало умирает). Аще бо быхом себе рассуждали, не быхом осуждени были: судими же, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся (1Кор. 11, 30–32). Таковым надобно в безмолвии, оставив врачебные попечения, терпеть насланную на них болезнь, пока не познают своих прегрешений по примеру сказавшего: гнев Господень стерплю, яко согреших Ему (Мих. 7, 9). Им должно показать свое поправление, принеся плоды, достойные покаяния, и помнить Господа, сказавшего: се здоров еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет (Ин. 5, 14)».

«Бывает же иногда и по настоянию лукавого, что человеколюбивый Владыка иного великого подвижника отдает ему для борения, и низлагает его высокоуверенность высоким терпением рабов своих, что, как знаешь, было с Иовом. Или же в пример нетерпеливым Бог изводит людей, которые в

состоянии переносить скорби даже до смерти; таков был Лазарь, который был покрыт многими струпьями, и о котором не написано, чтобы просил чего-либо у богатого, или был недоволен своим положением; за что и сподобился упокоения в лоне Авраамовом, как воспринявший злая в животе своем (Лк. 16, 25). Находим же, что у святых бывает и другая причина недугов, как у Апостола: чтобы не подумали, что он преступает пределы человеческого естества и чтобы не заключил кто-нибудь, что он в естественном устройстве имеет нечто особенное (как и поступили жители Ликаонии, принеся венцы и приведя волов, Деян. 14, 13), – в ознаменование человеческого естества имел он у себя продолжительный недуг. Какая же была бы польза таким людям от врачебного искусства?».

Тем же, которые расстроили свое здоровье худым образом жизни, советует пользоваться телесным врачеванием, имея при этом главную заботу о душе, и из способов лечения тела извлекая руководство для врачевания души. «Те, – говорит он, – которые худым образом жизни сами приобрели болезнь, должны, по сказанному прежде, пользоваться телесным врачеванием, как некоторым образцом и примером для попечения о душе. Ибо и для нас полезно по врачебному закону воздержание от вредного, избрание служащего к пользе и соблюдение предписаний. И самый переход плоти из болезненного состояния в здоровое да служит для нас утешением, чтобы не отчаиваться нам и в рассуждении души, как будто-бы она из греховного состояния не может через покаяние возвратиться опять в свойственное ей совершенство».

Но во всяком случае больной должен возлагать свое упование на Бога, а не на человека, и, призывая врача, должен прежде призвать на помощь Бога, прося Его во-первых вразумить врача, чтобы, он понял болезнь и назначил приличное болезни лекарство, а во-вторых дать целительную силу его лекарствам; так чтобы и болезнь, допущенная не без воли Божией, и исцеление, совершившиеся не без помощи Божией, теснее связывали нас с Богом чувством любви и благодарности к Нему.

«Как не должно, – говорит св. Василий, – вовсе бегать врачебного искусства, так несообразно полагать в нем всю свою надежду. Но как пользуемся искусством земледелия, а плодов просим у Господа, или вверяем кормило кормчему, а молим Бога, чтобы спас нас от потопления: так, вводя к себе врача, когда позволяет сие разум, не отступимся от упования на Бога».

Врачебное искусство св. Василий находит полезным и в нравственном отношении, так как оно приучает к воздержанию в пище, которое одобряется и христианским нравоучением, как пособие к достижению высших христианских добродетелей. «Мне кажется, – говорит он, – врачебное искусство немало способствует и воздержанию. Ибо вижу, что оно отсекает сластолюбие, не одобряет пресыщения, отвергает, как нечто бесполезное, разнообразие в снедах и излишнюю изобретательность в приправах, и вообще недостаточность именует матерью здравия. Почему и в этом отношении совет его для нас не бесполезен».

Св. Василий Великий не оставляет без вразумления и тех, которые, при болезненном состоянии, по каким-либо обстоятельствам лишены возможности пользоваться врачебным пособием. Так как при исцелении от болезней всегда действует Бог, иногда при посредстве врачебных пособий, а иногда и непосредственно своею всемошною благодатью: поэтому не должно унывать в болезненном состоянии при отсутствии врачебных пособий, но, возлагая все упование на Бога, с верою и постоянством должно просить Его о помощи. Господь всегда действующий по своему милосердию, и в самых болезнях имеющий всегда в виду или очищение наше от грехов или возвышение нашей добродетели, приникая благоволительным вниманием к нашей живой вере и неослабной молитве: или не оставит нас искушиться паче, еже можем понести (1Кор. 10, 13), и с усилением болезни укрепит наши духовные силы к безропотному и терпеливому перенесению временной скорби, или исцелит, как некогда прокаженного, словом хошу, очистится (Мф. 8, 3). Чудодейственная сила Божия во все времена с одинаковой силой может проявляться, и проявляется, когда вера и действительная нужда представляют ей удобный случай

к проявлению себя. И в настоящее время много можно встретить опытов, когда врачебная наука, признав свое бессилие, произносит смертный приговор над больным, а благодатная сила, по совершении над больным таинства Елеосвящения или Причащения, могущественно проявляет себя восстановлением сил и здоровья болящего.

Правила, кратко изложенные в вопросах и ответах.

Во вступлении к кратко изложенным правилам св. Василий говорит: «Нам, которым вверено служение слова, необходимо во всякое время быть усердными к исправлению душ и об ином засвидетельствовать всенародно перед всею Церковью, а о другом, касается ли это правой веры или истинного жития по Евангелию Господа нашего Иисуса Христа, так как тем и другим надежно усовершенствуется Божий человек, позволить каждому из приходящих по произволению наедине спрашивать нас».

Вследствие такого правила, обязательного для всех, которым вверено служение слова и попечение о душах, к св. Василию приходили и монашествующие и мирские люди со своими недоумениями относительно предметов веры и нравственности, и на все те недоумения св. Василий давал ответы, руководясь или ясными указаниями слова Божия или мнениями прежде бывших святых Отцев и учителей Церкви. Таково было начало кратко изложенных правил.

Так как в настоящее время предметы веры ясно и определенно изложены богомудрыми Отцами Вселенских Соборов и всякий, кто желает без увлечения духом словопрения научиться праву и спасительно веровать, может легко узнать из одного православного Катехизиса или Догматического Богословия все, как и во что следует веровать христианину, поэтому мы обратим в кратких правилах внимание только на те вопросы, которые будут относиться к правилам христианской нравственности по приложению к частным обстоятельствам жизни общественной и семейной.

Некоторые, увлекшись уже далеко на распутьях греха, и не желая подчиниться всем требованиям заповедей Господних, стараются успокоить свою мятущуюся совесть разными своевольными рассуждениями и ложными толкованиями слова

Божия. Но таким лжемыслителям на пагубу своей души св. Василий в 1-м правиле говорит: «кто же дойдет до такого безумия, чтобы осмелиться даже и на мысль что-нибудь взять самому собою, когда для того, чтобы и умом, и словом и делом направить себя на путь истины, имеет он нужду в путеводстве Святого и благого Духа, а сам слеп и живет во тьме без солнца правды, – самого Господа нашего Иисуса Христа, который своими заповедями просвещает, как лучами; ибо сказано: заповедь Господня светла, просвещающая очи (18, 9)? поскольку же из обыкновенных у нас дел и слов одни определены Божиею заповедью в святом Писании, а о других умолчано: то в рассуждении сказанного в Писании никому вообще нет ни малого позволения делать что-либо запрещенное, и оставлять без исполнения что-либо заповеданное; потому что Господь однажды навсегда повелел и сказал: Всяко слово, еже Аз заповедаю тебе днесь, сие снабди творити: да не приложиши к сему, ни отымеши от него (Втор. 12, 32)». В тех же случаях, которые не определены ясною заповедью Божиею, советует руководствоваться не своиммышлением, но советом более опытных в духовном рассуждении людей.

Многие, привыкнув к небрежности в словах и действиях, стараются успокоить себя ложною оценкою своих нравственных действий, считая одни грехи важными, а другие – неважными и как бы неспособными нанести вред душе. Но св. Василий в 4-м правиле говорит: «поелику Господь подтвердил, что йота едина не прейдет от закона, дондеже вся будут (Мф. 5, 18), и решительно сказал: яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово в день судный (Мф. 12, 36): то ничего не должно презирать, как маловажного. Притом, какой грех осмелится кто-нибудь назвать маловажным, когда Апостол утвердительно сказал, что преступлением закона Бога бесчестуеши (Рим. 2, 23). Жало смерти – грех, говорит тот же Апостол, и не тот или другой, но без разграничения всякий грех». Потому оставлять без внимания какой бы то ни было вид греха значит тоже, что оставлять без внимания уязвленного ядовитою змеею, потому только, что яд пущен в тело

уязвленного не в большом количестве, и может умертвить человека не мгновенно, а через некоторый промежуток времени.

Бывают люди, которые совершают грех с услаждением, и увеличением, но для очищения его считают достаточным одно холодное повествование о нем перед духовником, без всякой даже решимости оставить его в последующее время. Но способна ли такая исповедь очистить душу от греха? – Нет. «Для очищения души от греха, кающийся, – говорит св. Василий в 5-м правиле, – должен прийти в такое же расположение духа, в каком был сказавший: неправду возненавидех и омерзих (Пс. 118, 163)... Наконец должен, подобно Закхею, совершить в большей мере такое доброе дело, которое противоположно греху».

В 16-м правиле св. Василий объясняет причины того, от чего душа иногда сокрушается о грехе и не употребляя о сем старания, и скорбь приходит в нее почти как бы сама собою, а иногда до того бесчувственна бывает, что и принуждаемая сознанием греха и губительных последствий его, не может придти в сокрушение? Сокрушение, – говорит он, – которое само собою приходит, «есть дар Божий, подаваемый или для возбуждения вожделения, чтобы душа, вкусив сладость подобной скорби, старалась полюбить сию скорбь, или в доказательство того, что душа, при тщательном попечении, может быть во всегдашнем сокрушении, и что ни мало не извинительны отвергшие его по нерадению. А если кто и принуждаемый не может прийти в сокрушение, это служит обличением его небрежения в предшествовавшее тому время (потому что без многого и непрерывного упражнения невозможно приступить к чему-нибудь вдруг), а вместе показывает, что душа обладает другими страстями, которые не позволяют ей свободно действовать в том, чего она хочет, по началу, изложенному Апостолом, сказавшим: аз же плотян есмь, продан под грех. Не еже бо хочу, сие творю, но еже ненавижду, то соделоваю (Рим. 7, 14–15). И еще: ныне же не к тому аз сие соделаю, но живой во мне грех (Рим. 7, 17); потому что Бог, нам же во благо, попускает и сему быть, если душа тем, что терпит невольно, доводится до сознания, кто ею обладает, и, познав о самой

себе, в чем она невольно служит греху, освобождается от дьявольских сетей, обретая Божие милосердие готовым к принятию истинно кающихся».

Случается даже и с людьми, по-видимому, благоговейными, что, во время их молитвы, домашней или церковной, ум их рассеивается и душа наполняется такими помыслами, которых бы и не желала иметь. Так как рассеянность и помыслы, развлекающие молитву, приходят как бы вопреки их воли, поэтому они, хотя и скорбят о таком состоянии души, но не считают однако же, себя виновными в этом. Святой же Василий, глубже вникая в причины разных состояний духа, в 21-м правиле указывает причины рассеянности в молитве в самом молящемся. «Рассеянность, – говорит он, – происходит от праздности ума, не занимающегося необходимым (т. е. самым предметом молитвы). А ум остается в праздности и беспечности от неверия в присутствии Бога, испытующего сердца и утробы. Ибо, если кто поверит сему, то без сомнения сделает сказанное: предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся (Пс. 15, 8). А кто достиг сего и подобного сему, тот никогда не осмелится и не будет иметь досуга помыслить что-либо, не клонящееся к созиданию веры, хотя бы казалось это и хорошим, а не только что-нибудь запрещенное и неугодное Богу».

Бывают люди, которые, по грубости своего характера и своей невежественности, и по непониманию нравственного достоинства своих поступков, наносят другому неприятность своими грубыми и оскорбительными словами. Когда же разъясняют такому настоящее значение его слов, то он говорит в свое оправдание: у меня нет ничего худого на сердце. Но св. Василий в 28-м правиле обличает лживость таких слов. «Не все душевные недуги, – говорит он, – также как и телесные, явны не только всякому, но даже и самому страждущему. Посему, как в рассуждении тела знающие врачи замечают некоторые признаки сокровенных недугов, незаметных для самих страждущих, так и в рассуждении души, хотя грешник не чувствует собственного недуга, должно верить Господу, который ему, и всем подобным ему, утвердительно сказал, что злой человек от злого

сокровища сердца своего износит злое (Лк. 6, 45); потому что, хотя злой человек нередко притворно говорит или делает нечто доброе, но доброму невозможно притворяться и показывать себя худым», сознавая свою обязанность говорить и делать все к пользе и утешению ближнего. Если же кто-либо говорит или делает что-либо оскорбительное или неприятное для ближнего, то это служит признаком того, что он, или не имеет в своем сердце любви к ближнему, или слишком невежествен в своих понятиях об истинно добром и прекрасном.

Иные, не научившись сдерживать свои чувства, волнуемые каждым словом или поступком, оскорбительным для их самолюбия, без сдержанности увлекаются чувством гнева. Сознав же потом неприличие и греховность своего поступка, для успокоения своей совести, говорят: невозможно человеку не гневаться. Но св. Василий в 127-м правиле обличает такую неправду. «Если бы воину, – говорит он, – возможно было выражать гнев на кого-либо перед очами царя, то и в таком случае сказанное не имело бы основания. А если и взор человека по природе с нами равночестного, по преимуществу только его сана удерживает от страсти, то не тем ли паче удержится тот, кто несомненно уверен, что Бога имеет зрителем собственных своих движений; потому что Бог, испытующий сердца и утробы, гораздо больше видит душевные движения, нежели человек – изменения в лице»? Другие же, сами того не понимая, еще более себя обвиняют мнимым себя оправданием. Они говорят: я уже сказал слово – (разумеется оскорбительное), за то у меня в сердце не остается никакого чувства гнева на человека. Если принять такое оправдание в чувстве раздражительности, то в таком случае нужно будет оправдать всякую страсть, так как всякая страсть после удовлетворения ей, на время утихает. Но ты, выражающий свой гнев оскорбительным словом, не хочешь понять того, что ты таким поступком одновременно совершаешь два греха – грех против себя, удовлетворением страсти утверждая в себе дурной навык, и грех против ближнего, нанося ему оскорбление. К сему еще присоединяется и третий грех. Наказывая грех твоего собрата

греховным со своей стороны поступком, ты восхищаешь у Бога право суда, принадлежащее Ему одному.

Много находится таких людей, которые, закоренев во зле и не выражая ни малейшего желания к нравственному усовершенствованию себя, не имея однако же возможности совершенно заглушить голос обличающей их совести, стараются свалить вину своей испорченности, или на родителей, которые в юности не удерживали их от дурных наклонностей, или на обстоятельства, лишившие их возможности ознакомиться ранее со своими христианскими обязанностями. Иногда дерзость таких людей доходит до того, что они скорее соглашаются обвинить Бога, нежели себя; говорят, что не только они сами, но и многие народы остаются чуждыми истинного служения Богу, потому что не было еще сообщено им понятие об этом служении: како уверуют, аще не услышат (Рим. 10, 14). Но таким лжемыслителям на пагубу своих душ следовало бы припомнить пример наших праотцев – Адама и Евы, чтобы понять, к каким губительным последствиям может привести их самооправдание. Если кто гибнет нравственно, то всегда гибнет по своей воле и вине. Если человек и доходит иногда до такого губительного состояния и извращения нравственного вкуса, что свет называет тьмою и тьму светом, то доходит вследствие долговременного и свободного подчинения себя влечению своих страстей. Но с начала, если бы и не были сообщены человеку точные понятия об истинном служении Богу на основании откровенного учения, он имеет у себя естественный закон, который дает ему возможность отличить добро от зла. Если он, следуя внушению этого закона, не позволит себе делать то, что считает грехом, и понуждает себя к исполнению того, что почитает добром, то в нем естественно разовьется стремление к высшему совершенству, и Господь не замедлит прислать ему провозвестников воли своей, как и Корнилию сотнику, упоминаемому в Деяниях апостольских. «Если, – говорит св. Василий в 224-м правиле, – случится, что иные, по примеру Корнилия, не занимаются ничем худым, при желании же совершенства искренно показывают в себе добродетели, какие

им возможны, и какие дошли до их сведения, то Господь дарует им тоже, что и Корнилию, не вменяя им в вину предшествовавшего времени недеятельности, как бывшие не по их вине, но довольствуясь тем их желанием, какое явлено в последующем усердии и делах до конца тщательно совершаемых». Обратим внимание на евреев, магометан и других иноверцев, живущих среди народов христианских; что причиною их неведения и отчуждения от света евангельского учения? Отсутствие ли провозвестников этого света? Конечно, в ком есть разум понимать что-либо и чувство справедливости, не может не признать, что причиною их губительного состояния не недостаток провозвестников света евангельского учения, а их собственная неспособность и отчуждение от этого света. Их можно уподобить человеку с полусогнившими легкими, который отовсюду окружен живительным воздухом, но не пользуется им по своей неспособности втянуть его в себя. Нельзя не обратить внимания и на ту поразительную разность, какая иногда существует между добрым, хотя и необразованным крестьянином и человеком, обогащенным разнообразными научными сведениями, ознакомившемся с системами Богословских наук, но развращенным по воле и сердцу. Кто способен видеть что-либо, не может не видеть, что причиною губительного состояния последнего не недостаток ведения.

Кроме указанных выше правил, св. Василием написаны уставы подвизающимся в общежитии и отшельничестве. Эти уставы касаются более внутренней жизни подвижников, нежели внешней. Но так как многое, содержащееся в них, с пользою может быть приложено и к жизни живущих в мире с попечительностью о спасении своей души, то укажем на некоторые места для назидания читающих.

Не мало находится таких людей, которые, свободно поработив себя плотским страстям, и не находя в себе ни сил, ни желания освободиться от этого рабства, сознавая однако же несообразность своих действий с волею всесвятейшего Бога, вместо покаяния в своих грехах, стараются выставить виновником греха свое тело и самого Бога, даровавшего тело.

Таким образом, к греху беспечности об исправлении своей жизни нечестивцы присоединяют хулу на Бога.

Св. Василий и другие святые, имевшие подобострастную с нами природу тела, своим примером показали и доказали, что тело не может быть причиной греха для того, в ком постоянно бодрствует душа. Св. Василий, во 2-й главе подвижнических уставов, сколько для вразумления подвижающихся, столько же и для обличения нечестивых, объясняет, когда и при каких обстоятельствах душа остается госпожою тела, соделывая ее служебным орудием своих благих стремлений, и когда сама делается рабою греховных влечений плоти. «Когда душа, – говорит он, – приводя в движение свою мыслящую силу, какая естественно вложена в нее сотворившею ее Святою Троицею, желает должного и надлежащего, тогда избегает она нападений тела, предусматривая и обуздывая беспорядочные ее движения, блюдет в себе приличную ей тишину, и среди безмолвного досуга занимается свойственными ей созерцаниями; и сие делает, по возможности, возводя внимательный взор к достопоклоняемой Троице, и умозаклячая о неприступности Божией славы по преизбытку ея сияния, о светлости блаженства, о беспредельной премудрости и т. п... А как скоро прекратит размышление и перестанет углубляться в надлежащие созерцания, восставшие телесные страсти, как бесчинные и наглые псы, над которыми нет надсмотрщика, начинают сильно лаять на душу, и каждая страсть усиливается всячески истерзать ее, отделяя себе часть ее жизненной силы... Как солнцу, воссияв, невозможно не освещать того, на что простерло лучи, так невозможно душе не оживлять тела, в котором пребывает. А сила созерцательная приводится в движение по произволению. Поэтому, если душа соделывает свою созерцательную и разумную силу всегда бодрственной, то усыпляет телесные страсти двояким образом: тем, что бывает занята созерцанием лучшего и сродного, и тем, что, надзирая за безмятежием тела, уцеломудривает и утишает его страсти. Если же, возлюбив лень, оставит созерцательную силу в недейтельности, то телесные страсти, нашедши жизненную силу праздною, и разделив ее между собою, так как никто ими не

правит и никто их не останавливает, увлекают душу к своим стремлениям и действиям. Посему телесные страсти в нас сильны, когда ум бездействует, благопокорны же, когда ум распоряжает и управляет».

Продолжая дальше уяснять отношения души к телу, св. Василий сравнивает ее с возницею (кучером), а тело с конем. «Прекрасная вещь – конь, говорит он, и чем он по природе резвее и горячее, тем лучше; но нужно держать его в узде и править им, потому что не наделен он рассудком. Если же возница на нем, то он попытается воспользоваться природными свойствами коня. Поэтому, если возница как должно распорядится стремлениями подъяремного животного, употребит его с пользою для себя и достигнет предположенной цели, то и сам останется в целости и животное окажется к употреблению очень хорошим. Если же возница худо правит молодым конем, то конь, или увлечет его с надлежащего пути, или вместе с ездоком низринется со стремнины, и таким образом нерадение возницы подвергнет опасности обоих – и коня и его самого. Так рассуждай о душе и о теле. Тело получило естественные стремления, которые не вовсе не годны, но без сомнения на что-нибудь хороши и полезны, но оно не получило на свою долю рассудка, чтобы преимущество разума почтена была душа. Если душа как должно распоряжает стремлениями тела, то и тело спасено и душа пребывает вне опасностей. Если же вознерадит об управлении, и объятая сном беспечности, перестает держать тело в узде, то и само оно, как не имеющее рассудка, совращается с прямого пути и душу подвергает в равные со своими падения не по собственному повреждению, но по нерадению души. Ибо, если бы телесные страсти были таковы, что не могла бы укрощать их душа, то по справедливости было бы виновно тело. Но если они стали покорны многим, потщившимся преодолеть их, то тело не может быть обвинено теми, которые стараются очернить его, называя первым виновником порока; достойна же укоризны за нерадение душа, ослабившая власть свою над телом, но также не по своей природе имеющая в себе зло, а поставившая себя

во зле, через оскудение в ней добра, потому что порок есть не что иное, как оскудение добродетели».

В 6-й главе св. Василий советует вступившим на поприще подвижнической жизни наблюдать большую осторожность в сношениях с мирскими людьми, из которых многие, частью по неразумию и незнакомству с трудностями подвижнической жизни, а частью по развращенности своих нравов, без всякого стыда клеветают на монашествующих, стараясь самые невинные действия представить в мрачном и ужасающем виде и всегда почти случайную немощь одного приписывая всему сословию.

«Не должно, – говорит св. Василий – без осторожности доверяться всякому, и перед всяким себя обнаруживать и открывать. Ибо кто живет по Богу, у того много наветников и нередко самые близкие к нему подсматривают за его жизнью. Поэтому, не без предварительного испытания надобно иметь свидания с посторонними. Ибо, если Спаситель, как говорит Евангелие, не всякому вверялся, сказано: сам же Иисус не вдаеше Себе в веру их (Ин. 2, 24); если поступал так Он – чистый, непорочный, неукоризненный, праведный, Он, который весь – добродетель, то мы грешные, поползновенные, не всегда успешно достигающие цели, – то по естественной своей немощи, то по ухищрению врага, который лукаво и неослабно с нами борется, – мы, говорю, предаваясь людям любопытным, не навлечем ли на себя злой клеветы, и не устроим ли сами соблазнов? Ибо люди порочные часто и прекрасные дела стараются оклеветать, а маловажных погрешностей не потерпят оставить не осмеянными. Поэтому нужно с осторожностью вступать в беседы с посторонними».

Случается, – замечает св. Василий, – что тех, которых прежде со всем жаром хвалили, и которым удивлялись за их некоторую и по временам подчиненность уставам Церкви и уклонение от грубых пороков, с жестокостью обвиняют и хулят, лишь только они решатся удалиться от мира. В этой ненависти к отрекающимся от мира нельзя не видеть одной из козней врага наших душ – дьявола, который также с ненавистью смотрит на всякого, объявляющего ему войну во всех проявлениях греха. – Когда отпускают храброго воина на войну, бывает так, что

скорбя о трудностях, предстоящих ему, стараются утешить его надеждою наград и славы за победу над врагом, и, если храбро поражая врага, ему и самому случится получить раны, то не порицают его за это, а с родственным участием стараются уврачевать их, дабы соделать его скорее способным действовать или на том же самом поприще, или на другом, также могущим дать способ приносить пользу и себе и отечеству. Так поступают истинные сыны своего отечества, ревнующие о благе своей родины вообще, и о каждом члене ее в частности. – Так бы следовало поступать и сынам отечества небесного, тем, которые призываются к наследию блаженного царства на небе. Они должны радоваться, когда кто-либо выражает желание отрешиться от всех греховных обычаев мира, отринуть всякое внушение врага наших душ, и посвятить себя на особое и всецелое служение Богу. Они должны бы, видя временное и случайное поражение воина Христова от врага наших душ, поспешить к нему на помощь, отклонить от него расслабляющий силы дух уныния представлением естественности и почти неизбежности временного поражения от сильного и опытного во зле врага, как по греховности нашего естества, так и по недостатку еще опытности в предпринятой борьбе, должны бы укрепить его расслабевшие силы, как указанием на примеры других святых подвижников, которые, будучи уязвлены не один раз от врага, достигли наконец полного торжества над ним, так и утверждением упования на всесильного подвижника Христа, который победил уже мир и диавола, и тем самым облегчил победу последующих за Ним подвижников. Так бы следовало поступать, но к прискорбию опыт нередко указывает на противное. Многие из именующих себя православными христианами, прежде слишком снисходительные к своему собрату пока он вращался в среде их и не выражал совершенного отречения от их обычаев и удовольствий мирских, с ожесточением порицают и малейшее его уклонение от того совершенства, которое проявили святые подвижники прежних времен, и случайное преткновение брата о Христе относят ко всему сословию монашествующих, стараясь представить временное преткновение новоначального инока

выражением общего растрения всего сословия. Такой образ действий строгих судей невольно приводит в недоумение и заставляет спросить: сыны ли они отечества небесного? или скорее, не дезертиры ли они, перебежшие на сторону врага наших душ, и в каждом случайном преткновении инока, видя торжество диявола, обвиняют в бессилии все сословие монашествующих, и потому осуждают их на уничтожение, как не способных к продолжению духовной борьбы? – Предоставив нашим строгим судиям торжествовать мнимую победу диявола над иноками, сами посмотрим, как рассуждает об этом предмет св. Василий Великий.

«Им (т. е. строгим судьям монашествующих), – говорит он, – случается впадать и в другой порок, когда рассуждают об удалившихся от мира, вовсе не зная их жизни. Они думают, что в переменивших образ жизни не расположение одно переменено, но перестроена самая человеческая природа; не рассуждают, что подвижники подвержены тем же страстям, преодолевают же их только душевною силою и тем, что чуждаются удовольствий, но полагают, что страсти от телесного естества их совершенно стали далеки. А посему, если человек духовный, хотя несколько уклоняется от совершенства, тотчас все, даже прежде со всем жаром хвалившие его и удивлявшиеся ему, делаются жестокими обвинителями, и сами себя обличают в том, что прежде восписывали несправедливые похвалы. Как на поприще, если какой борец поскользается, противник наступает на него немедленно, наносит ему удары и доводит его до совершенного падения, так и они, как скоро увидят, что живущий в подвиге добродетели уклонился несколько от совершенства, нападают на него, как стрелами поражая его укоризнами и клеветами, а не рассудят в себе, что их самих ежедневно уязвляют страсти тысячами стрел».

И, которые случайный проступок новоначального монаха, а иногда даже не монаха, а находящегося еще на испытании послушника, переносят на все сословие монашествующих, как люди нелогичные и до очевидности недобросовестные, не заслуживают и опровержения. Но так как злоречие и клеветы этих недобросовестных людей иногда колеблют доверие к

монашествующим и в людях благонамеренных, то имея в виду этих-то благонамеренных людей, постараемся по возможности установить правильную точку зрения на монашествующих и, по возможности, опровергнуть клеветы недобросовестных людей.

Часто многим строгим судьям из мирян, по большей части весьма невнимательным к своему собственному нравственному устройению и обыкновенная жизнь монашествующих, чуждая всяких проступков, но не превышающая во многом жизнь истинно благочестивых христиан из мирян, представляется большим преступлением потому только, что они их жизнь сравнивают с жизнью величайших подвижников, и в ту пору их жизни, когда они достигли уже высшей степени духовного совершенства. Но ведь такие подвижники, как: Антоний Великий, Пахомий Великий, преподобный Сергей Радонежский чудотворец, и многие другие, – это такие светила на горизонте духовно-подвижнической жизни, которые были редкостью для своего времени, останутся руководящими светилами и для последующих веков. И нет основания думать, что блаженным состоянием на небе могут воспользоваться только те, которые достигнут той же степени святости и славы, на которой стояли указанные выше подвижники. Могут соделаться участниками в блаженстве праведных и те, которые, хотя и не могут сравняться с указанными святыми в делах подвижничества, но не менее однако же смиренны, и с духом покаяния о содеянных прегрешениях соединяют посильное устремление воли ко всякому добру. Невозможно требовать, чтобы вступившие в монастырь, хотя и с искренним желанием служить Богу, но может быть иногда после непорядочно проведенной жизни до вступления в оный, сей же час проявили совершенства великих святых, или прошли всю остальную жизнь без всяких колебаний на пути нравственного усовершенствования себя, как невозможно требовать, чтобы в учебном заведении все ученики были с одинаковыми способностями и прилежанием, или, чтобы вступившие для излечения своих болезней в больницу, при самом появлении в оной, вдруг стряхнули с себя долго тяготевшую их болезнь. Нравственно немощные были всегда во всех монастырях всех веков, как и всегда во всех учебных

заведениях были плохие ученики. Но это нисколько не мешало в тех же самых монастырях быть и высоконравственным подвижникам, как не мешало и не мешает в тех самых школах, где есть плохие ученики, быть и отлично хорошим. И как было бы слишком неразумно из-за нескольких плохих учеников требовать закрытия учебного заведения и тем самым отнимать возможность у лучших учеников развить свои способности, и достигнуть высшего образования, так было бы слишком неразумно и нечестиво из-за нескольких, временами претыкающихся о камни соблазнов монашествующих, требовать закрытия самих монастырей и тем самым полагать препятствие к высшему развитию своих духовных сил тем, которые способны к этому. Высшие учебные заведения в юбилейные свои праздники, для показания того, что они не бесполезно просуществовали столетие или полстолетия, заявляют иногда, что из этих учебных заведений вышли такие и такие, или государственные мужи, или прославившиеся особенно своею ученостью, хотя всегда обретаются весьма немного таких мужей. Если бы монастыри вздумали отпраздновать полуторатысячелетний свой юбилей, сколько бы они могли выставить величайших святых и знаменитейших ученых, принесших и еще доселе приносящих величайшую пользу Церкви и отечеству!...

Но строгие судьи монастырей и монашествующих забывают о всем этом, и подобно критику в баснях Крылова, отправляясь всегда на задний двор, видят только немощных, и кричат: почему нравственно больных и не подчиняющихся всем требованиям монастырского устава не изгоняют из монастыря, как бывает в больницах, где телесно-больных, не исполняющих предписаний врача, удаляют из больницы? – На это нужно сказать, что за своеволием человека в движениях воли и направлениях ума, пока оно не обнаружится во внешних действиях, не так-то удобно следить, как за внешними действиями физически больных. Когда же узнают по внешним действиям о расстройстве души кого-либо из живущих, в монастыре не оставляют без надлежащего вразумления; хотя, руководясь примером долготерпения прежних святых отцов, не

сей час же изгоняют из обители, но долготерпеливо ожидают покаяния и исправления. Удаляют же из обители только тогда, когда потеряют надежду на исправление, чтобы пример неисцельно-больного не сделался заразительным для других. Если же бы настоятели монастырей – за первый проступок изгоняли из обители своего собрата (что может быть было бы и согласно с убеждениями некоторых гордых и невнимательных к своим немощам судей из мирян), то этим выразили бы только со своей стороны жестокость и отсутствие христианской сострадательности к нравственно-больным, и заслуживали бы полного осуждения, которого, конечно, не могли бы избежать и телесные врачи, если-бы изгоняли из больницы больного за первую ложку микстуры, в неназначенный час принятую им, и таким образом подвергали бы его явной опасности умереть.

Святой Василий Великий обращает внимание и на то, что не одно и то же значит, упасть ли, не встречая никакого сопротивления по собственному нерадению и невнимательности, или упасть, находясь в борьбе с сильным противником. Воин, если и падает в борьбе с сильным противником, то ему делает честь и то, что он усиливался отразить врага, хотя и должен был временно уступить ему поле сражения, невольно подчиняясь превосходству силы противника. Когда придет к нему подкрепление по мановению полководца, храбрый воин снова вступит в борьбу и отразит и победит врага. Кто же без борьбы отдается в плен врагу, тот навсегда считается погибшим, и с позором должен нести иго рабства врагу. «Подвижники благочестия, – говорит св. Василий, – если и воюют против них какие-либо страсти, то нужно помнить, что они имеют сильнейшего противника. поскольку подвижники вызвались на борьбу с противником, то для лукавого весьма важно одержать над ними победу, а напротив остаться побежденным, значит получить смертельную рану, как потерпевшему совершенное поражение во всех частях добродетели. Но брань с теми, которые предали себя миру, враг презирает, частью потому, что весьма многие из них произвольно стремятся уступить над собою верх, будучи уловляемы в грех различными удовольствиями и

вожделениями, и доставляя противнику нетрудную над собою победу, частью потому, что хотя по-видимому и противятся несколько греху, но разными развлечениями легко бывают уклонены от борьбы, обращают хребет, и неослабно поражаемые, носят на себе позорные знаки одержанной над ними победы»...

Расуждая далее о неблагонамеренности мирских людей и несправедливости их в суждениях о подвижниках, св. Василий говорит: «заметь и другой порок, в который обыкновенно впадают привязанные к настоящей жизни, когда судят о подвигах. Как скоро подвижник после долгого невкушения признал необходимым подкрепить тело пищею, они хотят, чтобы он, как бестелесный и невещественный, или вовсе не принимал пищи, или принимал, но как можно меньше. И если увидят подвижника, который не вовсе нещадит тела, но хотя в чем-нибудь удовлетворяет настоящей своей потребности, всех злословят, на всех клеветают, всех называют какими-то многоядцами и прожорливыми. Слабое поведение и невоздержание в вине одного распространяют на всех, а не рассуждают того, что сами два раза, иные же из них и три раза в день едят самые грубые и жирные яства, нагружают себя необъятною грудю мяс, и наливают себя безмерным количеством вина, и с такою же жадностью кидаются за стол, как и псы после продолжительного голода спущенные с привязи».

И, о если бы могли понять клеветники и люди злоречивые, какое зло они наносят своим душам и душам тех, которые слушают их с доверием! и какую жалкую и достойную слез роль они разыгрывают! – Они явно делаются покорными слугами диавола. Враг наших душ при всем своем адском желании никогда не может увлечь всех на путь греха, всегда находятся рабы Божии, которые противостоят ему крепко, и несмотря на множество скорбей, испытываемых от него, остаются верными Господу Иисусу Христу. Пример их невольно действует на многих заблудших, благотворно показывая им, что они отвратились от пути истинного и блуждают на гибельных путях греха. Поняв гибельность своего состояния, такие

люди нередко с покаянным сердцем обращаются к Богу, и при Его благодатном содействии, снова возвращаются на спасительный путь добра. Дьявол, не могши совратить с пути истины и добра истинных рабов Божиих, желая однако же заградить хотя путь к покаянию душам расслабленным, через своих клеветников – клеветников и людей злоречивых, хочет усыпить совесть расслабевших людей представлением того, что рабство страстям есть дело неизбежное для всех, как уверяют люди злоречивые, и следовательно не есть грех; что добродетель – невозможна даже и для самых подвижников, как стараются доказать клеветники: следовательно стремление к ней есть ничто иное, как бесполезная трата сил и бездельное лишение себя возможных наслаждений, предлагаемых нам чувственностью. Клеветники и люди злоречные! поймите, кому вы служите, и поняв, сообразите, какую страшную участь вы готовите себе в загробной жизни! А вы, люди, расслабевшие в стремлении к добру, заградите свой слух, чтобы не слышать смертоносных слов человека злоречивого и клеветника, способных заградить вам путь к спасительному покаянию! Неверие в суд Божий – не уничтожит его, презрительное отношение к закону Божественному – не сделает вас безответными перед ним. Помните, что Бог поругаем не бывает. Не злоупотребляйте Его долготерпением.

Но говорят еще: какая же разница между монастырскою жизнью и мирскою, когда и в миру есть люди, порабощенные страстям, и в монастыре есть увлекающиеся ими? Думаем такая же разница, какая находится между человеком опрятно одетым, но по неосторожности падающим в грязную лужу, и свиньею, валяющеюся в оной. Монах, подобно человеку опрятно одетому, по неосторожности попав в лужу, с ужасом смотрит на свое положение, спешит встать и вычистить запачканную одежду души своей, а мирянин (разумеем здесь совершенно и беспечно предающегося влечению своих страстей), подобно свинье валяющейся в луже, находит для себя высшее наслаждение в частом погружении себя в тину греховных страстей, и выходить из этой тины только насытивши себя этим грязным наслаждением до пресыщения, и то

ненадолго. Пробудившийся снова зной страсти побуждает его снова погрузиться в ту же тину.

Некоторые, отложившие всякое попечение о спасении своей души, под видом благочестивой ревности о благе монашествующих, советуют ограничить удовлетворение нужд монашествующих насущным хлебом и одною одеждою, необходимою для прикрытия наготы и защиты от зноя и непогоды. На это непризванным попечителям находим нужным сказать, что все зло в мире происходит по большей части от того, что все стремятся учить других, и никто не думает о выполнении собственных обязанностей. Поэтому советуем вам позаботиться лучше о выполнении своих обязанностей, а попечение о монашествующих предоставьте настоятелям монастырей, которые лучше знают, кому нужно предложить млеко, а кому твердую пищу. Нищета и изобилие в средствах к жизни – сами по себе ни добро, ни зло, но могут сделаться тем или другим от настроения души человека, находящегося в тех или других обстоятельствах. Если вы, беспечные попечители о монашествующих, хотите в действительности быть полезными им, то сами вступите в монастырь и своим примером получите, как нужно жить. А в теперешнем вашем состоянии рассуждения ваши не могут быть признаны благовременными; так как святые Отцы говорят, что неприлично блуднице рассуждать о целомудрии, а человеку пресыщенному поучать других посту.

Другие, по примеру богоотступника Юлиана, простирают свою ревность о благе монашествующих далее. Богоотступник Юлиан, Римский Император, предположив ограбить христианские храмы и монастыри и отнять частную собственность у благочестивых христиан, желал однако же свое святотатственное хищничество прикрыть благовидным предлогом. Расхищая все, на что только его власть могла простираться, говорил, что он этим доставляет случай галилеянам (т. е. христианам) осуществить в своей жизни учение их Учителя о блаженной нищете. И ныне от подобных ему личностей слышатся возгласы такие же. Говорят: от монастырей нужно отнять все богатства, как не соответствующие их обетам нищеты и возвратить обществу,

которое дало их. На это находим нужным сказать, что разные пожертвования, сделанный благочестивыми людьми в монастыри и сбереженные монастырскою экономией до настоящего времени, не могут быть названы приношениями от общества, а потому и не должны быть возвращаемы обществу. Общественными приношениями могут быть названы только такие приношения, которые делаются всем вообще обществом в виде определенных податей или какого-либо временного налога. Но то, что приносится в монастыри, есть частная собственность каждого благотворительного человека, которою он имеет полное право распорядиться по своему усмотрению. И благотворительный человек, или по чувству признательности к Богу за какое-либо благодеяние, оказанное ему Богом, может быть, по молитвам какого-либо благочестивого инока, или по ревности о славе Божией, жертвует часть своего имения в монастыри для поддержки того общества благоговейных людей, которые посвящают себя на служение Богу. Кто же имеет право отнять эту частную собственность, и дать ему назначение вопреки воле благочестивого жертвователя? И кто же требует отнятия капиталов и имуществ от монастырей? Конечно, только те лица, которые ни одной копейки не жертвуют в монастыри. Те, которые жертвуют что-либо, никогда не пожелают взять назад свою жертву, принесенную во имя Бога, и никогда не захотят дать своей жертве другое какое-либо назначение. Если бы им хотелось это сделать, то никто, конечно, не мог препятствовать им это сделать прежде, нежели они принесли свою жертву. Обратите же внимание вы, претендующие на право распоряжаться имуществом монастырским, на следующее обстоятельство. В государстве существует несколько десятков тысяч развратных женщин под разными наименованиями, которые вносят в государственную жизнь только растление нравов и расслабление сил физических. На поддержку существования этих-то женщин жертвуется всеми классами народа ежегодно не одна сотня тысяч руб. серебром. Если же общество не считает себя вправе отнимать у этих женщин добытою ими распутною жизнью достояние и давать ему лучшее назначение; если общество не считает себя вправе

ограничивать свободу растленных мужчин, иждевающих свое состояние по подобию евангельского блудного сына: то кто же почтет себя вправе ограничить свободу действий благочестивых людей, жертвующих свое достояние на богоугодные дела, как то: на благоуукрашение храмов Божиих, на благоустроение монастырей и на поддержку жизни лиц, определяющих себя на всегдашнее служение Богу?

В отчете Г. Обер-Прокурора Святейшего Синода за 1870 год, сказано: «глубокое религиозное настроение православной паствы явственно сказывалось в том благочестивом усердии, с каким русские люди приносят от своих достояний обильные пожертвования на св. обители и храмы». Если же пожертвование в пользу св. обителей и храмов считается признаком глубокого религиозного настроения православной паствы, то чему же служит признаком стремление некоторых личностей отнять эти пожертвования от св. обителей и храмов? Как противоположное действие, без всякого сомнения, служит и признаком противоположного настроения душ этих личностей, именно, служит признаком их глубокого религиозно-нравственного растрения.

Но более снисходительные судьи монастырей и монашествующих говорят: конечно, благотворительные лица могут жертвовать в монастыри, сколько им угодно; мы не вправе рассуждать об их действиях. Но зачем Правительство дает пособие монастырям, которые никакой пользы не приносят обществу, тогда как эти деньги могли бы быть употреблены с большею пользою на другие благотворительные учреждения?

Приносят ли монастыри какую-либо пользу обществу, об этом порассудим потом. А теперь скажем только о самом пособии. Во-первых, если бы судьи захотели обратить внимание, то увидели бы, что пособие к содержанию монашествующих дается такое, каким не согласился бы довольствоваться и самый плохой работник. А во-вторых, просим судей обратить милостивое внимание на то, когда и как образовались штатные монастыри, и на то, из каких источников берется пособие для монастырей. Штатные монастыри образовались тогда, когда отобраны были от монастырей

пожертвованные благотворительными лицами на вечное поминовение их имущества и капиталы. Штатное содержание для немногих, впрочем, монастырей назначено в виде уплаты процентов с отобранных капиталов и имуществ, и таким образом это бедное содержание, выдаваемое Правительством, извлекается не из общих государственных доходов, а также из пожертвований благотворительных лиц, а следовательно, как частная собственность благотворительных лиц, пожертвованная с определенной целью, не может быть отчуждаема от монастырей, пока общество не откажется от всякой частной собственности в пользу государства.

Притом нужно сказать вам, неразумно рассуждающие судьи, что Правительство и сознавало и сознает, как велико и благотворно влияние монастырей на нравственность народа. И признавая народную нравственность главной основой благосостояния государства, не только не признает нужным лишить монастыри обычного пособия к их существованию, но напротив и другими способами содействует к процветанию их. Оно также не может не видеть того, что последняя цель вашей заботливости о сбережении капиталов – не благо государства, а разрушение всех основ государственной жизни через потрясение нравственности народной. Сколько бы вы ни старались клеветать на монастыри и монашествующих, но никто из благонамеренных людей не может не видеть того, что никакая жизнь не представляет столько способов к утверждению жизни религиозно-нравственной, сколько жизнь монастырская.

Некоторые, несамостоятельные впрочем, мыслители, но более подчиняющиеся влиянию неблагонамеренных толков других лиц, собственным опытом познав благотворность беседы с более духовно-просвещенными лицами из монашествующих, говорят: положим, что жизнь монастырская приносит пользу живущим в монастыре: но вы, монашествующие, имея всегда целью свое духовное развитие и усовершенствование, никакой пользы не приносите обществу.

Для нас это слово кажется непонятным: точно монашествующие выкопаны из земли, или взяты с неба, а не

вышли из среды того же общества! Эта укоризна похожа на то, как если бы учителям какого-либо учебного заведения говорили: вы учите только своих учеников, а обществу никакой пользы не приносите. Монастыри по самому своему устройству каждому члену общества, вступившему в монастырь, более всего подают средств к ограждению себя от пороков, к развитию в себе высших духовных потребностей и никакое другое учреждение мирское не может дать благоговейному христианину, внимательному к своему внутреннему устройству, столько способов к достижению евангельского совершенства, как монастырская жизнь. Это подтверждает пример всех святых Угодников Божиих, которые, почувствовав в себе призвание к высшему христианскому любомудрию, никогда не оставались в среде мирского общества, как неспособного, не только развить это стремление благочестивой души, но и поддержать его. Монастыри, таким образом, служат как бы высшим духовно-нравственным училищем, в котором одном только благоговейный христианин может найти удовлетворение своим высшим духовным потребностям и развить их до возможной степени совершенства. Благочестивый даже христианин, вращающийся в среде мирского общества, подобно ученику низшего учебного заведения, сравнивая себя только с людьми, окружающими его, имеет много случаев гордиться своим кажущимся благочинием, и тем самым губить и то добро, какое есть в нем. Но при вступлении в монастырь, как ученик при вступлении в высшее учебное заведение, взглянув только на программу тех совершенств, какие требуются словом Божиим и учением св. Отцов от всякого христианина, ищущего совершенства, он приходит в трепет и невольно признает, что он и не начинал еще жизни истинно христианской. Здесь только он узнает, что и то добро, которым он по-видимому обладал, живя среди мирского общества, всегда было омрачено примесью какой-либо страсти. От такого благодетельного учреждения может отказаться только то христианское общество, которое совершенно отказалось осуществить, хотя в избранных из среды своей личностях, те совершенства, которые требуются евангельским учением. Не видя же среди себя примеров

высшего христианского благочестия, оно необходимо должно падать нравственно, и должно ограничиться только одними так называемыми гражданскими добродетелями. А одни гражданские добродетели, поставляя его в уровень с цивилизованными языческими обществами, не только не приведут его к тому блаженству на небе, к которому призывается каждый христианин, но приведут его, наконец, к тому нравственному расслаблению, которое было причиною падения всех, самых могущественных и самых цивилизованных языческих государств.

Все твердят, нужно приносить пользу обществу, служа ближнему, мы служим Богу. Мы согласны с этим, смотря на дело с точки зрения христианской. Но всякая ли служба ближнему есть служба Богу? Вот вопрос, на который следует обратить внимание ревнующим о службе ближнему. Например: торговец модными нарядами, способными только питать страсти в украшающихся ими и пробуждать их во взирающих на них, преследуя одну цель – собрать поскорее капитал, – служит ли Богу, служа ближнему? Содержатель какого-либо роскошно убранного кафе- ресторана, предлагающий своим посетителям усладительные для вкуса и обоняния заморские вина, и удовлетворяющие утонченному вкусу гастронома кушания, преследуя ту же корыстную цель, служит ли Богу, служа ближнему? Удовлетворительный ответ на эти вопросы даст, конечно, всякий, кто не дошел до крайней степени бесстыдства и не утратил совершенно смысла человеческого.

Но скажут, может быть, что указанные примеры составляют исключение из общего правила; много есть дел, которые безукоризненно полезны ближнему, которыми следственно можно служить Богу.

Поищем таких примеров. Храбрый офицер, которому, по счастью для государства, и пороха-то никогда не пришлось понюхать, проводящий свободное от службы время или за картами в кругу веселых товарищей, или на блистательном балу у добрых знакомых, а храмы Божии посещающий только по приказу полкового командира в высокоторжественные дни, служит ли Богу, служа в рядах полезного для государства

воинства? Знаменитый адвокат, употребляющий всю силу своего красноречия, чтобы освободить от заслуженного наказания преступника, и тем дающий ему возможность еще долго наносить вред своим согражданам, служит ли Богу, служа ближнему? Вы находили, что и эти примеры все не то, о чем вы хотели сказать.

Пойдем далее с обыском. Знатный и богатый вельможа или хотя простой смертный, но известный капиталист, задающий богатый пир веселым гостям со всеми принадлежностями роскоши и изящного вкуса, служит ли Богу, служа ближнему, и без него пресыщенному всеми благами земными? Ученый натуралист, изучающий природу во всех ее проявлениях и на все смотрящий, как на неизбежное следствие физических сил и химического сродства, но нигде не видящий всесозидающей творческой мысли Творца, создавшей и самые силы природы, как служебные орудия Себе, служит ли Богу, служа прогрессу науки, которой так дорожит современное человечество? Хитрый политик, порождающий своими коварными внушениями истребительные войны между другими государствами, чтобы только, хотя на время, задержать распадение ослабевших сил своего народа, служит ли Богу, Богу мира и любви, служа, по-видимому, ближнему в лице своего народа? На все эти вопросы не затруднится дать удовлетворительный ответ тот, кто понимает, что без веры и деятельной любви к Богу, невозможно благоугодить Ему.

Взглянем и на другие дела, которые, по-видимому, ничего не могут принести ближнему, кроме добра. Богатый человек, устрояющий например для престарелых и увечных людей дом призрения с доставлением им, хотя скудного, но удовлетворительного к поддержанию их существования, содержания, и имеющий при этом в виду одно получение какого-либо знака внешнего отличия, служит ли Богу, принося действительную пользу ближнему, и имеет ли право ожидать награды от Бога? Нет, говорит небесная Истина, так как получает мзду свою (Мф. 6, 5), которую желал получить за свое благое дело. Состоящий на общественной службе и своими благоразумными распоряжениями действительно возвышающий

внешнее благосостояние того общества, которому служит, служит ли Богу, если со своим служением обществу никогда не соединяет мысли о Боге, и во всех других случаях беспечно нарушает повеления Господни? Нет. Деятель, который не полагает в основу своего дела любви к Богу, и не поставляет целью для своего дела – прославления имени Божия, – суетный деятель земли и для земли. Если при таких своих делах относится еще с небрежением ко всем другим повелениям Господним, то он не избежит праведного осуждения от Бога. – Даровитый наставник какой-либо науки, с пользою для юношества исполняющей свое дело, но мыслью и сердцем отрицающий бытие Божие и свою зависимость от Него, служит ли Богу, если при своем деле имеет в виду одно только обеспечение своего материального существования? Нет. Он – вол, работающей из-за насущного пропитания; он покорный слуга естественных сил души и тела, но в нем нет жизни божественной, и потому он не будет причастником блаженства всесвятейшего Бога. И все вы, возлагающие упование на свои дела, внемлите слову небесной Истины: аще не избудет правда ваша паче книжников и фарисеев, не внидете в царствие небесное (Мф. 5, 20). Вам известно, уповающие на свои дела, что в мире языческом были и могущественные цари, и великие полководцы, и мудрые правители, и многоученые мужи, были и достохвальные представители искусств, художеств, промышленности и торговли: но все их достохвальные качества оказались недостаточными для оправдания их перед Богом.

Укоряют еще некоторые монашествующих и всех заботящихся о преуспевании в христианском благочестии за праздность, считая самую молитву и частое пребывание в храме Божиим праздным препровождением времени, и находят такую жизнь бесполезною для общества. – Для опровержения таких обвинений достаточно бы было указать на множество Святых, которые по удалении от внешних забот, проводя все время своей жизни в молитве и попечении о своем духовном совершенствовании, тем самым благоугодили Богу и удостоились от Него прославления. Если Господь одобрил их жизнь и духовную деятельность, называемую некоторыми

бесполезною праздностью, то суждения человеческие должны в таком случае умолкнуть. Когда Господь Иисус Христос посетил дом двух сестер – Марфы и Марии, то Марфа много хлопотала об угощении дорогого Посетителя и, по-видимому, имела полезную для ближнего деятельность, и потому заслуживала большую похвалу, по мнению современных судей действий человеческих, нежели Мария, которая только сидела у ног Спасителя и слушала слово Его, а потому как будто праздное время проводила; но от Господа, праведного Судии, заслужила похвалу не суетливая заботливость Марфы, а благочестивая бездеятельность Марии.

И что такое значит иметь полезную и благотворную деятельность? Если смотреть на цель жизни так, как учит слово Божие, смотреть на земную жизнь, как на время приготовления к блаженной вечности, то иметь полезную деятельность значит всемерно и постоянно заботиться об исполнении воли Божественной возможно в большей полноте и постоянным возвышением духа над всем земным и греховным. А этого состояния невозможно достигнуть при нашей немощи и склонности к греху без постоянной молитвы к Богу. Молитва есть самая сильная помощь в борьбе с тяжкими испытаниями и есть вместе самая высокая награда за победу над греховными искушениями. Конечно те, которые привыкли проводить время в постоянном рассеянии и в непрестанных заботах о внешнем благосостоянии по побуждениям страстным, не поймут этого состояния: для них молитва всегда есть тяжкий подвиг, и им трудно объяснить и доказать то высокое наслаждение, которое приносит молитва душам любящим Господа. Но это состояние может быть уяснено отчасти нашими отношениями к некоторым лицам. Вы имеете у себя близкого человека, которого любите, как искреннейшего друга, почитаете, как величайшего нашего благодетеля. Вы никогда не скучаете его присутствием, для вас всегда усладительна его задушевная и умная беседа, вы не замечаете, как бежит время в разговоре с ним. Вот вам слабый образец сладостной молитвы христианина к Богу! Он всегда с Ним беседует в молитве, как с нежным отцом и искренним другом и сильным покровителем.

Но скажут, может быть, некоторые на это: невозможно постоянно молиться; служебные обязанности по отношению к обществу, попечение о нуждах семейства, заботы по хозяйству и многие другие, могут служить достаточным извинением к уклонению от непрестанной молитвы.

Вы не можете постоянно молиться: не осуждайте по крайней мере тех, которые, уклонившись от сказанных забот, посвятили свою жизнь всецелому служению Богу, и проводят все свое время в молитве, богомыслии и чтении божественных Писаний, уделяя на внешние заботы лишь самую малую часть дня, чтобы приобрести необходимые средства к обеспечению своего телесного бытия. Вы не можете посвятить большую часть своего времени молитве и чтению Писания и других книг религиозно-нравственного содержания, но что мешает вам совершать, по крайней мере, все свои дела в сознании вездеприсутствия и всеведения Божия, с памятованием о будущей жизни и суде Божиим, что могло бы дать вам и силу к добросовестному исполнению своих обязанностей и средства к охранению себя от греховных увлечений? Конечно, ничто, кроме беспечности и небрежения о спасении своей души.

В 19-й главе св. Василий разъясняет подвижникам, что воздержание от одних снедей, без воздержания от дурных помыслов и пожеланий, не приносит пользы. «Воздержание, – говорит он, – думаем определить так, что оно есть не одно воздержание себя от снедей (ибо в этом успевали многие и из еллинских философов), но преимущественно воздержание от скитания очей. Ибо, какая польза, если воздерживаясь от яств, пожираешь глазами похоть любодеяния, или ушами охотно выслушиваешь суетные и диавольские речи? Нет пользы воздерживаться от снедей, но не воздерживаться от кичения, высокоумия, суетной славы и всякой страсти. Или, что пользы наблюдать воздержание в снедях, и не воздерживаться от лукавых и суетных помыслов? Посему и Апостол сказал: боюсь, да не како истлеют разумы ваша (2Кор. 11, 3). Посему будем воздержными от всего этого, чтобы и на нас не пала по справедливости укоризна Господня, как на оцеждающих комары, велблюды же пожирающих (Мф. 23, 24).

Все вышеуказанные правила и постановления св. Василия Великого были так важны и полезны, что ими пользовались не только монастыри, находившиеся в Понтийской области, но и других отдаленных местностей. Современник Василия Великого, пресвитер Аквилейский Руфин, сделал извлечение из правил Василиевых и перевел на латинский язык для аббата Урсисия⁵⁵. В V-м столетии на сии правила Василия ссылался в своих наставлениях инокам прп. Кассиан Римлянин. Прп. Феодосий, начальник общежития в Палестине, часто читал их, как видно из его жизнеописания.

Но св. Василий, назидая своим мудрым словом иноков и мирских людей, прибегавших к нему за наставлениями в благочестивом житии христианском, не оставлял без попечения и телесных нужд окрестных жителей. В то время, как он жил в своем монастыре, произвольно лишая себя всех наслаждений земли и довольствуясь одним хлебом и водою для своего пропитания, хотя и имел возможность окружить себя всеми благами земли как наследник богатых имений, оставшихся ему от отца, – в соседнем городе с окрестными селениями развился голод и жители изнывали от скорби, не имея никакой возможности удовлетворить насущным потребностям. Св. Василий, движимый чувством сострадательности к ним, продал свое недвижимое имение и на деньги, полученные за него, пропитывал не только жителей сего города, но и многих других, которые, по слуху о его щедрости, приходили к нему с просьбою о помощи. Он благодетельствовал не только христианам, но и иноверцам.

Мудрое слово его, подтверждаемое благочестивою строго-подвижническою жизнью и сопровождаемое делами щедрой благотворительности, привлекли к нему всеобщее уважение и любовь Кесарийского Архиепископа Диания, который по вниманию к высоким личным достоинствам св. Василия, возвел его на степень чтеца Кесарийской Церкви, в начале 369 года.

Глава III

Состояние Церкви Восточной при царе Констанции. Покровительство с его стороны арианам и заточение православных Епископов. Подпись не православного символа Григорием, Назианзским Епископом, и Дианием, Кесарийским Архиепископом, породившая много смут в Церкви, и причинившая много скорби св. Василию и его другу, св. Григорию. Удаление св. Василия по сему случаю из Кесарии с прекращением общения с Дианием. Заботливость св. Василия об утверждении иноков в православном учении, и его заботливость об ограждении всех православных христиан от увлечения еретическим учением. Примирение св. Василия с Дианием, пред его кончиною. Возведение на Архиепископский престол Евсевия. Сделанное при этом насилие Епископам со стороны народа. Покушение со стороны Юлиана – богоотступника на ниспровержение его и овладение Кесарийскими церквами. Противодействие его замыслам со стороны Григория, отца св. Григория Богослова. Посвящение св. Василия в сан Пресвитера. Его ревность в исполнении своих пастырских обязанностей, и его первое поучение на начальные стихи Притчей Соломоновых, написанное по поручению Евсевия, Архиепископа Кесарийского. Содержание этого поучения. Неудовольствие со стороны Евсевия на св. Василия, побудившее его оставить Кесарию и возвратиться в Понт к своим инокам.

Приступая к выяснению общественной деятельности св. Василия Великого в пользу Церкви православной, находим нужным дать хотя краткое понятие о состоянии православия на Востоке в то время.

Церковь Восточная, и Кесарийская в частности, много страдала тогда от нападений ариан. Ариане, привлечшие на свою сторону Императора Констанция, обманом и насилием занимали епископские престолы, и потом уже растлевали своим злочестивым учением и самую паству изгнанных предварительно Архипастырей. В Александрии, вместо

изгнанного поборника православия, св. Афанасия, поставлен был епископом арианец Георгий; в Антиохии – также арианин Евдоксий. Главными защитниками и учителями арианства были Аэтий и ученик его Евномий, которые открыто проповедывали, что Сын Божий по существу различен от Отца. Между православными и арианами стояли посередине, так называемые полуариане, которые, частью по заблуждению, а частью для того только, чтобы избежать преследования со стороны ариан, хотя и не исповедывали вместе с православными, что Сын Божий единосущен Отцу, но и не допускали с арианами различия существа Его от существа Отца, признавая Его подобосущным Отцу. Во главе сего общества стояли Василий Анкирский и Георгий Лаодикийский. Те и другие, то есть ариане и полуариане, утвердили свое исповедание символами, первые – на соборе Сирмийском (357 г.), последние на соборе Анкирском (358 г.)⁵⁶.

Для прекращения споров и для утверждения единомыслия в вере, Констанций в 359 году положил составить вселенский собор. – Но арианские епископы, опасаясь, чтобы полуариане, присоединившись к православным, не дали перевеса делу в пользу православия, убедили Констанция, под видом облегчения пути для многих отдаленных епископов, разделить один собор на два, так чтобы восточные епископы собрались в Селевкии Исаврийской, а западные – в Римини, итальянском городе и по окончании рассуждений, представили бы те и другие свои окончательные мнения Императору через доверенных епископов. Большинство православных епископов, собравшихся в Римини, постановлено было неизменно держаться символа, изложенного вселенским Никейским собором. Но так как между собравшимися в Селевкии епископами мало было православных, полу-ариане, уступая настоятельному требованию православных, хотя согласились принять символ Никейский, но с исключением слова: единосущный. Ариане, упорно держась своего нечестивого учения, написали в тоже время свое исповедание⁵⁷.

Св. Василий так глубоко изучивший слово Божие и известный уже православным епископам по своей ревности о православии, по их приглашению, был вместе с ними в Селевкии, и потом с избранными от большинства присутствовавших на Селевкийском соборе прибыл в Константинополь (в 360 году)⁵⁸. Здесь хотя он и не мог оказать большого влияния на дела, как занимавший еще низшую степень в клире, но, повинувшись духу ревности о соблюдении правочерия между теми, которые еще не успели заразиться еретическим учением, препирался с еретиками не только в Константинополе, но и в окрестностях его – в Халкидоне и Ираклии, никогда не изменяя истине⁵⁹. Но нечестие, однако же, по попущению Божию временно восторжествовало над истиною. Все присланные от Селевкийского собора православные епископы под разными предлогами объявлены низложенными. От всех же прочих епископов, восточных и западных, Констанций, по внушению ариан и полу-ариан, требовал утверждения того символа, в котором Сын Божий назван был только подобным Отцу, но не единосущным. И немного нашлось православных епископов, которые остались непричастными нечестия, – только те, которые или казались еретикам безопасными по своей незначительности, или оказались непреклонными по твердости духа и несокрушимости воли. «За исключением весьма немногих, – говорит св. Григорий Богослов, – которые или обойдены по своей малозначительности или противостали своими доблестями и должны были остаться для Израиля (т. е. для православной Церкви) семенем и корнем, чтобы снова возникнуть и оживотвориться потоками Духа, все покорились обстоятельствам времени, с тем только различием, что одни подверглись сему прежде, другие после. Одни стали поборниками и покровителями нечестия, другие заняли второстепенные места, и были или поражены страхом, или порабощены нуждою, или уловлены ласкательством, или вовлечены по неведению»⁶⁰.

К числу по неведению впавших в заблуждение принадлежали Дианий, Архиепископ Кесарийский, и Григорий,

епископ Назианский, отец св. Григория Богослова, хотя всегда остававшийся верными по уму и сердцу православному учению, изложенному в Никейском символе. Но этот грех неведения престарелых Архипастырей причинил однако же, много скорби двум святым друзьям – св. Григорию Богослову и св. Василию Великому. Св. Григорий Богослов должен был много употребить труда, чтобы снова восстановить мир в Назианской пастве и возвратить отпавших своему Архипастырю. Св. Василий сам говорит: «с первых лет жизни воспитался я в любви к Дианию, и взирая на сего мужа, видел только, как он почтен, как величествен, сколько имеет в лице священнолепия. А когда раскрылся уже во мне разум, тогда узнал я его и по душевным совершенствам и радовался, если бывал с ним вместе, изучая простоту и благородство и свободу его нравов, а также и другие свойства, мягкость сердца, великость духа и вместе крепость, чинность, негневливость, приветливость соединенную с сановитостью. Почему и причислил его к мужам отличнейшим по добродетели»⁶¹. Но, несмотря на столь искренние чувства любви и уважения к своему Архипастырю, ревнуя о чистоте веры, он не мог оставаться с ним в общении, как изменившим истине, и потому оставил Кесарию. Сердце его, исполненное скорби, искало утешения. Кто же мог более его утешить, как друг разумный, любящий, верный всегда православной истине, и в то же время скорбящий, и потому лучше другого способный понять и утешить скорбящего! По этой-то причине св. Василий прямо из Кесарии отправился к своему другу, св. Григорию, который в то же время оплакивал ту же погрешность своего родителя.

Св. Василий однако же, не принадлежал к разряду тех слабодушных личностей, которые быв поражены какою-либо сильною и внезапною скорбью, впадают в уныние и чувствуя в себе совершенное расслабление сил душевных и телесных, предаются безутешной скорби, не предпринимая ничего к освобождению себя от неприятного положения. В нем напротив препятствия и неудачи сильнее возбуждали энергию, и напрягали деятельность духовных сил к уничтожению постигшего несчастья, или по крайней мере, к ослаблению его

вредных последствий. Утешившись дружественною беседою св. Григория, он поспешил прежде всего на помощь к монашествующим, руководившимся его советами и в обширном послании к ним, для ограждения их от заразы нечестия, изложил истинное учение веры о Сыне Божиим. В этом послании, объяснив им причины временного удаления от них и медленности возвращения к ним, убеждает их удаляться общения с еретиками и хранить чистоту учения о Боге, преданного св. Отцами предшествовавших веков и основывать свои понятия о Боге не на умозрениях человеческих, а на слове Божиим, по изъяснению святых Богопросвещенных мужей. «Берегитесь, – говорит он им, – филистимских пастырей (еретиков), чтобы кто из них не заградил тайно ваших кладезей (т. е. слова Божия, из которого обильно текут источники воды, утоляющей жажду души благочестивой) и не возмутил чистоты ведения касательно веры. Ибо у них всегда в попечении – не из божественных Писаний научать души простые, а подрывать истину внешнею мудростью»⁶². – Урок полезный и для современных людей, которые увлекшись новыми открытиями некоторых естественных наук, не выводы из открытых явлений природы проверяют учением слова Божия, а самое слово Божие покушаются проверять этими выводами, по большей части поспешными и неимеющими достаточного основания!

Раскрыв далее инокам истину православного учения о Святой Троице, разоблачив ложь и нечестие арианского учения, и выяснив надлежащим образом действительный смысл тех мест Св. Писания, на извращенном понимании которых еретики старались основать свое лжеучение, в заключение убеждает их заботиться об очищении своего сердца, как необходимого условия к возможно ясному на земле созерцанию Бога. Ибо сказано: блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8). Теперь, – говорит он, – как в зеркале, видим тени вещей, а впоследствии, освободившись от сего земного тела и облекшись в тело нетленное и бессмертное, увидим их первообразы. Увидим же, если жизнь свою управим по прежнему пути, и будем заботиться о правой вере, без чего никто не узрит Господа. Ибо сказано: в злохудожну душу не внидет

премудрость, ниже обитает в телеси, повиннем греху (Притч. 1, 4). Но ревность св. Василия об умиротворении Церкви и ослаблении зла, произведенного смутами и насилием со стороны ариан, не ограничилась одним посланием к Понтийским инокам. Он написал еще два поучения для всеобщего употребления: одно о суде Божиим, а другое о вере.

В поучении о суде Божиим сначала обращает внимание на бедственное состояние Церкви, и потом указывает причины оно́го, чтобы дать возможность через устранение причин устранить и самые последствия. «С самого начала воспитания христианскими родителями, – говорит св. Василий, – от них в детстве узнал я и священные письма, ведущие меня к познанию истины. Когда же стал я мужем, тогда воспользовавшись многократными путешествиями, и как естественно, принимая участие во многих делах, в рассуждении других художеств и знаний заметил великое согласие у людей, тщательно занимающихся каждым из них; в одной только Церкви Божией, за которую Христос умер и на которую обильно излиял Он и Духа Святого, видел во многих всякое чрезвычайное разногласие как между собою, так и с Божественными Писаниями; и что всего ужаснее – самые предстоятели церквей так разнятся между собою и расположениями, и мнениями, такое имеют противление заповедям Господа нашего Иисуса Христа, так безжалостно раздирают Церковь Божию, так нещадно возмущают стадо Христово, что над ними ныне с появлением Аноеев исполняется сказанное: от вас самех встанут мужие, глаголющие развращеная, еже отторгати ученики в след себе (Деян. 20, 30)».

Отыскивая причину столь печальному явлению, говорит: «пришла мне на память книга Судей, которая повествует, что кийждо еже право перед очами ея творящие, так и показывает причину сего говоря: в тыя дни не бяше царя во Израили (Суд. 17, 6). Припомнив же это, и о настоящем времени делал я заключение, которое страшно, может быть, и выговорить, однако же, весьма справедливо будет заметить, а именно: не вследствие ли того, что отлучаются единого и великого,

истинного и единственного Царя всяческих и Бога, и ныне бывают такие разногласия и распри между членами Церкви, потому что каждый отступает от учения Господа нашего Иисуса Христа, самовластно же защищает некоторые рассуждения и собственные определения, и хочет лучше начальствовать против Господа, нежели быть под начальством у Господа? Сделав такое заключение, приходя в ужас от того, что нечестие превосходит меру, и продолжая свое исследование, тем не менее, и встречающимся обыкновенно в жизни убедился я в истине сказанной выше причины. Ибо увидел, что всякое благочиние и всякое согласие между многими до тех пор держится с успехом, пока сохраняется общая всех благопокорность к одному какому-нибудь начальнику; а всякое разногласие, всякий раздор, и даже многоначалие бывают следствием безначалия. Даже видел я иногда, что и рой пчел, по закону природы, имеет у себя вождя и чинно следует за собственным своим царем. Подобно сему много и видел я, много и слышал, но еще более моего знают занимающиеся этим, так что всем этим доказывается истина сказанного. Ибо если тем, которые внимают одному мановению и имеют одного царя, свойственны благочиние и согласие, то следует, что всякое разногласие и всякий раздор – признак безначалия. На том основании и встречаемое у нас такое разногласие, как с заповедями Господними, так и в отношении друг к другу, может быть обращено в улику, или отступления от истинного Царя, или отречения от Него по сказанному: рече безумен в сердце своем: несть Бог, – к чему, как некоторый признак или доказательство, присовокуплено: растлеша и омерзятся в начинаниях (Пс. 13, 1)».

Продолжая доказывать необходимость повиновения не в чем-либо одном, но во всем Христу, Который есть единая и истинно единственная глава Церкви, указывает в пример для подражания на члены в теле человеческом. Все члены находятся в совершенном повиновении каждому мановению души, вследствие сего все члены состраждут друг другу и выражают всегдашнюю готовность, в случае нужды, помочь один другому. Член, оказавшийся неспособным повиноваться

требованиям души, считается мертвым членом. Переходя от сего уподобления к членам Церкви, которая вся есть одно тело, имеющее одну главу Христа, св. Василий говорит: «если между членами нет единомыслия, не сохраняется союз мира, не соблюдается кротость в духе, находятся же разделение, распря и зависть, то очень дерзко было бы назвать таковых членами Христовыми, или сказать, что они под управлением Христовым; но в простоте сердца смело можно утверждать, что там владычествует и царствует мудрование плотское по изречению Апостола, который в одном месте говорит определенно: ему же представите себе рабы в послушание, рабы есте, егоже послушает (Рим. 6,16); а в другом ясно перечисляет свойства такового мудрования, когда говорит: идеже бо в вас зависти и рвения и распри, не плотские ли есте (1Кор. В, 3); и вместе положительно учит, что конец их бедствен, и что у них нет ничего общего с богочестием, именно же говоря : мудрование плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покоряется, ниже бо может (Рим. 8,7)»⁶³. Далее, доказывая разными местами Св. Писания из Ветхого и Нового Завета, что никакой вид греха не может остаться ненаказанным со стороны правосудного Бога, убеждает всех, отвергнув лжеумствования людские, тщательно заботиться об исполнении воли божественной, храня мир между собою и соблюдая благопокорность к поставленным от Господа пастырям и учителям.

Поучение о вере написано было св. Василием по просьбе благоговейных людей, которые желали получить от него письменное исповедание благочестивой веры, как руководство к ограждению себя от злочестия еретических мудрований. «По благодати Бога, – пишет он в начале сего учения, – узнав достойное любви к Богу о Христе требование нашего благоговения, которым домогались вы у меня письменного исповедания благочестивой веры, хотя сперва, сознавая свое смирение и немощь, медлил я ответом, однако же, как скоро вспомнил Апостола, сказавшего: сердцем бо веруется в правду, усты же исповедуется во спасение (Рим. 10,10), почел не безопасным, как отказать вам, так и предать молчанию спасительное исповедание». Имея в виду то, что будет говорить

людям простым по сердцу, благоговейным и приемлющим слово истины с полным доверием, с каким обыкновенно приемлют слово отца добрые и покорные дети, говорит им, что он будет говорить им не тем языком, которым по нужде говорил с еретиками. «Пока надлежало бороться с возникавшими по временам ересями, – говорит он, – следуя предшественникам, почитал я приличным, смотря по различию посеваемого диаволом нечестия, останавливать или низлагать распространяемые хулы опровержениями и употреблял, как вынуждала к тому потребность недугующих, те и другие изречения часто и такие, которых нет в Писании, но которые впрочем, не чужды благочестивому смыслу Писания; потому что и Апостол не отказывался, для собственной своей цели, употреблять нередко языческие изречения. А теперь почел я сообразным с общею моею и вашею целью требование вашей о Христе любви исполнить в простоте здоровой веры... Посему решился я, как теперь, так и всегда, избегать всякого речения и понятия, чуждого учению Господню; потому что, как выше заметил, цель мне и вам теперь предлежащая, во многом различна от тех предметов рассуждения, которые заставляли меня писать или говорить иногда так, а иногда иначе. Ибо тогда занимало меня обличение ереси и разрушение диавольских хитросплетений; а теперь предполагается исповедание и простое изъяснение здоровой веры. Поэтому неприличен мне теперь и прежний образ речи. Как человек не одни и те же снаряды взял бы в руки идя воевать и возделывать землю (ибо иные снаряды у тех, которые в безопасности трудятся для своего пропитания и иные вооружения у тех, которые готовятся к битве): так не одно и тоже могут говорить и тот, кто увещевает здоровым учением, и тот, кто обличает противоречащих. Ибо иной род речи обличительной, а иной род речи увещательной. Инакова простота в мире исповедующих благочестие, инаковы труды опровергающих возражения лжеименного ведения. Поэтому и я, таким же образом устраивая речь с рассуждением, везде буду сообразно с целью употреблять слова, служащие к охранению или назиданию веры, иногда мужественно противоборствуя тем, которые с диавольским ухищрением

покушаются разорить веру, а иногда проще и ближе излагая ее для тех, которые желают назидаться в вере, в обоих же случаях не иное что делая, но сказанное Апостолом: ведети, како подобает вам единому комуждо отвещавати (Кол. 4, 6).

«Но прежде, нежели приступлю к самому исповеданию веры, надобно дать заметить, что величия Божиего и славы Божией, которые и словом необъемлемы и умом непостижимы, невозможно ни изобразить, ни представить одним речением или понятием. Богодухновенное же Писание, с помощью многих речений, обращающихся в нашем употреблении, едва приблизило их к понятию чистых сердцем и то представив как в зеркале. Ибо зрение лицом к лицу и совершенное познание по обетованию дано будет достойным в будущем веке. А ныне, будь кто Павел или Петр, хотя истинно видит то, что видит и не обманывается и не мечтает: однако же зеркалом и в гадании, и еже отчасти приемля ныне с благодарением, совершенного познания с радостью ожидает в будущем веке⁶⁴.

Сделав такое вступление в свое поучение о вере, потом уже изложил самое исповедание веры на основании слова Божия и учения святых Отцов, так что желавший оставаться на истинном пути православного учения о лицах Святой Троицы мог пройти беспрепятственно о камни соблазна еретических учений.

Кроме сего, св. Василием извлечены из св. Писания нравственные правила, числом 80, необходимые для каждого христианина.

Ревность об истинной вере разъединила св. Василия с Архиепископом Кесарийским Дианием, не изменяя однако же, его расположения к нему. И потому, как скоро устранилась причина разъединения, св. Василий не замедлил вступить в духовное общение со своим Архипастырем. «Пред кончиною его (Диания) жизни,— говорит св. Василий, — со многими из боящихся Господа в отечестве моем, скорбел я о нем тяжкою скорбью за подпись под изложением веры, принесенным из Константинополя Горгием (епископом арианским). Потом по кротости нрава и по скромности, желая всех несомненно уверить в отеческом сердоболии, когда впал уже в болезнь, от

которой кончил и жизнь, призвав меня, сказал он: свидетельствуюсь Господом, что хотя в простоте сердца согласился я на принесенное из Константинополя писание, однако же нимало не имел мысли отвергать веру, изложенную никейскими святыми отцами, и не инаково содержу в сердце, но как принял в начале, и молюсь не быть отлученным от части блаженных трех сот осьмнадцати епископов, которые объявили вселенной благочестивое правозвестие. Почему, после такого удостоверения, уничтожив всякое сомнение в сердце, приступил я к общению с ним, и прекратил свою скорбь»⁶⁵.

По смерти Диания областные епископы собрались в Кесарию для избрания нового Архиепископа. По обычаям тогдашнего времени, в избрании нового архиерея принимал участие и народ. Вследствие этого образовалось множество партий, из которых одни желали одного, другие другого, руководясь кто дружескими связями, кто ревностью о благе Церкви, хотя иногда и ревностью не по разуму. Перевес делу иногда давала и материальная сила. Так случилось и при избрании Евсевия, преемника Диания. Он занимал высшую гражданскую должность в городе и отличался многими доблестями душевными, но не был еще запечатлен божественным крещением, и потому не желал покориться избранию народному, сознавая трудность архипастырского служения, особенно в тогдашнее смутное время. Но народ, взяв его против его воли, при содействии военной силы, вступившей тогда в город, представил епископам, убеждая их, и даже насильно требуя, чтобы избранного сподобили Таинства и нарекли архиереем. Вынужденные силою Епископы очистили избранного крещением, нарекли и возвели на престол. Но лишь только возвратились в свои епархии, стали совещаться между собою о том, чтобы признать как все совершенное ими не имеющим силы, так и поставление Епископа незаконным. Но отец Григория Богослова, который также участвовал в поставлении кесарийского Епископа, не соглашался с мнением всех других епископов, рассуждая так: «поелику принуждению подверглись обе стороны, поэтому нужно признать столько же достойным извинения поставленного, сколько считают себя

достойными извинения поставившие. Если же первый не достоин, то ни под каким видом недостойны и последние. Гораздо было лучше тогда претерпеть бедствие и упорствовать до конца, нежели входить в совещание после, и притом в такие времена, когда всего полезнее прекращать старые вражды, а не заводить новые»⁶⁶.

Хотя, через такое мудрое рассуждение епископа малого города, – как говорит св. Григорий Богослов, – занимавшего второстепенную кафедру, Евсевий, новопоставленный Архиепископ Кесарийский, избежал несправедливого изложения, но его вскоре встретила другая скорбь и опасение подвергнуться тому же удару по действию другой, более сильной руки злобного и нечестивого человека. В Ноябре 361 года, по смерти Констанция, вступил на престол Юлиан. Лишь только он получил в свои руки власть императорскую, тотчас же отрекся от христианской веры, которой доселе, хотя по наружности казался исповедником, открыто объявил себя врагом христианства и употреблял все свои силы и всю свою власть к тому, чтобы установить идолопоклонство и привести в запустение христианские храмы⁶⁷. Предположив для себя такую нечестивую цель, он пылал гневом на жителей Кесарии за то, что они во времена счастливые для христианства, разрушили храм богини счастья. Но это чувство злобы против жителей Кесарии усилено было еще избранием нового Архиепископа. Для поражения христианства он находил необходимым отнять у христиан все, что только они имели у себя сильного умом, красноречием или властью. И потому возведение главного начальника областного города в сан Архиепископа он почитал явным противодействием его нечестивым стремлениям. Эти причины несправедливого гнева он считал достаточным основанием к тому, чтобы сделать всякое зло твердым в вере жителям Кесарии, и для выполнения своего намерения сам с войском двинулся к городу. «Город был, – говорит св. Григорий Богослов, – как бы на острие бритвы, и неизвестно было, не погибнет ли он через день, или найдет еще сколько-нибудь человеколюбия, и спасется... К несчастью города областной начальник, который и прежде не был дружен с

новопоставленным по разномуслию в делах гражданских, старался сделать ему какое-нибудь зло, чтобы тем угодить царю. Посему писал он к рукополагавшим, чтобы обвинили новопоставленного, и писал не просто, но даже с угрозами, давая знать, что требует сего сам царь. Тогда пришло письмо и к моему родителю. Но он, нимало не устрашась, немедленно отвечал со всею смелостью и полным присутствием духа, как видим из самого ответа. Ибо писал так: «достопочтенный правитель! мы во всех делах своих имеем единого Судию и Царя, против которого ныне восстают. Он и теперь будет судить нас за рукоположение, которое ныне совершено нами законно и по его изволению. Для вас весьма удобно, если захотите сделать нам насилие в чем-либо другом, но никто не отнимет у нас права защищать такое дело, которое совершено нами законно и справедливо; разве издадите еще закон, запрещающий нам располагать и собственными нашими делами»⁶⁸. Такой мужественный ответ доблестного старца сохранил для Кесарийской церкви главу. Царь богоотступник, встретив такой отпор своим стремлениям со стороны епископов и твердую решимость со стороны кесарийской паствы защищаться, отступил от города, предположив привести в исполнение свои нечестивые планы по окончании похода против Персов. Бедствия, которыми угрожал нечестивый царь всей христианской Церкви, прежде всего, должны были коснуться будущих сильных защитников православия – св. Григория Богослова и св. Василия Великого. Юлиан, узнав их еще в Афинах, и отдавая полную справедливость их проницательному и просвещенному уму, не мог не опасаться встретить в них мужественных противников своим нечестивым намерениям, и потому предположил прежде их истребить. В одном из своих слов против Юлиана, Св. Григорий Богослов, обращаясь мыслью к нему, говорит: «зная нас еще в Греции, как людей приобретших себе имя и известность жизни красноречием и взаимным единодушием, ты почтил нас честью Циклопа, то есть, последних соблюдал на погибель и может быть, умышлял принести в последний дар демонам как нечто великое и достойное твоего величия, если бы встретили мы тебя

возвращающегося из Персии»⁶⁹. Св. Василий, уповая на Промысел Божественный, всегда охраняющий св. Церковь Христову, не только сам не унывал, видя страшную бурю воздвигнутую нечестивым властелином, но и других утешал, предсказывая скорую гибель нечестию, представителем и защитником которого явился царь⁷⁰. И предсказание его не замедлило исполниться – 27 июня 363 года стрела, пущенная персидским воином, окончила его, полную нечестия, жизнь.

Св. Василий, не тревожась личною ненавистью к себе со стороны Юлиана, беспокоился, однако же, за благо Церкви. Эту боязнь внушал ему не Юлиан, но еретик Евномий, который хитрыми изворотами слова и злонамеренным толкованием смысла слов Св. Писания легко мог колебать простые души и отвращать их от истины православного учения. Пользуясь уединенным пребыванием в своей Понтийской пустыне и свободой от внешних занятий, он написал против Евномия пять книг. Поводом к написанию этих книг послужила составленная Евномием, главным защитником арианского учения, защитительная речь, в которой он во всей полноте раскрывал нечестивое арианское учение, усиливаясь доказать каждую мысль свою превратным толкованием разных мест св. Писания, или, по крайней мере, затмить истину православного учения хитросплетенными софизмами. – Хотя против него никем еще и ничего не было писано, и потому по-видимому, не было и нужды защищаться, когда не было нападающих, но Евномий придал такое название своему сочинению для того только, чтобы легче привлечь внимание к своим словам и внушив доверие к тем ложным началам, на которых основывал свое нечестивое рассуждение о догматических предметах, подорвать авторитет прежних св. Отцов, рассуждавших о лицах Святой Троицы и утвердивших свое учение постановлением Никейского Вселенского Собора.

Хотя естественнее, казалось бы, заняться делом опровержения еретического учения какому-либо из Епископов, нежели человеку, занимавшему в Церкви только еще степень чтеца, но глубокое изучение св. Василием Св. Писания и полное знакомство с творениями прежних св. Отцов, расположило

благоговейных из православных христиан предложить этот труд ему, а ревность его об охранении православных христиан от заразы еретических учений побудила его принять на себя этот труд. И приняв на себя этот труд, св. Василий останавливал внимание на каждом слове защитительной речи злочестивого Евномия, чтобы во всей полноте раскрыть его ложь и нечестие, и не оставить места сомнению православным при случайном столкновении с его мнениями. И слова св. Василия были столько сильны и так неопровержимо доказательны, что Евномий, по упорству во зле, хотя и решился писать антикритику на его творения, не осмелился однако же, говорить другим об этом до кончины св. Василия, опасаясь потерпеть в другой раз поражение, еще более сильное.

В начале первой книги св. Василий показывает, что в апологетических сочинениях не было бы и нужды, если бы все в простоте веры держались евангельской истины и довольствовались преданием апостольским. «Если бы все, – говорит он, – на кого призвано имя Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, пожелали ничего не искать кроме евангельской истины, довольствоваться же апостольским преданием и простотою веры: то и от нас, в настоящее время, не потребовалось бы слова, а напротив того, и теперь, конечно, возлюбили бы мы то же молчание, какое предпочитали сначала. Но поскольку враг истины сверх плевел, сначала посеянных им в Церкви Божией, постоянно новыми приращениями умножая зло, и ныне сыскав орудия, которые вполне вмещают в себе всю его злохитрность, внушает мысль под личиною христианства отрицать Божество Единородного, этою мирскою рекою и суетною мудростью возмущая чистоту и простоту учения Духа Божия, и сладкоречием вводя в заблуждение людей наиболее простодушных: то и мы, по необходимости, ради вашей предписывающей это любви и ради собственной своей безопасности, не обращая внимания на немощь свою в сем деле, хотя вовсе не упражнялись в подобном роде слова, по сообщенной нам от Господа мере ведения, решились стать за истину и обличить ложь. Ибо рассуждаем, что непременно достигнем, по крайней мере, одной из трех добрых целей: то

есть, или своим обличением подадим зараженным уже врачество от зла, или здоровым в вере доставим немалое предохранение, или, без сомнения, сами сподобимся наград за то, что братьям своим желаем лучшего»⁷¹.

Показав далее, что первым нечестивым учителем еретического учения о Сыне Божиим был Афтий, Сирианин, а Евномий, как ученик его, по развращенности своего сердца, ища славы от людей, в своем сочинении решился помрачить славу Единородного, говорит: «его-то изобличить предстоит нам теперь труд. поскольку же в обоих зло одно: то явно, что в лице усовершенствовавшегося ученика посрамлен будет и учитель, посеявший семена нечестия, если только, по вашим молитвам, дано будет нам приять такую силу слова, чтобы подобно ревнителю Финеесу, одним ударом обличения поразить обоих, соединенных между собою нечестием»⁷².

И обличения свои начинает св. Василий с самого заглавия сочинения Евномия. «Первое его злоухищрение – придумать этот род сочинения, и предложить учение в виде защитительной речи, чтобы не подать мысли, что главное его намерение – изложить догматы нечестия, но показать, что приведен к сочинению необходимостью. Ему хотелось, чтобы, каким бы то ни было способом, сделалось известным это лукавое и безбожное провозглашение, и чтобы произведена была на свет хула, которую давно он зачал, и которою давно болел. Но видел также, что если открыто примет на себя звание учителя, не только будет это крайне тяжело и неприятно слушателям, но и сам себя сделает он для многих не заслуживающим вероятия и подозрительным, как человек желанием славы увлеченный в новизны; а если предложит слово в виде защитительной речи, то избегнет подозрения в нововведении, и тем самым более привлечет к себе слушателей; потому что все люди естественно привыкли с благорасположением принимать сторону унижаемых. Поэтому жалуется на обвинителей и клеветников и им приписывает вину своего сочинения... А что слово защищение у него один вымысел, обличается сие тем, что не зная, кого наименовать обвинителем своим в том, в чем по-видимому, усиливается оправдать себя, выходит на защищение,

не выводя на позор лиц... опасаясь, что ложь сделается очевидною, стыдится назначить известные лица своими обвинителями»⁷³.

Это сочинение св. Василия было сколько грозно для еретиков, столько же утешительно для всех православных христиан и поучительно для многих даже епископов, не столько сильных в знании слова Божия, чтобы всегда и на все измышления еретиков отвечать с непобедимою силою несокрушимого учителя истины. И для самого св. Василия оно было не бесполезно тем, что доставило ему случай тщательнее ознакомиться с теми местами св. Писания, на которых еретики основывали свои лжеумствования, и через то облегчило для него борьбу с ними во время его пресвитерского и епископского служения. Вторая польза от этого сочинения была та, что доставив ему известность ученого богослова, открывало ему путь быть, так сказать, учителем самых епископов, через что он приобретал себе большее число сотрудников к достижению общего блага православной Церкви. Так обращался к нему в последующее время за советами св. Амфилохий Епископ Иконийский и св. Василий, в ответ ему, написал 30 глав о Святом Духе, которые служили разрешением некоторых возражений со стороны еретиков.

По смерти отступника от спасительной веры – Юлиана, православная Церковь недолго наслаждалась покоем. Взошедший на престол Император Иовиниан был кроток, добр и готов был сделать все не только к уврачеванию ран православной Церкви, нанесенных ей слабодушным Констанцием, подчинившемся влиянию ариан и жестоким и хитрым отступником от веры – Юлианом, но и к доставлению ей полного торжества над еретиками, производившими страшные смуты в Христовой Церкви, удаляя истинных пастырей от Христова стада и приставляя к нему наемников, которые растлевая души пасомых нечестивым учением, расхищали и их достояние. Но вероятно время, назначенное Промыслом Божественным для испытания православной Церкви, не кончилось. Благодетельный Иовиниан, пробыв на царском

престоле около одного года, отошел ко Господу, не успев привести в исполнение своих благих предначертаний.

По смерти его вступил на престол Императорский (29 Марта 364 года) Валент, сильно покровительствовавший арианам и, в угоду им наносивший величайшие оскорбления православной Церкви в лице ее Епископов и их пасомых. Ариане, пользуясь его покровительством, усиленно стремились повсюду разносить и утверждать свои заблуждения; где встречали себе сопротивление со стороны архипастырей Церкви, там при содействии военной силы брали в свое распоряжение православные храмы, а православных пастырей и особенно архипастырей изгоняли вон и ссылали в заточение.

Евсевий, которого избрание совершено было с таким затруднением и с таким смущением, хотя обладал всеми качествами, чтобы называться добрым христианином, но занимая всегда только одни гражданские должности, и будучи еще слишком мало знаком с вероучением Церкви православной, заняв высокую степень архиепископа Кесарийского, чувствовал себя слишком бессильным для того, чтобы противодействовать и с успехом отражать дерзкие и ухищренные нападения ариан, пользовавшихся сильным покровительством Императора. Тогда он сознал нужду в деятельном и многосведущем помощнике. И в этих-то обстоятельствах Евсевий обратил свой взор на св. Василия, который, будучи еще чтецом Кесарийской церкви, явил себя сильным защитником православия в опровержении защитительной речи злочестивого Евномия. – Чтобы свет учения Василиева, почерпнутого им из глубокого и всестороннего изучения слова Божия, скорее мог разливаться во все стороны и удобнее озарять умы и сердца всех, имевших очи видеть, Евсевий решился поставить его на свещник церковный (364 г.) через возведение его в сан пресвитера. Но святой Василий, любя уединение, не желал принять на себя сан пресвитера, который навсегда уже должен был его отвлечь от пустынного уединения и поставить его в среду такой жизни, которая, волею или неволею, должна была нарушать его мир душевный. Для выражения только своего послушания власти церковной

покорился требованию своего Архиепископа и преклонил главу под руку святительскую для принятия посвящения в сан пресвитера⁷⁴. Но сердце оказалось не так способным к покорности воле начальнической, как ум и воля, и потому он нашел нужным письменно высказать своему другу, св. Григорию, скорбь, постигшую его, и просить утешения, как и тот обратился в подобных обстоятельствах к Василию за утешением в скорби душевной. Св. Григорий, хорошо сознавая ту пользу, какую он мог принести Церкви, убеждал его покориться определению Промысла Божественного по вниманию к тем затруднительным обстоятельствам, в которых находилась Церковь, смущаемая дерзкими нападениями ариан⁷⁵.

Святой Василий, приняв во внимание совет своего друга, и привыкнув всякое дело, за которое принимался во славу имени Божия и спасение душ ближних, доводить до возможной для сил человеческих полноты и совершенства, все свое время посвящал трудам нового своего служения, не переставая однако же упражняться в подвигах пустынножителей. Ни частые посещения от других, ни множество дел не отвлекали его от прежнего поста и постоянной молитвы⁷⁶.

Вскоре по посвящении в сан пресвитера, Евсевий, Архиепископ Кесарийский, назначил св. Василия составить и произнести в храме беседу из первых стихов Соломоновых притчей. Несмотря на трудность дела, св. Василий не отказался от послушания воле своего Архипастыря и исполнил дело с совершенным пониманием предмета и с великим назиданием для слушавших его.

Обратим внимание хотя на некоторые мысли этой беседы св. Василия, чтобы его первый труд в звании пресвитера не остался бесплодным для наших душ. В начале этой беседы, обращая слово к Архипастырю, указывает и цель, ради которой предложено было ему это дело и трудность выполнения самого дела. «Хороша награда за послушание, говорит он. Поэтому послушаюсь доброго отца, который из словес Духа предлагает мне нечто для упражнения, и по примеру опытных ловцов, хочет у меня, как у молодого пса, испытать скорость бега в местах непроходимых. Предложил же он мне для истолкования

вступление в книгу притчей. Но сколько неудобопостижимым смысл сего чтения, известно это всякому, даже малосведущему. Впрочем, не должно отказываться от поручения возложившему упование на Господа, Который по молитвам пастыря, даст ми слово во отвержение уст моих (Еф. 6, 19)»⁷⁷.

Показав, в чем состоит возвышаемая и восхваляемая Соломоном премудрость, и раскрыв великую пользу этой премудрости для возобладавших ею, указывает потом и средства к приобретению ее. «Начало премудрости страх Господень (Притч. 1, 7). А страх – очищение души по молитве Пророка, который говорит: пригвозди страху Твоему плоти моя (Пс. 118, 120). Где обитает страх, там пребывает всякая душевная чистота, потому что оттуда бежит всякий порок и всякий нечестивый поступок и телесные члены, пригвожденные страхом, не могут порываться на дела неблагоприличные. Как человек, в которого вонзены осязаемые гвозди, будучи удерживаем болью, остается бездейственным, так и пригвожденный страхом Божиим, ожиданием угрожающих наказаний, пронзаемый как бы некоторою болью, не может и глаз употреблять на что не должно, и рук простирать на дела непозволенные, и вообще, ни в малом ни в великом, поступать вопреки своему долгу. Оскверненных же и подлых душею Соломон не допускает к слышанию Божественных учений, говоря: а бесстрашные во вратах водворятся (Притч. 19, 24). И: взыщет премудрости у злых, и не обрящет (Притч. 14, 6). И еще: взыщут мене злии, и не обрящут (Притч. 1, 28), потому что не очищены Божиим страхом. Поэтому кто намерен приступить к принятию премудрости, тот приходи, очистив срамоту греха спасительным страхом».

Объясняя далее слова: познати наказание, показывает как пользу наказания, так и то, что познание наказания, т. е. пользы, происходящей от наказания, служит признаком и вместе наградой за мудрость. «Наказание есть некоторое полезное для души образование, которое не без труда очищает ее нередко от пятен греха, и в настоящее время не мнится радость быти, но печаль: последи же плод мирен наученным тем воздаст во спасение (Евр. 12, 11). Поэтому познати сие наказание не

всякому уму возможно; потому что многие, отказавшись от трудности настоящего, по невежеству не ждут полезного окончания дела, но, огорчаясь суровостью прилагаемого о них попечения, остаются в недуге невежества».

Пользу наказания доказывает примером детей, подвергаемых за леность наказанию. «Как малые дети, нерадивые к учению после лоз, которыми высечет их учитель или приставник, сделавшись внимательнее, начинают понимать уроки, и то же слово, которого до побоев не слыхали, после боли от лоз как бы через это отверзлись у детей уши, и слухом приемлется, и удерживается в памяти; так бывает и с теми, которые не внимают Божью учению и презрительно выслушивают заповеди. Когда Бог найдет на них наказание, тогда те особенно Божеские повеления, о которых всегда им было говорено, и которые всегда оставляли они без внимания, приемлются ими, как первый раз коснувшиеся их слуха. Поэтому сказано: наказание Господне отверзает уши мои.

Указав на цель и пользу, каких достиг апостол Павел через наказание бесчинного (1Тим. 1, 20), и Бог через плен мятежного народа Израильского (Иер. 31, 19), св. Василий говорит: «наказание для рассуждающих здраво дороже множества денег. Потому Соломон говорит: примите наказание, а не серебро (Притч. 8, 10), чтобы во время нужды, когда или тело больно или домашние дела в расстройстве, не возыметь тебе лукавой мысли о Боге, но со многим терпением принимать его удары, вразумляясь, в чем ты согрешил, и познав наказание, говорить, гнев Господень стерплю, яко согреших Ему (Мих. 7, 9). И благо мне яко смирил мя еси (Пс. 118, 71).

Так как под словом наказание разумеется иногда обучение наукам, как и о Моисее сказано: и наказан бысть всей премудрости египетстей (Деян. 7, 21): то св. Василий советует останавливать внимание свое только на тех науках, которые могут принести действительную пользу душе через приближение к Богу, а не удовлетворять только суетной любознательности. «Иные, упражняясь в геометрии, которую изобрели Египтяне, или в астрологии, которая была в уважении у Халдеев, или вообще вдаваясь в выпренние умствования об

образах и тенях, презрели изучение Божия слова. А многих занимали пиитика, риторика и изобретение софизмов, для которых предметом служит ложь; потому что пиитика не может обойтись без басни, риторика без искусства в слововыражении, а софистика – без лжеумствований. Итак, поскольку многие, при тщательном изучении всего этого, вознерадели о познании Бога, состарившись в исследовании предметов пустых, то необходимо познание наказания, чтобы избирать обучение полезное, избегать же обучения неразумного и вредного».

Разбирая слова притчей: да даст отрочати юну чувство же и смысл, переходит и к различению возрастов души в нравственном отношении. «Из многих мест Писания, – говорит св. Василий, – знаем и состояние души детское, и состояние цветущее, и состояние уже старческое. Например, как узнаем от Павла, Коринфяне были младенцы; почему и имели еще нужду в молоке, предуготовительном и простом учении Евангелия, а не были в состоянии преодолевать твердую пищу учений. А юноша душою тот, кто доведен до совершенства во всех частях добродетели, духом горящ, исполнен ревности в делах благочестия, имеет силы со всем напряжением делать добрые дела. Его и Евангелие называет хищником, могущим восхитить небесное царство (Мф. 11, 12). Его и Дух Святой, как способного, употребляет в песнопениях; ибо сказано: юноши и девы да восхваляют имя Господне (Пс. 148, 12). И у Иоила обещано юношам, что видения увидят (Иоил. 2, 26). Старец же душою тот, кто совершен в благоразумии. Таким был Даниил, который в юношеском теле показывал степенную смышленость, внушавшую уважение более всякой седины; почему и говорят ему старцы, исполненные дней лукавых: гряди, гряди посреде нас и возвести нам, яко тебе даде Бог старейшинство (Дан. 13, 50)».

Выясняя слова: разумный же строительство (управление) стяжет, вопрошает: «что же такое управление? Не без всякого ли сомнения, оно есть сознание души о непостоянстве дел человеческих и о том, как надобно преплыть непостоянную жизнь? Ибо во многих местах Писания находим, что настоящая жизнь называется водами и морем; например, в псалме:

ниспосла с высоты и прият мя: восприят мя от вод многих (Пс. 17, 17). Ибо само собою видно, что псаломник водами называет житейский мятеж; потому что, как счастливое и вожделеваемое многими не имеет твердости и постоянства; так несчастное и плачевное не устанавливается в неподвижности, но все подвержено колебанию, волнению и неожиданным переменам. Поэтому, как море не может оставаться надолго в том же положении; если теперь оно гладко и незыблемо, то в непродолжительном времени увидишь, что изрыто будет порывами ветров, а если теперь свирепеет и кипит от бури, то вскоре восстановится в нем глубокая тишина: так и житейские дела удобно принимают тот и другой оборот. Для этого нужен правитель, который бы и в благоведрие жизни, когда все у него несется попутным ветром, ждал перемены и не успокаивался настоящим как безмятежным, и в горестном состоянии дел не терял надежды и не утопал, поглощенный излишнею скорбью; потому что ни телесное здравие, ни цветущая юность, ни домашнее обилие, ни всякое другое благоденствие жизни, не бывают продолжительны; а напротив того, и среди этого благоведрия жизни ожидай иногда непогоды. Приидет болезнь, приидет нищета; ветер не всегда дует в корму; но и такого человека, который во всех отношениях обращает на себя взоры и достоин соревнования, постигает иногда неожиданное бесславие: также и всякое благоденствие жизни возмущают непредвидимые обстоятельства, подобно каким-то бурям. Самая непрерывность зол для тебя тоже, что волны, которые одна за другой возвышаются, бороздят твою жизнь и воздвигают страшное волнение. Со временем увидишь, что и это минуется, жизнь переменится в радость и истинно приятную тишину. Посему, тот разумный правитель, кто вникая в действительную природу, управляет приключениями жизни, остается всегда сам себе равен, не превозносится в благодущии, не упадает духом в несчастьях».

«Еще и в других случаях полезно для нас благо управления. Ибо знаю другие волны и страшное обуревание, восстающее в душе – обуревание плотских страстей. Раздражение и страх, удовольствия и скорби, наносимые нам

плотским мудрованием, как будто сильною какою-то бурей, нередко потопляют неуправляемую душу. Посему должно, чтобы ум, как кормчий, восседая выше страстей, правя плотию, как кораблем, искусно направляя помыслы, как кормило, мужественно попирает волны, высоко держась над ними, недоступен будучи страстям, нисколько не принимал в себя их горечи, подобной соленым морским водам, но всегда говорил в молитве: да избавлюся от ненавидящих мя и от глубоких вод. Да не потопит мене буря водная, ниже да пожрет мене глубина (Пс. 68, 15–16)».

«Хочешь ли, опишу тебе и другое плавание, для которого необходим нам дар управления. Подобно есть царствие небесное человеку купцу (Мф. 13, 45). Поэтому все мы – купцы, все, которые идем евангельским путем, и через исполнение заповедей приобретаем себе обладание небесным. Нам должно собрать великое и разнообразное небесное богатство, чтобы при объявлении прибыли на полученные таланты, не остаться постыжденными, и не услышать: лукавый рабе и ленивый (Мф. 25, 26), но, нагрузившись товарами, отважиться безопасно переплыть жизнь сию. Многие собрав в молодости многое, когда достигли они середины жизни, и духами злобы воздвигнуты были на них искушения, не перенесли тяготы сей непогоды, потому что не было у них управления, и они подверглись ущербу во всем ими собранном. От этого одни потерпели кораблекрушение в вере (1Тим. 1, 19); другие погубили целомудрие, приобретенное ими в юности, как скоро, подобно какой-то неожиданной буре, подуло на них лукавое сластолюбие. Подлинно, самое жалкое зрелище после поста, после суровой жизни, после продолжительных молитв, после обильных слез, после двадцатилетнего, или даже тридцатилетнего воздержания, по невнимательности и по нерадению души оказаться вдруг лишенным всего. Жалкое зрелище – тому, кто обогатился исполнением заповедей, уподобиться какому-то богатому купцу, который, восхищаясь множеством товаров, когда корабль его, носимый попутным ветром, переплыл уже страшное море, вдруг остается без всего; потому что корабль разбивается у самой пристани, –

уподобиться, если и он приобретенное многими трудами и потом губит при одном приражении беса, потопленный грехом, как некою бурей. Такому человеку, у которого вся добродетель подвергается вдруг кораблекрушению, прилично сказать: приидох во глубины морския, и буря потопи мя (Пс. 68, 8)».

Поэтому надежно держись за кормило жизни. Управляй своим глазом, чтобы когда-нибудь через зрение не вторглись в тебя стремительные волны вожделения; управляй слухом и языком, чтобы одним не принять в себя чего вредного, а другим не выговорить чего запрещенного. Смотри, чтобы не опрокинула тебя буря раздражительности, чтобы не обрушились на тебя ужасы страхов, чтобы не потопила тебя тягота скорби. Страсти суть волны; держась выше их, будешь надежным кормчим жизни. А если не уклоняешься каждой из них благоразумно и постоянно, то подобно кораблю без груза, увлекаясь всем, что ни приключится, погрязнешь в море греха. Поэтому выслушай, как может прийти к тебе знание управления. У мореходцев в обычай смотреть на небо, и там находить путеказание кораблю, днем в солнце, а ночью в медведице, или в другой какой из постоянно видимых звезд, и по оным всегда угадывать прямизну пути. Посему и ты имей око, обращенное к небу, по слову сказавшего: к Тебе воздвигох очи мои, живущему на небеси (Пс. 122, 1). Взирай на солнце правды, и как звездами, руководясь Господними заповедями, имей неусыпное око, не давай сна очима и веждома дремания (Пс. 131, 4), чтобы в заповедях иметь тебе достаточное путеказание. Ибо сказано: светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим (Пс. 118, 105). Если никогда не задремлешь у кормила пока находишься в сей жизни, в этом непостоянстве мирских дел: то получишь и содействие Духа, который поведет тебя вперед, и безопасно понесет кроткими и мирными веяниями, пока не спасешься в оную неволнуемую и тихую пристань Божией воли»⁷⁸.

Св. Василий неохотно согласился принять на себя сан пресвитера, но приняв его, совершенно предался своим новым обязанностями, так что иногда отказывался от переписки с друзьями⁷⁹ за недостатком свободного времени. Неумоимо

занимаясь проповеданием слова Божия вверенной его попечению пастве, и исполнением особо возлагаемых на него поручений от Евсевия, архиепископа Кесарийского, он в то же время не переставал назидать своими наставлениями и братию устроенного им монастыря в Понте. Сначала Евсевий не мог не чувствовать блага, которое приносил ему св. Василий своими советами и деятельным сотрудничеством в управлении церковными делами; и пока он обращал внимание только на его благочестивую жизнь, на его мудрое слово и помощь, оказываемую ему им во всех делах, питал к нему заслуженное им доверие и расположение. Когда же свет благочестивой жизни и мудрого облагодатствованного слова Василия привлек к нему взоры и сердца большей части паствы и иноков, то по внушению врага нашего спасения, коснулась его сердца зависть, которая скоро высказалась в охлаждении и недоверии к Василию. Такое отношение Евсевия к Василию скоро сделалось известным чтившим его, разных сословий, особам. Вследствие сего, – говорит св. Григорий Богослов, – восстанут против Евсевия, Архиепископа Кесарийского, «избраннейшие и более мудрые в Церкви, если только премудрее многих те, которые отлучили себя от мира и посвятили жизнь Богу, – я разумею наших назореев, особенно ревнующих о подобных делах. Для них было тягостно, что презирается их могущество, оскорбленное и отринутое, и они отваживаются на самое опасное дело, замышляют отступить и отторгнуться от великого и безмятежного тела Церкви, отсеки и немалую часть народа из низкого и высокого сословия. И сие было весьма удобно сделать по трем важным причинам. Василий был муж уважаемый, и едва кто из наших любомудрцев пользовался таким уважением, если бы захотел, он имел столько сил, что мог бы придать смелости своим защитникам. А оскорбивший его находился в подозрении у народа за смятение, произведенное при возведении его на престол, так как и сан предстоятеля получен им был не столько законно и согласно с правилами, сколько насильственно. Явились также некоторые из западных архиереев, и они привлекали к себе всех православных в Церкви. Что же предпринимает сей доблестный ученик

Миротворца? Не ему было противоборствовать и оскорбителям и ревнителям, не его было дело заводить прю и расторгать тело Церкви, которая была уже борима и находилась в опасном положении от тогдашнего преобладания еретиков. Употребив в совещание об этом меня, искреннего советника, со мною же вместе предается он бегству, удаляясь отсюда в Понт, и настоятельно в тамошних обителях, утверждает же в них нечто достойное памятования и лобызает пустыню вместе с Илиею и Иоанном, великими хранителями любомудрия, находя сие более для себя полезным, нежели в настоящем деле замыслить что-либо недостойное любомудрия, и во время тишины, научившись управлять помыслами, нарушить сие среди бури»⁸⁰. И действительно, в таких обстоятельствах, которые угрожали расторжением Кесарийской церкви, что могло доставить только торжество врагам Церкви, Василий ничего лучшего не мог предпринять, и Григорий ничего лучшего не мог присоветовать своему другу, как спастись бегством от врагов и друзей. Но так как, с одной стороны, несправедливость к нему правителя церкви, с другой бедствие, угрожавшее Церкви со стороны врагов православия, не могли не действовать скорбно на душу Василия, поэтому неизменный друг его, Григорий, чтобы утешить его своим присутствием и беседою, последовал вместе с ним в пустыню.

Глава IV

Вступление на престол Валента, сильно покровительствовавшего арианам. Его покушение овладеть Кесарийскою Церковью, с тем, чтобы передать в управление арианам. Примирение св. Василия с Евсевием, и его усилие вместе со св. Григорием к отражению всех нападений Валента и арианских епископов. Безуспешность покушений Валента и его удаление от Кесарии. Попечительность св. Василия о всех делах церковных и его ревность в проповедании слова Божия. Беседы его на шесть дней творения мира, и извлечение из них некоторых мыслей, особенно служащих к опровержению новейших возражений со стороны геологов и астрономов. Беседы на Псалмы, и извлечение из них более назидательных мыслей и особенно служащих к уяснению текста. Толкование на 16 глав пророка Исаии, и извлечение более назидательных мыслей. Беседа о том, что не Бог виновник существующего зла в мире, из которой сделаны некоторые извлечения в разрешение тех вопросов, которые доселе тревожат пытливые умы некоторых из наших современников. Попечительность св. Василия о бедных во время голода, постигшего Каппадокийскую область, и его живое и поучительное слово к богатым о вспомоществовании бедным. Попечительность св. Василия об освобождении Восточной Церкви от нападений ариан и его заботливость об устройстве монастырей в Кесарии и других местах.

Св. Василий, вступив в свою Понтийскую обитель, скоро почувствовал, что любящим Бога все споспешествует во благо. Тишина уединения монастырской жизни скоро показала ему, насколько пустынная жизнь превосходит городскую в удобствах для жизни подвижнической и насколько способнее водворить мир душевный даже при обуревании самыми неприятными обстоятельствами жизни. Время впрочем скоро показало, что и самая скорбь послана св. Василию для того только, чтобы явить Евсевию и всей его Кесарийской пастве, насколько его мудрое и

облагодатствованное слово полезнее для Церкви и могущественнее самой власти епископской.

Валент, крещенный Евдонием, предстоятелем арианской церкви в Константинополе⁸¹, вступив в управление Восточною Империюю, решился доставить арианам полное торжество над православием, и вследствие этого многих уже православных епископов изгнал и сослал в заточение, а церкви их предоставил в управление арианским епископам. Так как доселе почти одна только Кесарийская церковь оставалась правоверною и не подчинялась насилию ариан, поэтому Валент (в Июле 365 г.), взяв с собою арианских епископов, сам предпринял поход в Кесарию с целью непременно подчинить независимую доселе Кесарийскую церковь власти ариан. Полагаясь на неопытность Кесарийского Архиепископа, на отсутствие св. Василия, могущественного противника ариан, и на то, что Кесарийская церковь вследствие разногласия между Евсевием и св. Василием разделилась между тем и другим, Валент решительно полагал, что личным своим присутствием непременно одержит победу и достигнет давно желанной цели⁸².

Слух о таком предприятии Императора сильно смутил всю Кесарийскую церковь, и самого Евсевия заставил вспомнить и поскорбеть об удалении св. Василия. Св. Григорий Богослов, ревнуя о благе Кесарийской церкви, у которой отнят был в лице св. Василия деятельный и сильный защитник Церкви и великий светильник, разливавший свой свет повсюду, куда только начинал проникать мрак учения арианского, не мог также оставаться равнодушным зрителем несправедливости Евсевия, непонимавшего какой опасности он подвергал себя и паству свою через удаление от себя Великого Василия. И потому при первом удобном случае он написал Евсевию письмо, в котором с полною свободою христианина, имеющего в виду только славу Божию и пользу ближнего, напоминая об оскорблениях, нанесенных им его другу Василию, убеждал его возвратиться к тем чувствам, которые он питал к нему при первом его вступлении в должность пресвитера. Евсевий, не умевши воспользоваться советами и усердием к делу св. Василия,

вскоре после его удаления пригласил на духовные совещания Григория. Св. Григорий во имя его собственной правдивости прося у него позволения высказать ему все, что было у него на сердце, писал ему: «снизойди к моему дерзновению, иначе обидишь, лишая меня свободы и принуждая скрывать в себе болезненную скорбь подобно какому-то гнойному и злокачественному вреду. Как радуюсь, что делаешь мне честь и приглашаешь меня на духовные совещания и собрания; так тяжело для меня оскорбление, какое терпел и доселе терпит от твоего благоговения досточестнейший брат Василий с самого начала мною избранный и доселе остающийся для меня товарищем жизни, учения и самого высокого любомудрия, и я за такое избрание ни мало не охуждаю себя, – потому что скромнее будет сказать так, иначе подумаешь, что похвалия его совершенства, хвалю сам себя. Но ты унижая его и оказывая честь мне по моему мнению поступаешь почти так же, как если бы кто одного и того же человека стал одною рукою гладить по голове, а другою бить по щеке, или подломав основание дома, начал расписывать его стены и украшать наружность. Поэтому, если убедишься сколько-нибудь моим словом, то сделаешь моему. А я прошу убедиться, потому что это и справедливо. Если обойдешься с ним как должно – и он будет служить тебе. А мое дело следовать за ним, как тени за телом»⁸³. Но эта свобода в выражении своих чувств не понравилась Евсевию и он написал Григорию, укоряя его за непочтительность к его сану. Св. Григорий отвечая с прежнею твердостью объяснил ему, что он искренно выражал свои чувства и мысли не по недостатку уважения к его сану, а потому, что почитал для него, как великодушного человека, более свойственным принимать свободные речи от друзей, нежели ласкательства от врагов⁸⁴. Имея в виду опасность, угрожавшую Кесарийской церкви со стороны Валента и арианских епископов сопровождавших его, св. Григорий, чтобы скорее склонить Евсевию к миру со св. Василием, без помощи которого он не имел бы силы противиться арианам, написал ему третье письмо, в котором, извиняя свою свободу и смелость в прежних письмах чрезмерною скорбью за своего друга, выражал готовность

вместе со св. Василием придти к нему, чтобы совокупными силами действовать против врагов Церкви. «Если угодно тебе, – писал он ему, – придем соединить с тобою свои молитвы, вместе подвизаться и служить тебе»⁸⁵. И Григорий, действительно, вскоре прибыл к Евсевию и с радостью увидел, что время и обстоятельства настолько смягчили его нерасположение к Василию, что он готов был первый написать ему. Узнав о таком мирном настроении духа Архиепископа, св. Григорий поспешил написать св. Василию, убеждая его предварить своим письмом и потом поспешно самому придти в Кесарию, «чтобы впоследствии не остаться в стыде как побежденным, когда можно было самим победить, прекрасно и любомудренно уступив над собою победу». И чтобы скорее побудить его придти в Кесарию, писал ему, что скопище еретиков уже нападает на Церковь и есть опасность, что учение истины может быть извращено, если не подвигнется вскоре дух Веселеила, мудрого архитектора православных догматов и учения. В заключение письма говорил: «если найдешь нужным, чтобы пришел и я быть твоим споспешником и спутником, то не уклоняюсь и от этого»⁸⁶.

Вскоре за сим письмом св. Григорий и сам отправился в Понт к своему другу, не по чувству только любви к нему, но и в качестве посла от Евсевия и всего клира церкви Кесарийской, чтобы побудить его скорее придти в Кесарию, так как ариане, поддерживаемые Валентом, опустошили много уже провинциальных церквей и готовы были напасть на самую Кесарию, митрополию Кесарийской области. Что же Василий, эта мужественная, исполненная высоких помыслов и подлинно христоролюбивая душа? Немного нужно было убеждений Василию, – говорит св. Григорий, – чтобы он явился и стал поборником. Напротив того, едва увидел умоляющим меня (обоим нам предстоял общий подвиг, как защитникам правого учения), как был побежден молением. Прекрасно и весьма любомудренно рассуждал он сам в себе по духовному разумению, что если уже и впасть когда в малодушие, то для сего есть другое время, именно время безопасности, а при нужде – время великодушию. Посему тотчас отправился со

мною из Понта, ревнуя об истине, которая была в опасности, делается произвольным сборщиком и сам себя предает на служение Матери-Церкви»⁸⁷. И лишь только св. Василий прибыл в Кесарию, прежде всего поспешил искренно и совершенно примириться с Евсевием. Приняв же в свои руки власть к распоряжению делами атаки против врагов Церкви, он немедленно приступил к делу: «подает советы (Епископу), приводит, – говорит св. Григорий, – в порядок воинство (духовное), уничтожает встречающиеся препятствия, преткновения и все то, на что положившись, противники воздвигли на нас брань. Одно приемлет, другое удерживает, а иное отвергает. Для одних он твердая стена и оплот, для других млат, сотрясущий камень (Иер. 23, 29) и огонь в тернии (Пс. 117, 12), как говорит божественное Писание, удобно истребляющий подобных сухим ветвям и оскорбителей Божества. А если с Павлом подвизался и Варнава, который о сем говорит и пишет; то и за сие благодарение Павлу (т. е. св. Василию), который его избрал и соделал сотрудником в подвиге! Таким образом противники остались без успеха, и злые в первый раз тогда злом посрамлены и побеждены: они узнали, что презирающим других небезобидно презирать и каппадокиян, которым всего свойственнее непоколебимость в вере, верность и преданность Троице»⁸⁸. Так замыслы Валента были уничтожены⁸⁹. Полученное же тогда известие о бунте Прокопия и разрушение многих городов землетрясением и разливом моря⁹⁰, этих вестниках гнева Божия на нечестие Императора, заставило его обратить внимание на другие дела, не пробудив однако же, в его совести чувства сокрушения о своем злочестии.

Оградив Церковь от нападений еретиков, св. Василий старался укрепить и ее внутренние силы, чтобы сделать ее недоступною нападениям и в другой раз. Первою его заботою было не только утвердить искренний мир между им и Архипастырем, но и других уверить в этом, чтобы ни враги, ни друзья не имели повода к предосудительным толкам о возникшем между ними недоразумении. Вторым делом (после изгнания еретиков) и попечением для Василия, – говорит св. Григорий Богослов, – было оказывать услуги предстоятелю,

уничтожить подозрение, уверить всех людей, что огорчение произошло по искушению лукавого, что это было нападение завидующего единодушию в добре, а сам он знал законы благопокорности и духовного порядка. Посему: приходил, умудрял, повиновался, давал советы; был у предстоятеля всем – добрым советником, правдивым представителем, истолкователем Божия слова, наставником в делах, жезлом старости, опорой веры, самым верным в делах внутренних, самым деятельным в делах внешних. Одним словом, он признан столько же благорасположенным сколько прежде почитаем был недоброжелательным. С сего времени и церковное правление перешло к Василию, хотя по кафедре занимал он второе место, ибо за оказываемую им благорасположенность получил взамен власть. И было какое-то чудное согласие и сочетание власти: один управлял народом, а другой – управляющим... и сотрудничество Василиево было ему приятно, и в Василиево правление почитал он правителем себя»⁹¹.

Кроме занятия делами, касавшимися общего управления Кесарийскою церковью, св. Василий обращал особенное внимание на проповедание слова Божия, чтобы отнять у всех предлог к неисполнению закона Божественного по неведению оного. Все слова и беседы св. Василия заслуживают полного внимания каждого христианина, как по внутреннему своему содержанию, так и по внешней форме и изложению. Как все действия св. Василия отличались необыкновенным величием и важностью, так и все сочинения его запечатлены тем же характером высоты и величия христианского; это их общее и отличительное свойство, которое принадлежит им более, нежели сочинениям какого-либо другого писателя церковного. Во всех словах св. Василий превосходит: он владеет языком чистым, изящным, величественным; в порядке и силе мыслей он неподражаем, убедительность соединяет с приятностью и ясностью. В своих поучениях св. Василий занимался не столько умозрительными предметами христианского учения, сколько деятельными. Живо и убедительно для ума и сердца он раскрывал красоту добродетелей христианских и обличал

гну́сность пороков. Как проведший всю жизнь в подвиге и постоянном стремлении к высшему христианскому совершенству, он с увлекательною силою отторгал своих слушателей от порока, и указывал верный путь к добродетели. Но беседы его: против ростовщиков, против пьянства и роскоши, – по силе и одушевлению считаются лучшими между всеми беседами св. Василия. Самые толкования его на Псалмы и шестнадцать глав пророка Исаии направлены к духовному назиданию его слушателей. Самый наружный вид проповедника располагал к вниманию его слову и внушал доверие к его поучениям. Св. Василий, истощенный постоянным постом, усиленною деятельностью и болезнями, вступая на кафедру, являлся взору слушателей бледным, худым, истощенным и более походил на призрак, чем на живого человека. Но в столь немощном теле обитал дух, не знавший утомления. Св. Василий, несмотря на крайнюю немощь своих телесных сил, не только каждодневно, но и по два раза в день, утром и вечером говорил поучения⁹². Иногда после проповеди в одной церкви он приходил проповедывать в другой⁹³. Для поучений столь частых и нередко очень обширных, всегда исполненных глубокой силы и назидания, очевидно недостаточно было одного естественного дара слова, образованного риторским искусством, но нужна была помощь Того, Кто дает Своим посланникам силу и премудрость. «Василием, – говорит св. Григорий, испытаны все глубины Духа, и из сих-то глубин почерпал он нужное, чтобы образовать нравы, научать высокой речи, отвлекать от настоящего и преселять в будущее»⁹⁴.

Чтобы не остаться безучастными в тех благах духовных, которыми пользовались современники св. Василия, воспользуемся хотя некоторыми мыслями из его бесед.

Беседы на шестоднев, говоренные в церкви при многочисленном собрании народа.

1-я Беседа. В начале первой беседы св. Василий показывает, что для того, чтобы душа соделалась способною узреть Бога в Его творении, для этого она должна быть чистою от плотских страстей, неомраченною житейскими заботами, трудолюбивою, изыскательною, вникающею во все, из чего

только можно занять понятие о Боге, достойное Бога. «Не из отсутствия ли этих качеств происходит неверие современных исследователей природы в Бога, мудрость и благость Которого усматривают во всем, как в малом так и в великом другие исследователи природы, но обладающие более чистым сердцем и более свободные от житейских забот и земных привязанностей? Для того, чтобы видеть предмет в надлежащем виде и свете, нужно установить верную точку зрения на предмет и иметь здоровое око. Не от неверной ли точки воззрения на мир Божий и омраченности ока ума страстями происходит неумение объяснить многое понятное верующему, спутанность в понятиях, нестроение в государственной жизни, разлад в семейном быту, необузданное стремление к личной свободе, без уважения свободы другого человека? – Но говорят: наука идет вперед и очищает взор человека на мир и неутолимую работу могучих сил природы. Посмотрим, далеко ли наука ушла вперед и особенно ученые исследователи природы в своих выводах относительно начал всех видимых явлений природы. «Еллинские мудрецы много рассуждали о природе, – говорит св. Василий, – и как незнавшие Бога не допускали, что происхождение всех вещей зависит от разумной причины; а сообразно с сим коренным своим неведением заключали и о прочем. Потому одни прибегали к вещественным началам и причину всех вещей приписывали стихиям мира; другие же представляли себе, что природу видимых вещей составляют атомы и неделимые тела, тяжесть и скважность, потому что рождение и разрушение происходят, когда неделимые тела то взаимно сходятся, то разлучаются, а в телах существующих долее других причина продолжительного пребывания заключается в крепчайшем сцеплении атомов». Не то же ли самое проповедуют и новейшие исследователи природы, что говорили две тысячи лет назад? Они хвастают своими мнениями, как последними выводами, добытыми современной наукой; а в действительности, разность между современными и давно отжившими взглядами на мир состоит не в понятиях, а только в словах. Но посмотрим, как опровергает эти ложные мнения св.

Василий. Он говорит: «ни одно их учение не осталось твердым и непоколебимым, потому что последующим учением всегда ниспровергались предшествовавшие. Посему нам нет и нужды обличать их учения; их самих достаточно друг для друга к собственному низложению». Вот пятнадцать веков назад какой суд произнесен над мнениями ученых, но неверующих натуралистов, мужем, равно глубоко изучившим как слово Божие так и современные науки! Мы не будем говорить о тех, которые берут на себя жалкую роль быть провозвестниками старых, только в новой одежде, и давно отринутых мнений о началах мироздания. Их ученая гордость не допустит их сознаться в своем заблуждении; они скорее согласятся признать в своей голове совершенное отсутствие мозга, нежели поклониться перед очевидною истиною. Пример такой гордости и упорного неверия представляет Вольтер, который, положив себе однажды – отрицать возможность чудес, говорил: если бы чудо совершено было на моих глазах при двух тысячах очевидных свидетелей, одаренных здравым смыслом и неповрежденным зрением, то и тогда я согласился бы скорее признать себя и всех очевидных свидетелей слепыми, нежели допустить возможность чуда. Таких субъектов лучше предоставить их собственной судьбе, нежели попусту тратить слова.

Но мы обращаем слово к вам, немощные христиане, которые, не имея ни сил, ни возможности проследить во всей полноте все науки по части естествоведения, по небрежности о вечном спасении своей души или по увлечению новизною идей, отринули веру в несомненную истину Божественного Писания и с непоколебимым доверием принимаете выводы ученых натуралистов, не обращая внимания ни на шаткость основания их выводов, ни на те гибельные последствия, к которым неизбежно должны будете придти вы, если сообразно с их мировоззрением расположите всю свою земную жизнь. Вам случалось вероятно видеть, как вследствие проливных дождей бурный поток несется с гор и с какою стремительностью сокрушает и уносит все, что только попадает ему на пути. И горе тому путнику, который вместо того, чтобы наблюдать за его

клубящуюся пеною со стороны, станет на его пути. Он сделается неизбежно жертвою его бурных вод и только по прошествии многого времени его измятый и обезображенный труп засвидетельствует оставшимся в живых о его неблагоразумии или неосторожности. Новые учения разных мыслителей, слишком доверяющих авторитету своего ума, как бурный поток быстро увлекают современников своею новизною. Но пройдет несколько десятков лет – и этот поток иссохнет, о его существовании напомним только последующему поколению жалкое состояние тех личностей, которые оставив незыблемый камень веры, увлеклись новизною учения. Для кого дорога вечная жизнь духа, – не сходи с твердого камня веры Христовой, помня, что людские мнения сменяются одни другими, оставив свидетельство о заблуждении ума человеческого, а слово Божие, как несокрушимая истина, ведущая в жизнь вечно-блаженную на небе, останется непреложным во все века. Но возвратимся к св. Василию.

Он, признав мнение еллинских мудрецов, как друг друга уничтожающих, недостойными и ответа, говорит далее: «подлинно ткнут паутинную ткань те, которые пишут это и предполагают столько мелкие и слабые начала неба, земли и моря. Они не умели сказать: в начале сотвори Бог небо и землю. Потому вселившиеся в них безбожие внушило им ложную мысль, будто бы все пребывает без управления и устройства и приводится в движение как бы случаем. Чтобы и мы не подверглись тому же, описывающий мироздание прямо, в первых словах, просветил наше разумение именем Божиим, сказав: «в начале сотвори Бог».

Сими тремя словами открыты три великие истины, которых слепотствующий разум человека не мог открыть истины, уничтожающие все гипотезы мнящихся быть мудрыми ученых мужей, но в действительности обьюродевших, так как их гипотезы ничего не уясняя, только удаляли от истины. Словом Бог бытописатель показал, что мир имеет причину своего бытия не сам в себе, но в Боге, как единственном виновнике его бытия. Словом сотвори показывает, что мир не образован только, как думали некоторые, из совечной Богу материи, но

сотворен, как не существовавший прежде этого акта творческой мысли Божией. Словом вначале показывает, что мир получил начало своего бытия в определенный Богом момент, следовательно, было время, когда его не было не только в той форме, в какой он представляется нашему взору теперь, но и в первоначальных своих элементах, еще не имевших определенной формы. Из этих трех великих истин св. Василий выводит четвертую – евангельскую истину о кончине мира. «Начавшееся, – говорит он, – со временем по всей необходимости и окончится во времени... Где подлежат повреждениям и переименованиям части, там и целое необходимо потерпит некогда одинакие видоизменения с собственными своими частями». О геометрах, математиках и астрономах, старающихся проникнуть в недосызаемые глубины земли и измерить взором неизмеримую высоту мирового пространства, но нигде не видящих Бога, Творца всего видимого и невидимого, – говорит, – что они осуетишася помышлении своими, и омрачися неразумное их сердце, и глаголющие быти мудри, обьяуродеша (Рим. 1, 21–22)... и без сомнения, излишество мирской мудрости принесет для них некогда приращение тяжкого осуждения за то, что с такою осмотрительностью вникая в пустые предметы, произвольно слепотствовали в уразумении истины. Они, вымерявшие расстояние звезд, описавшие звезды всегда видимые и северные, а также звезды, находящиеся около южного полюса, и живущим там видимые, а нам (т. е. жителям северного полушария) неизвестные, разделившие на тысячу частей и северную широту и зодиакальный круг, с точностью наблюдавшие возвращение звезд, их стояния, склонения и общее движение к прежним местам, а также время, в какое каждая из планет совершает свой период, – они не нашли одного из всех способа, как уразуметь Бога, Творца вселенной и праведного Судию, воздающего каждому достойно по делам, и как вместить в уме вытекающую из понятия о суде мысль о скончании; потому что миру необходимо измениться, если и состояние душ перейдет в другой род жизни. Ибо как настоящая жизнь имеет качества, сродные сему миру, так и будущее

существование наших душ получит жребий, свойственный своему состоянию. Но они до того не расположены внимать сим истинам, что даже громким смехом встречают нас, которые возвещаем кончину сего мира и вечное пакибытие».

Спрашивают: неужели творческое могущество ограничилось только творением одной земли или, по крайней мере, одной солнечной системы, о телах которой упоминает Моисей? «Нет, – отвечает св. Василий, – сотворенное есть самая малая часть Зиждителя могущества. Как горшечник, с одинаковым искусством сделавший тысячи сосудов, не истощил тем ни искусства, ни силы: так и Создатель этой вселенной, имея творческую силу, не для одного только мира достаточную, но в бесконечное число крат превосходнейшую, все величие видимого привел в бытие одним мановением воли».

Но было ли что-либо до сотворения этого видимого мира? – спрашивают любопытные. «Было нечто, как вероятно, и прежде сего мира, – отвечает св. Василий; – но сие хотя и постижимо для нашего разумения, однако же не введено в повествование (Моисея), как несоответствующее силам новообучаемых и младенцев разумом. Еще ранее бытия мира, было некоторое состояние, приличное премирным силам, превышшее времени, вечное, присно продолжающееся. В нем-то Творец и Зиждитель всяческих совершил создавая – мысленный свет, приличный блаженству любящих Господа, разумные и видимые природы и все украшение умосозерцаемых тварей, превосходящих наше разумение, так что нельзя изобрести для них и наименований. Они-то наполняют собою сущность невидимого мира... А когда уже стало нужно присоединить к существующему и сей мир – главным образом училище и место образования душ человеческих, а потом и вообще место-пребывание для всего подлежащего рождению и разрушению, тогда произведено сродное миру и находящимся в нем животным и растениям, преемство времени, всегда поспешающее и протекающее и нигде не превышающее своего течения».

Древние мыслители, как не знавшие Бога, совершенно устранили Бога от участия в творении мира, приписывая материи самобытное существование и самообразовательную

силу. Новейшие же, каковы некоторые из геологов и астрономов, не решаясь спуститься на такую степень бессмыслия, ограничивают однако же всемогущество творческой силы Божией, определяя период творения не днями, как повествует Библия, но десятками тысячелетий. Но св. Василий говорит: «поелику действие творения мгновенно и не подлежит времени, то и сказано в начале сотвори, потому что начало есть нечто не состоящее из частей и непротяженное... Итак, чтобы мы уразумели вместе, что мир сотворен хотением Божиим не во времени, сказано: в начале сотвори. В означение сего древние толкователи, яснее выражая мысль, сказали: вкратце сотвори Бог, то есть: вдруг и мгновенно».

Объяснив то, как земля держится в пустом пространстве, не смешиваясь ни с воздухом, ни с водою и не изменяя своего положения по отношению к другим планетам, говорит: «если в сказанном доселе кажется тебе что-нибудь правдоподобным, то обратись с удивлением к Божией премудрости, которая так сие устроила. Ибо изумление перед великими предметами не уменьшается, когда открыт способ, каким произошло что-нибудь необычайное. А если и не открыть, то простота веры да будет крепче доказательств от ума.

Беседа 2. В этой беседе показывает, что прежде нежели мир получил бытие во вне и сделался видимым, он уже существовал в мысли Божией со всеми подробностями своего последующего бытия. Для осуществления этого пока еще в идее существовавшего мира, Он создал потребную для этого материю и материи дал силы, необходимые для достижения предположенной цели. «Бог,— говорит св. Василий, — прежде нежели существовало что-нибудь из видимого ныне, положил в уме и подвигшись привести в бытие не сущее, вместе и помыслил, каким должен быть мир, и произвел материю, соответствующую форме мира. Для неба отделил Он естество приличное небу и в форму земли вложил сущность, свойственную земле и для нее потребную. Огню же, воде, воздуху и формы дал, какие хотел и сущность их привел, как требовало умопредставление каждой из творимых вещей. И целый мир, состоящий из разнородных частей, связал Он каким-

то неразрывным союзом любви в единое общение и в одну гармонию; так что части по положению своему весьма удаленные одна от другой, кажутся соединенными посредством симпатии (силы тяготения или магнетизма). Посему, да прекратят свои баснословные построения те, которые при помощи собственных умствований измеряют могущество, непостижимое для разумения и вовсе неизреченное на человеческом языке».

Все в мире как получило начало бытия от Бога, так и самые силы, сообщенные Богом природе, проявляли себя во вне не по случайному столкновению между собою, но по повелению творческого слова Божия: да будет. «Земля,— говорит св. Василий, — по силе, вложенной в нее Создателем, хотя готова была породить все сие (т. е. разные сорта хлеба, травы и цветы), однако же ожидала приличного времени, чтобы по Божью повелению, произвести на свет свои порождения».

Беседа 3-я. В начале беседы св. Василий говорит: «увеселив вчера ваши души, по мере возможности собеседованием о словах Божиих, опять собрались мы ныне на другой день, чтобы обозреть чудеса дел второго дня. Так как это было утро и день будничней, увидев в храме Божиим разных ремесленников, пришедших в оный как для молитвы, так и для слушания его поучений, но которым предстоит еще необходимый труд для снискания себе и своему семейству пропитания, св. Василий ободряет их усердие своим словом показывая, что время, посвященное ими Богу, не пропадет бесплодно для них. Не сокрыто от меня и то, что среди нас стоят многие ремесленники, которые, занимаясь художественными рукоделиями, с трудом добывают себе пропитание дневною работою, и они-то обсекают у меня слово, чтобы не надолго отвлекаться от работы. Что же скажу им? То, что часть времени, данная в заим Богу, не пропадает, но вознаграждается Им с великим прибытком. Ибо все те обстоятельства, которые способствуют к делу, благоустроит Господь, предпочитающим духовное, подав в делах их и крепость тела, и усердие души, и удобство к сбыту работ, и благоуспешность в целой жизни. Но хотя бы в настоящей жизни

плоды трудов ваших и не соответствовали вашим надеждам, по крайней мере, для последующего века доброе сокровище – учение Духа. Посему отложи из сердца всякое житейское попечение и весь соберись теперь сам в себя. Ибо мало пользы, если телом ты здесь, а сердце твое занято земным сокровищем». Какой назидательный пример представляют эти ремесленники и для настоящего времени, не только своим собратиям по ремеслу, но и людям более обеспеченным средствами к жизни! Как много находится таких людей, которые под предлогом многосложных занятий и забот в продолжение наступающего дня, не только отказываются от ежедневного посещения храма Божия, но и от домашней внимательной молитвы, забывая слово Премудрого: всеу труждается зиждущий, аще не Господь созиждет! И что же бывает плодом такой многопопечительной деятельности, в основу которой не хотели испросить от Бога благословения? Большею частью бывает или неуспех в деле или вредное для души и тела употребление полученных плодов. Конец же всему позднее раскаяние, а иногда с ропотом на Бога, Которого не хотели в свое время призвать себе на помощь.

Остановив внимание на словах: рече Бог, св. Василий спрашивает: как говорит Бог? Так же ли, как и мы? Нет, отвечает сам на вопрос: Божие хотение и первое устремление мысленного движения есть уже Божие слово».

Потом обращая внимание на то, что в начале сказано было: сотвори Бог небо и землю, так, – говорит он, – Писание могло бы сказать и далее: сотвори свет, а потом: сотвори твердь. – Но так как сказано: рече Бог, то этим Писание заставляет предполагать, что был некто слушающий глагол Божий и приводящий в исполнение повеления Божии. – Этим оборотом речи, – говорит св. Василий, – «Писание как бы окольною дорогою и постепенно приближает нас к мысли об Единородном. Но для естества бестелесного и в этом случае не было нужды в слове, произносимом посредством голоса, потому что Содействующему самые мысли могли быть переданы. Ибо какая нужда в слове тем, которые могут друг другу сообщать изволения свои мысленно?» – «Для того, –

замечает далее – и употреблен этот образ разглагольствия, чтобы возбудить ум наш к исследованиям о Лице, к которому изречены слова.

Объясняя слова: и виде Бог, яко добро, – св. Василий говорит, – что Бог одобряет каждую часть своего творения не как человек, которому нравится и на которого производить приятное впечатление внешняя форма предмета, но как великий художник, видящий в каждой отдельной части своего творения способность и силу к достижению общей цели, предположенной для всего вообще мира. «Созидаемое Богом, – говорит он, – не очам Божиим доставляет приятность и одобрение красоты у Бога не таково, как у нас. Для Него прекрасно то, что совершено по закону искусства, направлено к благопотребному концу. Посему-то Предположивший явственную цель созидаемого, одобрял творимое по частям, соображаясь со Своими художническими законами, поколику оно служило к достижению конца. – Когда рука лежит сама по себе, а глаз особо и каждый член статуи положен отдельно, тогда не для всякого покажутся они прекрасными. А если все поставлено на своем месте, то красота соразмерности часто и с первого взгляда усматривается даже невеждою. Но художник и прежде сложения знает красоту каждой части и хвалит ее отдельно, возводя мысль свою к концу. Подобным художником, одобряющим каждое свое произведение порознь, изображается теперь и Бог. Но Он воспишет приличную похвалу и целому миру вместе взятому, когда будет он сотворен».

Но как начал свою беседу св. Василий внимательностью к ремесленникам, пришедшим в храм для слушания его поучений, так и оканчивает оную обращением своего слова к ним же. «Да прекратится у нас слово о втором дне, чтобы трудолюбивым слушателям осталось времени исследовать слышанное и что полезно, то удержать в памяти и посредством тщательного размышления, как бы посредством некоторого переварения, приуготовить к изнесению из себя служащего на пользу, и чтобы снискивающим пропитание трудами иметь досуг кончить свои попечения в остающееся свободным время и с душою, чистою от забот, прийти на вечерний пир слова». Какая

удивительная неустойчивость в проповедании слова Божия в великом учителе истины! Утром произнесена была беседа, к вечеру уже готовится другая! Но какая, достойная великого учителя ревность к слушанию его слова в его учениках! Несмотря на предстоящие им труды для снискания дневного пропитания, спешат к слушанию его слова и рано утром, и поздно вечером.

Эту беседу св. Василий заключил благожеланием всем, как присутствовавшим в храме, так и тем, которые не довольствуются при воззрении на этот видимый мир восприятием одних впечатлений от внешних предметов, но желают от видимого восходить мыслью и к невидимому чувственными очами Творцу вселенной. «Бог, создавший великое, да даст вам во всем разумение истины Его, чтобы вы из видимого познавали невидимое, из величия и красоты тварей собирали подобающее понятие о Сотворшем нас. Невидимая бо Его от создания мира творением помышляема видима суть, и присущая сила Его и Божество (Рим. 1, 20). Да даст вам и в земле, и в воздухе, и в небе, и в воде, и в ночи, и во дне, и во всем видимом собирать ясные напоминания о Благодетеле. Ибо не оставим никакого времени грехам, не уступим места врагу в сердцах своих, если через непрестанное памятование будем вселять в себе Бога, Которому всякая слава и поклонение ныне и всегда и во веки веков».

Беседа 4-я. В начале этой беседы, чтобы возбудить внимание присутствовавших в храме к слушанию повествования о дивных делах Божиих и отклонить предлог к отречению от сего, спасительного для души дела утомительностью продолжительных бесед, указывает, что находятся люди, которые не утомляются насыщать с раннего утра до позднего вечера свои взоры и зловредными для души представлениями. Эта-то неустойчивость неблагомыслящих людей показывает, что человек много имеет силы для дела, которое любит; если же утомляется продолжительною церковною службою или церковною проповедью, то потому только, что или не сознал еще пользы для своей души от этого дела и не сумел развить в себе любви к нему. «Есть города, –

говорит он, – в которых жители, с глубокого утра до самого вечера, насыщают взоры всякая рода представлениями чудесников и сколько ни слушают каких-нибудь нескромных и неблагочинных песен, от которых в душах необходимо зарождается много бесстыдства, однако не могут их наслушаться. Даже многие почитают таких людей счастливыми, потому что они, оставив торговлю на рынках или занятия искусствами, необходимыми для жизни, в праздности и забавах проводят определенное им время жизни, не зная, что позорище, обильное нескромными зрелищами для присутствующих в нем, служит общим и народным училищем распутства и что самые стройные звуки свирелей и блуднические песни, напечатлевшись в душах слушателей, не к иному чему побуждают всех, как только к бесчинству. А страстные охотники до конских ристалищ и во сне состязаются о конях, перепрягают колесницы, переменяют возничих, и вообще даже в сонных мечтаниях не покидают дневного безумия. Итак мы ли, которых Господь, великий Чудотворец и Художник создал теперь, чтобы явить нам дела Свои, мы ли отяготимся созерцанием или обленимся выслушать словеса Духа? Не обступим ли напротив того сию великую и полную разнообразия художническую храмину Божия созидания, и востекшии каждый своею мыслью к временам давним, не будем ли рассматривать украшение вселенной?»

И рече Бог: да соберется вода... в собрание едино. «Может быть, – говорит св. Василий, – иной спросит: почему принадлежащее воде по природе, то есть силу стремиться вниз по скату, Писание приписывает повелению Зиждителя? В других словах, но и ныне задают тот же вопрос. Говорят: когда вследствие вулканических извержений и передвижения огненной расплавленной массы, находящейся внутри земли, образовались горы и глубокие впадины на поверхности земной коры, тогда естественно по силе тяготения воды, покрывавшие доселе всю поверхность земли, должны были стечь в низменности и котловины, а возвышенные места осушиться без особого на то повеления Зиждителя». К чему же слово: да соберется. «Ответствуем, говорит св. Василий: тебе известны

стали движения воды после повеления Владыки. Теперь она везде растекается, непостоянна, по природе стремится в покатые и вогнутые места, но какую силу она имела прежде, нежели вследствие сего повеления произошло в ней такое стремление к движению, сего сам ты не знаешь и не мог слышать от какого-либо очевидца... Если воды текут, то сие по Божию повелению; и если море заключено внутри своих пределов, то сие есть следствие первого законоположения... Глагол творит самое естество и повеление, данное тогда твари, определило порядок сотворенного и на последующее время». Что же такое после сего определения силы природы, которым естествоиспытатели, непознавшие Бога в природе, придают столь могущественную и зиждительную силу? Силы природы суть не более и не менее, как продолжение действия того же всемогущего и зиждительная слова Творца вселенной, которое произнес Он в начале: да будет и проч. Некоторое подобие к уяснению действия творческого слова Божия можно находить и в действиях человеческих. Царь сказал слово, чтобы известные корпуса войск в известные сроки года передвигались с одного пункта его царства на другой и, по прошествии некоторого промежутка времени возвращались на прежний пункт. Пока слово царское не будет отменено или изменено им же самим, войска и будут передвигаться по назначению. Кто передвигает войска с места на место? Простак, обращающий внимание только на посредствующие орудия, конечно, скажет, что пехоту передвигают собственные ноги пехотинцев, а кавалерию лошади. Но человек, способный восходить мыслью к первоначальной причине движения войск, несомненно скажет, что войска передвигает царское слово. Так человек, неспособный подняться мыслью к первоначальной и верховной Причине всего живущего,двигающего идвигающегося, все видимые явления природы приписывает, как главнейшим и единственным факторам, силе тяготения, силе упругости, силе химического сродства, или чему-либо подобному. Но человек, поднятый верою к сознанию верховной Причины говорит, что все в мире производит Бог и без Него ничего не происходит ни даже самонаималейшего, как падение волоса с головы. И потому с

молитвою обращается не к посредствующим причинам некоторых событий в нашей жизни, благоприятных или неблагоприятных, но к верховной причине – Богу.

Продолжая выяснять ту мысль, что все на земле при первоначальном творении, происходило не вследствие известных ныне сил природы, но единственно по действию творческого слова Божия, обращает внимание на следующие места Писания: и да явится суша. «Не сказал Бог: да явится земля; чтобы не показать ее еще не устроенною, грязною, смешанною с водою, не получившею свойственного ей образа и надлежащей силы, а вместе чтобы причину осушения земли не приписали мы солнцу, – Создатель произвел сухость земли до сотворения солнца. Вникни же в смысл написанного; не только излишек вод стек с земли, но даже вода, смешанная с землею во глубине, вышла из нее (т. е. из земли, от чего и произошла суша), повинувшись непреложному повелению Владыки». И не тысячелетия требовались для этого, как ныне думают некоторые, но за творческим словом Божиим тотчас же следовало исполнение. И рече Бог: да явится суша, и бысть тако.

Обращая опять внимание на слова: и виде Бог яко добро, говорит: «Писание показывает не то, что Богу открылся какой-то приятный вид моря. Ибо Творец не очами рассматривает красоту тварей, но с неизреченною премудростью созерцает происходящее. Усладительно правда зрелище – море белеющееся, когда царствует на нем постоянная тишина; усладительно также, когда хребет его, зыблемый тихими ветрами, представляется зрителям в пурпурном или лазурном цвете, когда оно не ударяет сильно в смежную сушу, но как бы лобзает ее в мирных объятиях: однако не должно думать, чтобы по словам Писания и Богу в таком же смысле казалось море прекрасным и приятным; напротив того в Писании красота определяется относительно к мирозданию».

«Итак, море прекрасно перед Богом, потому что влага из него идет по земным глубинам; оно прекрасно также и потому, что служит приемником рек, принимает в себя отовсюду потоки и не выступает из своих пределов. Прекрасно и потому, что

служит началом и источником воздушных вод, когда нагревается лучами солнечными и отлагает от себя посредством испарения тонкие частицы воды, которые будучи привлечены в горнее пространство и потом охлаждены, как возвысившиеся далее, нежели куда простираются лучи, отраженные землею поверхностью, при возрастающем холоде делаются дождем и утучняют землю... Море прекрасно перед Богом и в другом отношении, потому что ограничивает собою острова и служит им вместе и украшением и ограждением; а еще и потому, что приводит собою в связь самые отдаленные друг от друга части твердой земли, доставляя беспрепятственное сообщение мореплавателям, через которых снабжает нас сведениями о неизвестном, обогащает купцов, удобно удовлетворяет нашим жизненным потребностям, доставляет возможность изобилующим сбывать излишнее, а нуждающимся вознаграждать свои недостатки.» Далее показывает, что всей красоты моря, в какой оно явилось очам Творца определяющего достоинство части по отношению к целому и описать невозможно.

Беседа 5. В этой беседе св. Василий подтверждает прежде высказанную мысль, что в начале творения мира все возникало к бытию не вследствие известных ныне сил природы, а единственно вследствие творческого слова Божия. И самые силы природы возникли к бытию и деятельности вследствие того же творческого слова Божия вместе с теми предметами, на которые они могли иметь влияние и сами по себе составляют не причину бытия тварей, но только способ обнаружения в последующие времена однажды произнесенного Богом творческого слова. Все в последующие времена начало проявляться в таких формах и при таких внешних пособиях, какие предначертаны были в плане Божественном еще до сотворения какой-либо твари. Травка, возникающая в настоящее время от семени, порожденная первоначальной былинкою по повелению творческого слова Божия: да прорастит земля былье травное, сеющее семя по роду, – для первоначального своего возникновения из земли семенем для себя имело творческое слово Божие: да прорастит земля

былие. – И последующий порядок возникновения совершеннейших растений не тот был, какой указывают близорукие современные естествоиспытатели. Не папортники и водоросли возникли прежде, а потом уже, через несколько тысячелетий, когда воздух очистился от чрезмерного количества водяных паров, наполнявших атмосферу и лучи солнечные получили свободный доступ к земле, появились и величественные пальмы. Нет, все на земле возникло немедленно по произнесении творческого слова Божия: да произрастит земля былие травное, сеющее семя по роду, и древо плодовитое, творящее плод по роду, не дожидаясь даже появления на тверди небесной светящего и согревающая светила небесного – солнца. Единственным законом и единственною силою для первоначального возникновения всех родов растений, покрывших землю, было обнаружение воли Божественной в слове: да прорастит. Потом уже, когда возникло все царство растительное по мановению воли Божественной, начало продолжать свое существование по способу, указанному самим же Богом. – «После того, как земля, сложив с себя бремя воды, – говорит св. Василий, – успокоилась, весьма прилично ей дано повеление произращать сперва траву, потом дерева, что как видим совершается еще и ныне. Ибо тогдашний глагол и первое оное повеление сделалось как-бы естественным некоторым законом и осталось в земле и на последующие времена, сообщая ей силу рождать и приносить плоды... Земля должна сама собою произвести прозябение не имея нужды ни в каком постороннем содействии. поскольку некоторые думают, что причина произрастающего из земли – в солнце, которое притяжением теплоты извлекает на поверхность земли таящуюся в глубине силу, то земля украшается прежде солнца, чтобы заблуждающие перестали поклоняться солнцу и признавать, будто оно дает причину жизни. Посему – если убедятся, что вся земля украшена до сотворения солнца, то уменьшат безмерное к нему удивление, рассудив, что оно по бытию позднее травы и зелени... Земля, соблюдая законы Создателя, начав с ростка, в краткое мгновение времени прошла все виды возрастания и тотчас довела прозябения до

совершенства. Луга наполнились изобильною травою; плодоносные равнины, воздымаясь от жатв в колебании класов сохранили подобие волнующегося моря. Всякая зелень и всякий род овощей, все, что растет кустарником и что приносит стручковые плоды, во всем изобилии явились тогда на земле. Ибо ничто тогда не останавливало произрастания; неопытность земледельцев, неблагоприятность воздуха и какая-либо другая причина не делала вреда возникнувшему. Осуждение еще не препятствовало плодородию земли: все сие было прежде греха, за который осуждены мы в поте лица своего есть хлеб. Сказано: да прорасти древо плодовитое. По сему глаголу сгустились кустарники, выбежали из земли все деревья, обыкновенно достигающие чрезвычайной высоты – ели, кипарисы, кедры, певги; все мелкие деревья сделались вдруг ветвистыми и густыми; явились употребляемые для венцов растения – розы, мирты и лавры. Ничего этого прежде не было на земле и все в одно мгновение времени пришло в бытие с принадлежащим каждому свойством, самыми явными разностями отличное от растений инородных и узнаваемое по свойственному для каждого признаку».

«Да прорастит земля. Краткое сие повеление тотчас стало великою природою и художественным словом, быстрее нашей мысли производя бесчисленные свойства растений. Тоже повеление, и доныне действуя в земле, побуждает ее по истечении каждого года обнаруживать силу свою, какую она имеет к производству трав, семян и дерев. Как кубарь, по силе первого данного ему удара, совершает последующие обращения, когда описывает круги, соблюдая в себе средоточие неколеблемым, так и последовательный порядок природы, получив начало с первым повелением, простирается на все последующее время, пока не достигнет общего скончания вселенной. К нему будем поспешать и мы все, плодонося добрые дела и преисполняясь ими, да насаждени в дому Господни, во дворах Бога нашего процветем (Пс. 91, 14) о Христе Иисусе Господе нашем»

Показав пользу всех растений для человека или для животных, назначенных для пользования человеку, обращает

внимание и на то, что между растениями есть немало и таких, которые приносят вред человеку. «Итак что же? спрашивает св. Василий. Ужели откажемся приносить благодарение за полезное и станем обвинять Создателя за разрушительное для нашей жизни? А не рассудим того, что не все создано для нашего чрева. Напротив того, как назначенное нам в пищу у нас под руками и всякому известно, так каждая сотворенная вещь в целом творении выполняет какой-нибудь свой особенный закон. поскольку воловья кровь для тебя яд, то ужели посему самому надлежало или не творить сего животного или сотворить вола бескровным, хотя сила его для стольких потреб нужна нам в жизни! Но тебе довольно живущего в тебе разума, чтобы предохранить себя от вредного. Если овцы и козы умеют избегать злотворного для их жизни посредством одного чувства различая вредное, то скажи мне, ужели трудно уклониться от ядовитого тебе, у которого есть и разум и врачебная наука, указывающая полезное, и опыт предшественников, внушающий убегать вредного? Но из сего ничто не сотворено напрасно и без пользы. Ибо оно или служит пищею какому-либо животному или с помощью врачебной науки открывается годным для нас самих, служа к облегчению каких-нибудь недугов. Скворцы питаются болиголовом и по устройству своего тела не терпят вреда от яда; чемерица служит пищею перепелам и они по своему сложению остаются невредимыми. Но сии же самые растения и нам иногда бывают полезны. Мандрагорою врачи наводят сон и опиумом успокаивают жестокие боли в теле. А некоторые болиголовом умирляли ярость вожделений, чемерицею же искореняли многие застарелые болезни. Посему, за что думал ты обвинять Творца, то самое обратилось для тебя в побуждение к большей благодарности».

Показав ту пользу, какую растительное царство приносит человеку по отношению к его телу, указывает и на то, что благоразумный и размышляющий человек, при воззрении на это царство, много может извлечь полезных уроков и для своей души. «Мне желательно,— говорит св. Василий, — тверже укоренить в тебе удивление к твари, чтобы ты, где находишься и какой род растений ни встречаешь, всегда возобновлял в себе

ясное воспоминание о Творце. Посему, во-первых, когда видишь на траве зелень и цвет, приводи себе на мысль человеческое естество, припоминая изображение мудрого Исаии: всяка плоть, яко сено, и всяка слава человека, яко цвет травный (Ис. 40, 6). Кратковременность жизни, непродолжительность радостей и веселий человеческого благоденствия нашли себе у Пророка самое приличное уподобление. Сего дня цветет телесно, утучнен от наслаждений, сообразно с цветущим возрастом имеет свежую доброцветность, бодр, развязен, неудержим в стремлении, а на утро он же самый жалкий или увянув от времени или ослабев от болезни. Иной обращает на себя взоры изобилием богатства; вокруг его множество льстецов, сопровождение притворных друзей, уловляющих его благосклонность, множество сродников, которые носят на себе личину; многочисленный рой слуг, то заботящихся о его пище, то исполняющих другие его потребности, которых влачит он за собою, выходя из дому и возвращаясь домой и тем возбуждает зависть встречающихся. Присовокупи к богатству какую-либо гражданскую власть или почести от царей, или управление народом, или начальство над войском, жезлоносцев, которые здесь и там вселяют в подначальных сильный ужас, побои, описание имущества, взятие под стражу, темницы, что все увеличивает в подчиненных нестерпимый страх. И что же после сего! Одна ночь, или горячка, или боль в боку, или воспаление легких похитив сего человека из среды людей, сводит с позорища и место его действия вдруг делается опустевшим и эта слава оказывается ничем, как сновидение. Посему-то составилось у Пророка уподобление человеческой славы самому слабому цветку».

Упомянув о том, что на пшеничном колосе иногда вырастает куколь, нарост не только бесполезный для питания, но и даже вредный для здоровья, говорит: «подобные наросты на здоровом колосе изображают собою тех, которые искажают учение Господне, не изучили Писания как должно и повреждены учением лукавого, но присоединяются к здоровому телу Церкви, чтобы не приметно сообщить свое повреждение незараженным».

Указав на то, как возделываются виноградники и как растет виноградная лоза, св. Василий говорит: «достаточно для тебя и одного взора и разумный взгляд на виноградную лозу внушит тебе о чем напоминает природа. Ибо помнишь конечно, об уподоблении Господа, Который называет Себя лозой и Отца делателем, каждого же из нас именует розгою, через веру насажденною в Церкви и побуждает нас к многоплодию, чтобы не преданы мы были огню по осуждению за бесплодность (Ин. 15, 16). И Он не перестает везде уподоблять человеческие души виноградным лозам. Ибо сказано: виноград бысть возлюбленному в розе, на месте тучне. И: лозу насадих и оградах ограждением (Ис. 5, 1–2). Очевидно, что под виноградом понимает человеческие души, для которых соградил ограждение – оплот заповедей и охранение от Ангелов. Ибо ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его (Пс. 33, 8). Потом как бы и окоп сделал около нас, положив в Церкви पहले апостолов, второе пророков, третье учителей (1Кор. 12, 28). Примерами же древних и блаженных мужей возводя мысли наши на высоту не оставил их поверженными долу и достойными попрапия. Он хочет также, чтобы мы, как бы некоторыми завивками, соплетались с ближними объятиями любви и упокаивались в них, и всегда стремясь к горнему, как выющиеся виноградные ветви, старались уравниваться с вершинами самых высоких. Он требует еще, чтобы мы терпели, когда окапывают нас. А душа окапывается через отложение мирских забот, которые составляют бремя для наших сердец. Посему отложивший плотскую любовь и привязанность к богатству, и признавший презренным и смешным пристрастие к здешней бедственной славе как бы окопался и обновился в силах, свергнув с себя напрасное бремя земного мудрования. Не должно же по слову притчи разрастаться в ветви, то есть жить на показ и домогаться похвалы за вмешательство; но надобно быть благоплодным, предоставляя истинному Земледелателю показание дел».

Заметив, что кислые гранаты и горький миндаль, когда ствол у корня будет провернут и в самую середину сердцевины впущен сочный клин из певга, переменяют горький свой сок на

приятный, говорит: «да не отчаивается в себе никто из проводящих жизнь во грехе, зная что как земледелие изменяет качество растений, так попечительность души о добродетели может одержать верх над всякими недугами».

Припомнив пример из деятельности садовников, которые для укрепления сил и лучшего оплодотворения садовых смоковниц вместе с ними сажают и дикие, св. Василий говорит: «о чем же дает тебе разуметь эта загадка природы? О том, что мы часто и у людей, чуждых веры, должны заимствовать себе побуждение к показанию добрых дел. Если видишь, что живущий в язычестве или отторгнутый от Церкви какою-либо превратною ересью, целомудрен по жизни и во всем прочем старается о нравственном благочинии, то тем паче ты напрягай свое старание уподобиться плодоносной смоковнице, которая собирает силы из приближенных к ней диких смоковниц, перестает иставать и тщательнее питает свой плод».

Беседа 6-я. В этой беседе кратко упомянув о том, что всему предшествовали небо и земля, после них сотворен свет, различены ночь и день; потом опять твердь и явление суши; потом вода совокуплена в постоянное и определенное собрание; земля наполнилась собственными произведениями, произрастив бесчисленные роды трав и обогатившись растениями всякого рода, – св. Василий, замечает, – что солнца и луны еще не было, «дабы неведующие Бога не именовали солнца начальником и отцом света, и не почитали его зиждителем земных произрастений. Посему настал четвертый день, и тогда рече Бог: да будут светила на тверди небесной... указывается и потребность, по которой сотворены светила. Сказано: освещати землю. Если сотворение света предшествовало, то почему говорится, что и солнце теперь сотворено также освещати? Тогда произведено было самое естество света, а теперь приготавливается это солнечное тело, чтобы оно служило колесницею тому первобытному свету.

Такое объяснение св. Василия Великого согласно и с новейшими открытиями естествоиспытателей. Новейшие исследования естествоиспытателей показали, что причина света заключается не в светилах небесных, кажущихся нам

разливающими свой свет повсюду, но в эфире – тончайшей материи, разлитой по всему мировому пространству и именно в определенном количестве колебаний этой тончайшей материи в секунду. Следственно, когда сотворена была Богом световая материя, тогда для освещения земли днем нужно было только возбудить до известной степени деятельность этой световой материи. И причиною, возбуждавшею деятельность этой световой материи днем и приводившею ее в спокойное состояние ночью, было творческое слово Создавшего оную. Но Бог, создавши однажды что-либо, созданному Им давал определенные законы для продолжения своего существования в последующее время. Так, произведши на земле в начале все растения одним своим творческим словом, дал этим растениям закон продолжать свое дальнейшее существование через осеменение. – Объяснение св. Василия, что солнечное тело создано для того, чтобы оно служило колесницею тому первобытному свету, также согласно с новейшими открытиями астрономов. По их наблюдениям оказалось, что солнце есть темное тело как и все другие планеты, но окружено со всех сторон густою массою световой материи. Это та световая материя, разлитая прежде повсюду, по повелению Божию, главным образом сосредоточилась около солнца, и солнцу, создавшим оное Богом, как главному сосредоточию световой материи, повелено во все последующие времена до скончания мира, быть в знамения, и во времена, и во дни, и в лета.

Далее в этой беседе св. Василий объясняет, какую пользу приносят земле солнце и луна, как они служат иногда признаком разных перемен в атмосфере, а вместе с этим обличает заблуждения еллинских мудрецов, которые такое большое значение придали влиянию небесных светил на землю, что поставляли в зависимость от них, не только благоденствие и несчастные приключения в жизни человека, но и самые нравственные расположения его души.

Беседа 7-я. В этой беседе говорится о возникновении царства живых существ: птиц, рыб и всякого рода пресмыкающихся. – Современные естествоиспытатели измеряющие непостижимое для ума человеческого

всемогущество Божие своим бессилием и порядком действия известных ныне сил природы, порожденных Богом же и действующих в том порядке, какой им указан Им же, – говорят, – что Творцом создана была одна животная клеточка, из которой, в продолжение многих тысячелетий, через постоянное усовершенствование развились уже совершеннейшие организмы. Кто не увидит в таком умствовании одной игры слов с совершенным отсутствием здоровой мысли! По мнению таких мыслителей силы природы столько могущественны, что могли из микроскопического инфузория или бесформенного слизняка, хотя через очень длинный промежуток времени, вывести корову, лошадь, обезьяну и наконец человека, но вместе с тем столь бессильны, что не могли даже произвести и одной животной клеточки. – Итак, ложь сама себя уничтожает, следовательно, не стоит труда разоблачать ее в подробностях.

Мы, как ученики воплощенной Истины – Господа нашего Иисуса Христа, слушаем лучше повествование пророка Моисея о творении живых существ, и просвещенного Духом Божиим св. Василия Великого.

И рече Бог, говорит пророк Моисей: да произведут воды гады душ живых по роду, и птицы летающая по тверди небесной, по роду (Быт. 1, 20). «Вышло повеление, – говорит св. Василий, – и тотчас реки производят и озера рождают свойственные себе и естественные породы; и море креветочит всякого вида плавающими животными. Где только ни была вода, в болотах и тинистых местах, – она не остается бездейственной и неучаствующею в размножении тварей. Ибо нет сомнения, что из воды возникли жабы, мошки и комары. Видимое ныне служит доказательством и прошедшего. Так, всякая вода спешила исполнить повеление Зиждителя; деятельная и самодвижная жизнь тварей немедленно явлена великою и неизреченною Божиею силою, потому что повелением Божиим сообщена водам способность живорождать..... Глас повеления краток или лучше сказать, это не глас, а только мановение и устремление воли: но мысль, заключающаяся в повелении, столько же многообъемлюща,

сколько есть различий и сходств у рыб и всех пресмыкающихся»...

«Да изведут воды гады душ живых по роду. Теперь повелевает произойти начаткам каждой породы, и как бы некоторым семенам естества, а множество живых тварей сокрыто в последующем преемстве, когда нужно им будет расти и множиться».

Вот повествование о творении первоначальных живых существ, сколько естественное и понятное для ума человеческого, столько же и соответствующее всемогуществу Творца. Все живые и чувствующие твари, еще до пробуждения своего к бытию, существовали в мысли Божией и когда воля Божия подвиглась к осуществлению Его мысли, все немедленно появилось на свет и тогда уже дан был закон Творцом о способе продолжения рода каждой твари и месте жизни и средствах питания. И каждая тварь, справедливо признаваемая неспособною к размышлению, во всей точности исполняет божественный закон, повинаясь первому всемогущему слову Зиждителя. Не будем уже говорить о птицах, перелетающих тысячи верст в страны, удобные для их питания и деторождения: без всякого определены их пути поверстными знаками и иногда возвращающихся на те же самые места и гнезда, где они вывели своих детей в прошедшее лето. Не будем говорить и о рыбах, в определенные сроки, без всякого открытого повеления, передвигающихся огромными массами в места более способные для их питания и продолжения своего рода. Каждое насекомое знает, как ему продолжить свой род, где положить зародыш будущего потомства, как охраниться от вредных влияний погоды и чем пропитать будущих своих нарождений до развития в них способности для поддержания своего бытия собственными силами. Кто их всему этому научил? Никто конечно, кроме Бога, изрекшего однажды навсегда: раститесь и множитесь, и наполняйте воды, яже в морях: и птицы да умножатся на земли (Быт. 1, 22).

Все в творениях Божиих, на что ни взглянешь, малое и великое, все напоминает о премудрости и благодати божественной; и человек благонамеренный и размышляющий

всегда сумеет из рассматривания тварей извлечь назидание для своей души. Этими-то уроками природы св. Василий пользуется, чтобы не только удовлетворить любопытству с жадностью внимавших его слову слушателей, но и научить их пользоваться разными явлениями природы для назидания своих душ.

Обратив внимание на то, что рыбы для деторождения и более удобного воспитания своих юных порождений в пресных водах, большими массами передвигаются из соленых вод морей в более пресные воды заливов и рек, спрашивает: «кто же их движет? какое царское повеление, какие указы, прибитые на площади извещают о наступившем сроке? Кто у них проводники? Видишь, как Божие распоряжение все заменяет собою и доходит до самых малых тварей! – Рыба не прекословит Божью закону, а мы человеки не соблюдаем спасительных наставлений. Не презирай рыб, потому что они совершенно безгласны и неразумны: но бойся, чтобы не сделаться тебе неразумнее и рыб через противление постановлению Творца... Если неразумные твари догадливы и искусны в попечении о собственном своем спасении, и если рыба знает, что ей избрать и чего ей бегать; что скажем мы, отличенные разумом, наставленные законом, побуждаемые обетованиями, умудренные Духом и при всем том распоряжающие своими делами неразумнее рыб? Ибо они умеют промышлять несколько о будущем, а мы, отринув надежду на будущее, губим жизнь в скотском сластолюбии. Рыба меняет столько морей, чтобы найти какое-нибудь удобство, что же скажешь ты, провождающий жизнь в праздности? Праздность начало злых дел. Никто да не извиняется неведением. В нас вложен природный разум, который учит присвоить себе доброе, а удалять от себя вредное».

«Не могу умолчать, – говорит еще св. Василий, – о лукавстве и вороватости полипа, который всякий раз принимает цвет камня, к которому легко пристает; почему многие рыбы без опасения плавая, приближаются к полипу точно как к камню и делаются готовою добычею хитреца. Таковы нравом те, которые угождают всякой преобладающей власти, каждый раз

сообразуются с обстоятельствами, не держатся постоянно одного и того же намерения, удобно делаются то тем, то другим, с целомудренными уважают целомудрие, с невоздержными невоздержны, в угодность всякому переменяют расположения. От таких людей нелегко уклониться и спастись от наносимого ими вреда, потому что задуманное ими лукавство закрыто личиною дружбы. Людей такого нрава Господь называет волками хищными, которые являются в одеждах овчих (Мф. 7, 15). Бегай на все изворотливого и многоличного нрава; домогайся истины, искренности и простоты. Змея пестровидна, за то и осуждена пресмыкаться. Праведник не лукав: посему вселяет Господь единомысленныя в дом (Пс. 67, 7).

В заключение беседы св. Василий говорит: «здесь принуждают меня положить конец слову и телесная немощь и вечернее время, хотя для любителей слушания и мог бы я присовокупить еще много достоудивительного о морских произведениях... Но спасшись из глубин прибегнем на твердую землю⁹⁵. Ибо чудеса мироздания, одно за другим подавляя нас собою, как бы подобно волнам, частыми и непрерывными притоками держали слово наше погруженным в водах; хотя и то будет удивительно, если мысль наша не встретит на твердой земле еще больших чудес и по примеру Ионы, не побежит опять к морю. Но мне кажется, что слово мое, увлекшись тысячами чудес, забыло соразмерность и подверглось одной участи с плавающими по морю, которые не имея неизменных знаков к измерению своего движения, часто не знают далеко ли уплыли. Тоже, кажется мне, случилось и с нами: пока слово обтекало творение, мы и не почувствовали множества нами сказанного. Но хотя честное сие собрание и имеет охоту к слушанию и для слуха рабов приятно повествование о чудесах Владычных, однако же, здесь введя слово в пристань, подождем дня, чтобы пересказать остальное. Восстанем же все, возблагодарим за сказанное и помолимся об исполнении оставшегося. Да будет у вас и во время принятия пищи предметом застольных бесед как то, чего коснулось слово утром, так и то, что излагало оно вечером; в мыслях о сем застигнутые сном и почивая да насладитесь дневным веселием, чтобы можно было сказать вам

о себе: Аз сплю, а сердце мое бдит (Песн. 5, 2), день и ночь поучаясь в законе Господа».

Обратим снова внимание, как на неутомимость вдохновенного проповедника, который несмотря на телесную немощь и истощенность сил физических, побуждаемый неутомимую ревностью духа, утром и вечером назидал свою паству словом, так и на усердие к его слову в слушающих, которые несмотря на дневные труды и заботы, утром и вечером являлись в храм Господень. Примем не к сведению только, но и к исполнению слова св. Василия о том, чтобы предметом наших бесед за столом было то, что коснулось нашего слуха в храме Божиим или из службы церковной или из произнесенного пастырем церкви поучения. Ныне, к великому прискорбию, предметом разговора за столом и после стола по большей части, бывают пересуды разных лиц, знакомых и неизвестных, сплетни и бесчинный смех, так что вступившему в такое общество людей трудно бывает определить, христианское ли это общество или языческое.

Беседа 8-я. В этой беседе св. Василий подтверждает прежде высказанную мысль, что все пришло к бытию вдруг в полном совершенстве своего развития, а потом уже каждый род живых существ должен был продолжать свое существование указанным от Бога способом.

И рече Бог: да изведет земля душу живу по роду, и четвероногая, и гады, и звери земли по роду: и бысть тако (Быт. 1, 24). – «Когда сказал: да изведет, не значит, что земля износит уже находившееся в ней, но Давший повеление даровал земле и силу извести. Ибо когда земля услышала: да произрастит былие травное и древо плодовитое: не скрытую какую-нибудь в ней траву извела из себя, не таившееся где-нибудь внизу в недрах ее пальмы, или дуб, или кипарис пустила на свою поверхность, но Божие слово созидает естество тварей. Да прорастит земля: изринет не то, что имеет, но, да приобретет то, что не имеет, поколику Бог дарует силу действовать. Так и теперь: да изведет земля душу живу, не ту, которая уже в ней, но ту, которая дана ей Богом через самое сие повеление».

Далее в этой беседе св. Василий показывает, как превосходство в организации птиц над рыбами, так и в даровании им большей степени развитости в инстинктивном понимании средств к удовлетворению своих естественных нужд. Вместе с сим показывает, что как птицы, так и животные употребляют те только средства и способы к поддержанию своего существования, какие указаны им Богом, не изменяя их на другие; что показывает в них как безусловную и вместе бессознательную покорность воле Божией так и неспособность к самоусовершенствованию, каковое преимущество дано только человеку.

Беседа 9-я. В этой беседе, сравнивая устройство тела четвероногих животных с устройством человека и обращая слово свое к предстоявшим в церкви, говорит: «твоя голова поднята к небу, очи твои взирают горе. Потому хотя ты иногда бесчестишь себя плотскими страстями, работая чреву и низшему чрева, приложившись скотам несмысленным и уподобившись им (Пс. 48, 13); однако же, тебе прилично иное попечение – высших искати, идеже есть Христос (Кол. 3, 1), мыслию своею быть выше земного. А какой дан тебе вид, так располагай и своею жизнью. Житие свое имей на небесех (Флп. 3, 20). Истинное отечество твое – горний Иерусалим; граждане и соотечественники твои – первородные написанные на небесех (Евр. 12, 20).

Некоторые неразумные мыслители, рассматривая видимую природу, вместо того, чтобы благоговеть перед премудрым и преблагим Творцом, стараются обвинить Творца за сотворение ядовитых насекомых и свирепых животных, наносящих нередко вред человеку. Но св. Василий показывает таким кощунным мыслителям, произносящим хулу на Святого, что если звери, вместо покорности человеку, как назначено было в начале, нападают на него и наносят вред ему: то причиною этому не Бог, а сам человек, противлением своим Богу возмущивший против себя и всю тварь. Но и теперь человек, когда достигает чистоты и святости, в какой находился первозданный человек до своего падения, остается не только невредимым со стороны ядовитых змей, но и полновластным владыкою самых свирепых

зверей, как доказывают примеры многих святых. – «Никто не ставь в вину Творцу, – говорит св. Василий, – что Он произвел животных ядовитых, разрушительных и враждебных нашей жизни. Иначе станет кто-нибудь винить и пестуна, что он удобоподвижность юности приводит в порядок ударами и бичами уцеломудривает предерзость. Звери делаются и доказательством веры. Веришь ли Господу, сказавшему: на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия (Пс. 90, 13)? И по вере имеешь ты власть попираť змей и скорпионов. Разве не знаешь, что ехидна, прикоснувшаяся к Павлу, когда он собирал хворост, не сделала ему никакого вреда, потому что Святой нашелся исполненным веры (Деян. 28, 3–6). А если не имеешь веры, то бойся не зверя, а своего паче неверия, через которое сделал ты себя от всего удоборазрушаемым».

Беседы на Псалмы

Беседы на Псалмы произнесены были св. Василием в церкви и эти беседы также говорены были ежедневно, как видно из беседы на окончание 14 псалма. Мы имеем в настоящее время его беседы не на все Псалмы; но есть основание думать, что их было более: так, в беседе на Псалом 14, упоминается о другой беседе на тот же Псалом, говоренной накануне, которой мы не имеем. В конце беседы на первый Псалом обещает продолжение оной, но этого продолжения, однако же, не имеется в числе оставшихся бесед на Псалмы.

Предоставляя желающим для уяснения себе смысла Псалмов прочитать все беседы св. Василия, мы для ознакомления с ними наших читателей, укажем только на некоторые места, могущие послужить лучшим руководством нравственных действий и для современных христиан.

В беседе на первый псалом св. Василий прежде всего раскрывает ту всеобъемлющую пользу, какую приносят они читающим или поющим их. «Книга Псалмов, – говорит он, – объемлет в себе полезное из всех (священных) книг. Она пророчествует о будущем, приводит на память события, дает законы для жизни, предлагает правила для деятельности. Короче сказать, она есть общая сокровищница добрых учений и тщательно отыскивает, что каждому на пользу. Она врачует и

застарелые раны души, и недавно уязвленному подает скорое исцеление, и болезненное восстанавливает, и неповрежденное поддерживает; вообще же, сколько можно, истребляет страсти, какие в жизни человеческой под разными видами господствуют над душами. И при сем производит она в человеке какое-то тихое услаждение и удовольствие, которое делает рассудок целомудренным.... Если бы кто, как зверь, рассвирепел от гнева, как скоро усладит слух его Псалом, – пойдет прочь, немедленно укротив в себе свирепость души сладкопением. Псалом – тишина душ, раздаятель мира; он утишает мятежные и волнующиеся помыслы; он смягчает раздражительность души и уцеломудривает невоздержность... Псалом – убежище от демонов, вступление под защиту Ангелов, оружие в ночных страхованиях, упокоение от дневных трудов, безопасность для младенцев, украшение в цветущем возрасте, утешение старцам, самое приличное убранство для жен. Псалом населяет пустыни, уцеломудривает торжища».

Блажен муж, иже не иде (не ходил) на совет нечестивых. Обращая внимание на слово: не иде, св. Василий говорит: «кто еще в живых, того нельзя назвать блаженным по неизвестности окончания жизни; но кто исполнил возложенные на него обязанности и заключил жизнь неукоризненным концом, того безопасно уже назвать блаженным. Почему же блажени ходящие в законе Господни (Пс. 118, 1)? Здесь Писание называет блаженными не ходивших, но еще ходящих в законе. Это потому, что делающие добро за самое дело достойны одобрения; а избегающие зла заслуживают похвалу не тогда, как они раз или два уклонятся от греха, но тогда, как возмогут навсегда избежать искушения во зле».

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых. Всякое сомнение о бытии Божиим, суде Божиим и промысле Божественном назвав советом нечестивых, св. Василий говорит: «посему блажен, кто не дал в себе места сомнению о Боге, кто не впал в малодушие при виде настоящего (т. е. превратности жизни и неравенства иногда в разделе внешнего благосостояния между праведными и нечестивыми), но ожидает чаемого, кто о Создавшем нас не возымел недоверчивой мысли».

«Блажен и тот, кто не стал на пути грешных. Путем называется жизнь, потому что каждый из рожденных поспешает к концу. Как сидящие на корабле без всякого усилия несутся ветром к пристани, и хотя сами того не чувствуют, однако же бег корабля приближает» их к цели: так и мы, с протекающим временем жизни нашей, как бы некоторым непрерывным и непрестанным движением в незаметном течении жизни, увлекаемся каждый к своему пределу. Например: ты спишь? а время утекает от тебя. Ты бодрствуешь, и мысль твоя занята? но вместе и жизнь тратится, хотя и убегает это от нашего чувства. Все мы человеки бежим по какому-то поприщу и каждый из нас спешит к своей цели, поэтому все мы в пути. И таким образом можешь составить себе понятие о сем пути. Ты путник в этой жизни; все проходит мимо; все остается позади тебя; видишь на пути растение, или траву, или воду, или другое что достойное твоего зрения: полюбовался недолго, и пошел дальше. Опять встречаешь камни, пропасти, утесы, скалы, пни, а иногда зверей, пресмыкающихся гадов, терние, или иное что неприятное: поскорбел недолго и потом оставил. Такова жизнь; она не имеет ни удовольствий постоянных, ни скорбей продолжительных».

«Что же значит не ста? Человек, находясь в первом возрасте, еще ни порочен, ни добродетелен, потому что сей возраст неспособен ни к тому, ни к другому состоянию. Но когда разум в нас созрел, тогда сбывается написанное: пришедшей же заповеди, грех убо оживе, аз же умрох (Рим. 7, 9–10). Ибо возникают лукавые помыслы, рождающиеся в душах наших от плотских страстей. Действительно, заповедь пришла, то есть приобретено познание добра и если она не преодолееет худого помысла, но попустит рассудку поработиться страстям, то грех ожил, умер же ум, сделавшись мертв через грехопадение. Посему блажен, кто не закоснел на пути грешных, но благим разумом востек в жизнь благочестивую».

«Два есть пути, один другому противоположные – путь широкий и пространный, и путь тесный и скорбный. Два также путевода и каждый из них старается обратить к себе. На пути гладком и покатоm путеводитель обманчив; это лукавый

демон и он посредством удовольствий увлек следующих за ним в погибель: а на пути не гладком и крутом путеводителем добрый Ангел и он через многотрудность добродетели ведет следующих за ним к блаженному концу. Пока каждый из нас младенец и гоняется за тем, что услаждает в настоящем, до тех пор ни мало не заботится он о будущем. Но став уже мужем, когда понятия усовершенствовались, он как бы видит, что жизнь перед ним делится и ведет, то к добродетели, то к пороку; и часто обращая на них душевное око, различает, что свойственно добродетели и пороку. Жизнь грешников показывает в себе все наслаждения настоящего века. Путь спасаемых сколько обещает благ будущих, столько представляет трудов в настоящем. А жизнь сластолюбивая и невоздержная предлагает не ожидаемое впоследствии, но настоящее уже наслаждение. Посему всякая душа приходит в кружение и не может устоять среди помыслов. Когда приведет себе на мысль вечное, избирает добродетель; когда же обратит взор на настоящее, предпочитает удовольствие. Здесь видит прохладу для плоти, а там ее порабощение; здесь пьянство, а там пост; здесь необузданный смех, а там обильные слезы; здесь пляски, а там молитву; здесь свирели, а там воздыхания; здесь блуд, а там девство. поскольку же истинное благо удобопостижимо разумом только через веру, а сладость греха у нас под руками: то блажен, кто не увлекся в погибель приманками удовольствия, но с терпением ожидает надежды спасения, и при выборе того или другого пути, не вступит на путь, ведущий ко злу».

И на седалищи губителей не седе. Под седалищем, – говорит св. Василий, – разумеется неподвижное и постоянное коснение в одобрении греха. Сего должно остерегаться нам, потому что ревностное коснение в грехе производит в душах некоторый неисправимый навык. Ибо застаревшаяся душевная страсть или временем утвержденное помышление о грехе с трудом врачуются, или делаются и совершенно неисцельными, когда навыки, как всего чаще случается, переходят в природу. Посему должно желать, чтобы нам даже и не прикасаться ко злу. А другой путь – тотчас по искушении бежать его, как удара наносимого стрелком, по написанному у Соломона о злой жене:

ниже настави ока своего к ней, но отскочи, не замедли (Притч. 9, 18). И теперь знаю таких, которые в юности поползнулись в плотские страсти, и до самой седины, по привычке к злу, пребывают в грехах. Как свиньи, валяясь в тине, непрестанно более и более облипают грязью, так и эти люди, через сластолюбие с каждым днем покрывают себя новым позором. Итак, блаженное дело – и не помышлять о зле. Если же, уловленный врагом, принял ты в душу советы нечестия, не стой в грехе. А если и тому подвергся, не утверждайся во зле. Посему, не сиди на седалищи губителей».

«Если ты понял, какое седалище разумеет Писание, а именно, называет так продолжительное пребывание во зле, то исследуй, кого оно именует губителями. О моровой язве люди сведущие в этом говорят, что она, если прикоснется к одному человеку или скоту, через сообщение распространяется на всех приближающихся. Таково свойство этой болезни, что все друг от друга наполняются тою же немощью. Таковы и делатели беззакония. Ибо, передавая друг другу болезнь, все вместе страждут недугом и вместе погибают. Не случилось ли тебе видеть, как блудники сидят на торжищах, осмеивают целомудренных, рассказывают свои срамные дела, свои занятия, достойные тьмы, и перечисляют случаи своего бесчестия, как подвиги, или другие какие доблести. Это – губители, которые стараются собственный свой порок передать всем и усиливаются сделать многих себе подобными, чтобы избежать поношения, когда пороки будут общими. Огонь, коснувшись удобовозгораемого вещества, не может не обхватить всего этого вещества, особенно если подует сильный ветер, который переносит пламень с одного места на другое. Так и грех, прикоснувшись к одному человеку, не может не перейти ко всем приближающимся, когда раздувают его лукавые духи. Так дух блуда не ограничивается тем, чтобы подвергнуть бесчестию одного, но тотчас присоединяются товарищи: пиры, пьянство, срамные повести и непотребная женщина, которая вместе пьет, одному улыбается, другого соблазняет и всех располагает к тому же греху. Ужели мала эта зараза, маловажно распространение зла... Итак, не сиди на

седалище губителей, не участвуй в собрании людей, повреждающих нравственность и пагубных, не оставайся в обществе советников на зло!»

В конце беседы говорит: «мне трудно продолжать служение слову, потому что по врожденной немощи недостает у меня голоса» и потому обещает продолжение оной в последующее время.

Беседа на Псалом 7. Спаси мя от всех гонящих мя, и избави мя, да не когда похитить яко лев душу мою. – Объяснив эти слова, св. Василий обращает внимание на то, что и Божиих подвижников враг не оставляет без испытаний даже при самом исходе их из сей жизни. «Думаю, – говорит он, – что о мужественных Божиих подвижниках, которые через всю свою жизнь довольно боролись с невидимыми врагами: когда избежат всех их гонений, находясь при конце жизни, князь века сего изведывает, чтобы удержать их у себя, если найдутся на них раны, полученные во время борьбы или какие-нибудь пятна и отпечатки греха.

А если будут найдены неуязвленными и незапятнанными, то, как непобедимые, как свободные, будут упокоены Христом. Посему Пророк молится о будущей и настоящей жизни».

Беседа на 28 Псалом. – Принесите Господеву славу и честь. Св. Василий объясняет, как и чем мы можем прославлять Бога, а вместе показывает и то, что увлекаясь греховным каким-либо расположением, мы содействуем к прославлению врага наших душ – диавола, за что и подвергнемся вместе с ним осуждению. «А что грех наш, – говорит он, – обращается в славу тому, кто внушает его нам, уразумей это из подобия. Два военачальника вступают в сражение. Когда побеждает одно войско – предводитель его приобретает славу, а когда одерживает верх противное войско – вся честь принадлежит полководцу сего другого войска. Так в добрых делах твоих прославляется Господь, а в противных – противник. Не представляй, что враги далеко; и на военачальников смотри не издали, но обрати взор на себя самого, и найдешь совершенную верность подобия. Ибо когда ум борется со страстью и своим усилием и внимательностью одерживает верх, тогда

торжествует он победу над страстью, и успехом своим как бы увенчивает самого Бога; а когда ослабев, поддается сластолюбию, тогда сделавшись рабом и пленником грехов, доставляет врагу случай к похвальбе, превозношению и высокомерию». Но прославление Бога добрыми делами не остается бесплодным и для нас самих. «Кто здесь добрыми делами приносит славу и честь Господу, тот сам себе сокровиществует славу и честь во время праведного воздаяния Судии».

Разбирая слова: глас Господень на водах, св. Василий обращает внимание на то, что такое глас и как глас Господень, т. е. воля Божия, выраженная на понятных для нас словах, сообщалась Пророкам. Так ли, как мы сообщаем свою мысль другому лицу, т. е. через сотрясение воздуха, находящегося между нами и другим лицом, производя впечатление на слуховой его орган, или иным каким-либо способом. – Св. Василий не допускает этой посредствующей причины – сотрясения воздуха при сообщении воли Божией Пророкам. Воздух, как посредствующая причина к сообщению наших мыслей другому лицу, необходим только для наших душ, обложенных плотью, и потому способных входить в общение с душою другого человека только при посредстве телесных органов и воздуха, находящегося между говорящими. Но Бог, как чистейший Дух, может сообщать свою волю людям, освященным Его благодатью и назначаемым быть орудиями к выполнению Его особой воли, входя в непосредственное общение с их умною силою. К уяснению этого непосредственного общения Бога со святыми мужами св. Василий обращает внимание на сновидения. В сонных видениях мы слышим звуки и определенные слова без сотрясения внешнего воздуха и слышанные в сонных видениях слова мы ясно припоминаем и в бодрственном состоянии с такою же отчетливостью и убедительностью в действительности слышанного, как бы мы слышали наяву. Это показывает, «что в душе можно возбуждать разные представления звуков и слов без посредства воздуха и внешних органов». Что такое глас Господень? – Глас сей, – говорит св. Василий, – совершенно

иного рода, и слышащим его представляет себя владычественное (т. е. ум) в том человеке, которому Бог хочет явить собственный Свой глас, так что представление сие имеет сходство с тем, что бывает нередко во сне. Ибо как без сотрясения воздуха, вследствие представлений бывающих во сне, удерживаем в памяти некоторые слова и звуки, не через слух приняв голос, потому что он напечатлен в самом сердце нашем, так чем-то подобным сему должно представлять и тот глас, который бывает к Пророкам от Бога».

Глас Господа пресекающего пламень огня. Выясняя эти слова, – св. Василий показывает, – что неразделимые, по-видимому, свойства огня – сожигать и освещать, Господь силою своею может отделять одно от другого, иногда оставляя в огне одну жгучесть без света, а иногда свет без силы сожигающей. «Пламень огня, – говорит он, – был пресечен и в Вавилоне, как видим из истории трех отроков, когда печь разливала его на сорок девять локтей и пожигала всех стоящих около (Дан. 3, 47); пресеченный же повелением Божиим пламень принял в себя дух и доставил отрокам самое приятное дуновение и прохладу, так что они находились в спокойном состоянии, как бы под древесною тенью. Ибо сказано: бысть, яко дух росы шумящ (Дан. 3, 50). И гораздо удивительнее пресечение огненного естества, нежели разделение на части Чермного моря. Но глас Господень пресекает естественную неразрывность и связность огня. Хотя по человеческим понятиям огонь кажется нерассекаемым и неделимым, однако же, по повелению Божию он пресекается и разделяется. Думаю же что огонь, уготованный в наказание диаволу и аггелам его, пресекается гласом Господним на тот конец, чтобы из двух сил, свойственных огню, а именно, силы сожигать и силы освещать, грозное и карательное в огне предоставлено было достойным сожжения, а светоносное и светозарное отделено было в отраду веселящимся. Посему глас Господа, пресекающего и разделяющего пламень огня, нужен для того, чтобы огнем наказания стало несветлое, а светом упокоения осталось несожигающее».

И в храме Его всякий глаголет славу. Пользуясь ясностью этих слов св. Василий делает наставление, как должно стоять в храме и вместе обличает неблагочинно стоящих. «Да слышат слова Псалма, – говорит он, – и да стыдятся те, которые предаются многоглаголанию. Что говорит Псалом? Кто в храме Божиим, тот не злословит и возвещает не суету, не что-либо исполненное срама, но во храме Его всякий глаголет славу. Здесь стоят святые Ангелы и записывают твои слова, здесь сам Господь и назирает расположение входящих. Молитва каждого открыта перед Богом. Ему открыто, кто по расположению, кто разумно просит небесного, кто только для вида, одними краями уст выговаривает слова, а сердце его далеко отстоит от Бога; кто хотя и молится, но просит здоровья телесного, плотского богатства, человеческой славы. Ни о чем же подобном не должно молиться, как научает Псалом: но во храме Его всякий глаголет славу. Небеса поведуют славу Божию (Пс. 18, 2). Занятие Ангелов славословить Бога. Для всего небесного воинства одно дело – воссылать славу Создателю. Всякая тварь, и безмолвная и вещающая, и премирная и земная, славит Создавшего. А жалкие люди, оставив дома и стекшись в храмы, чтобы получить там некоторую пользу, не преклоняют слуха к словесам Божиим, не приходят в сознание своей природы, Не скорбят о том, что ими обладает грех, не скорбят, приводя себе на память грехи свои, не трепещут суда, но с улыбкою простирая друг к другу руки, дом молитвы делают местом длинных бесед, не внимая Псалму, который свидетельствует и говорит, что в храме Божиим всякий глаголет славу. А ты не только сам не глаголешь славы, но и другому служишь препятствием, обращая его внимание на себя, и своим шумом заглушая учение Духа. Смотри, вместо того, чтобы получить награду за славословие, не выйди отсюда осужденным вместе с хулящими имя Божие. У тебя есть Псалом, есть пророчество, евангельские заповеди, апостольские проповеди. Пусть поет язык, пусть ум изъясняет смысл сказанного, чтобы воспеть тебе духом, воспеть же и умом. Бог не требует, но хочет, чтобы ты стал достоин прославления. Посему, еже сеет человек, тожде и пожнет (Гал.

6, 7). Посей славословие, чтобы пожать тебе венцы, и почести, и похвалы в царстве небесном».

Беседа на 32 Псалом. – Радуйтесь праведнии о Господе. Для уяснения того, как велика радость праведных, возлюбивших Господа и совершенно предавшихся водительству Его святой воли, показывает, что эта радость, если только и мгновенно, как бы неким светом озарит душу грешника для показания ему того, какого великого блага он лишается, оставаясь в плену у греха; то и грешник в эту благодатную минуту готов бывает оставить все, что услаждало его доселе, чтобы только не лишиться этого высокого наслаждения. «Если когда в сердце твоём, – говорит св. Василий, – как бы ниспавший свет произвел внезапную мысль о Боге и озарил твою душу, так что ты возлюбил Бога и презрел мир и все телесное; то из сего слабого и малого подобия познай полное состояние праведных, которые равномерно и непрерывно возрастают в веселии о Боге. Тебя по временам и редко посещает сия радость по смотрению Божию, чтобы малое ее внушение приводило тебе на память, чего ты лишился; а в праведнике постоянно божественное и небесное веселие, потому что в нем несомненно обитает Дух: первый же плод Духа есть любви, радость, мир (Гал. 5, 22). Итак, радуйтесь праведнии о Господе. Господь для праведных есть как бы вместилище, вступившему в которое, по всей необходимости, должно благодушествовать и веселиться. И праведный делается местом для Господа, приемлющим Его в себя. А грешник дает в себе место диаволу, не внимая говорящему: ниже дадите места диаволу» (Еф. 4, 27).

Беседа на 33 Псалом. – Да услышат кротцыи, и возвеселятся. Кроткими называются, – говорит св. Василий, – укротившие свои нравы, освободившиеся от всякой страсти, в чьих душах не поселено никакого мятежа... Кротость есть величайшая из добродетелей, потому причислена и к блаженствам. Ибо сказано: блажени кротцыи, яко тии наследят землю (Мф. 5, 5). Земля сия – небесный Иерусалим – не бывает добычею состязующихся, но предоставлена в наследие долготерпеливым и кротким».

Возвеличите Господа со мною. – «Приличный себе лик собирает Пророк к прославлению Господа. Не приобщайся ко мне ни мятежный, ни смущенный, ни распаляющий душу плотскими страстями: но вы – кроткие, вы, которые приобрели твердость и постоянство души, отрясли леность и сонливость в исполнение своих обязанностей, – вы возвеличите Господа со мною. Возвеличивает же Господа тот, кто великим умом, твердым и возвышенным духом терпит искушение за благочестие; и потом, кто великим умом и в самых глубоких умозрениях, рассматривает величие творения, чтобы в величии и красоте тварей созерцать их Рододелателя (Прем. 13, 15). Ибо чем кто более углубляется в законы, по которым устроена и по которым управляется вселенная, тем яснее созерцает велелепоту Господню и по мере сил возвеличивает Господа. поскольку же одного ума и размышлений одного человека несколько недостаточно к уразумению величия Божия, то Пророк всех вместе кротких приемлет в общение сего дела. Посему должно совершенно упразднить себя от внешних мятежей, произвести совершенное безмолвие в потаенной храмине советов сердца и потом приступить к созерцанию истины. Послушай исповедующегося во грехе, что он говорит? Смятется от ярости око мое (Пс. 6, 8). Не только же гнев, но и пожелание, и робость, и зависть приводят в смятение око души, и вообще все страсти приводят в замешательство и смятение душевную прозорливость. И как невозможно мутным оком принять верное впечатление от видимого предмета, так невозможно с возмущенным сердцем приступить к Познанию истины». Из этого-то источника, то есть омрачения ока ума страстями, происходит ослепление естествоиспытателей, которые удивляясь величии творения Божия, не видят однако же самого Творца.

Ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его, и избавит их. Показав чрезвычайную силу Ангела Господня, равняющуюся целому воинству, св. Василий замечает, однако же, что Ангел Господень является для охранения только боящихся Господа. Ангел, – говорит он, – не отступит от всех уверовавших в Господа, если только не отгоним его сами худыми делами. Ибо

как пчел отгоняет дым, а голубей смрад, так и хранителя нашей жизни – Ангела, отдаляет многоплачевный и смердящий грех. Если имеешь в душе дела достойные Ангельского хранения и обитает в тебе ум обогащенный умозрениями истины, то по богатству неоцененных дел добродетели, Бог необходимо приставит к тебе стражей и хранителей и оградит тебя охранением Ангелов. Смотри же, какова природа Ангелов! Один Ангел равняется целому воинству и многочисленному ополчению. Итак, в величии твоего хранителя Господь дарует тебе ополчение, а в крепости Ангела как бы ограждает тебя отовсюду его защитой».

Бойтесь Господа еси святии Его, яко несть лишения боящимся Его. Выясняя эти слова, – св. Василий говорит, – что те, которые ограждают себя от увлечения чем-либо греховным – страхом Божиим, не потерпят лишения ни в одной из добродетелей, служащих необходимою принадлежностью совершенства человека. Как у пригвожденных гвоздями, – говорит он, – члены остаются неподвижны и бездейственны, так и объятые в душе Божиим страхом избегают всякого страстного обуревания грехов. Посему, несть лишения боящемуся; то есть, удерживаемый страхом от всякого неприличного поступка, не лишен сил ни для какой добродетели, но совершен и не имеет недостатка ни в одном из совершенств, свойственных человеческой природе. Как по телу несовершен тот, у кого недостает какого-либо необходимого члена, но в том самом и несовершен, чего недостает ему, так нерадящий и о единой заповеди через неисполнение, бывает уже несовершен по причине сего недостатка. А кто усвоил себе совершенный страх и всего боится из богобоязности: тот ни в чем не согрешит, потому что ничего не презирает; и он не потерпит лишения, потому что, во всяком случае, непрестанно с ним страх».

И ненавидящие праведного прегрешат. Св. Василий, объясняя эти слова, показывает, что ненавидящие праведника самую свою ненавистью к нему, обличают свою греховность: если бы их дела не были лукавы, то они не боялись бы света благочестивой жизни праведника и не стали бы ненавидеть его как молчаливого, но постоянного обличителя их злых дел самую

противоположностью его жизни. Кроме того, ненавидящие праведника прегрешают как против самого праведника, оказывая ему несправедливость и вместе неблагодарность за его поучительную для всех жизнь, так и против самого Бога, нанося Ему оскорбление в лице верных Его слуг и ненавидя праведника за то именно, что он служит Богу, а не диаволу вместе с ними, ненавидящими в праведнике праведные его дела. «Они ненавидят праведника, потому что сами живут в грехах, а нравы праведника, как прямизна правила (линейки), обличают их при сличении с совершенным. И поскольку живут в грехах, то страшась обличения, ненавистно обращаются с праведником. А поскольку ненавидят его, то обременяют себя новыми грехами».

Беседа на 45 Псалом. Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех, обретших ны зело. Каждый человек имеет нужду в помощи, потому что постоянно встречает много скорбей и трудностей, как по причине немощи своего естества, так по навету дьявола через поработенных ему грехом людей. Спокойствие своей душе человек обретает только тогда, когда все свое упование возложит на Бога и совершенно предастся водительству Его святой и премудрой воли. «Но хотя все согласны в том, – говорит св. Василий, – что прибежище наше в Боге, однако же враг вводит людей во многие заблуждения и затруднения при избрании Спасителя. Ибо уловляет их в засаду как неприятель и уловленных опять обольщает мыслью – прибегать к нему, как к хранителю». И враг наших душ – диавол, разные способы употребляет к отвлечению нас от Бога: или внушает нам просить у Бога бесполезное для нас, или в случае неисполнения Богом наших, вредных для нас просьб, побуждает возложить упование на людей, как лучших помощников в тех нуждах, которым Бог не хотел удовлетворить». Например: болен ли кто? Избегая тягостей болезни, молится он о здоровье. – Потерял ли деньги? Скорбит об утрате. Но часто и болезнь полезна, когда она вразумит грешника; и здоровье вредно, когда пользующемуся им послужит пособием ко греху. Так и деньги иным обратились в средство к распутству, а нищета уцеломудрила многих, имевших худые стремления. Итак, не

убегай, чего не должно, и не прибегай, к кому не должно. Но пусть будет у тебя одно избегаемое – грех, и одно прибежище в несчастьях – Бог. Не полагайтесь на князей; не превозноситесь неверным богатством; не гордитесь телесною силою; не гонитесь за блеском человеческой славы. Ничто это не спасет, все это временно, все обманчиво; одно прибежище – Бог. Проклят человек, иже надеется на человека (Иер. 17, 5) или что-либо человеческое».

Упразднитеся и уразумейте, яко Аз есмь Бог. Уясняя эти слова, – св. Василий показывает, – что для познания Бога необходимо иметь сердце свободным от всех греховных расположений и привязанностей и ум, не развлекаемый пустыми и бесплодными умозрениями. «Пока мы занимаемся, – говорит он, – предметами вне Бога, – не можем вместить в себе познания о Боге. Ибо кто заботясь о мирском и погрузившись в плотскую рассеянность может внимать учению о Боге и иметь довольно тщательности для столь важных умозрений? Не видишь ли, что слово, падши в терние, бывает подавлено тернием (Мф. 13, 22)? А терние – плотские удовольствия, богатство, слава, житейские заботы. Ищущий познания о Боге должен будет стать вне всего этого и, приведя в себе в бездействие страсти, воспринимать познание о Боге. Ибо в душу, затесненную предварительно занявшими ее помыслами, как войдет понятие о Боге? Знал и Фараон, что только праздному свойственно искать Бога, почему и укоряет Израиля: праздни, праздни есте, и глаголете: Господу Богу нашему помолимся (Исх. 5, 17). Но как хороша и полезна для предающегося праздности та праздность, которая производит в нас безмолвие, нужное для принятия спасительных учений; так худа праздность Афинян, которые ни во что же упражняхуся, разве глаголати что или слышати новое (Деян. 17, 21). Сей праздности подражают некоторые и ныне, употребляя свободное время в жизни на изобретение какого-нибудь непрестанно нового учения. Такая праздность приятна лукавым и нечистым духам. Сказано: егда нечистый дух изыдет от человека: речет возвращуся в место, отнюду же изыдох: и пришед, обрящет дом оный празден и пометен (Мф. 12, 43–44).

Посему, праздность наша да не откроет входа противнику, а напротив того не будем оставлять праздным внутренний наш дом, вселив в себя предварительно Христа Духом! Пророк говорит: упразднитесь от развлекающих вас врагов, чтобы в безмолвии созерцать вам учение истины. Посему и говорит: всяк, иже не отречется всего своего имени, не может быть Мой ученик (Лк. 14, 33). Итак, должно упраздниться от дел супружеских, чтобы заняться молитвою, упраздниться от попечений о богатстве, от пожелания земной славы, от наслаждения удовольствиями, от зависти и всякого злого дела против нашего ближнего, чтобы когда душа наша в тишине и не возмущается никакою страстью – в ней, как в зеркале, было чисто и не омрачено Божие озарение».

Беседа на 48 Псалом. Надеющиеся на силу свою и о множестве богатства своего хвалящиеся. Брат не избавит: избавит ли человек? не даст Богу измены за ся, и цену избавления души своея. В этих словах св. Василий видит указание на то, что для искупления себя от осуждения за грех человек, не может отыскать никаких средств ни сам в себе, ни в другом человеке. Человек, – говорит он, – и за собственные грехи не может дать Богу умиловительной жертвы. Как же возможет сделать это за другого? – Кроме того, что каждый человек подлежит уже осуждению за первородный грех, никто по немощи естества своего не может не допустить в продолжении своей жизни на земле какого-либо произвольного греха. Но допустив хотя один грех, он уже преступник закона и следовательно подлежит осуждению. А так как для того, чтобы вступить в общение с Богом, нужно быть совершенно чистым от всякого греха: поэтому, чтобы изгладить пятно, наложенное на душу грехом, человек, не имеющий в себе силы сделать несуществующим то, что уже совершено однажды, должен по крайней мере, совершить такое доброе дело сверх своих обязанностей, которое бы могло закрыть греховное пятно на душе. Но что же человек может сделать сверх своих обязанностей? Все силы души и тела человека каждое мгновение его жизни принадлежат Богу и должны быть посвящены на служение Ему. Из этого ясно видно, что человек

не имеет ни сил, ни времени для того, чтобы сделать что-либо сверх своих обязанностей для заглаждения однажды допущенного греха. Если же человек сам себя не может искупить от осуждения за грех: то само собою ясно, что он еще менее может сделать для искупления другого человека. Доказательством этому служить пример Моисея. «Моисей, – говорит св. Василий, – не освободил народа от греха, но только умолил Бога не карать за грех. Он и за себя не мог дать измены, когда впал в прегрешение, а после столь многих и великих чудес и знамений, какие видел, произнес слово сомнения: послушайте мене непокоривые, еда из камене сего изведем вам воду? Посему и Господь за сие слово рече к Моисею и Аарону: понеже не веровасте Мя освятити пред сынми израильтейскими сего, ради не введете вы сонма сего в землю, юже дах им (Чис. 20, 10–12)».

В ком же искать искупления за наши грехи, если ни мы сами, ни другой какой-либо праведник, подобный нам по естеству, ничего не может сделать для нашего спасения?» Не брата ищи, – говорит св. Василий, – для своего искупления, но того, кто превосходит тебя естеством, не – простого человека, но Богочеловека Иисуса Христа, который един может дать Богу измену за всех нас, потому что Его предположи Бог очищение верою в крови Его (Рим. 3, 20)».

И жив будет до конца, не узрит пагубы, егда увидит премудрыя умирающия. Изъясняя эти слова Псалма, св. Василий возвращается к мысли об искуплении человека кровью Господа нашего Иисуса Христа. «Кто избавлен Богом, давшим за него измену, тот утрудился в веке сем (употребляя и со своей стороны усилия, чтобы снова не подпасть рабству греха), а потом жив будет до конца. Он и не узрит пагубы, егда не увидит премудрыя умирающия. Кто путь тесный и многотрудный предпочел пути гладкому и покойному, тот во время Божия посещения, когда неуверовавшие словесам Божиим и ходящие по желаниям своего суетного сердца отведены будут на вечную казнь, не узрит вечной пагубы непрекращающегося злострадания. А мудрыми пророк называет или сильных в хитрости, о которых говорит Иеремия, что мудри суть, еже

творити злая, благо же творити не познаша (Иер. 4, 22) или разуместь под мудрыми и учеников князей века сего prestaющих (1Кор. 2, 6), которые глаголющися быти мудри обьюродеша (Рим. 1, 22). Почему премудрость мира сего буйство у Бога есть (1Кор. 3, 19). И поскольку сия премудрость делает глупыми: то Бог говорит, что Он погубит премудрость премудрых, и разум разумных отвергнет (1Кор. 11, 19) (Ис. 29, 14). Посему правдоподобие лжеименного ведения для убеждающихся в них служит причиною смерти. И таковой смерти не узрит искупленный Тем, кто благоволил буйством проповеди спасти верующих».

И человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им.

Человек при самом творении своем удостоен был такой великой чести, какой ни одно из творений Божиих. Ему дана была организация тела его самая совершенная и вполне соответствующая потребностям его души. Душа его сотворена по образу Божию, то есть, ей даны такие свойства, которыми она делалась богоподобною, а именно: ей дано бессмертие, ей дан разум, способный понимать и сознавать не только самое себя и окружающие творения, но и самого Творца – как через рассматривание сотворенного Богом так и через непосредственное благодатное общение с Ним; ей дана власть не только над всеми живыми тварями, но, до некоторой степени над самыми силами природы. Кроме сего, человеку сообщены нравственный силы, дающие ему возможность через упражнение их уподобляться Богу и в других Его совершенствах, как то: в святости, милосердии, благодати, долготерпении. Но что же человек, понял ли свое высокое достоинство, воспользовался ли своими преимуществами? Нет; «человек, – говорит св. Василий, – превознесенный такою честью, не разуме, но переставь подражать Богу и уподобляться Создателю, соделавшись рабом плотских страстей, приложися скотом несмысленным и уподобися им. То как конь женонеистов ржет к жене искреннего своего (Иер. 5 8), то как хищный волк устремляется на чужое (Иер. 22, 27), а иногда через козни против брата своего в лукавстве уподобляется лисице (Иез. 18,

4). Но подлинно, это избыток несмысленности и скотского неразумия, если созданный по образу Творца не сознает первоначального своего устройства, не хочет уразуметь всего Божия о нем домостроительства и по оному заключить о собственном своем достоинстве; но до того забывает все это, что отвергнув образ Небесного, восприимлет образ перстного. И чтобы он не пребыл в грехе, ради него Слово плоть бысть, и вселися в ны (Ин. 1, 14) и до того смирило Себя, что явило послушание свое даже до смерти, смерти же крестные (Флп. 2, 8). Если не помнишь первоначального своего происхождения, то составь понятие о своем достоинстве по возданной за тебя цене. Посмотри, что дано взамен тебя и познай, чего ты стоишь. Ты куплен многоценною кровью Христовою; не будь же рабом греха; уразумей себе цену, чтобы не уподобиться скотом несмысленным».

Не убойся, егда разбогатеет человек, или егда умножится слава дому его. Разбирая эти слова псалма, св. Василий показывает, что не следует праведнику, угнетенному скорбями, унывать и колебаться верою в промысел Божественный, видя разбогатевшего и окруженного славою нечестивца; конец земной жизни и особенно загробная участь каждого разъяснять недоумения малодушных и неверующих, показав горестное там состояние нечестивцев богатых и блаженство страдавших праведников. – «Когда видишь, – говорит св. Василий, – что неправедный богат, а праведный беден, не убойся сам в себе. Не смущайся мыслью, будто уже вовсе нет Божия промысла, надзирающего дела человеческие или хотя и есть Божий надзор, но он не простирается до мест надземных, чтобы приникать и в наши дела.... поскольку между языками и земнородными многие думают подобным сему образом и из видимого неравенства в разделе житейских благ заключают, что мир оставлен без промысла, то к ним обращает речь псалом, успокаивая невежественное волнение их мыслей... Внегда же умрети, – говорит пророк, – не возьмет богатый с собою всего своего богатства; а едва возьмет одежду для прикрытия своего срама и ту – если угодно будет слугам, снаряжающим его к погребению. Счастлив он, если получит в удел немного земли,

которую из жалости дадут ему погребавшие и те сделают для него это из уважения к общему человеческому естеству, не ему принося дар, но оказывая честь человечеству. Посему немалодушествуй, смотря на настоящее, но ожидай той блаженной и нескончаемой жизни: ибо тогда увидишь, что праведнику служит во благо и нищета, и бесславие, и лишение наслаждений. И не смущайся, видя, что ныне мнимые блага разделяются как бы несправедливо. Ибо услышишь, как будет сказано богатому: восприял еси благая твоя в животе твоём, а бедному, что он принял злая в жизни своей (Лк. 16, 25). Почему справедливо один утешается, а другой страждет.

Беседа на 59-й Псалом. В начале этой беседы св. Василий объясняет предстоящим, что он, несмотря на болезненное свое состояние и немощь своих сил, побуждается к собеседованию с ними усердием их к нему.

«Когда смотрю на ваше усердие слушать, – говорит он, – и на немощь сил своих, приходит на мысль изображение уже подросшего младенца, который еще не отнят от груди и тревожит матерний сосок, иссушенный болезнью. Мать знает, что у нее пересохли источники молока, но привлекаемая и обеспокоенная младенцем, дает ему сосцы не с намерением наплатить его, но чтобы прекратить его плач. Так, хотя и мои силы иссушены долговременными и различными телесными недугами, однако же, готов я предложить вам, если не наслаждение значительное, то некоторое удовлетворение, потому что преизбыток высшей любви удовольствуется и тем, если и одним моим гласом утолится ваше влечение ко мне.

Объяснив Псалом, в конце беседы, обращаясь к слушателям, говорит: убедим себя, братия, во время искушения прибегать не к человеческим надеждам и не здесь на земле искать себе помощи, но совершать моления со слезами и воздыханиями, с прилежною молитвою, с напряженным бдением; ибо тот получает помощь от скорби, кто человеческую помощь презирает, как суетную и утверждает в надежде на могущего спасти нас, утверждает же о Христе Иисусе Господе нашем.

Беседа на 61 Псалом. Упомянув о том, что тоже название носит и 38-й Псалом, как и разбираемый, говорит св. Василий: «тот и другой Псалом преимущественно рассуждает о терпении, которым укрощается душевная раздражительность, а по истребления всякого высокомерия усовершенствуется смирение. Ибо трудно представить, чтобы человек, который не терпит быть ниже всех и последним, мог когда-нибудь или укоряемый удержаться от гнева, или во время скорби препобедить искушения долготерпением. А кто преуспел в высшем смирении, тот слыша укоризны, поскольку сам себя сознает еще более достойным унижения, не смутится душою от того, что бесчестят его словами. Но если назовут его бедным, – знает, что он действительно нищ во всем и скуден, и всякий день имеет нужду в подаении от Господа. Если назовут его человеком низкого происхождения и неизвестным в свете, у него давно напечатлено в сердце, что он создан из персти... Чтобы душа, покорившись мудрованию плоти (превозношению и высокому мнению о своих достоинствах), не предалась гневу и скорби, говорит он (смирennemудрый) – для чего делаю рабою негодных страстей душу, которой Творец ее поручил управлять телом и телесными страстями? Посему должно владеть страстями, работать же Богу. Ибо невозможно, чтобы в душе царствовали грех и Бог; напротив того, должно над пороком брать верх и покоряться Владыке всяческих, от того бо спасение мое.

Св. Василий, изъясняя слова: усты своими благословляху, и сердцем своим кленяху, – показывает, как люди, покорившие себя внушениям диавола, извращают самые понятия о безнравственных поступках человека. «Шутливого, – говорит он, – такие люди называют забавным; сквернословия – знающим обхождение; через меру взыскательного и гневливого именуют человеком, не заслуживающим презрения; скупого и необщительного хвалят за расчетливость, расточительного – за щедрость, блудника и распутного – за умение наслаждаться и за развязность; вообще, всякий порок прикрывают именем соприкосновенной добродетели. Такие люди благословляют, а сердцем клянут, потому что своими похвалами навлекают

проклятие на жизнь хвалимых, подвергая их вечному осуждению за то самое, за что одобряют их».

О Боже спасение мое и слава моя. Принимая эти слова Псалмопевца, как урок для всех, считающих для себя за честь и славу именоваться и быть рабами Божиими, – св. Василий говорит, – «блажен, кто не восхищается никакою житейскою высотой, но Бога имеет славою своею, кто хвалится о Христе и может сказать с Апостолом: мне же да не будет хвалиться, токмо о кресте Христове (Гал. 6, 14)! Но ныне многие хвалятся телом своим: таковы упражняющиеся в борьбах или вообще, цветущие свежестью возраста. Многие хвалятся мужеством на войне, почитая добродетелью даже убийство единоплеменников, потому что воинская доблесть и памятники, воздвигаемые полководцам городами, соразмеряются с количеством убийств. Одни славятся сооружением городских стен, другие устройством водопроводов и постройкой больших зданий для упражнения в борьбах... Другой славится богатством, а иной – тем, что он сильный и непреодолимый вития или знаток в мирской мудрости. О славе всех таких людей надобно сожалеть, а ублажать тех, которые поставляют своею славою Бога. Если иной высоко ставит, что он служит при царе и почтен от него великою честью: то сколько же ты должен ставить себе в честь, что ты раб Великого Царя, призван Им в тесное общение, приял Дух обетования, чтобы, запечатлевшись Им, соделаться сыном Божиим»!

Беседа на 114 Псалом. Из начала этой беседы можно видеть как неутомимую деятельность св. Василия при всей немощи его сил телесных так и поразительную ревность христиан к слушанию его поучений. В церкви св. Мучеников, в которой он обыкновенно говорил свои беседы на Псалмы, с полуночи собрались православные христиане, как для участия в богослужении церковном, так и для слушания беседы св. Василия. Но так как ему, по обстоятельствам служебным, пришлось заняться богослужением и проповеданием слова Божия в другой церкви, отстоявшей от этой на большое расстояние, поэтому он мог придти в церковь Мучеников не прежде, как к полудню. Пришедшие в церковь с полуночи не

разошлись по окончании службы, но терпеливо ожидали св. Василия до полудня. И чтобы не проводить времени праздно и в пустых разговорах, они пели Псалом. – Св. Василий, взошедши на кафедру, объяснил предстоявшим причину своего замедления, и так как сам был слишком истомлен, как трудом так и болезненною немощью тела, сказал им: воздайте со мною благодарение Благодетелю, Который эту видимую немощь моего тела подкрепляет Своею невидимою силою. Но чтобы не огорчить вас, удерживая долго, кратко побеседую из Псалма, который застал я вас поющими».

Яко приклони ухо свое мне. Бог, как сердцеведец, может узнавать просимое и по движениям сердца и потому не имеет нужды ни в голосе со стороны человека, ни в приближении своего слуха для слышания слабых воплей молящегося. Но этими словами, – говорит св. Василий, – Псалмопевец выражает только чрезвычайную и нежную внимательность со стороны Бога к слабым и робким воплям смиренного и кающегося грешника. Подобие взято из примера человеколюбивого врача, который приклоняет слух свой к больному, от изнеможения сил не могущему говорить внятно, чтобы вблизи узнать нужды страждущего.

Толкование на 16 глав пророка Исаии.

При толковании исторического смысла первых глав пророка Исаии св. Василий пользовался почти каждым стихом разбираемой главы, чтобы сделать назидательное и полезное приложение к своим слушателям. Иначе, конечно, и не могло быть, потому что церковная кафедра не то, что школьная кафедра. В церкви большая часть предстоящих состоит из таких лиц, которые желают и способны назидаться удобовразумительным словом Пастыря церкви, но мало или вовсе не подготовлены к тому, чтобы выслушивать научные и сухие объяснения каких-либо исторических мест св. Писания.

Авторитет говорящего нередко заменяет собою самые сильные доказательства какой-либо истины. Для многих достаточно бывает знать, кто сказал известную мысль: и они уже не потребуют никаких доказательств для признания ее полезности и назидательности. Это по отношению к уму. Во что

касается влияния на сердце, то авторитет лица говорящего не редко бывает сильнее всех доказательств. – Как бы ни убедительна была речь говорящего, но если к нему самому не имеют слушатели ни доверия, ни особого уважения, то его слово слабо повлияет на их сердце и не расположит их направить свою деятельность согласно внушениям его слова. – Но слово св. Василия, отношение к современникам, соединяло в себе и силу по убедительности и могущественное влияние авторитета лица и глубоко уважаемого и искренно любимого. – Для нас авторитет св. Василия великого еще несравненно выше нежели для его современников, потому что мы на него смотрим не как только на благочестивого мужа и ревностного пастыря, но как на прославленного уже самим Богом великого Светильника Церкви. И его слово должно влиять на наши души гораздо сильнее, нежели на современников, потому что мы смотрим на его слово не как только на плод великой учености и глубокого размышления о предмете, но как на плод души, освященной и умудрённой самим Духом Святым. Его слово делается для нас обязательным не по силе своей убедительности и неотразимости, представляемых в подтверждение его доказательству, но потому что оно слово св. Василия Великого. Чтобы это многоплодное слово св. Василия не осталось бесполезным для наших читателей, мы заимствуем из его толкований на пророка Исаию хотя некоторые мысли, принимая при этом в соображение духовные нужды современных нам христиан.

Будите мудри, яко змия (Мф. 10, 16). Змея благоразумно и смышленно совлекает с себя старость. Ибо когда ей нужно скинуть с себя кожу вползает в тесное место, где было бы отовсюду тело ее сжато, и таким образом протесняясь через него, скидает с себя старость. Так может быть слово сие и от нас требует, чтобы идя тесным и скорбным путем совлекались мы ветхого человека и облекались в нового и чтобы юность наша обновлялась яко орля (Пс. 102, 5)⁹⁶.

Почему разным лицам сообщаются разные дарования Духа Святого и не в одинаковой степени?

Показав, что для приуготовления себя к принятию Духа необходимы не только обуздание страстей, но также и своя мера расположения к вере и польза самого приемлющего благодать и современных ему слушателей или тех, которые впоследствии будут пользоваться пророками, св. Василий говорит: выше человеческой природы – объяснять причину, по которой Дух Божий различно действует в достойных, – и одному вверяется пророчество и притом до известной степени, другой получает дарования исцелений и те в определенной мере, а иной действия больших или меньших сил. Ибо знает сие Тот один, Кто вникает в душевные достоинства каждого, и каждому по незримым мерам правосудия уделяет, чего он достоин⁹⁷.

Что нужно для того, чтобы соделаться способным к восприятию особых откровений Духа Святого и как сообщаются эти откровения?

Чистые и просветленные души, соделавшись как бы зеркалом Божия действования, показывали в себе ясное, неслитное, непотемненное плотскими страстями изображение. Ибо Дух Святой пребывает во всех, но собственно силу свою обнаруживает в тех, которые чисты от страстей, а не в тех, у кого владычественное души (т. е. ум) омрачено греховными нечистотами. Кроме же чистоты, надлежит им показывать в себе ровность благоустроенного состояния. Ибо чист не тот, кто неровно ведет себя в отношении к целомудрию, но тот, кто мудрование плоти подчинил Духу. Как изображения лиц видим не во всяком веществе, а только в гладких и прозрачных веществах, так и действие Духа отражается не во всякой душе, а только в душах, которые не имеют в себе ничего стропотного и ничего развращенного (Притч. 8, 8). Снег блестит, но не показывает в себе образа тех, которые в него смотрятся, потому что шероховат и составлен из смерзшейся пены. Молоко бело, но не принимает в себя образов, потому что и в нем есть какие-то мелкие пузырьки. А в воде, по причине ее гладкости, виден даже черный образ. Так точно и неровность жизни не способна к принятию в себя Божия действия. Посему, когда душа, посвятив себя всякому подвигу добродетели, сильною любовью к Богу постоянно сохраняет в себе напечатленное в ней памятование о

Боге и таким образом соделывает Бога как бы живущим в себе, тогда от сильного стремления и неизреченной любви к Богу став богодухновенною, соделывается она достойною пророческого дара; потому что Бог дает божественную силу и отверзает душевные очи для уразумения видений, какие сообщить Ему угодно. Посему пророки назывались прежде прозорливцами (1Цар. 9, 9), ибо видели будущее, как настоящее. Но к легчайшему уразумению пророческого возбуждения могут служить нам представления, бывающие во сне. Как во сне мы видим разные образы и слышим разные звуки и слова без действия на наши органы чувства внешних предметов, так и ум божественных и блаженных мужей, отпечатлевая в себе образы, иногда в бодрственном состоянии, а иногда во сне, исполняется божественных словес и видений, между тем как не приражаются к нему посредством очей образы видимых предметов и не принимает он ушами сотрясений воздуха, производимых звучащими орудиями. Ибо не чем-либо совне подлежащим зрению был престол высокий и превознесенный и Сидящий на нем, Которого видел Исаия (Ис. 6, 1). Также не человекообразен был от чресл вверх подобный илектру и от чресл донизу огневидный, описываемый у Иезекииля (Иез. 8, 2). Но ум пророков созерцал сии предметы высшею силою, тогда как дух в гаданиях показывал им Божие естество.⁹⁸

Если для получения особых озарений от Духа Святого нужна чистота жизни, то почему же сообщены были дар предвидения Фараону и Навуходоносору, и дар пророчества Валааму и Каиафе? – Потому что, правя состоянием мирских дел и имея влияние на других людей, должны были предвидеть для возбуждения веры в других. Здесь причиною (предвидения и пророчества) – не чистота души, не проветление ума, который созерцает Бога и в Нем почерпает силу, но домостроительно сообщенное им слово, не «по достоинству, а по требованию времени»⁹⁹.

Пророки сознавали ли то, что говорили, или приходили в некий род исступления, так что служили только орудиями для пророческого Духа?

Противно обетованию Божию наития-богодухновенного делать исступленным, так чтобы он, когда исполняется божественных наставлений, выходил из свойственного ему разума и когда приносит пользу другим, сам не получал никакой пользы от собственных своих слов. И вообще, сообразно ли сколько-нибудь с разумом, чтобы Дух премудрости делал человека подобным лишенному ума, Дух ведения уничтожал в нем разумность? Но свет не производит слепоты, а напротив того, возбуждает данную от природы силу зрения, и Дух не производит в душах омрачения, а напротив того, возбуждает ум, очищенный от греховных скверн к созерцанию мысленного¹⁰⁰.

О гибельных последствиях небрежности, о постоянном усовершенствовании себя в духовной жизни.

Как усовершающийся простирается в предняя, так согрешающий отступает назад, удаляясь от Господа и через это губя себя. Ибо сказано: се удаляющи себе от Тебе погибнут (Пс. 72, 27). Посему так будем жить, чтобы прошедшее никогда не было лучше будущего, или настоящего. Сие запрещает и Екклесиаст: да не речеши, яко дние преждние быша блази паче сих; яко не в мудрости вопросил еси о сем (Еккл. 7, 11). Ибо если предыдущие дни лучше последующих, то нам будет сказано: напрасно вы столько потерпели, добрые дела обратив в ничто последующим нерадением. Ибо Иезекииль говорит: аще совратится праведник от правды своея, и сотворит неправду по всем беззаконием, яже сотворил беззаконник, все правды его, яже сотворил есть, не помянутся: в преступлении своем, имже преступи, и во гресех своих, ими же согреши, в них умрет (Иез. 18, 24).

Посмотри на иного юношу, который с детства воспитан в честной жизни, тщательно ходит в дом молитвенный, не нерадит по силам делать добро, помнит вечный суд, с любовью приемлет слово учения, а потом поползнулся он в блуд: как в нем за утрату целомудрия и лишением плодов следует уже совершенное низвращение! Лукавая совесть не ведет уже его в место молитвы, потому что он не устоял в числе верных, но отпал. Он не становится вместе с плачущими, потому что стыдится. С сего времени ленив он к молитве, выдумывает

мнимые предлоги в ответ спрашивающим. Он говорит: меня понуждает такой-то, не могу ждать Божественной службы и опять по такой-то причине, какую случилось ему выдумать, уходит из храма прежде молитвы верных, потом от постепенного навыка рождается мысль об отступничестве и он доходит до совершенной гибели. Вообще, лукавым силам свойственно, как скоро лишат нас плодов правды, дотоле не удаляться от нас, пока не опутают заблуждениями разума¹⁰¹.

Убоимся и мы стать бесплодными, чтобы не остаться без Божия призрения. Страж наш есть Дух Святой. Когда душа приносит плоды достойные вечных житниц, Дух пребывает с нею, охраняет ее и отражает козни уединенного дивия (Пс. 79, 14). Но когда произращает грозд желчи и приносит грозд горести (Втор. 32, 32), тогда Дух оставляет бесплодную душу и она попирается зверонравными помыслами и скотскими пожеланиями всякого рода¹⁰².

Ктому не стерплю грехов ваших. Объясняя эти слова из пророчества Исаии, св. Василий показывает, что не приносит пользы кающемуся отпущение грехов при совершении таинства покаяния, если грешник снова возвращается к тем же грехам. «Не тот исповедует грех свой, кто сказал: согрешил я, и потом остается в грехе; но тот, кто, по слову Псалма (Пс. 33, 3), обрел грех свой и возненавидел. Какую пользу принесет больному попечение врача, когда страждущий болезнью крепко держится того, что разрушительно для жизни? Так, нет никакой пользы от прощения неправд делающему еще неправду и от извинения в распутстве продолжающему жить распутно. – Но в каком случае отпускаются душевные грехи? Когда добродетель, возобладав душею и всецело оградив ее своими уроками, произведет в ней отвращение от противоположного расположения, так что душа, имея случай к любостыжанию, добровольно стремится уважать равенство, и хотя удобно было бы сделать неправду, даже без свидетелей избегает сего, как величайшего зла. Кто так расположен вследствие своего навыка, тому могут быть отпущены прежние неправды. Подобно сему и целомудрие, когда душа приобретает в нем навык и постоянство, заглаживает прежнее распутство. Целомудренным же называем не того, в

ком невоздержные пожелания ослабели от старости или от болезни, или от другого какого-либо случая. Ибо в таком человеке, хотя грех еще и живет, но деятельности его препятствует немощь членов. А целомудрие есть истинная, с сознанием соединенная сила, глубоко отпечатлевшаяся в душе и уничтожающая оставшиеся следы срамных движений. Кто так у врачевал себя, приняв расположение противное греховному, для того полезна и благодать прощения... Премудрый Домостроитель нашей жизни хочет, чтобы живший во грехах и потом дающий обет встать к здоровой жизни, положил конец прошедшему и после содеянных грехов сделал некоторое начало, как бы обновившись в жизни через покаяние. А кто непрестанно дает обещания, и непрестанно нарушает их, того, как совершенно отчаянного, Он лишает своего человеколюбия»¹⁰³.

Измыйтесь и чисти будете, отымите лукавства от душ ваших пред очима моима (Ис. 1, 16). По изъяснении буквального смысла этих слов, делая приложение к христианам, – св. Василий показывает, – что для оправдания перед Богом недостаточно того, чтобы только омыться водами Крещения, но нужно еще собственным произволением отринуть всякое лукавое дело и научиться совершать добрые дела с верою во всеведение Божие и притом совершать добрые дела, руководясь не собственными произвольными соображениями, но евангельскою заповедью. «Ужели для меня достаточно измыться и получив прощение в прежних делах, остаться в покое? Или нужно и другое что-нибудь? Отымите лукавства от душ ваших пред очима моима. Ибо очищение через омовение зависит от человеколюбия Господня, а отложение лукавства есть дело собственной нашей тщательности. Но чтобы мы, понадеявшись на одну благодать омовения, не оставили исполнения заповедей, для сего совокупляет в едино целый объем жизни. Отымите лукавства от сердец ваших, как бы искорените лукавые помышления во владычественной силе души, чтобы не отражалось ни слова, ни дела худого. Пред очима моима. поскольку и те, которые вне веры хранят многие из правил честной жизни, например, воздержность в

супружеском обращении и в приятностях пищи, также постоянство и безмятежность нрава, то не удовольствовался, сказав: отымите лукавства, но присовокупил перед очима моима, потому что ни одно дело не может быть совершенно надлежащим образом без благочестивой веры во Христа. Или, поскольку Отец видит в тайне (Мф. 6, 6), то слова: пред очима моима, значат: на всяком месте видимом Богу, чтобы мы отъяли лукавство не только в делах, но и в помышлениях. А сие приобретается посредством совершенной любви, потому что любви, по слову Павлову, не мыслит зла (Кор. 13, 5)»¹⁰⁴.

Далее св. Василий показывает, что добрые дела должны быть совершаемы согласно с законом: иначе и добрые по-видимому дела, подобно врачевным травам, принятым без соображения с требованиями врачевной науки, характера болезни и свойства самых трав могут вместо пользы принести вред. Так например, милостыня сама по себе доброе дело, но если она совершается на показ, чтобы только заслужить похвалу от людей, то она вместо пользы принесет осуждение за тщеславие.

Взыщите суда (Ис. 1, 17). «Поелику все подвергнется исследованию и суду... то надобно, чтобы разум как судия, заняв в нас самое высшее место, всякий раз рассуждал и исследовал, что должно говорить и что делать, и по тщательном рассуждении соизволял на дела и уступал стремлениям души. Сие-то говорит и Павел: аще бо быхом себе рассуждали, не быхом осуждени были (1Кор. 11, 13)»¹⁰⁵.

Избавите обидимого. «Обиды бывают двоякие: иным нанесена обида в телесном, например, в имении и в чем-нибудь другом внешнем, а у других терпит обиду самая душа. Но нам без всякого различия повелевается избавлять обидимого. Надобно знать, что мы обязаны иметь большее попечение о тех, в которых терпит вред самое главное. Кто подпал власти диавола и держится у него в плену, того должны мы со всем тщанием освободить от диавола и привести его разум в послушание Христово. Но надобно прилагать попечение и о том, чтобы нуждающихся избавлять от телесных обид, когда, подпав власти хищников и притеснителей, увлекаются их насилием, как

потоком. А если мы не в состоянии избавить, то словами утешения подкрепим в них терпение к перенесению трудностей, не щадя ничего от нас зависящего. Если же и в сем не достигнем желаемого, то, по крайней мере, окажем сострадание по братолюбью»¹⁰⁶.

Судите сиру. Объясняя эти слова, кроме изъяснения буквального смысла и духовно, св. Василий говорит: «поелику Бог называется Отцом уверовавших во Христа и возлюбивших жизнь сообразную с Евангелием, то если кто через преступление закона сделал себя чуждым Богу и как бы осиротел, лишившись Его о себе промышления, потщись правдивым и разумным судом снова ввести его в свойство с Богом и не снисходя к нему безрассудно и не употребляя безжалостного отлучения. Но судите ему, предлагая полезные способы покаяния»¹⁰⁷.

И приидите и истяжимся, глаголет Господь (Ис. 1, 18). В книге пророчеств Исаии Господь представляется как бы вступающим в рассуждение с людьми об их поступках, чтобы, по окончании суда, ни осужденный не имел права считать себя несправедливо обвиненным, ни оправданного не имели права считать без заслуги помилованным». Да и прилично, – говорит св. Василий, – чтобы суд Божий был не насильственный, а напротив того, имел более общего с теми судами, какие бывают у людей и подсудимым давал место к оправданию, чтобы человек, видя дело свое приведенным в ясность и при наказании подтвердил неопровержимые суды Божии, согласившись, что наказание положено на него по всей справедливости, а также и при помиловании усматривал, что прощение дано ему по закону и в порядке. Писание же представляет сие олицетворенно не потому, что Судия каждому из нас будет предлагать вопросы или давать ответы судимому, но чтобы внушить вам заботливость, и чтобы мы не забыли подумать о своем оправдании. Вероятно же, что какою-то несказанною силою во мгновение времени все дела нашей жизни как на картине напечатлеются в памяти нашей души... И книги, упоминаемые у Даниила (Дан. 7, 10), что они означают, как не возбуждение Господом в памяти человеческой образов

всего соделанного, чтобы каждый вспомнил свои дела и чтобы мы видели, за что подвергаемся наказанию»¹⁰⁸.

Неверие есть мать пороков. «Ибо верующий, что Бог везде присутствует при всяком событии, пристойит при каждом действии, видит советы сердечные, допустит ли в себя дурную мысль или совершит ли злое дело? Напротив того, в предположении, что Бог или не взирает на них или не заботится о происходящем, люди устремляются к делам нечестивым»¹⁰⁹.

Корчемницы твои мешают вино с водою. Объяснив буквальное значение этих слов и указав на корчемство как на зло, которое между прочим было причиною гнева Божия на древний Израиль, св. Василий переходит к духовному смыслу этих слов. «Есть, – говорит он, – вино веселящее сердце человека, то есть ум и владычественное в душе; это – учения Писаний, через святых Апостолов и Пророков преподанные нам от виночерпия – Духа в вечное веселие. Многие, корчемствуя ими, разжижают слово водою, примешивая собственную мысль к вреду слушающих. Ибо, служа их удовольствиям и угождая льстивыми речами, питают их страсти на их же погибель. Ослабляя, что в Писании строго, сильно и с пользою обуздывает и к гибели слушающих допуская какое-то невежественное человеколюбие, безрассудное извинение грехов и иное подобное, нравящееся многим, более и более расслабляют они души сластолюбцев»¹¹⁰.

Желание воспользоваться советом от другого есть плод смиренномудрия. «Вообще, совет есть священное какое-то дело, единение воли, плод любви, доказательство смиренномудрия. Ибо странное кичение – думать, что ни в ком не имеешь нужды, но внимать только себе самому, как единственно способному присоветовать лучшее. А ты медлишь предаться тем, которые преподают, что нужно, и стыдишься признаться, что они благоразумнее нас в жизни. Притом, кто в ожидании советника дает место и собственным рассуждениям, тот в продолжительнейшее время, с трудом только и вниманием, нападает на след того, что нужно»¹¹¹.

Кто питает в душе какую-либо греховную страсть, тот идолопоклонник и пленник диавола. «Всякий сластолюбец,

чему бы из запрещенного порабощен ни был, обоготворив это как идола, ставит в скверном храме, то есть в сердце своем, неотступно пребывает при нем своею мыслью и носит в себе образы вожделеваемого. Так богатолубец там имея сердце, где его сокровище, служит идолу любостязательности; чревоугодник, порабощенный вожделениями снедей, имеет богом чрево свое»¹¹². Но подчиняясь какой-либо страсти, «мы бываем как бы узниками греха и отводимся лукавым в плен для того, чтобы представить уды наша рабы беззаконию в беззаконие» (Рим. 6, 19)¹¹³.

И судити будет посреде язык (Ис. 2, 4). Здесь показывается, что наказание народам чуждым благочестия различно, а не одно и то же. Поколику они утратили познание о Боге, все достойны мучений и казней. Поколику же есть разность в образе их жизни, в страстях бесчестия (Рим. 1, 6) и в лукавстве против ближнего, – потребен суд над язычниками для разобрания грехов их против ближнего»¹¹⁴.

Презрение к другим служит началом гордыни, а злоречие есть порождение гордости. Но все, подчинившиеся какому-либо из сих грехов, подвергнутся осуждению вместе с диаволом (1Тим. 3, 6) и царствия Божия не наследят (1Кор. 6, 10). «Если кто расгордевся в суд впал диавол (1Тим. 3, 6), то и осужден будет вместе с началовождем и как бы зиждителем гордыни; ибо Господь гордым противится (1Пт. 5, 5). Началом гордыни бывает обыкновенно презорство. Кто презирает и считает за ничто других, и одних признает бедными, других людьми низкого происхождения, иных же невеждами: тот вследствие такого презорства доходит до того, что почитает себя одного мудрым, благоразумным, благородным и богатым, сильным, и презрение служит для него началом гордыни. Ибо гордиться значит прилагать усилие стать выше других; а чтобы достигнуть сего, человек унижает ближнего, превозносит же себя самого. И презорство есть начало гордыни, и гордыня – злое порождение презорства. Посему и отмщение на всякого досадителя и горделивого (Ис. 2, 12), потому что сродные грехи и наказываются подобным образом. Итак, славный день Господень принесет с собою отмщение на всякого досадителя и

горделивого. Но мы бедные, каждый день предаваясь сим порокам и не разумеем как зло грешим. Досадители (т. е. злоречивые) царствия Божия не наследят (1Кор. 6, 10). А мы предаемся злоречию и злословию, не разумеем что слова, которые теперь произношу станут против меня в день суда, пресекут мне путь и сделаются как бы стеною, через которую нельзя перейти... Конечно возможно высокому ныне если захочет, снизойти до смирения смиренных и есть опасность, что смиренный ныне будет приведен в возношение гордых. Ибо самая мысль о себе, что дошел до высоты смирения, служит поводом к возношению, и превозноситься над тем, кто по видимому великий грешник, есть уже страшная гордыня, какую допустил в себе фарисей перед мытарем»¹¹⁵.

И смирит Бог начальные дщери (Ис. 2, 17). Объясняя эти слова пророчества, св. Василий говорит: «слова сии, и сами по себе взятые, заключают в себе полезное и замечательное для народа, потому что обуздывают жизнь нецеломудренных женщин, которые и в наружности, и во взглядах, и в поступи, и в одежде, выказывают наклонность к любодеянью. Когда, высоко думая о красоте телесной, превозносятся они перед прочими, прибегают к пустой пышности и надмеваются тем, что скоро увядает и исчезает, тогда высоко носят голову, чтобы лица их всем были видимы. Женщина честная и благонравная, от стыдливости потупляясь в землю, имеет лицо наклоненное вниз, а имеющая в виду – сетями красоты уловить многих, ходит высокою выею. И помизанием очес. Это укоризна женщине, которая дышет любодейством, она смотрит любопытным оком, вольность сердца выказывает во взгляде, улыбается, вызывает взорами на блуд, разливает из глаз какой-то тлетворный яд, нечто подобное тому, что рассказывают о василиске, который, как говорят, одним взглядом умерщвляет на кого посмотрит»¹¹⁶.

Горе привлекающим грехи, яко ужем долгим; и яко ига юнчина ремнем беззакония (Ис. 5, 18). «Греша, готовим мы себе узы и уже (веревки), которыми связываемся, потому что по мере множества и важности грехов, соплетаем для душ своих узы или большие или меньшие, от которых, по слову Иеремии,

стали мы узниками (Плч. 3, 34). Посему, кем обладает плотское мудрование, те обложены земными узами и по праведному определению Судии, связанные ими по рукам и по ногам, осуждены и ввергаются в тму кромешную (Мф. 22, 13). Они связаны по рукам, то есть в деятельности, и по ногам, то есть в путях своих. Ибо действительно каждый опутывается цепями собственных своих грехов, так что каждый из членов, действовавших при совершении грехов, в наказание за сие связывается особенными узами. Посему Пророк говорит: горе привлекающим грехи, яко ужем долгим, то есть тем, которые к первому падению присоединяют второе, третье, и так далее нечестия, неправды и распутства. Но впадшим в грехи вместо того, чтобы преумножать их и присовокуплять одно зло к другому, надлежало по первом опутании себя злом загладить грехи свои. Хотя природе человеческой невозможно не грешить, а потому, несть праведен на земле, иже сотворит благое, и не согрешит (Екл. 7, 21); однако же возможно, согрешив по опрометчивости или по увлечении от злокозненного, тотчас измениться, покаяться и не собирать зла к злу. И как те, которые вяют веревки, когда одна из свиваемых вервей подходит к концу, берут другую, ею удлиняя и увеличивая прежнюю; так и погружающиеся в глубину зол, прежде нежели кончат первый грех, начинают второй, и к этому опять присоединяют новый. И таким образом целая жизнь, проходя у них во грехах, уподобляется какой-то длинной непрерывно свиваемой веревке, в которой прошедшее связано, и непрерывно наступающее вновь смыкается в нечто подобное предшествовавшему. Посему Пророк говорит: горе привлекающим грехи, яко ужем долгим»¹¹⁷.

Горе, иже мудри в себе самих, и перед собою разумни (Ис. 5, 21). «Это можно сказать о людях, которые о себе думают, что они мудры и разумны, не будучи таковыми. Но можно сказать и о тех, которые действительно имеют дар разумения и ведения, но не сообщают его другим, ибо премудрость сокровена и сокровище не явлено, кая польза есть в обоих (Сир. 20, 30)? Таковые пред собою разумни, а не перед другими, как и скрывшие талант в себе (Мф. 25, 25). Но неразумен и перед

Богом, кто не употребляет ведения во славу Божию. А есть кажется и третье значение сих слов: мудрые и разумные те, которые созданы от Бога таковыми и сознают в себе дар Его: но не в Боге полагают причину смысленности и вменяют ее в заслугу себе самим; они-то в самих себе мудры и пред собою разумны. Им-то кстати будет сказать: что имаши, его же неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишия, яко не прием?» (1Кор. 4, 7)¹¹⁸.

Горе крепким вашим, вино пьющим, и вельможам, растворяющим сикер (Ис. 5, 22). Показав к каким губительным последствиям может приводить, особенно начальствующих лиц, опьянение вином, – св. Василий говорит далее, – что опьянение и вместе с сим омрачение ума и извращение деятельности может производить не одно только вино, но и всякая страсть: «ибо славолубие и любоначалие – страшное опьянение. А также страшное опьянение – зависть, лицемерие и злословие ближнего. Упившаяся ими душа забывает мудрость»¹¹⁹.

Какой ум можно назвать великим? «Тот ум в действительности велик, который созерцает великое, способен проникать в Творческие законы, и из них уразумевать красоту премудрости Художника всяческих. Велик, кто способен проникать в домостроительство всего совершаемого Богом и в Промысел Его, простирающийся на самые малейшие твари и из сего усматривать праведные суды Божии. Велик ум, который в Ангелах и Силах и всякой премирной славе познает Царя славы и Господа сил. А кто ублажает и возвышает сам себя, того гораздо справедливее было бы назвать мнимым мудрецом и суемудрым, нежели великим по уму»¹²⁰.

Кто подчиняется какой-либо страсти, тот делается игрушкой диавола. «О бесах, которые внушают нам различные грехи, говорится, что они воспляшут, потому что пляска есть разнообразное движение членов. И поскольку пляшущие являются на позорище или в той или в другой личине, то подобно сему и бесы, вместо личин, употребляют нас и пляша, представляют то гневливого, то похотливого, то преданного плотским удовольствиям, то лжеца. Так даем в себе место различным действиям бесов и по их воле изменяем сердце

свое и телесные члены. Посему когда видишь, что человек то предается неумеренному смеху, то сокрушению печалью, сам себя терзает в слезах, стенаниях и воплях: то заключаешь, что в нем пляшет кто-то, принимающей на себя то один, то другой вид. И вводится ли в лицедейство то сребролюбие, то тщеславие, то гордыня: во всяком случае, издевается над родом человеческим тот, кто ликует и пляшет в душах удобоподвижных и удобопреклонных к греху»¹²¹.

Какие из слов и бесед св. Василия на разные случаи относятся ко времени его пресвитерского служения, и какие говорил он, бывши уже Епископом, – с точностью определить трудно. Для определения времени его поучений нужно иметь в виду: против каких заблуждений св. Василий говорит или делает замечания в своих беседах? Те беседы, в которых говорится о духовборцах или македонианах, принадлежат к позднему времени, то есть ко времени его епископского служения. Напротив те поучения, в которых не встречается намека на лжеучения македониан, могут быть отнесены ко времени пресвитерского служения. Но так как св. Василий и во время епископского своего служения мог говорить о разных нравственных предметах, не касаясь еретических учений, поэтому в настоящей главе мы рассмотрим только те из его поучений, которые с достоверностью могут быть отнесены к пресвитерскому служению. А таких поучений немного, а именно: 8-е, 9-е и 12-е, из коих на 12-е поучение мы уже обращали свое внимание в 3-й главе, как сказанное в начале пресвитерского служения св. Василия по назначению самого Архиепископа.

Теперь мы рассмотрим его 9-е поучение, в котором решаются разные возражения вольномыслящих людей, подражатели которым находятся и в настоящее время. 8-е его поучение замечательно по особой силе красноречия, живости изложения и благотворности его последствий.

Выяснив из учения Псалмов, что праведники более всех терпели скорбей и однако же, соблюдая в душе дух смирения и совершенной покорности воле божественной, никогда не позволяли себе роптать на Бога, но видя в этих скорбях попечительность Божию об их духовном усовершенствовании,

всегда благодушно переносили их, – св. Василий показывает далее, – что если люди зломыслящие при встрече со скорбями и позволяют себе роптать на Бога и доходят иногда даже до неверия в Него, то причиною этому бывает расслабление их воли в добре и отсутствие смиренного сознания своей греховности, требующей врачевания со стороны попечительного о людях Промысла Божественного.

«Люди зломыслящие, – говорит он, – едва встретят хотя малое огорчение в жизни, не перенося затруднительности обстоятельства, тотчас начинают колебаться в мыслях: имеет ли Бог попечение о здешнем мире, назирает ли за делами каждого, воздаст ли каждому должное? Потом, когда видят, что неприятное их положение все еще продолжается, утверждают в себе лукавое мнение и решительно говорят в сердце своем, что нет Бога. Рече безумен в сердце своем: несть Бог (Пс. 13, 1). А кто вложил себе это в ум, тот уже без осторожности вдается во всякий грех. Ибо, ежели нет назирающего, нет воздающего каждому по достоинству того, что сделано в жизни: то воспрепятствует ли что притеснять нищего, убивать сирот, умерщвлять вдову и пришельца, отваживаться на всякое нечестивое дело, осквернять себя нечистыми и мерзкими страстями, всякими скотскими вожделениями? Посему, как следствие мысли, что нет Бога, Пророк присовокупил: растлеша и омерзишася в начинаниях. Ибо невозможно совратиться с правого пути тому, кто не болезнует в душе забвением Бога. Почему язычники преданы в неискусен ум, и творят неподобная (Рим. 1, 28)? Не потому ли, что сказали: несть Бог? Почему они впали в страсти бесчестия, и жены их измениша естественную подобу в преестественную, и мужи на мужех студ содевают (Рим. 1, 26–27)? Не потому ли, что измениша славу нетленного Бога в подобие скотов и четвероног и гад?» (Рим. 1, 23).

«Поэтому, как действительно лишенный ума и смысла, безумен тот, кто говорит: несть Бог. Но близок к нему и нимало не уступает ему в бессмыслии и тот, кто говорит, что Бог – виновник зла. Я полагаю, что грех их равно тяжек, потому что оба равным образом отрицают Бога благого, один говоря, что Бога нет, а другой утверждая, что Он не благ. Ибо если Бог –

виновник зла, то очевидно не благ. А поэтому в том и другом случае отрицается Бог».

«Отчего же говорят болезни? От чего безвременная смерть? От чего истребление городов, кораблекрушения, войны, голодные времена? Это есть зло, продолжают, и между тем все это Божие произведение. Поэтому, кого же иного кроме Бога, признаем виновником происходящего? Итак, поскольку коснулись мы сего часто повторяемого вопроса, то возводя слово к какому-нибудь всеми принятому началу и тщательно разобрав предложенный предмет, попытаемся сделать на него внятное и несбивчивое объяснение».

«Предварительно должны мы утвердить в мыслях своих одно следующее: поскольку мы творения благого Бога и состоим во власти Того, Кто устрояет все до нас касающееся и важное и маловажное, то не можем ничего потерпеть без воли Божией, и если что терпим, оно не вредно или не таково, чтобы можно было примыслить что-либо лучшее. Ибо, хотя смерть от Бога, однако же без сомнения, смерть не зло; разве кто назовет злом смерть грешника, потому что для него переходение отсюда бывает началом мучений во аде. Но опять не Бог причиной зол во аде, а мы сами, потому что началом и корнем греха – от нас зависящее, наша свобода. Удержавшись от зла, могли бы мы не терпеть ничего бедственного. Но поскольку уловлены сластолюбием в грех, то можем ли представить какое благовидное доказательство, что мы не сами для себя сделали виновниками горести»?

«Поэтому, иное зло только в нашем ощущении, а иное зло в собственной своей природе. Зло само в себе зависит от нас, таковы: неправда, распутство, неразумие, робость, зависть, убийство, отравы, лживые дела, и все однородные с ними недостатки, которые, оскверняя душу, созданную по образу Сотворшего, обыкновенно помрачают ее красоту. Еще злом называем, что для нас трудно и болезненно для ощущения: телесную болезнь, телесные раны, недостаток необходимого, бесславие, ущерб имения, потерю родных. Между тем, каждое из сих бедствий мудрый и благий Владыка посылает нам к нашей же пользе. Богатство отнимает у тех, которые

употребляют его худо, и тем сокрушает оружие их неправды. Болезнь насылает тем, кому полезнее иметь связанные члены, нежели беспрепятственно устремляться на грех. Смерть насылает на тех, которые достигли предела жизни, какой от начала положен в праведном суде Бога, издавека предусмотревшего, что полезно для каждого из нас».

«А голод, засухи, дожди суть общие какие-то язвы для целых городов и народов, которыми наказывается зло, преступившее меру. Посему как врач, хотя производит в теле труды и страдания, однако же благодетелен, потому что борется с болезнью, а не с больным; так благ и Бог, Который частными наказаниями устрояет спасение целого. Ты не ставишь в вину врачу, что он иное в теле режет, другое прижигает, а другое совершенно отнимает; напротив того, даешь ему деньги, называешь его спасителем, потому что остановил болезнь в небольшой части тела, пока страдание не разлилось во всем теле. А когда видишь, что от землетрясения обрушился на жителей город или что в море с людьми разбился корабль, не боишься подвигнуть хульный язык на истинного Врача и Спасителя. Но тебе надлежало разуметь, что в болезнях умеренных и излечимых, люди получают пользу от одного об них попечения; а когда оказывается, что страдание не уступает врачебным средствам, тогда необходимым делается отделение поврежденного, чтобы болезнь, распространяясь на соприкосновенные с ним места, не перешла в главные члены. Посему, как в резании и прижигании не виноват врач, а виновна болезнь, так и истребления городов, имея началом чрезмерность грехов, освобождают Бога от всякой укоризны».

Указав далее на некоторые места св. Писания, в которых Бог представляется как бы виновником смерти и разных бедствий, постигающих человека, – говорит, – что все эти места могут представляться такими только для людей, неспособных понимать истинный смысл Писания. «Но для разумевающего смысл Писания ни одно из сих мест не заключает в себе обвинения Богу, что Он виновник и творец зла».

Обращая особенное внимание на слова: творяй мир и зиждяй злая (Пс. 45,7), говорит: «особенно творит мир в тебе,

когда добрым учением умиротворяет ум твой, и усмиряет страсти, восстающие на душу. Зиждай злая, то есть, преобразует зло и ведет к лучшему, чтобы оно, перестав быть злом, приняло в себя свойство добра... Сверх того, если под словом мир будешь разуметь освобождение от войн, а злом назовешь трудности, сопровождающие воюющих, дальше походы, труды, бдения, беспокойства, пролитие пота, раны, убийства, взятие городов, порабощения, отведение в плен, жалкий вид пленных, и вообще все скорбные последствия войн, то утверждаю, что сие бывает по праведному суду Божию; Бог в войнах насылает казни на достойных наказания. Или тебе хотелось бы, чтобы Содом не был сожжен после незаконных его дел? чтобы Иерусалим не был разрушен и храм опустошен после ужасного неистовства иудеев против Господа? Но как же иначе справедливо было совершиться сему, как не руками римлян, которым предали Господа нашего враги жизни своей иудеи? Поэтому иногда справедливость требует, чтобы зло, порождаемое войною, насылаемо было на достойных того...»

«Посему болезни в городах и народах, сухость в воздухе, бесплодие земли и бедствия, встречающиеся с каждым в жизни, пресекают возрастание греха. И всякое зло такого рода посылается от Бога, чтобы предотвратить порождение истинных зол. Ибо и телесные страдания и внешние бедствия измышлены к обузданию греха. Итак, Бог истребляет зло, а не от Бога зло. И врач истребляет болезнь, а не влагает ее в тело. Разрушение же городов, землетрясения, наводнения, гибель воинств, кораблекрушения, всякое истребление многих людей, случающееся от земли, или моря, или воздуха, или огня, или какой бы то ни было причины, бывают для того, чтобы уцеломудрить оставшихся; потому что Бог всенародные пороки уцеломудривает всенародными казнями. Посему в собственном смысле зло, то есть, грех, это зло, наиболее достойное сего наименования, зависит от нашего произволения, потому что в нашей воле или удержаться от порока или быть порочным. А из прочих зол, – иные, как подвиги, бывают нужны к показанию мужества, например, Иову лишение детей, истребление всего богатства в одно мгновение времени и поражение гнойными

струпами; а иные посылаются, как врачевство от грехов, например, Давиду домашний позор служит наказанием за незаконное вожделение. И еще знаем страшные казни другого рода, посылаемые праведным судом Божиим, чтобы поползновенных на грех соделать целомудренными. Например, Дафан и Авирон были пожраны землею в разверстые под ними бездны и пропасти. Ибо здесь таковым родом наказания не сами они приводились к исправлению (возможно ли это для сошедших во ад?), но примером своим сделали целомудренными прочих. Так и Фараон потоплен был со всем войском. Так истреблены и прежние жители Палестины».

Посему, хотя Апостол называет таковых в одном месте сосудами гнева совершенными в погибель (Рим. 9, 22), однако же не должны мы думать, что устройство Фараона было чем-нибудь худо (в таком случае вина справедливо падала бы на устроившего), а напротив того, когда слышишь о сосудах, разумея, что каждый из нас сотворен на что-либо полезное. И как в большом доме один сосуд золотой, другой серебряный, иной глиняный, а иной деревянный, а произвол каждого из нас имеет сходство с веществами сосудов, человек чистый по нравственности и нековарный есть сосуд золотой, а низший его по достоинству сосуд серебряный, мудрствующий же земное и годный к сокрушению – сосуд глиняный, а удобно осквернявшийся грехом и делающийся пищею для вечного огня – сосуд деревянный; так и сосудом гнева бывает тот, кто в себе, как в сосуде, вместил все внушения диавола, и по происшедшему в нем от порчи зловонию не может быть взят в какое-нибудь употребление, но достоин одного истребления и гибели. поскольку же надобно было его сокрушить, то разумный и мудрый Домостроитель душ устроил, чтобы он соделался знаменитым и для всех известным, а через сие, когда сам по чрезмерной порочности стал неисцелен, своим бедствием принес пользу другим. Ожесточил же его Бог своим долготерпением и замедлением в наказании дав усилиться его греху, чтобы открылась на нем правда суда Божия, когда лукавство его возросло до крайнего предела. Почему начав с меньших язв, и непрестанно умножая и усиливая казни, не

смягчил его упорства, но нашел, что он и Божие долготерпение презирует и насылаемые на него бедствия переносит, как нечто привычное. Даже и после этого не предал его смерти, пока он сам себя не потопил, в кичении сердца своего отважившись идти путем праведных, и возмечтав, что Чермное море, как для народа Божия, так и для него будет проходимо».

«Итак наученный сему Богом, получив понятие о раздельных видах зла зная, что такое зло действительное, именно грех, которого конец гибель, и что такое зло мнимое, болезненное для ощущения, но имеющее силу добра, как например злострадания, насылаемые к обузданию греха, которых плоды – вечное спасение душ, перестань огорчаться распоряжениями Божия домостроительства и вообще не почитай Бога виновным в существовании зла и не представляй себе, будто бы зло имеет особенную свою самостоятельность...

«Но зло однако же существует. Откуда же говорят зло, если оно и не безначально и не сотворено? Вместо ответа св. Василий спрашивает: откуда болезни? и в объяснение этого вопроса, говорит, что болезнь не есть что-либо самостоятельное, но есть следствие уклонения от правильного образа жизни. Для примера представляет животное. Животному дано тело здоровое и пока оно пользуется сродною себе пищею, оно не терпит никаких страданий. Но как скоро примет какую-либо пищу не сродную и не полезную его натуре, оно начинает страдать. Итак, болезнь есть следствие неправильного образа жизни и, следовательно, не Бог сотворил болезнь, а Он сотворил только тело и вначале здоровое. Так нужно рассуждать и по отношению ко греху, сделавшемуся причиною разных страданий для человека». «Бог сотворил душу, а не грех. Повредилась же душа, уклонившись от того, что ей естественно. А что было для нее преимущественным благом? Пребывание с Богом и единение с Ним посредством любви. Отпав от Него, она стала страдать различными и многовидными недугами. Почему же в ней есть общая приемлемость зла? по причине свободного стремления, всего более приличного разумной природе. Не будучи связана никакою необходимостью, получив от Творца жизнь свободную, как сотворенная по образу

Божью, она понимает доброе, умеет им наслаждаться, одарена свободой и силой, – пребывая в созерцании прекрасного и в наслаждении умопредставляемым, – соблюдать жизнь, какая ей естественна, но имеет также свободу и уклониться иногда от прекрасного. А сие бывает с нею, когда пресытившись блаженным наслаждением и как бы в отягчении какою-то дремотою ниспав с высоты горнего, входит в общение с плотью для гнусных наслаждений сластолюбием».

Далее показывает св. Василий, что и смерть не есть творение Божие, а есть только неизбежное следствие удаления человека от Бога, как источника жизни. Как человек, находясь вблизи светильника возженного, пребывает во свете, но по мере того, на сколько удаляется от этого источника света, настолько погружается в тьму. Так и по отношению к Богу, источнику жизни и света, чем более человек приближается к Богу собственным произволением и любовью к Нему, тем большею полнотою жизни и света пользуется; но чем более отдаляется от Него, тем более погружается в мрак и смерть. Следовательно, причину нравственного омрачения и смерти, как духовной, так и телесной, служит не Бог, а сам человек дурным, направлением своей воли, ума и сердца. Пока Адам пребывал в духовном общении с Богом, до тех пор он наслаждался всеми благами духовными и телесными и никакое чувство скорби и страдания не прикасалось к нему. Но когда он умопредставляемой красоте Бога предпочел показавшееся приятным для плотских очей и выше духовных наслаждений поставил наполнение чрева, «он стал вне блаженной жизни, соделавшись злым не по необходимости, но по безрассудству. Поэтому он, как согрешил по причине худого произволения, так умер по причине греха. В какой мере удалился от жизни, в такой приблизился к смерти, потому что Бог жизнь, а лишение жизни смерть. Поэтому Адам сам себе уготовал смерть через удаление от Бога, по написанному: яко се удаляющие себе от Тебе, погибнут (Пс. 72, 27)».

«Так, не Бог сотворил смерть, но мы сами навлекли ее на себя лукавым соизволением. Бог не воспрепятствовал нашему

разрушению, чтобы самого недуга не сохранить в нас бессмертным».

«Но говорят: почему в самом устройстве не дано нам безгрешности, так что нельзя было бы согрешить, хотя бы и хотели? – Потому же, почему и ты не тогда признаешь слугителей исправными, когда держишь их связанными, но когда видишь, что добровольно перед тобою выполняют свои обязанности. Поэтому и Богу угодно не вынужденное, но совершаемое добродетельно. Добродетель же происходит от произволения, а не от необходимости; а произволение зависит от того, что в нас и что в нас, то свободно. Посему, кто порицает Творца, что не устроил нас по естеству безгрешными, тот не иное что делает, как предпочитает природе разумной неразумную, природе, одаренной произволением и самодеятельностью, неподвижную и не имеющую никаких стремлений»... «Посему перестанем поправлять Премудрого. Перестанем доискиваться того, что было бы лучше Им сотворенного. Хотя сокрыты от нас причины частных Его распоряжений, однако же утвердим в душах своих следующее положение: от Благого не бывает никакого зла».

«К сему вопросу, по связи понятий приходит другой и о диаволе. Откуда диавол, если зло не от Бога? Что скажем на сие? То, что и на сей вопрос достаточно нам того же рассуждения, какое представлено о лукавстве в человеке. Ибо почему лукав человек? По собственному своему произволению. Почему зол диавол? По той же причине; потому что и он имел свободную жизнь, и ему дана была власть, или пребывать с Богом, или удалиться от Благого. Гавриил Ангел и всегда предстоит Богу. Сатана-Ангел, и совершенно ниспал из собственного своего чина. И первого соблюло в горних произволение и последнего низринула свобода воли. И первый мог стать отступником и последний мог не отпасть. Но одного спасла ненасытимая любовь к Богу, а другого сделало отверженным удаление от Бога. И это отчуждение от Бога есть зло... Так диавол лукав, имея лукавство от произволения, а не природа его противоположна добру. Поэтому, от чего у него брань с нами? От того, что став вместилищем всякого порока,

принял в себя и болезнь зависти, и позавидовал нашей чести. Для него несносна была наша беспечальная жизнь в раю. Коварством же и хитростями обманул человека, и употребив средством к обману то самое вожделение, какое имел человек уподобляться Богу, показал он древо и обещал, что через вкушение сего плода человек станет подобен Богу. Ибо сказал: аще снесте, будет яко бози, ведяще доброе и лукавое (Быт. 3, 5). Поэтому не создан он был нашим врагом, но завистью приведен с нами во вражду. Ибо видя, что сам низринут из Ангелов, не мог равнодушно смотреть, как земнородный через преуспеяние возвышается до ангельского достоинства» ...

Но говорят: для чего в раю было древо, с помощью которого диавол мог успеть в злоумышлении против нас? Ибо если бы не было у него обманчивой приманки, то как бы ввел нас в смерть через преслушание? – «Оно было для того, что нужна была заповедь для испытания нашего послушания. Для того было растение, приносившее красивые плоды, чтобы мы в уклонении от приятного, показав превосходство воздержания, по праву удостоились венцов за терпение. За вкушением же последовало не только преслушание заповеди, но и познание наготы. Ибо сказано: ядоста, и отверзошася очи их и разумеша, яко нази беша (Быт. 3, 6–7). А наготы знать не надлежало, чтобы ум человека, придумывая себе одежды и защиту от наготы, не развлекался заботою о восполнении недостающего и, чтобы вообще попечением о плоти не был он отвлекаем от внимательного устремления к Богу».

Св. Василий, обильно питая души своей паствы вдохновенным свыше и назидательным словом, не оставлял в нужде без пищи и их тела. 368-й год представил ему случай во всей полноте проявить свою благотворительность и нежную попечительность о нуждах своей паствы. Зима была чрезвычайно холодная и без снега, вследствие чего весь посеянный с осени хлеб вымерз. С наступления весны и в продолжении всего лета небо было безоблачно, ясно, зной палящего солнца до того был силен, что земля растрескалась и луч солнечный – свободно проникал в глубины расселин. Но при таком изнурительном для всего живущая зное солнечном, в

продолжений всей весны и лета, земля не оросилась ни одною каплею дождя. Следствием всего этого было то, что все травы погорели, хлебные семена, посеянные весной, или не взошли или при самом появлении своем засохли, и взор человеческий нигде не встречал зелени, которая бы засвидетельствовала о продолжающейся еще жизни растительного царства на земле. Обильные и неиссыхающие источники оскудели, потоки больших рек до того иссякли, что по ним могли переходить малые дети. Небольшие же реки и ручьи совершенно пересохли, так что многие местности не могли доставить жителям и одной капли воды для утоления палившей их жажды¹²². К довершению бедствий города и окрестных мест служило то, что подвоза хлеба из других стран не было никакой возможности сделать, так как Каппадокийская область не имела никакого водного сообщения с морем, а сухопутная подвозка хлеба была немыслима по чрезвычайной дороговизне оной. «Всего же несноснее в подобных обстоятельствах, – говорит св. Григорий Богослов, – бесчувственность и ненасытность имеющих у себя избытки. Они пользуются временем, извлекают прибыль из скудости, собирают жатву с бедствий, не внимают тому, что милуяй нища взаим дает Господу (Притч. 19, 7), что продавая пшеницу скупю от народа проклят (Притч. 11, 26), не слышат ни обещаний человеколюбивым, ни угроз бесчеловечным»¹²³. «Земледельцы, – говорит св. Василий, – сидя на нивах и сложив руки на коленях (обыкновенное положение сетующих, оплакивают напрасно потерянные труды свои), посмотрят на малолетних детей и начнут рыдать; устремят взоры на жен и зальются слезами; потрогают и пощупают сухие листья взошедших стеблей и громко зарыдают как отцы, потерявшие сыновей, достигших цветущего возраста»¹²⁴. По городу ходили голодные, исхудалые, обессиленные, с бледными безжизненными лицами, со впалыми и тусклыми глазами мужчины, женщины и дети, ища себе помощи у богатых, а иные не имея уже сил переступить за порог своего дома, изнывали в жестоких муках голодной смерти.

Столь раздирающая душу картина народных страданий не могла, конечно, не возбудить чувства сострадания к

страждущему народу в столь доблестном Пастыре, каков св. Василий. Прежде всего его паства имела нужду в его слове, для вразумления одних, и для утешения других. В слове своем, сказанном по этому случаю, раскрыв со всею полнотою и поразительностью картину народного бедствия, как опытный врач духовный, указывает «прежде всего на причину болезни, без устранения которой невозможно радикальное исцеление больного. Показав прежде, как приносили покаяние Ниневитяне и какими подвигами устранили угрожавшую им казнь от Бога, говорит: «таков образ мыслей и рабов благосознательных! Таково покаяние одержимых грехами! А мы грех совершаем со всем усилием, за покаяние же принимаемся нерадиво и лениво. Кто у нас молясь, проливает слезы, чтобы благовременно получить дождь и орошение? Кто, чтобы загладить грехи, в подражание блаженному Давиду, омочил ложе слезами (Пс. 6, 7)? Кто омыл ноги странным и отер путешественную пыль, чтобы умиловить Бога вовремя испросив окончания засухи? Кто наплатил лишившегося отца детище, чтобы и Бог наплатил теперь для нас плоды подобно сироте, побитые неблагорастворением ветров? Кто призрел вдову, стесненную трудностью пропитания, чтобы теперь в награду себе получить необходимую пищу? Раздери несправедливое писание, чтобы через это разрешен был твой грех; изгладь обязательство платить тяжелый рост, чтобы земля рождала обычное ей. поскольку у тебя медь и золото, и все нерождающее рождает вопреки природе: то земля, по природе способная к рождению, делается твердою и в наказание живущих на ней осуждена на бесплодие».

Потом, обращаясь к богатым капиталистам, показывает им, что и золото не спасет их не только от вечной казни, но и от временной, если Бог в праведном гневе своем продлит наказание на более продолжительный срок. «Пусть покажут читатели любостяжания, собирающие до преизбытка богатство, какая сила или польза их сокровищ, если разгневанный Бог еще долее продлит наказание? Вскоре желтое золота сделаются те, которые копят его, если не будет у них хлеба, вчера и за день презираемого по удобству иметь его в обилии. Представь, что

нет продающего, что хлеба не стало в житницах. Какая тогда польза в тяжелых мешках с деньгами? Скажи мне, не вместе ли с ними будешь зарыт в землю? Не земля ли золото? не бесполезное ли брение будет лежать подле брения тела? Все приобрел ты, но нет у тебя одного необходимого – возможности пропитать себя самого. Из всего твоего богатства сделай хотя одно облако; придумай способ произвести несколько дождевых капель; побуди землю к плодородию; прекрати бедствие своим гордым и величавым богатством. Может быть призовешь на помощь кого-либо из мужей благоговейных, чтобы тебе своими молитвами, как Илия фесвитянин, даровал облегчение бедствий человек бедный, не имеющий у себя ни собственности, ни обуви, ни жилища, ни теплого угла, ни других пособий жизни, прикрытый одним хитом, как Илия милотию, воспитанник молитвы, сотрапезник воздержания. И если получишь просимую у такого человека помощь, не посмеешь ли тогда над богатством, требующим многих забот? Не плюнешь ли на золото? И серебро, которое прежде называл всесильным и прелюбезным, не бросишь ли, как нечистоту, узнав, что оно слабый помощник в нужде»¹²⁵.

Описав страшный вид изнуренных голодом, св. Василий показывает преступность равнодушия богачей, которые проходят мимо таких страдальцев, не обращая на них внимания. «Каких же достоин наказаний, кто проходит мимо человека с таким изможденным телом? Что еще можно прибавить к такой жестокости? Не стоит ли он того, чтобы причислить его к лютым зверям, признав злодеем и человекоубийцею? Кто имеет возможность уврачевать зло, но добровольно и по любостыжательности откладывает сие, того по справедливости можно осудить наравне с убийцами»¹²⁶.

Показав далее красоту добродетели – милосердия к бедным и легкость приобретения вечного спасения через эту добродетель, св. Василий убеждает богатых людей воспользоваться настоящим бедственным временем для приобретения блаженной вечности. «Самое время призывает тебя к матери заповедей (т. е. к милосердию); позаботься особенно, чтобы не пропало для тебя даром это время торжища

и купли, потому что время течет и не возвращается к медлительному; дни спешат и обегают ленивого. И как нельзя остановить течения реки, разве кто, захватив при первой встрече и первом порыве, воспользуется водою, как должно: так невозможно удержать и времени, которое понуждается вперед безостановочным круговращением; прошедшего нельзя вернуть назад, разве кто уловит наступающее. Поэтому и заповедь, как нечто бегущее, держи и исполняй; взяв, со всех сторон сжимай в своих объятиях. Дай малое и приобрети многое. Разреши первообразный грех подаянием пищи. Ибо как Адам худым вкушением передал нам грех, так мы загладим сие зловерное вкушение, если удовлетворим нужде и голоду брата... Много имеешь примеров братолюбия и в Ветхом и в Новом Завете. Если видишь алчущего старца, призови и напитай, как Иосиф Иакова. Если находишь врага в крайности, к обдержавшему тебя гневу не прилагай мщения, но напитай его, как Иосиф продавших его братьев. Если встретишь человека юного, подавленного трудами, прослезись, как Иосиф над Вениамином, сыном старости. Может быть и тебя искушает любостыжательность, как Иосифа госпожа, и тебя влечет за одежду, чтобы пренебрег ты заповедь и возлюбил более эту златолюбивую и миролюбивую, нежели Господне повеление. Когда приходит к тебе помысл, враждующий против оной заповеди, увлекающий целомудренный ум в сребролюбие, принуждающий нерадеть о братолюбии и удерживающий при первом, и ты свергни с себя одежды, удались с гневом, блюди верность ко Господу, как Иосиф к Пентефрию. Снабжай скудость хотя один год, как он снабжал семь лет. Не всем жертвуй сластолюбию; дай нечто и душе. Представь, что у тебя две дочери: здешнее благополучие и жизнь на небесах. Если не хочешь всего отдать лучшей, то по крайней мере, поровну раздели – и невоздержной и целомудренной. Смотри, чтобы когда надобно будет тебе предстать ко Христу и явиться перед лицом Судии, не оказалась слишком богатою здешняя жизнь, а обнаженною и одетою в рубище другая – жизнь добродетельная, имеющая вид и название невесты. Поэтому не представь Жениху невесты безобразною и неукрашенною, чтобы Он воззрев, не отвратил

лица, и видя не возненавидел и не отрекся от союза с нею; но облекла ее в приличное убранство, соблюди благообразною до предназначенного времени брака, чтобы и она с мудрыми девами возжгла светильник, имея неугасимый огонь ведения и не оскудевая елеем заслуг, чтобы самым делом подтвердилось богодухновенное пророчество, чтобы и душе твоей приличествовало сказанное: предста царица одесную Тебе, в ризах позлащенных одеяна преукрашена... Промышлай о настоящем и о будущем и не утрати последнюю ради гнусной корысти¹²⁷».

Внушив богатым людям щедродательность к бедным, особенно в то бедственное для всех время, убеждает и бедных людей переносить постигшую их скорбь с благопокорностью наказующей деснице Божией и тем показать, что они не льстивые рабы, выражающие расположение и преданность Ему только в счастливые дни жизни, а в скорби готовые отступить от Него с ропотом на Его распоряжения. Вместе с сим, примерами многих святых старается подкрепить в них надежду на помощь благого Бога, не посылающего искушений верным своим рабам выше сил.

Каково было состояние души и тела самого св. Василия в это бедственное для всех время, это можем видеть из его писем к Евсевию, Епископу Самосатскому¹²⁸. В одном из этих писем св. Василий пишет: «не буду говорить о болезнях, следовавших одна за другою, о неудобствах зимнего времени, о непрерывности дел, как об известном, о чем и прежде доносил уже твоему совершенству. А теперь и единственное утешение, какое имел в жизни, разумею мать мою, и оно отнято у меня по грехам моим. И не смейся надо мной, что в таких летах жалуясь на сиротство, напротив того извини меня, что не могу терпеливо перенести разлуку с такою душею, которой равных по достоинствам не вижу в оставшихся. Поэтому опять возвратились ко мне недуги, опять лежу на одре, в совершенном изнеможении оскудевающих сил, и только с часу на час ожидаю неминуемого конца жизни». Таково было состояние души и тела св. Василия, когда город и вся страна изнывала, изнуряемая голодом. – Но едва он освободился от

изнурявших его собственных недугов, поспешил на помощь к страждущему народу. – Слово его, произнесенное по сему случаю в храме, не осталось бесплодным: в бедных оно подкрепило упование на помощь Божию и терпение в скорбях, богатых подвигло к щедрой благотворительности. Но и сам св. Василий свою попечительность о бедных не ограничил только своим словом, но употребил в пользу бедных оставшееся по смерти его блаженной матери, Еммелии, имение. Кроме сего он оказал деятельное участие в пропитании изнуренных голодом. «Отверзши хранилища имущих, – как повествует св. Григорий Богослов, – словом и увещаниями, совершает сказанное в Писании, раздробляет алчущим пищу (Пс. 57, 8), насыщает нищих хлебом (Пс. 131, 15), препитывает я в глад (Пс. 32, 19), и души алчущие исполняет благ (Пс. 106, 9). И каким притом образом? Ибо и это немало увеличивает его заслугу. Он собирает в одно место уязвленных голодом, а иных даже едва дышащих, мужей и жен, младенцев, старцев, весь жалкий возраст, испрашивает всякого рода снеди, какими только может быть утолен голод, выставляет котлы полные овощей и соленых припасов, какими питаются у нас бедные; потом, подражая служению самого Христа, Который препоясавшись лентием, не погнушался умыть ноги ученикам, при содействии своих рабов или служителей удовлетворяет телесным потребностям нуждающихся, удовлетворяет и потребностям душевным, к питанию присоединив честь и облегчив их участь тем и другим¹²⁹».

«Много есть и других доказательств Васильевой заботливости и попечительности о Церкви; таковы: смелость Василия перед начальниками, как вообще перед всеми, так и перед самыми сильными в городе; его решения распрей не без доверия принимаемые, а по произнесении его устами, через употребление обратившегося в закон; его предстательства нуждающихся, большею частью в делах духовных, а иногда и в плотских (потому что и это, покоряя людей добрым расположением, пользует нередко души); препитание нищих, странноприимство, попечение о девах, писанные и неписанные уставы для монашествующих, чиноположения молитв,

благоукрашение алтаря и иное, чем только Божий воистину человек и действующий по Богу может пользоваться народ¹³⁰».

Во всех этих доблестных действиях св. Василия можно убедиться отчасти и из его писем, а частью из свидетельств других историков церковных.

Право суда над тяжущимися, в случае согласия тяжущихся сторон, Константином Великим предоставлено было собственно Епископам, которых определения были почитаемы наравне с царскими определениями; на светские же власти, в таком случае, возлагалась обязанность приводить только в исполнение их определения¹³¹. Но Епископы иногда разделяли это право суда с доверенными лицами из клира¹³². А так как на св. Василия, по чрезвычайной доверенности к нему Архиепископа, лежали все обязанности епископские, поэтому он пользовался и правом суда над тяжущимися, привлекая к своему суду тяжущихся своим беспристрастием в суде и искренним благожеланием обеим сторонам.

Доказательством участия св. Василия в положении притесненных людьми сильными служат многие из его писем, писанных им во время его пресвитерства. – В письме к Софронию Магистру просит вступить за родителя св. Григория Богослова и избавить его от хлопот по судебным местам, потому что по смерти Кесария, который умирая отказал свое имение бедным, когда имение сие, частью было расхищено, частью издержано родителями Кесариевыми на бедных и на уплату долгов, объявлены новые иски от людей, которым будто бы Кесарий состоял должным. «Изведал невзгоды жизни сей, – писал он, – и боголюбивейший брат наш, епископ Григорий. Ибо и он наряду со всеми терпит беспокойства, непрестанными оскорблениями поражаемый, как бы неожиданными какими ударами. Люди, не боящиеся Бога, а может быть, и вынуждаемые великостью бедствий, нападают на него под предлогом, что Кесарий брал у них деньги. Убыток ему не тяжел, потому что издавна научился он ни во что ставить богатство. Но, поскольку имущество Кесариево было в руках у служителей и у людей, которые по нравам ничем не лучше служителей и с полною свободою разделив между собою самые

дорогие вещи, соблюли совершенную малость; то родители Кесариевы, получив немного из достояния Кесариева и почитая сие никому не принадлежащим, вскоре истратили это на нуждающихся – как по собственному своему изволению, так и по словам покойного; потому что как сказывают, Кесарий умирая говорил: хочу, чтобы все мое досталось нищим. – Почему, как исполнители Кесариева приказания, вскоре распорядились они имением в общую пользу и теперь Григорию предстояло с одной стороны христианская нищета, а с другой стороны хлопоты ходить по судебным местам».

«Поэтому пришла мне мысль довести все сие до сведения твоей достохвальной правоты, чтобы ты из уважения к мужу, которого давно знаешь, во славу Господа, Который на Себя приемлет сделанное рабам Его и из уважения ко мне, одному из избранных твоих друзей, переговорил о сем что нужно с сокровище-хранителем и по великому своему благоразумию придумал способ к освобождению Григория от этих оскорбительных и несносных беспокойств. Без сомнения же нет и человека, который бы так мало знал Григория, что стал бы подозревать его в чем-либо неприличном, например в том, что из пристрастия к деньгам выдумывает он подобные вещи. Ибо готово доказательство его беспристрастия. Охотно уступает он казне остатки Кесариева имения, только бы спаслось оно и ходатай по казенным имуществам сам имел дело с объявляющими свои притязания, и сам потребовал бы у них доказательств, потому что мы не способны к таким делам. Ибо совершенству твоему не трудно узнать, что пока было можно, никто не отходил от Григория, не достигнув желаемого, но всякий без труда получал, что требовал; почему многие жалели даже, что сначала не просили большего. Сие-то особенно и произвело, что многие стали нападать на него. Смотри на пример предупредивших и прочие начали один за другим объявлять ложные свои иски. Потому просим твою степенность воспротивиться всему этому и непрерывный ряд зол, подобный какому-то потоку, остановить и пресечь. Сам ты знаешь, как помочь делу не дожидаясь, чтобы стали учить тебя этому мы, которые по неопытности в житейских делах, не знаем даже и

того, как избавиться от беды. Поэтому сам будь и советником и заступником, изобретя по великому своему благоразумию и самый способ вспомоществования¹³³».

В письме к Авгурию просит о том же деле по Кесариеву наследству¹³⁴.

Еще в одном письме ходатайствует за близкого ему человека по имени Леонтия и просит о доме сего Леонтия иметь такое же попечение, как бы и об его собственном. «О многом для меня важном писал я уже к тебе, но о большем числе дел буду еще писать. Ибо невозможно, чтобы и нуждающихся не стало и мы отреклись оказывать посильную милость. Никто ко мне так не близок и никто не может меня столько утешить своею в чем-либо благоуспешностью, как достопочтеннейший брат Леонтий. Приими дом его так, как принял бы меня самого, не в той нищете, в какой живу теперь по милости Божией, но когда бы жил и в изобилии и владел полями. Очевидно, что ты не довел бы меня до бедности, но сохранил бы, что у меня есть или приумножил мое изобилие. Посему прошу тебя поступить также и с упомянутым домом этого человека.

За все же будет тебе от меня обычная награда – молитвы к святому Богу за труды, какие принимаешь на себя, будучи столько добр, благосклонен и предупредителен к просьбам нуждающихся»¹³⁵.

В другом письме просит об одном пресвитере, своем совоспитаннике, трудами которого питался и св. Василий, чтобы при новом уравнении податей не делать на него новых налогов. «Пресвитер этого местечка, о чем думаю давно уже известно твоему благородию, – мой совоспитанник. Посему нужно ли мне говорить, что иное для убеждения твоей милости – воззреть на него дружелюбно и помочь ему в делах? Ибо, если любишь меня, как и вероятно любишь, то без сомнения всеми мерами постарайся успокоить и тех, кого считаю за одно с собою. Итак, о чем же прошу? О том, чтобы оставалась за ним прежняя подать. Ибо немало трудится он, услуживая мне к пропитанию, потому что, как сам ты знаешь, не имею у себя ничего собственного, но довольствуюсь тем, что есть у друзей и

родных. Посему на дом сего брата смотри как на мой или лучше сказать, как на свой собственный, а за оказанное ему благодеяние пошлет Бог тебе, дому и всему роду твоему обычную помощь»¹³⁶.

Живя в городе, св. Василий не оставлял однако же подвигов иноческой жизни¹³⁷ и не оставляя попечения о монастырях, им основанных в Понте, учреждал обители общежития в самом городе Кесарии. Это видно из письма св. Василия к настоятелю основанного им прежде монастыря, к которому он препроводил одного, желавшего посвятить себя на служение Богу в монастыре, находившемся в самом городе Кесарии. «Некто, писал св. Василий к этому настоятелю, как сам он говорит, познав суету сего мира и изведав, что все приятности этой жизни подвержены здесь превратностям и приготавливают только вещество вечному огню, а сами скоро проходят, пришел ко мне в намерении удалиться от этой трудной и многоплачевной жизни, оставить плотские удовольствия и впредь идти путем, ведущим в обители Господни. Потому, если действительно твердо возжелал он сего подлинно блаженного жития и возымел в душе своей прекрасную и похвальную любовь, возлюбив Господа Бога нашего всем сердцем, всею крепостью и всею мыслью, то необходимо, чтобы ваше благочестие показало ему трудности и неудобопроходимости тесного и узкого пути, но и утвердило его в надежде благ, пока еще невидимых, уготованных же, по обетованию, достойным Господа. Пиша по сей причине, умоляю несравненное ваше о Христе совершенство наставить его, сколько возможно и пусть без меня совершит он отречение в благоугождение Богу, и будет наставлен в начальных правилах, как установлено и письменно изложено святыми отцами, а также пусть будет ему предложено все, относящееся к подвижнической строгости и таким образом введен он будет в сей род жизни, и по своему изволению восприяв на себя подвиги ради благочестия, подклонившись под благое иго Господне, устрояя жизнь свою в подражание нас ради Обнищавшему и плоть Носившему, и стремясь к цели, к почести вышнего звания, сподобится похвалы от Господа. Ему и здесь

хотелось приять венец любви по Богу, но я отлагал сие до времени, желая вместе с вашим благочестием умастить его на таковые подвиги и одного из вас, кого сам он изыщет, поставить ему наставником подвижничества, чтобы прекрасно руководствовал и своим усильным и блаженным рачением соделал его борцом достойным одобрения, разящим и низлагающим миродержителя тьмы века сего и духов злобы, с которыми у вас брань, по слову блаженного Апостола (Еф. 6, 12). Поэтому, что я намеревался сделать вместе с вами, то ваша о Христе любовь да соделает и без меня¹³⁸».

Обители общежития, учрежденные в городе, руководя во многих случаях и недоумениях устным словом, начертал для них и письменно образец совершенной жизни в одном послании. Так как это послание может быть прекрасным руководством в жизни духовной не только для современных иноков и инокинь, но как основанное на учении Евангельском, во многом и вообще для всех христиан, поэтому мы предложим его вниманию наших читателей. «В богодухновенном Писании, – пишет св. Василий, – много правил, которые обязаны наблюдать возревновавшие о благоугождении Богу. Но я почел необходимым сделать краткое напоминание по указанию самого богодухновенного Писания, пока о тех только обязанностях, о которых у вас теперь предложен вопрос. И поскольку свидетельство о каждой обязанности найти в Писании не трудно, то предоставляю сие тем, которые упражняются в чтении Писания, и сами в состоянии напомнить даже другим следующее».

«Христианин должен иметь образ мыслей достойный небесного звания и жить достойно Евангелия Христова.

Христианину не должно рассеиваться и чем-либо отвлекаться от памятования о Боге, о воле и судах Его.

Христианин, став во всем выше оправдания по закону, не должен воздавать злом за зло; не должен гневаться.

Он должен быть долготерпеливым, переносить все, чтобы то ни было, а кто делает неправду, того обличать благовременно не с страстным движением, чтобы отмстить за себя, но с желанием исправить брата, по заповеди Господней.

Об отсутствующем брате ничего не должен он говорить с намерением очернить, это есть клевета, хотя бы сказанное было и справедливо.

Надобно отвращаться от человека, который выговаривает на брата.

Не должно говорить шуточного. Не должно смеяться и терпеть смехотворцев.

Не должно празднословить и говорить что-нибудь такое, что не служит ни к пользе слушающих, ни к необходимому и дозволенному нам Богом употреблению, почему занимающиеся работою должны, сколько можно стараться, чтобы работа производилась в безмолвии и чтобы самые даже добрые речи вели у них те, кому по испытании поручено устроить слово к созиданию веры, да не будет оскорбляем Дух Святой Божий.

Никто из пришлых не должен самовольно подходить к кому-либо из братий или разговаривать с ними, пока приставленные смотреть за общим во всем благочинием не рассудят, угодно ли сие Богу к общей пользе.

Не должно поработаться вину, желать вкушения мяс и вообще быть сластолюбивым в рассуждении явств или пития, потому что подвизающийся воздерживается во всем.

Данного каждому в употребление не должно почитать собственностью или припрятывать, но с заботливостью надобно смотреть на все сие, как на принадлежащее Владыке и не проходить без внимания даже мимо того, что по случаю брошено или оставлено в небрежности.

Никто не должен быть господином даже себе самому, но каждый, как отданный Богом в услужение единомудушным братиям, сообразно с сим обязан и рассуждать обо всем и делать все, впрочем пребывая в собственном своем чине.

Не должно роптать ни при недостатке потребного, ни при утомлении от дел, потому что судят о каждом те, кому предоставлена на сие власть.

Не должно позволять себе ни крика, ни другого какого вида или движения, которыми показываются раздражительность или уклонение от несомненной уверенности в Божием присутствии. Голос должно соразмерять с потребностью.

Не должно отвечать кому-либо или делать что-нибудь дерзко или презрительно, но надобно показывать во всем скромность и во всем почтительность. Не должно с умыслом мигать глазом или употреблять другой какой знак или движение члена, которые оскорбляют брата или выказывают презрение.

Не должно стараться о нарядности в одежде или в обуви: это – суетность.

К удовлетворению телесных потребностей должно пользоваться недорогим. Ничего не должно издерживать сверх потребности и для пышности: это – злоупотребление.

Не должно искать чести и домогаться первенства. Каждый должен предпочитать себе всех.

Не должно быть непокорным.

Не должно в праздности есть хлеб тому, кто способен работать, а занявшийся исполнением чего-либо во славу Христову должен принуждать себя к ревности в деле по мере сил.

Каждый должен с одобрения настоятелей с разумом и убеждением так делать все, не исключая вкушения пищи и питья, как бы делал сие во славу Божию.

Не должно от одного дела переходить к другому без одобрения тех, кто приставлен распоряжаться сим, разве неминуемая нужда позовет кого вдруг на помощь обессиленному.

Каждый обязан пребывать в том, к чему приставлен, а не должен, преступая меру собственной обязанности, приниматься за непорученное ему, разве имеющие власть распоряжаться сим признают кого нуждающимся в его помощи.

В одной рабочей ненадобно никому быть из другой рабочей.

Не должно ничего делать из соперничества, или по ссоре с кем-нибудь.

Не должно завидовать доброй славе другого и радоваться чьему-либо недостатку.

В любви Христовой надобно скорбеть и сокрушаться о недостатках брата, радоваться же его преспеянию.

Не должно равнодушно смотреть на согрешающих или умалчивать о них.

Обличающий должен обличать со всяким сердоболием в страхе Божиим и в намерении обратить грешника.

Обличаемый или получающий выговор должен принимать сие охотно, признавая, что в исправлении состоит собственная его польза.

Когда обвиняют кого, никто другой при обвиняемом или при других, не должен делать возражений обвиняющему. А если кому обвинение кажется неосновательным, то должен повести слово с обвинителем наедине и убедить его или сам убедиться.

Каждый, сколько есть у него сил, должен врачевать того, кто имеет что-нибудь против него.

На согрешившего и покаявшегося не должно помнить зла, а надобно простить ему от сердца.

Кто говорит, что покался в грехе, тот должен не только сокрушаться о том, в чем согрешил, но и принести достойные плоды покаяния.

Кто вразумлен был касательно прежних своих грехов и сподобился получить отпущение оных, тот если грешит опять, уготовляет себе суд гнева строжайший прежнего.

Кто по первом и втором увещании остается в своем прегрешении, о том надобно объявить настоятелю и тогда получив выговор при многих, придет может быть в стыд. А если и в таком случае не исправится, надобно уже отсечь его как соблазн и смотреть на него, как на язычника и мытаря для приведения в безопасность ревностно трудящихся в прохождении послушания по сказанному, что при падении нечестивых приходят в страх праведные. Не должно и плакать о нем, как о члене, отсеченном от тела».

Не должно допускать, чтобы солнце заходило в гнев брата, иначе ночь может разлучить обоих и оставить им неизбежное осуждение в день суда. Не должно отлагать времени своего исправления, потому что утренний день неверен для нас: многие, замыслив многое, не дожили до утреннего дня.

Не должно даваться в обман пресыщенному чреву, от которого бывают ночные мечтания.

Не должно развлекаться непомерною работою и преступать пределы умеренности, по сказанному Апостолом: имеющие же пищу, одеяние, сими довольни будем (1Тим. 6, 8); потому что обилие сверх потребности выказывает любостыжательность; а любостыжательность осуждается, как идолопоклонство (Кол. 3, 5).

Не должно быть сребролюбивым, и ненужные собирать сокровища, каких ненадобно.

Приходящий к Богу должен возлюбить нищету во всем и быть пригвожден страхом Божиим, подобно сказавшему: пригвозди страху твоему плоти моя: от судеб бо Твоих убоюсь (Пс. 118, 120).

Да дарует же вам Господь, со всем убеждением принять сказанное, во славу Божию явить плоды, достойные Духа по благоволению Бога и содействием Господа нашего Иисуса Христа»¹³⁹.

Бывают такие подвижники, которые будучи увлечены порывами благочестивых чувств с первого же раза определяют себя на всевозможные трудности подвижнической жизни, думая так сказать, одним скачком достигнуть верха совершенства. Но таковые подвижники по гордости не желающие воспользоваться советами более опытных в подвижнической жизни людей, большею частью плачевно оканчивают свою жизнь, или по крайней мере, подвергаются таким преткновениям и падениям, которые налагают мрачную тень на всю их подвижническую жизнь. – Желая таковых горячих, но неблагоприятных подвижников, охранить от вредных для них последствий, мы находим нужным ознакомить их с письмом св. Василия к ученику Хилону, в котором он вразумляет его, что в добродетельной жизни недостаточно одно доброе начало, а нужно постоянное и непрерывное преспеяние; предлагает многие правила жизни уединенной, советует не вдруг устремляться на верх совершенства, но соблюдать в подвигах постепенность, и предостерегает не оставлять пустыни под благовидным предлогом добродетельного жития в мире и посещения духовных собраний.

«Виновником спасительного дела буду для тебя, искренний брат мой, – писал ему св. Василий, – если охотно примешь от меня совет о том, что тебе делать, особливо в таких случаях, о которых сам ты просил подать тебе совет. У многих, может быть, доставало смелости начать уединенную жизнь, но немногие вероятно потрудились довершить ее как должно. И без сомнения конец дела не в одном намерении, а в конце – плод трудов. Поэтому ни малой нет пользы, если кто не поспешает к концу намерения, но ограничивает монашескую жизнь одним только началом, а что всего смешнее, оставляет еще собственное свое намерение, за что посторонние обвиняют его в недостатке мужества и рассудительности. О таковых и Господь говорит: кто хотяй дом создати, не прежде ли седеет разочтет имение, аще имать, еже есть на совершение: да не когда положит основание, и не возможет совершити, начнут ругатися ему мимоходящии, глаголюще, яко человек сей основание положи, и не може совершити (Лк. 14, 28–30). Посему за началом пусть следует усердие к успеху в добром деле. Ибо и мужественнейший подвижник Павел, желая чтобы не обеспечивали себя прежними добрыми делами, но ежедневно преуспевали более и более, говорит: задняя забывая, в предняя же к намеренному гоню, к почести вышняго звания (Флп. 3, 13–14). Такова и целая жизнь человеческая: она не довольствуется предшествовавшим, но питается не столько прошедшим, сколько будущим. Что пользы человеку во вчерашней сытости чрева, если ныне при возродившемся голоде не находишь свойственного утешения снедей? Так и душе не пользует вчерашнее доброе дело, если в сей день оставлено исполнение правды. Ибо сказано: «каким найду тебя, таким и признаю».

«Поэтому напрасным делается труд праведника и неукоризненным нрав грешника после происшедшей с ними перемены, когда один от лучшего перейдет к худшему, а другой от худшего к лучшему. Это можно услышать и у Иезекииля, который учит как от лица Господня. Ибо говорит он: если праведник совратившись прегрешит, не помяну правды, яже сотворил есть пред сим, но во грехе своем умрет (Иез. 18, 24). А

тоже самое говорит и о грешнике: если обратившись сотворит правду, жизнью проживет в ней (Иез. 27, 28). Где столь многочисленные труды раба Моисея, как скоро минутное прекословие воспрепятствовало ему взойти в землю обетования? К чему послужило Гиезию обращение с Елисеем, когда по сребролюбию навлек он на себя проказу? Что было пользы и Соломону во множестве мудрости и в такой предшествовавшей любви к Богу, когда впоследствии от женонеистовства впал он в идолослужение? Да и блаженного Давида не неукоризненным соделала рассеянность за прегрешение с женою Урии. К приведению в безопасность жительствовавшего по Богу достаточно «видеть и ниспадение из лучшего в худшее Иуды, который столько времени был учеником Христовым, а потом продав Учителя за малое вознаграждение, приобрел тем себе удавку. Поэтому да будет известно тебе брат, что не тот совершен, кто хорошо начал, но тот благоискусен перед Богом, кто хорошо дает в деле отчет. Посему брат не давай сна очима, и дремания веждама своим (Пс. 131, 4), пока не спасешься, как серна от тенет и как птица от сетей! Ибо смотри, ты идешь среди сетей и ходишь поверх высокой стены, откуда упасть не безопасно».

«Посему не вдруг простирайся на самый верх подвижничества, наипаче же не полагайся сам на себя, чтобы не пасть тебе с высоты подвижнической жизни по неопытности. Ибо лучше постепенное преспеяние. Понемногу отнимай у себя житейские наслаждения, истребляя все свои навыки, чтобы противодействием своим вдруг приведя в раздражение всякое желание наслаждений, не восставить против себя толпу искушений. Когда возмешь верх над пристрастием к одному удовольствию, тогда вступай в борьбу с пристрастием к другому, и таким образом благовременно преодолеешь всякую склонность к наслаждению. Ибо именование удовольствия одно, но роды удовольствий различны. Поэтому брат прежде всего будь терпелив во всяком искушении. А сколь многоразличными искушениями испытывается верный, то мирскими потерями, то обвинениями, оболганиями,

непокорностью, оговорами, гонениями! Все это и подобное сему служит к испытанию верного».

«Сверх того будь безмолвен, не опрометчив в слове, неспорлив, не упорен, не тщеславен, не все перетолковывай; но люби верность, будь не многоречив, всегда готов не учить, но учиться. Не любопытствуй о жизни мирской: из этого не будет тебе никакой пользы. Ибо сказано: да не возглаголют уста моя дел человеческих (Пс. 16, 4). Кто с приятностию говорит о делах людей грешных, тот с готовностью пробуждает в себе страсть к удовольствиям. Но желай лучше узнать жизнь праведных, ибо в этом найдешь для себя пользу. Не будь охотник показываться в люди, обходя селения и дома, но бегай их как сетей для души. А если кто из великого благоговения убеждает тебя под разными предложениями войти к нему в дом, то таковой пусть научится вере сотника, который Иисуса, поспешавшего к нему для исцеления, удерживал от сего, говоря: Господи, несмь достоин, да под кров мой внидеши, но токмо рцы слово, и исцелеет отрок мой (Мф. 8, 8). Когда же Иисус сказал ему: иди, якоже веровал еси, буди тебе: исцеле отрок в той час (Мф. 8, 13). Посему да будет известно тебе брат, что не присутствием Христовым, но верою просящего освобожден больной от недуга. Так и ныне в каком месте ни помолишься, если больной уверует, что помогут ему молитвы твои, все исполнится по желанию его».

«Не паче Господа люби близких тебе. Ибо сказано: иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин (Мф. 10, 36). Что же значит Господня заповедь? Сказано: аще кто не возмет крест свой и не последует Ми, не может Мой быти ученик (Лк. 9, 23; Лк. 14, 27). Если ты со Христом умер для сродников своих по плоти, то для чего хочешь опять жить с ними? А если для сродников своих опять созидаете то, что разорил для Христа, то сам себя делаешь преступником; поэтому для сродников своих не оставляй места своего, ибо оставляя место, оставляешь может быть и нравы свои».

«Не люби многолюдства, селений и городов, но будь пустыннолюбцем, всегда нерассеянно пребывая сам в себе, признавая своим делом молитву и псалмопение. Не пренебрегай чтением, особливо читай Новый Завет, так как от

чтения Ветхого Завета нередко бывает вред, не потому что в нем написано вредное, но потому что немощен ум претерпевающих вред. Ибо всякий хлеб питателен, но слабым он вреден. Так всяко писание богодухновенно и полезно (2Тим. 3, 16) и в нем нет ничего нечистого, а нечисто разве тому, кто признает нечистым. Ты же вся искушай: добрая держи, от всякого вида злого отгребайся (1Сол. 5, 21–22). Вся бо леть суть, но не вся на пользу (1Кор. 6, 12)».

«Поэтому, со всеми с кем имеешь дело, будь ко всем непреткновенен, разумен, братолюбив, приветлив, смиренномудр, не удаляйся от цели страннолюбия для дорогих яств, но довольствуясь настоящим, ни от кого не бери ничего сверх ежедневно потребного для монашеской жизни и особливо бегай золота, как наветника души, отца греху, служителя диаволу. Не делай себя виновным в богатолюбии под предлогом служения нищим. А если кто принесет тебе деньги для бедных, узнав кто скуден, посоветуй тому самому, у кого есть деньги, отнести их к неимущим, чтобы приятием от него денег не осквернить тебе своей совести. Бегай удовольствий, люби воздержность и тело упражняй в трудах, а душу приучай к искушениям. Разлучение души и тела признавая освобождением от всякого зла, ожидай наслаждения вечными благами, причастниками которого сделались все святые».

К пресвитерским трудам св. Василия св. Григорий Богослов причисляет чиноположение молитв. Но под этим прежде всего нужно разумеать Литургию, известную под именем Литургии Василия Великого. – Что св. Василий писал литургию, в этом несомненно уверяют: а) Прокл Патриарх Константинопольский (434–447), который говорит, что св. Василий, желая уврачевать немощь человеческую из-за продолжительности служения отказывавшуюся посещать богослужение, сократил древний чин литургии; б) Петр диакон, известный по своему сочинению о воплощении, говорит: молитвы литургии Василия повторяет весь восток; в) Леонтий Византийский (VII века) в 3-й книге против Нестория; г) Собор Трульский и 7-й Вселенский Собор. – Кроме чина Литургии св. Василий преобразовал чин утреннего и вечернего богослужения и писал молитвы. О том, в каком

порядке совершалось утреннее богослужение при св. Василии, можно видеть из его послания к Неокесарийцам; а сколь благолепно совершалось богослужение, это можно видеть из того, что оно поразительно подействовало на самого Императора Валента, о чем мы будем еще иметь случай говорить.

Св. Василию принадлежат еще молитвы на разные случаи, каковые и ныне читаются в круге дневного служения, а именно: две молитвы полунощные: одна – Господи Вседержителю, а другая: Тя благословим; две молитвы междочасия 1-го часа: Боже вечный, безначальный и Посылаяй свет, и идет; молитва в конце 6-го часа: Боже и Господи сил, а другая – в конце 9-го часа: Владыко, Господи. Молитва вечерни: Благословен еси Господи. Еще есть и другие молитвы: две перед причащением и одна по причащении; одна при Елеосвящении; две запретительные над страждущим; две по осквернении, одна за ненавидящих и любящих. Еще одна молитва: Воссияй в сердцах наших, Человеколюбче, – которая читается после 11-й кафизмы и в числе утренних молитв служебника.

Им же составлены молитвы, читаемые в день Пятидесятницы после литургии на вечерне и постановлено стоять на коленях во время чтения этих молитв, с чувством благоговения для засвидетельствования о божественной власти Духа Святого. В первой молитве его верные исповедуют себя безответными перед судом правды Божией, но уповая на милость Бога Отца и силу искупительной жертвы, принесенной Сыном, дерзают умолять Милосердного о прощении грехов; в глубоком сокрушении сердца просят Господа, чтобы Он сам Своею силою защищал от насилия врагов духовных и всех собрал бы под свой кров. В другой молитве, вспоминая об излиянии даров Духа Святого на Апостолов, просят Ходатая, приявшего власть посылать Утешителя, чтобы Он ниспослал им Духа премудрости, Духа страха Божия, да не прельщаясь красными мира, всею душою будут желать восприятия вечных благ. – В третьей молитве, вспоминая об усопших отцах, братиях и сестрах, умоляют имеющего власть над жизнью и смертью, да молитвы Церкви Его подадут мир и упокоение

имеющим нужду в оных. К сим трем молитвам присовокупляются еще обыкновенные вечерние молитвы св. Василия о безгрешном препровождении вечера и ночи.

Церковь по внешнему своему управлению делится на разные отделы и носит разные названия. Так были церкви: Кесарийская, Антиохийская, Александрийская и другие, но в действительности Церковь, как имеющая одну Главу, Господа нашего Иисуса Христа, и питающаяся повсюду одними и теми же благодатными токами Духа Святого, едина, а отдельные по внешнему управлению, Церкви составляют только части одной Вселенской Церкви. Так смотрел на это и св. Василий Великий и потому, хотя Церковь Кесарийская пользовалась относительным спокойствием и не терпела большего зла от ариан, он не мог смотреть спокойно на нестроения и бедствия других Церквей. Хотя попечение о других Церквях не входило в круг его пресвитерских обязанностей, а немощь телесная могла его совершенно освобождать от этой заботы, но св. Василий, возбуждаемый духом ревности о благе всей Вселенской Церкви, спешил на помощь туда, где чувствовалось страдание. Хотя его благие намерения и не всегда достигали своей цели по неисповедимым судьбам Промысла божественного, но он признавал себя обязанным делать то, что признавал полезным и за свои благие намерения и стремления, конечно, получил от Господа заслуженную награду. Если он не только во время своего пресвитерского служения, но даже и епископского и не успел достигнуть совершенного низложения ариан и водворения мира во всей Восточной Церкви, но его ревностное стремление к этой цели, при всем том, остается неоценимою заслугою для Вселенской Церкви. Поддерживаемый им дух борьбы в православных пастырях и пасомых против арианского нечестия, сохранил в Православной Церкви дух неповрежденной жизни; так что, когда наступило назначенное Богом время низложения и совершенного поражения ариан, Православная Церковь оказалась не неисцельно больною, но исполненною крепости и сил духовных и могла продолжать дальнейшее свое существование во всем цвете и плодотворности для тех, которые вступали в ее ограду.

Проследим кратко деятельность св. Василия по отношению ко всей Восточной Церкви не для оценки его действий, но для того, чтобы показать в каком печальном состоянии находилась тогда эта Церковь. Нам уже известно, что Валент, Император Восточной Римской Империи, как арианин, одинаково враждебно относился, как к православными так и к полуарианам. Вследствие этого полуариане стремились соединиться с православными, а св. Василий спешил воспользоваться этим обстоятельством. Полуарианские епископы Геллеспонта и Вифании, вместе с православными, собрались на Собор в Лампсак¹⁴⁰, чтобы уничтожить постановления ариан, утвержденных на Соборе Константинопольском (360 г.) и восстановить низложенных ими Епископов. Св. Василий, бывши в это время еще пресвитером, хотя не был сам лично на этом Соборе, но когда православные Епископы, собравшиеся к Евсвию, чтобы вместе отправиться в Лампсак, пригласили его к себе для совещаний о вере¹⁴¹, он старался утвердить Евстафия Севастийского и других с ним Епископов твердыми рассуждениями в православном учении о догмате, подвергавшемся пререканиям, т. е. о единосущии Сына Божия с Богом Отцом. Плодом этого Собора было определение о возвращении к своим Церквям тех Епископов, которые, по наветам ариан, были сосланы в ссылку за непризнание символа Константинопольского, составленного арианами. Хотя определение Лампсакского Собора и не было приведено в исполнение вследствие противодействия Валента, но уже послужило поводом к сближению полуариан с православными, так как полуариане хотя и не выбросили слова подобный из символа, но признавали нужным это слово только для отличия ипостасей, не отвергая единосущности Сына Божия с Богом Отцом.

Так как еретики, столь много наносившие зла православным, почерпали свою силу главным образом во внешней опоре, именно – в покровительстве им Императора Валента, поэтому и православным, кроме единодушия и непоколебимой твердости в исповедании православной веры для противодействия внешней силе нужно было

противопоставить также внешнюю силу. Это св. Василий, всеми силами заботившийся о доставлении торжества православию, хорошо понимал, и потому употреблял старание расположить в свою пользу Валентиниана, Императора восточной и западной империи, которому Валент был только соправителем, но подчиненным ему в своих действиях. Надежда на Валентиниана основывалась на том, что он держался православного учения, хотя и не преследовал исповедников других вероучений¹⁴². Для успешного же действия на Императора нужно было войти в общение с Западной Церковью, которая тогда, пользуясь покровительством православного Императора, наслаждалась миром. С этой целью отправлено было от Восточной Церкви посольство к Ливерию, главному Епископу Римской Церкви, состоявшее из трех Епископов, Евстафия Севастийского, Сильвана Тарсийского и Феофила Костовальского, снабженных письмами и от других восточных Епископов¹⁴³. Хотя это посольство и не имело желанного успеха, так как посланные не застали Императора, но тем не менее, давало надежду на благоприятный исход в будущем, так как через это посольство положено было начало к общению с Западной Церковью. Мысль о соединении с Западом, для водворения мира, давно уже была в душе Василия, как он писал к св. Афанасию, Архиепископу Александрийскому. И сам я, – писал он, – даже при скудном своем разумении о делах давно знаю, что пособию нашим церквам одно известное средство – единодушие с нами западных епископов¹⁴⁴. Как много сочувствия выражали мысли св. Василия и прочие восточные епископы видно из того, что послание Ливерия и других западных епископов с особым удовольствием принято было на Соборе Тианском, бывшем под председательством Евсевия Архиепископа Кесарийского¹⁴⁵, с коим был конечно и св. Василий, как неизменный его сотрудник в делах церковных. – Для водворения единомыслия между всеми восточными церквами предположено было составить Собор в Тарсе, но распоряжения православных Епископов были остановлены Валентом, который воспрепятствовал им собраться туда.

Единомыслие Епископов есть основа благосостояния Церкви, особенно при обуревании оной со стороны врагов, поэтому св. Василий старался входить в письменное общение со многими предстоятелями частных Церквей (даже с такими, которые по недоразумению враждебно относились к нему), чтобы поддержать единомыслие и совокупность противодействия еретикам. – На место Василия, Епископа Анкирского, несправедливо удаленного еретиками, возведен был Афанасий, который выказывал явное нерасположение к св. Василию и перед всеми порицал его за то, будто бы он пишет и сочиняет что-то зловерное. Св. Василий, забывая личное оскорбление, спешил уврачевать его душу искренним объяснением. Некоторые, пришедшие к нам из Анкира, известили меня, что ты любезная глава не с приятностью и не по обыкновению своему воспоминаешь обо мне. Но меня, как известно тебе, не поражает ничто человеческое и всякая перемена не неожиданна для человека, который давно изведаль немощь естества и удобство из одной крайности переходить в другую. Поэтому не ставлю того в велико, если изменилось нечто в наших отношениях и вместо прежней себе чести слышу теперь укоризны и оскорбления. Показалось же мне действительно странным и необычайным твое ко мне до того изменившееся расположение, что гневаешься и досадуешь на меня, даже как говорят слышавшие, грозишь мне чем-то. Угрозам этим, скажу правду, много я смеялся. И совершенно стал бы я ребенком, если бы убоялся подобных страхований. Страшным же и много озабочивающим почел я то, что твоя во всем точность, которая как был я уверен, соблюдена к утешению Церквей быть опорой правой веры и семенем древней и истинной любви, столько заимствовалась из настоящего положения дел, что хулы каких ни есть людей для тебя важнее дознанного обо мне долговременным опытом и ты без доказательств увлекаешься в нелепые подозрения. Что еще говорю: в подозрения! Кто негодует и грозит, как сказывают это о тебе, тот, по-видимому, обнаруживает в гневе не подозревающего, но ясно и неоспоримо уже уверившегося. – Но, как сказал я, причину сего приписываю настоящему

времени. Ибо великий ли был труд, чудный мой, переговорить со мною о чем бы то ни было в кратком письме как бы одному на один или, если не захотел подобного дела доверить письму, позвать меня к себе? А если необходимо должно было вывести дело наружу и неудержимость гнева не давала времени к отсрочке, то можно было к объяснению со мною употребить посредником кого-либо одного из людей близких и умеющих хранить тайну. Но теперь кому из приходящих к вам по какой бы то ни было нужде, не разглашают, будто бы пишу и слагаю что-то зловерное? А как утверждают пересказывающие речи твои слово в слово, тобою употреблено это самое речение.

Предположив, что его ввело в заблуждение какое-либо еретическое сочинение с подписью его имени, чтобы через клевету ослабить его авторитет учительский, св. Василий говорит в заключение письма: сам ты разрешишь мое недоумение, если согласишься ясно сказать имя того, кто ввел тебя в огорчение против меня¹⁴⁶. Плодом этого письма было то, что Афанасий епископ Анкирский, до конца жизни своей был в дружественных отношениях со св. Василием. И когда Афанасий окончил дни свои (что случилось вскоре после сего письма), св. Василий писал между прочим Анкирской Церкви: пал муж, который в подлинном смысле был столпом и утверждением Церкви; лучше же сказать, он удаляется от нас, восхищенный к блаженной жизни... Не стало советов ума, подлинно движимого Богом. О, сколько раз (обвиняю в этом сам себя) приходило мне на мысль вознегодовать на сего мужа, что всецело предавшись желанию разрешиться и со Христом бытьи (Флп. 1, 23) не предпочел он пребыть ради нас во плоти¹⁴⁷!

Из оставшихся и сохранившихся до нас писем св. Василия видно, что он, бывши еще пресвитером, со многими Епископами имел переписку; особенно же в близких и дружественных сношениях был с Евсевием, Епископом Самосатским, которому поверял все свои скорби и радости. Находясь даже почти на смертном одре, он писал ему: лежу на одре в совершенном изнеможении оскудевающих сил и только с часу на час ожидаю неминуемого конца жизни. — А Церкви почти в таком же положении, как и мое тело; не видно никакой доброй надежды;

дела непрестанно клонятся к худшему¹⁴⁸. – Но час смерти для него Промыслом Божественным отдален был еще на несколько лет, так как Господь, видящий и будущее как настоящее, видел, что он при своей благочестивой ревности о благе Церкви, еще много может принести пользы ей своими талантами и примером святой жизни.

Глава V

Смерть Евсевия, Архиепископа Кесарийского. Избрание ему преемника. Заботливость многих избирателей о достижении при этом своих корыстных и честолюбивых целей и противодействие избранию св. Василия. Заботливость св. Григория Богослова и его отца о возведении на архиепископский престол св. Василия. Радость об избрании св. Василия всех читателей его святости и мудрости и надежды на него в защиту православной Церкви от нападений ариан. Враждебное отношение к нему многих Епископов, противодействовавших его избранию, и мудрые меры, принятые св. Василием к умиротворению их. Сколь обширна была власть Кесарийского Архиепископа? Неутомимость св. Василия в устройении дел церковных, в проповедании слова Божия и попечительности о всех, искавших его помощи. Заботливость об исправлении разных беспорядков, допущенных архиепископами и о возвышении нравственности духовенства. Его два слова: на гневливых и о зависти. Содержание этих слов. Возведение кесарийских пресвитеров на кафедры епископские в других церквях и личные качества удостоиваемых этой чести. Выяснение св. Василием того, могут ли быть изменяемы обряды церковные и есть ли основание расторгать союз любви из-за обрядов. Приложение его мнения к действиям русских старообрядцев, для определения тяжести их греха – отделения от Церкви.

Не успел еще св. Василий совершенно освободиться от собственных телесных недугов, как настали для него скорби и труды с другой стороны. В этом же 370 году, в Июне месяце, скончался Евсевий, Архиепископ Кесарийский, и предстоял труд избрать достойного архипастыря, в котором была особая нужда для отражения нападений ариан, поддерживаемых покровительством Императора. Св. Василий для лучшего успеха в этом, а может быть и имея в виду указать избирателям на св. Григория Богослова, как достойнейшего избрания на архиепископский престол, письменно просил его придти к нему,

сколь возможно, скорее. Но справедливо предполагая, что св. Григорий не согласится придти к нему в такое время, зная, как много неприятного происходит при избрании епископов, св. Василий писал ему, что он болен и находясь при последнем издыхании, желает его видеть, чтобы передать ему свою последнюю волю. Святой Григорий до глубины сердца огорченный таким известием немедленно оставил Назианз и отправился в Кесарию. Но узнав на пути, что туда собираются с разных мест епископы для избрания нового Архиепископа, понял намерение своего друга и с половины пути возвратился назад. Из Назианза же написал ему, что он не только не одобряет его поступка, но и самому желает уклониться от избрания, чтобы избежать клеветы и нареканий от неблагонамеренных людей. Когда я узнал, писал он между прочим святому Василию, что в город собираются епископы, остановился на пути и дивился во-первых тому, как не позаботился ты о благоприличии и не остерегся языка людей, которые всего скорее взводят клеветы на простодушных; во-вторых, как думаешь, что не одно и тоже прилично и тебе и мне, которых в начале так сдружил Бог, что и жизнь и учение и все у нас общее; а в третьих, – как подумал, что тут будут выставлять на вид людей благоговейных, а не сильных в городе и любимых народом? По сим-то причинам поворотил я корму и иду назад. Да и тебе самому, если угодно, желаю избежать настоящих мятежей и худых подозрений, а твое благоговение тогда увижу, когда устроятся дела и позволит мне время¹⁴⁹.

С этого времени св. Григорий и его отец решились и со своей стороны употребить усилие к тому, чтобы на архиепископский престол в Кесарии возведен был св. Василий как достойнейший из всех, которых могли иметь в виду при избрании на это место и как более всех способный поддержать высокое достоинство Кесарийской Церкви и чистоту учения православной веры, защитить ее от растления тем тлетворным духом учения, который ариане внесли уже почти во все другие Церкви. Народ и клир в это время в церкви Кесарийской распался на разные партии и каждая партия представляла своего кандидата и все в деле руководились разными

побуждениями. Одни при избрании Архиепископа имели в виду только благо Церкви, другие руководились в этом деле связями родственными или дружественными или другими какими-либо своекорыстными целями, а некоторые в горделивом мнении о своих личных достоинствах, думали только о себе. Враги же православной Церкви – еретики, пользуясь безрассудными и своекорыстными целями православных избирателей, стремились возвести на Кесарийский престол одного из своих единомысленников. Вообще споры были тем безрассуднее, чем жарче. Ибо не безызвестно было, – говорит св. Григорий Богослов, – кто преимуществует перед всеми как солнце перед звездами. Каждый видел это ясно, особенно все почтеннейшие и беспристрастнейшие из граждан, все принадлежавшие алтарю и наши назореи (т. е. монашествующие), на которых одних, по крайней мере большею частью, должны были бы лежать подобные избрания, в каком случае Церковь не терпела бы никакого зла: тогда как избрания сии зависят от людей богатых и сильных и еще более от буйства и безрассудства черни, даже между чернью от людей самых последних. Почему можно теперь думать, что народные начальства благоустроеннее нашего (т. е. духовного) начальства, которому приписывается божественная благодать¹⁵⁰ и что в подобных делах лучший правитель страх, а не разум. Ибо кто из благомыслящих стал бы искать другого, миновав тебя, священная и божественная глава¹⁵¹, тебя, написанного на руках Господних (Пс. 19, 16), несвязанного брачными узами, нестяжателя бесплотного и почти бескровного, в знании словес первого по Слове, между любомудрыми мудрого, между мирскими премирного друга моего и сотрудника (выражусь даже более), соучастника души моей, вместе со мною жившего и учившегося¹⁵².

Как только собрались все лица высшего духовенства, имевшие право на участие в избрании нового Архиепископа, немедленно приступили к самому делу. Многие из благонамеренных граждан города Кесарии собравшись, написали Епископу Назианзскому, отцу св. Григория Богослова, извещая его о кончине их архиепископа Евсевия и прося его совета, как им поступить в этом случае и кого избрать на место

почившего архипастыря. Святой Григорий отец, будучи обременен годами, приближавшимися уже к столетию и болезнью, не мог сам явиться к ним, чтобы принять деятельное участие в избрании архиепископа, но убеждал их, чтобы они действовали в этом руководясь одною мыслью о благе Церкви с устранением всех других земных целей, понимая, какое важное значение имеет Епископ для своей Церкви, особенно в тогдашние смутные обстоятельства, угрожавшие весьма большою опасностью чистоте веры. Сожалея, что по своему болезненному состоянию не может сам прибыть к ним, писал: но буду содействовать сколько возможно отсутствующему. Я уверен, что есть и другие достойные предстоятельствовать у вас, потому что город ваш обширен и издревле был управляем хорошо и мужами высокими, но никого из уважаемых вами не могу предпочесть боголюбейшему сыну нашему, пресвитеру Василию – мужу (говорю это перед свидетелем Богом) и в жизни и в учении достигшему чистоты более всякого другого, (а что всего важнее) тем и другим способного противостать нынешнему времени и преобладающему языкоболию еретиков. Пишу это и священствующим и монашествующим, облеченным и правительственною и советодательною властью, а также и всему народу. Если будет на это ваше согласие, и верх одержит мой голос, столько здравый и правый, как произносимый Самим Богом, то духовно присутствую и буду присутствовать с вами, лучше же сказать, возлагаю уже руку и дерзаю духом. А в противном случае, если не будет на сие согласия и подобные дела будут судить по обратствам и родствам и рука мятежной толпы опять нарушит правоту суда, делайте, что вам самим угодно, а я от этого прочь. Но Григорий-отец, или правильнее сказать, его сын, св. Григорий Богослов, действовавший от имени отца, не остановился на сем, но поспешил также написать Евсевию, Епископу Самосатскому, которого влияние в Кесарии на дела могло иметь большое значение, убеждая его употребить в деле избрания св. Василия на архиепископский престол твердость и настойчивость, чем он окажет весьма большую услугу Церкви, за что и получит награду от Бога. Вообще Григорий, отец Григория Богослова, ревнуя о благе

Церкви, употреблял все усилия к тому, чтобы избран был св. Василий.

Епископы, собравшиеся в Кесарии для избрания Архиепископа, из которых многие держались арианского учения, имея в виду своих кандидатов на это место, опасались, чтобы Епископ Назианзский своим присутствием не помешал выполнению их намерений и потому, приглашая его прибыть в Кесарию, не назначили ни времени, к которому он должен был прибыть, ни цели, для которой его приглашали. Св. Григорий отвечая на их письмо показал им, что он понимает их намерение, но терпеливо перенес их оскорбление, наносимое их лукавством. «Каково же мое мнение, – в заключение писал им, – объясню вам. Другие предлагают конечно других, каждый по своим правам и из своих выгод, что обыкновенно бывает в таких случаях. А я не могу (и несправедливо было бы) предпочесть кого-либо досточестнейшему сыну нашему сопресвитеру Василию. Ибо кого из известных нам найдем или по жизни заслуживающим большее одобрение или в слове более сильным и во всех отношениях украшенным лепотою добродетели? Если телесная немощь его будет предлогом, то помните, что выбирает не борца, но учителя... Если примете этот голос, то готов быть у вас и содействовать вам или духовно или телесно. А если путешествие предлагается мне с условием и разногласия готовы одержать верх над правдою, то я рад, что презрен вами. Это вашим будет делом, обо мне же помолитесь»¹⁵³.

Когда св. Григорий, Епископ Назианзский, послал такой ответ на письмо Епископов, собравшихся в Кесарии, он изнемогал под тяжестью девяносто шестилетней жизни своей и к тому же, одержим будучи болезнью, лежал почти без движения в постели. Но когда узнал, что для законного избрания Василия на архиепископский престол не хватает одного голоса, то несмотря на то, что сам был удручен старостью и болезнью, – говорит его сын св. Григорий Богослов, – «отрывается от болезненного одра, с бодростью юноши идет или, лучше сказать, с полумертвым едва дышащим телом приносится в город, уверенный, что если постигнет его

смерть, то попечительность сия составит для него прекрасную погребальную ризу. И здесь совершается нечто чудное, но не невероятное: он укрепляется трудом, юнеет усердием, распоряжает, примиряет, возводит на престол; возвращается назад и носилки на которых он был несен, служат ему не гробом, но Божиим кивотом»¹⁵⁴. Два Григория, отец и сын, таким образом торжествовали победу над завистниками и врагами Василия, возведением которого в сан архиепископский обеспечивалось охранение чистоты учения православной христианской веры. И эту радость свою поспешил заявить святому Василию святой Григорий Богослов. «Как скоро узнал я, – писал он к нему, – что ты возведен на высокий престол, Дух победил, светильник и прежде не темно светивший, поставлен на свещнике и у всех в виду; признаюсь, обрадовался этому, видя, что общее дело Церкви было в другом положении и имело нужду в таком руководстве»¹⁵⁵. Святой Афанасий, Архиепископ Александрийский, услышав об избрании св. Василия, сильно возрадовался и вместе дивился тому, что некоторые не хотели избрать сего достойнейшего мужа, которого всякой Церкви должно было желать себе в Епископа. Св. Афанасий в радости своей тогда же предрек о победах, которые св. Василий одержит над господствующею ересью¹⁵⁶.

Но радовался ли сам св. Василий своему возвышению? Смотря на сан Святительский как на служение, требующее от него высшей чистоты жизни и труда, превышающего его немощные телесные силы, имея притом в виду многочисленный полк врагов, с которыми нужно было бороться до крови, он не мог, конечно, испытывать других чувств, кроме страха и скорби. Но как доблестный служитель Христов он радовался подобно доблестному воину, идущему под выстрелы неприятеля и утешающемуся мыслию, что своею кровью избавит родную страну от нашествия варваров, попирающих и разоряющих ее... Святому Василию предстоял великий труд: ему нужно было в одно и тоже время: и созидать расслабленные души своей паствы и отражать нападения врагов и своих и всей Церкви. Так как возведение Василия Великого на архиепископский престол совершилось вопреки желанию многих епископов и многих

нравственно расслабленных душ, пороки которых он строго обличал в своих поучениях, потому естественно он имел у себя много врагов. И эти многочисленные враги не упускали случая вредить ему или явным сопротивлением его власти и распоряжениям или злою клеветой против него. Руководясь такими враждебными чувствами против св. Василия, они следили за каждым его словом и действием и все перетолковывая в дурную сторону, поносили его, как человека гордого и властолюбивого и склонного по своим понятиям и учению к ереси, не щадя своего языка и совести, старались такое мнение о нем распространять повсюду. При такой-то грустной внутренней и внешней обстановке ему нужно было начать служение Церкви! Но последуем за ним, чтобы видеть его в его делах и из них извлечь для себя назидание и руководство для жизни.

Чтобы понять обширность деятельности св. Василия, покажем сначала обширность власти Архиепископа Кесарийского. Св. Василий имел в своей Кесарийской епархии до пятидесяти хорепископов, которые облегчали его труд в надзоре и направлении действий сельского духовенства. Но кроме своей епархии Архиепископ Кесарийский, пользуясь правами митрополита, управлял епархиями целой области Каппадокийской, коих числом было восемь. Сверх того он, как Экзарх северо-восточной половины Малой Азии, заведовал и другими митрополиями. От него зависели Галатия, Понт, Малая Армения; даже и в Великой Армении он рукополагал первенствующего Епископа¹⁵⁷. Первые три митрополии св. Василий иногда обзирал и собирал их Епископов на Соборы.

Приняв помазание от Духа Святого через рукоположение Святителей, св. Архиепископ Кесарийский скоро проявил, что он одинаково был наделен от Духа Святого как даром премудрости и разума (1Кор. 12, 8), так и даром управления (ст. 28). Среди самых затруднительных обстоятельств он показывал такую несокрушимую твердость воли, которая свидетельствовала о необыкновенном величии его Духа. Во всех его распоряжениях видна решительность, но впрочем, обдумавшая уже средства, потребные для достижения предположенной цели, и –

осторожность, предусматривающая возможные случайности. Его решения по каким-либо делам были столько мудры и справедливы, что становились правилом при решении подобных дел не только для окружавших его и его современников, но и для потомства. Но не отказывая нуждающимся в разрешении их недоумений он однако же и сам, стремясь только к истинному и полезному, руководясь духом смирения, входил в совещания о значительных делах с мужами опытными и действующими по Духу Христову. Любовь к Богу и ревность о благе Церкви были главною целью его жизни, в жертву которой он приносил всю свою жизнь, изнуренную болезнями телесными, множеством огорчений душевных и подвигами духовного любомудрия. Употребив все свое имение в пользу бедных во время еще своего пресвитерства, св. Василий, и будучи Архиепископом, не находил нужным иметь более того, что признавал потребным для каждого монаха. «Что же было когда у Василия, – спрашивает св. Григорий Богослов, – кроме тела и необходимых покровов для плоти? Его богатство – ничего у себя не иметь, и жить с единым крестом, который почитал он для себя дороже многих стяжаний»¹⁵⁸. Воздержание св. Василия соответствовало его нестяжательности. «Достойны удивления воздержание и довольство малым; похвально не отдаваться во власть сластолюбию и не раболепствовать несносному и низкому властелину – чреву. Кто же до такой степени был почти невкушающим пищи и (немного будет сказать) бесплотным? Многоядение и пресыщение отринул он, предоставив людям, которые уподобляются бессловесным и ведут жизнь рабскую и пресмыкающуюся. А сам не находил великого ни в чем том, что пройдя через гортань, имеет равное достоинство; но пока был жив, поддерживал жизнь самым необходимым и одну знал роскошь – не иметь и вида роскоши, но взирать на крины и на птиц, у которых и красота безыскусственна и пища везде готова... От сего-то у Василия один был хитон, одна была верхняя ветхая риза, и сон на голой земле, бдение, неупотребление омовений составляли его украшение; самую вкусною вечерею и снедию служили хлеб и соль – нового рода

приправа, и трезвенное и неоскудевающее питье, какое и не трудившимся приносят источники»¹⁵⁹. Наружный вид св. Василия соответствовал его внутренней подвижнической жизни. Станом он был прям, нос имел прямой, волосы с проседью, борода длинная и с сединой. Бледность лица, отражение на нем волос, тихость походки, медленность в речах, необычайная задумчивость и углубление в себя были такими чертами в святом Василии, которым многие хотя по наружности, старались подражать¹⁶⁰. При всей своей видимой суровости и постоянной сосредоточенности в самом себе, в обществе близких к нему лиц он был приветлив и назидательно шутлив». Кто был, – говорит св. Григорий о своем святом друге, – столько приятен в собраниях, как известно мне, который всего чаще имел случай видеть его? кто мог увлекательнее его беседовать, шутить назидательно, уязвлять не оскорбляя, выговора не доводить до наглости, а похвалы до потачки, но и в похвале и выговоре избегать неумеренности, пользоваться ими с рассуждением, наблюдая время?»¹⁶¹

Высший правитель какого бы то ни было учреждения или общества, какою-бы ни обладал проницательностью ума и силою воли, не много успеет в достижении предположенных им благих целей, если в своих сослуживцах, естественных орудиях к исполнению его благих предначертаний, всегда будет встречать или равнодушие, или даже противодействие. Ему нужна мудрость, не раздражая уязвленного самолюбия подчиненных лиц и не унижая своего достоинства льстивою услужливостью им, пробудить и направить их силы к деятельности согласной с его указаниями. Св. Василий, вступив на Архиепископский престол при самых неблагоприятных обстоятельствах, обладая однако же высшими естественными и благодатными дарами, умел и сокрушить гордость сильных врагов православия и привлечь к себе сердца тех из подчиненных ему лиц, которые выразив противодействие его избранию по незнакомству с его высокими душевными достоинствами, способны однако же были, не ослепляясь страстями властолюбия и честолюбия, ценить истинное добро в других. Но прежде, нежели достиг этого св. Василий, ему нужно

было вытерпеть много скорби и неприятностей. Недовольные избранием св. Василия Епископы, как только удалились из Кесарии Григорий Назианзский и Евсевий Самосатский, снова явились в Кесарию, причинили много огорчений новопоставленному Архиепископу и произвели разделение в Церкви каппадокийской. «После твоего отбытия, – писал св. Василий Евсевию, Епископу Самосатскому, – пришедшие по следам твоим, много наговорили и наделали неприятностей, и наконец удалились, утвердив у нас разделение. Поэтому будет ли что лучше и оставят ли они свою злобу, никому не известно, кроме единого Бога. Таково настоящее положение дел!»¹⁶² В числе неблагорасположенных к св. Василию оказался и его дядя, Епископ Григорий. Его нерасположение для св. Василия тем было чувствительнее и прискорбнее, что он питал к нему издавна искреннее и родственное расположение и еще более потому, что происшедшее разъединение между ними, подавало повод многим неблагонамеренным людям в злоречии и клеветам и производило разделение между городами и целыми Церквями. Желая положить конец соблазну и понимая то, что смиренномудрие лучше всего укрощает вражду без причины враждующих, св. Василий решился первый написать к своему дяде. В этом письме выразив ему что он признает его нерасположение как праведное наказание от Бога за прежние ведомые и неведомые грехи, просит его назначить свидание, чтобы искренним объяснением положить конец прискорбному разъединению и устранить этим соблазн для других: «если есть какое утешение о Христе, – писал св. Василий дяде своему, – и какое общение Духа и ежели есть сколько-нибудь сердоболия и сострадательности, то исполни мою просьбу, прекрати все приводившее в уныние, положи некоторое начало тому, что веселило бы на будущее время, сам веди других к лучшему, а не за другим следуй, куда не должно; потому что и телесные черты нельзя признать другому так собственно принадлежащими, как душе твоей принадлежит мир и кротость. Такому же человеку прилично привлекать к себе других и делать, чтобы все приближающееся к тебе исполнялось кротости твоего нрава, как благовонием некоего мира. Ибо, если

и есть теперь нечто противоборствующее, то в скором времени и оно познает благо мира. Но пока от несогласия имеют место клеветы, по необходимости непрестанно растут худые подозрения... Если и погрешаю в чем, то вразумляемый исправлюсь. Сие же не возможно без свидания. А если не сделал я несправедливости, то за что меня ненавидят? И сие то представляю в собственное свое оправдание».

«Но что скажут о себе Церкви, которые не на добро себе участвуют в нашем несогласии, об этом лучше молчать. Ибо веду слово не для того, чтобы оскорбить, но чтобы положить конец оскорбительному. От твоего же благоразумия ничто, конечно, не сокрыто; напротив того и сам в уме своем изобретешь и другим скажешь нечто такое, что гораздо важнее и совершеннее придуманного мною, потому что прежде меня видел ты вред, какой терпят Церкви и больше моего скорбишь о том, издавна наученный Господом не презирать никого из меньших. Теперь же вред ограничивается не одним или двумя, но целые города и народы участвуют в наших несчастьях. Ибо нужно ли и говорить о той молве, какая идет о нас в странах отдаленных? Потому прилично твоему великодушию уступить любопытность другим, лучше же сказать, если возможно истребить ее и в их душе, а самому препобедить огорчительное терпением. Ибо мстить свойственно всякому прогневанному: а стать выше самого гнева – это свойственно тебе одному, и разве тому, кто близок к тебе по добродетели. Не скажу еще того, что негодующий на меня изливает гнев свой на человека, не сделавшего никакой несправедливости. Поэтому или прибытием своим, или письмом, или приглашением к себе, или каким тебе угодно способом утешь мою душу»¹⁶³.

Негодующий на меня, – говорит св. Василий в этом письме, – негодует на человека, не сделавшего никакой несправедливости. Это кажется хорошо понимали и враги его, потому что не находя в нем действительной вины к своему неудовольствию на него, старались только клеветать на него, чтобы оправдать свой гнев на него перед другими. Но письмо св. Василия к дяде положило начало к сближению его с ним, а потом привлекло к нему сердца и прочих его

недоброжелателей. «Каждый, – говорит св. Григорий, – приносит свое извинение и сколько прежде оказывал вражды, столько теперь благорасположений и преуспевания в добродетели, в которой одной и находил для себя самое сильное оправдание. И только разве неизлечимо поврежденный был пренебрежен и отринут, чтобы сам в себе сокрушился и потребился, как ржа пропадает вместе с железом»¹⁶⁴.

Показывая в себе пример всякой добродетели, рачительности об исполнении своих обязанностей, попечительности о бедных, неустойчивости в проповедании слова Божия, св. Василий требовал и от подчиненных ему Епископов и пресвитеров соответствующих их сану совершенств и чистоты жизни, чтобы они не разрушали соблазнительным примером своей жизни то, что думали создать своим пастырским словом. Узнав, что некоторые из Епископов с рукополагаемых берут деньги и вместо сокрушения о своем незаконном деле, стараются оправдать его тем, что берут деньги не до посвящения, а после посвящения, следовательно как-бы произвольный дар за труд, св. Василий, обличив их грех, угрожал отлучением от алтаря, если бы впредь повторились такие нечестивые дела. «Гнусность дела, о котором пишу, – говорил св. Василий в окружном письме к хорепископам, – как исполнило мою душу скорбью, потому что всеми это заподозрено и оглашено, так доселе еще кажется мне чем-то невероятным. Поэтому и письмо о сем, кто сознает за собою дело, пусть примет как врачевство, а кто не сознает, – как предостережение; человек же холодный (каковых не желаю и найти между вами), – как свидетельство против себя. Но что же это такое, о чем говорю я? Сказывают, будто бы некоторые из вас берут деньги с рукополагаемых, прикрывают же сие именем благочестия. Но это и хуже всего. Ибо, если кто делает зло под личиною добра, то он достоин сугубого наказания, так как делает, что само по себе нехорошо, к совершению же худого, как сказал бы иной, пользуется добрым содейственным. Если этот слух справедлив, то пусть вперед этого не будет и зло будет поправлено: ибо тому, кто берет деньги, необходимо сказать тоже, что сказано было Апостолами хотевшему на

серебро купить причастие Святого Духа: серебро твое с тобою да будет в погибель (Деян. 2, 20). Легче еще грешит тот, кто по неопытности желает купить дар Божий, нежели тот, кто продает его. Ибо это действительная продажа; и если торгуешь тем, что сам получил даром, то как проданный сатане, лишен будешь дарования, потому что вводишь корчемство в духовном и в Церкви, где нам вверены Тело и Кровь Христовы. Этому так не должно быть. Какая же употребляется отговорка? Скажу и это. Думают, будто бы не грешат, потому что берут не до рукоположения, но по рукоположении. Но, когда ни взять, все значит взять. Поэтому умоляю вас, оставьте этот доход, лучше же сказать, этот вход в геенну, и оскверняя руки такими дарами, не делайте себя недостойными совершать чистые таинства. Но извините меня. Сперва, как не поверивший, а потом как уверенный, угрожаю вам: если кто после этого моего письма сделает что-либо подобное, то да удалится от здешних алтарей и пусть ищет себе места там, где покупая дар Божий, может перепродавать его. А мы и Церкви Божии такового обычая не имамы (1Кор. 11, 16). Присовокупив одно слово, кончу тем речь. Это делается по сребролюбию, а сребролюбие есть корень всем злым (1Тим. 3, 5). Поэтому, ради небольшого количества серебра, не предпочитайте идолов Христу и не делайтесь новыми подражателями Иуды, за подарок вторично продавая единожды за нас Распятого»¹⁶⁵.

Замечен был св. Василием и другой беспорядок, державшийся особенно при сельских церквах, находившихся под ближайшим надзором хорепископов, который также он поспешил уничтожить. – Пресвитеры нередко людей недостойных, но близких к ним по родству или знакомству, чтобы укрыть их от военной службы, принимали в число церковнослужителей. Хорепископы по небрежности о своих обязанностях смотрели на это дело равнодушно, и вопреки давнишнему обычаю о вновь принятых в число церковнослужителей мирянах, не доносили Архиепископу. Следствием этого беспорядка было то, что и в пресвитеры возводимы были люди недостойные, так как по древнему обычаю для получения пресвитерского сана нужно было пройти

и низшие ступени службы церковной. Желая положить конец этому злу, по своим последствиям весьма важному, св. Василий написал следующее окружное письмо к хорепископам, свидетельствующее о том, что ничто не ускользало от внимания доблестного Архипастыря и не оставалось неисправимым, что требовало исправления. «Очень прискорбно мне, – писал св. Василий, – что отеческие правила уже не действуют и всякая строгость из Церквей изгнана. Боюсь же, чтобы с этою постоянно возрастающею холодною и дела Церкви не пришли в совершенное замешательство. По обыкновению, издревле утвердившемуся в Церквах Божиих, принимая служителей церковных не иначе, как по строгом во всем испытании, разведывали все их поведение: не злоязычны ли они, не пьяницы ли, не склонны ли к ссорам, обуздывают ли свою юность так, что в состоянии отправлять касающееся до святыни» без которой никто не узрит Господа. И сие разыскивали пресвитеры вместе с живущими при них диаконами: доносили же о сем хорепископам, которые собрав голоса от свидетельствующих по истине и доведя до сведения Епископа, таким образом причисляли служителя к чину священнослужащих. А ныне, во-первых взяли вы на себя все полномочие, отстранив меня и не принимая на себя труда доносить мне; а потом, нерадя сами о деле, позволяли пресвитерам и диаконам вводить в Церковь людей недостойных, жизни неизведанной, кого пожелают они, по пристрастию, или по родству, или по каким дружеским связям. Поэтому в каждом селении много считается служителей, но нет ни одного достойного служить алтарю, как сами о том свидетельствуете, терпя недостаток в людях при избраниях. Итак, поскольку вижу, что дело доходит уже до крайности, особенно теперь, когда многие, боясь набора в военную службу, приписываются в церковнослужители: то доведен я необходимостью возобновить отеческие правила и пишу к вам, прося выслать мне список церковнослужителей в каждом селении с означением, кем кто определен и какого рода жизни. Но и сами у себя заведите список, чтобы сличить ваши записи с

хранящимися у меня и чтобы никому не возможно было приписать себя, когда захочет.

Таким образом, если иные определены пресвитерами после первого распределения, то да будут исключены в число мирян; ваше же исследование о них да прострется далее и если которые окажутся достойными, то да будут приняты по вашему приговору. Очистите Церковь, удалив из нее недостойных, а потом исследуйте, кто достоин и таковых примите, но не вносите в список не донеся мне или знайте, что принятый в церковнослужители без моего ведома останется мирянином»¹⁶⁶.

Причиною всех неприятностей, испытанных св. Василием со стороны епископов и других низших лиц, были гнев и зависть. Победив всех своих врагов мудростью своих рассуждений и действий, кротостью и долготерпением, понимая вместе с тем, как много зла производят в жизни общественной и семейной гнев и зависть, он восхотел преподать спасительное врачество от сих недугов всей своей пастве, – врачество, как исцеляющее уже зараженных, так и предохраняющее еще не испытавших на себе губительных последствий сих болезней душевных. Две его беседы; на гневливых и о зависти, такие спасительные врачества, которые не утратили своей целительной силы в продолжении пятнадцати столетий и не утратят, конечно, никогда. Так как редкий и из современных людей не испытывает на себе этих недугов душевных, именуемых гневом и завистью: поэтому обратим должное внимание на эти беседы св. Василия, дабы извлечь из них для себя пользу, указанную богопросвещенною мудростью вселенского Учителя.

В начале беседы на гневливых св. Василий говорит: «слышим, как ясно выражено в притчах, что гнев губит и разумных (Притч. 15, 1); слышим также апостольское увещание: всяк гнев и ярость и клич да возмется от вас, со всякою злобою (Еф. 4, 31); слышим, что и Господь говорит: гневаяйся на брата своего всеу повинен есть суду: а теперь, когда на опыте извели мы страсть сию, – страсть не в нас самих открывшуюся, но со вне, подобно какой-то неожиданной буре, к нам приразившуюся, теперь наипаче узнали мы, какого

удивления достойны Божественные предписания. Дав место гневу, как свободный путь стремительному потоку, и в спокойном состоянии наблюдая неблагообразное смятение одержимых сею страстью, на самом деле узнали мы верность изречения, что муж ярый неблагообразен» (Притч. 11, 25).

«Эта страсть, как скоро однажды отринет внушения рассудка и овладеет душою, делает уже человека совершенным зверем и не позволяет ему быть человеком, лишив его помощи разума. Что в ядовитых животных яд, то в сердитых раздражение. Они бесятся как псы, бросаются как скорпионы, угрызают как змеи. Так и Писание обладаемых этою страстью называет именами тех зверей, которым они уподобляются своим пороком. Оно именует их псами немymi (Пс. 56, 10), змеями, порождениями эхидниными (Мф. 23, 33). И за готовность взаимно губить друг друга и вредить единоплеменным справедливо причисляет их к зверям и ядовитым животным, у которых от природы непримиримая ненависть к людям. От раздражительности язык бывает необуздан, уста не замыкаются; невоздержные руки, обиды, упреки, злоречие, удары и многое другое, что едва ли кто и перечтет, – вот порождение гнева и раздражительности. От раздражительности и меч изощряется, рука человеческая отваживается на смерть человека. От нее и братия не узнавали друг друга, родители и дети забывали узы природы. Разгневанные сначала не знают сами себя, а потом не знают также и всех близких. Как горные потоки, стекая в места низменные, увлекают с собою все встречающееся: так насильственные и неудержимые стремления разгневанных поражают всех одинаково. Раздраженные не уважают ни седины, ни добродетельной жизни, ни родственной связи, ни прежних милостей, ни всего прочего, что имеет какую-либо цену. Раздражение есть какое-то кратковременное бешенство. Раздраженные часто ввергают сами себя в явное зло; стараясь отмстить другим, нерадят о себе. Воспоминанием об оскорбителях уязвляемые как жалом, в порывах и скачках своего гнева до тех пор они не успокаиваются, пока сами не сделают какого зла огорчившему или при случае не потерпят

чего худого и сами, как и нередко стремительно упдающее более терпит, нежели причиняет вреда, разбиваясь о то, к чему приразилось».

Показав безобразие души разгневанного, св. Василий показывает далее безобразие и его наружного вида, когда он, «размахивая руками, топая ногами, издавая неистовые звуки бессвязных ругательных слов, уподобляется человеку, одержимому бесом, от которого разгневанный не отличается ни наружным видом, ни душевным расположением».

Когда человек находится в спокойном состоянии духа, он не может не видеть жалкого состояния души раздраженного человека и безобразия его наружного вида. Этим-то жалким состоянием человека раздраженного св. Василий убеждает не доводить себя до такого же состояния, которого не может не осуждать в другом. Допустить себя до раздражительности, значит допустить в себе тот же порок, который за минуту осуждал в другом. «Не врачуйте зла злом, – говорит он, – не старайтесь превзойти друг друга в бедствиях. В недобрых борьбах злосчастнее тот, кто победил, потому что с победы приносит больше греха. Не будь собирателем худой дани и еще более лукавым воздаятелем лукавого долга. Обидел тебя разгневанный? Останови зло молчанием. А ты гнев его, как поток, приняв в собственное свое сердце, подражаешь ветрам, которые противным своим дуновением отбрасывают назад, что принесено. Не бери врага в учителя себе, не ревнуй о том, что ненавидишь. Не будь для гневного как бы зеркалом, показывая в себе его образ. Он багров, а ты разве не раскраснелся? У него глаза налились кровью, но скажи мне, и в твоих глазах видна ли тишина? Его голос суров, но и твой кроток ли? Пустынное эхо не отзывается говорящему с такой полнотой, с какою обиды возвращаются укорителю? Справедливее же сказать: эхо повторяет, что скажешь сам ты, а укоризна возвращается с прибавкой. Ибо, что говорят друг другу ругатели? Один скажет: ты подл и подлого рода; другой ответит: а ты раб у рабов. Один назовет нищим, другой бродягой; один невеждой, другой – глупцом и так далее, пока не станет уже обидных слов, как стрел в колчане. А потом, когда расстреляны языком все

укоризны, переходят уже к мщению самым делом. Ибо раздражение возбуждает ссору, ссора родит укоризны, укоризны родят драку, драка – раны, и от ран нередко бывает и смерть».

Непривыкшие владеть собою говорят: невозможно не оскорбляться, когда оскорбляют разными поносными словами, это выше сил человеческих. – Но от чего же, можно сказать таковому в ответ, ты сделался бессильным? Конечно от того, что допустил прежде расслабить себя самолюбием и чрезмерною гордостью. Если бы ты обладал христианским смирением и сознанием действительного своего нравственного бессилия: тогда самые оскорбительные слова почел бы не более, как выражением того, что в тебе действительно сокрыто». Но обратимся опять к св. Василию, чтобы получить от него совет, как в подобных обстоятельствах нужно действовать и как рассуждать. «Остановим зло, – говорит он, – в первом его начале, всеми мерами истребляя в душе гнев. В таком случае будем в состоянии вместе с этою страстью подсечь, как бы в корне и в начале, большую часть худого. Укорил он тебя? а ты благословляй. Бил? а ты терпи. Презирает и за ничто почитает он тебя? а ты приведи себе на мысль, что из земли ты составлен и в землю опять разрешишься. Кто ограждает себя такими рассуждениями, тот найдет, что всякое бесчестие меньше действительности. Через это и врагу невозможным сделаешь мщение, показав, что не уязвляют тебя укоризны и себе предуготовишь великий венец терпения, когда бешенство другого обратишь в повод к собственному своему любомудрию. Поэтому, если послушаешься меня, то к обидным словам другого от себя прибавь нечто. Он назвал тебя подлым, бесславным, нигде ничего незначащим? А ты назови себя землею и пеплом. Ты не честнее отца нашего Авраама, который так себя называет (Быт. 18, 27). Он назвал тебя невеждою, нищим, человеком ничего не стоящим? А ты, говоря словами Давида, скажи о себе, что ты червь и ведешь начало от гноища (Пс. 21, 7). Присовокупи к сему прекрасный поступок Моисея. Укоренный Аароном и Мариамой, не жаловаться на них стал он Богу, но молиться за них. Чьим учеником желаешь ты лучше

быть? Мужей ли богоугодных и блаженных или людей, исполненных духом лукавства»?

Далее св. Василий указывает на размышление о нравственном достоинстве слова, готового вылететь из уст при первом движении гнева, как на средство умирить свой возмущенный дух, и вместе отмстить врагу, показав ему долготерпением свою неуязвимость от его стрел. «Когда смущает тебя, – говорит он, – искушение сказать укоризненное слово, представь, что должен ты решить о себе: приблизиться ли тебе к Богу долготерпением, или через гнев передаться на сторону противника? Дай время своим помыслам избрать благую часть. И врагу, или окажешь некоторую пользу примером кротости или сильнее отмстишь презрением. Может ли что быть для него болезненнее как видеть, что враг его выше обид? Не теряй благоразумия и не попускай, чтобы обидчики могли приблизиться к тебе. Пусть он без пользы на тебя лает и надрывает сам себя. Кто бьет не чувствующего боли, тот сам себя наказывает, потому что и врагу не отмщает и своего раздражения не успокаивает; и кто оскорбляет человека словами не трогающегося укоризнами, тот не может найти удовлетворения своей страсти, а напротив того, как сказал я, разрывается с досады».

Самолюбивые, но неразумные, в свое оправдание говорят: я бы еще стерпел обиду, если бы он сказал мне один на один, но он нанес мне оскорбление при посторонних лицах. Такого оскорбления я уже не могу сносить. – Но почему же?... Если посторонние лица – добрые и благоразумные люди; ты при них-то и покажи, что ты заслуживаешь лучшего мнения и что враг твой, наносящий тебе оскорбление, несправедлив. Если же ты на укоризну врага ответишь укоризною, то этим только покажешь, что ты не выше его и, следовательно некоторым образом оправдаешь его поступок. Как присутствующие, говорит св. Василий, в одобрение обиженного назовут вскоре каждого из вас? Его ругателем, а тебя великодушным; его сердитым и несносным, а тебя долготерпеливым и кротким. Он будет жалеть о том, что говорил, а ты никогда не будешь раскаиваться в добродетели. Нужно ли говорить много? Ему укоризны его

заградили царствие небесное. Ибо досадители царствия Божия не наследят (2Кор. 6, 10). А тебе молчание уготовало царство. Ибо претерпевый до конца, той спасен будет (Мф. 10, 22). А если отмщаешь и на укори́зны отвечаешь укори́знами: что скажешь в свое оправдание? То, что раздражил тебя начавший ссору? Но достойно ли это какого извинения? Блудник, который слагает вину на блудницу, что она побудила его ко греху, не меньшему за это подвергается осуждению. Нет и венцов, где нет противоборников; нет и поражений, где нет противников. Выслушай, что говорит Давид: внегда востати грешнику предо мною, не раздражался, не отмщал я, но онемех и смирихся, и умолчах от благ (Пс. 32. 2–3). А ты сам огорчаешься укори́зною, как чем-то худым, но опять и подражаешь ей, как чему-то доброму. И вот стал виновен в том же, что осуждаешь. Или в чужой порок всматриваешься внимательно, а что гнусного в тебе, то ставишь ни во что? Обида разве не худое дело? Бегай же подражания. А того, что начал ссору другой, конечно, недостаточно к извинению. Поэтому, как сам себя уверяю, справедливее противнику твоему негодовать на тебя за то, что не видел от тебя уцеломудривающего примера. Видя, как безобразен разгневанный, ты не остерегся от подражания ему, напротив того, сам негодуешь, сам раздражаешься, сам гневаешься и страсть твоя служит извинением предупредившему тебя. Ибо тем, что делаешь и его освобождаешь от вины и себя самого обвиняешь. Если раздражение не хорошо, почему не уклонился ты от худого? А если заслуживает оно снисхождение, почему негодуешь на раздраженного? Поэтому, если ты и не первый стал мстить, это ни мало тебе не поможет. В подвигах, за которые увенчивают, венчается не начавший борьбу, не победитель. Потому и осуждается не только предначавший худое дело, но и тот, кто за лукавым вождем последовал в грех».

Далее за сим св. Василий показывает, что и обижаться укори́знами раздраженного человека не бывает причины. Он или лжет, своими укори́знами указывая в тебе такие недостатки, которых в тебе нет, и таким образом показывает только или свою слепоту или злонамеренность; следовательно, во всяком

случае, выражает только свое несовершенство и нравственное безобразие; или указывает тебе на те недостатки, которыми ты в действительности обладаешь, следовательно, представляет тебе случай и побуждение заняться их устранением, и в таком случае заслуживает признательности, а не ответной брани.

Так как причиной скорби, производимой в нас укоризнами другого, всегда бывает живущая в нас гордость и порождаемые ею высокое мнение о себе и пренебрежение к другим: поэтому св. Василий, желая сделать нас невозмутимыми, советует уничтожить основные причины скорби, порождаемой укоризнами. «Истреби в себе две мысли, говорит он: не признавай себя достойным чего-либо великого и не думай, чтобы другой какой человек был многим ниже тебя по достоинству. В таком случае наносимые нам бесчестия никогда не приведут нас в раздражение. Ужасно, если человек благодетельствованный, обязанный величайшими милостями, при неблагодарности своей, наносит своему благодетелю обиду и бесчестие. Ужасно это, но здесь больше вреда тому, кто делает, а не кто терпит. Пусть он обижает, но ты не обижай. Слова его да будут для тебя упражнением в любомудрии. Если они не трогают тебя, это значит, что ты неуязвим. А если и страждет несколько душа, удержи прискорбное внутри себя. Ибо сказано: во мне смятется сердце мое (Пс. 142, 4), то есть, страсть не выказалась наружу, но усмирилась, подобно волне разбившейся внутри берегов. Успокой свое лающее и рассвирепевшее сердце. Пусть страсти твои устыдятся присутствия в тебе разума, как резвые дети стыдятся пришествия достопочтенного мужа. Поэтому, как избежим вреда, причиняемого нашею гневливостью? – Так, если внушим своей раздражительности не предупреждать рассудка, но прежде всего позаботимся, чтобы она никогда не шла вперед мысли... Раздражительная сила души пригодна нам еще для многих дел добродетели, когда она, подобно какому-то воину, сложившему оружие перед вождем, с готовностью подает помощь, где приказано и споборствует разуму против греха... Поэтому, что Творец дал нам ко спасению, того не будем обращать для себя в повод ко греху. В таком случае и

раздражительность, приводимая в действие, когда должно и сколько должно, производит мужество, терпение и воздержание; а если действует вопреки здравому разуму, обращается в бешенство»¹⁶⁷.

Указав далее на ветхозаветных ревнителей правды Божественной, каковы Моисей, Финеес и Илиия пророк, которые, гневаясь на нечестие, не согрешали своим гневом, советует, однако же быть снисходительным к раздраженному брату, как невольному орудию врага наших душ и даже сожалеть о нем, представляя вечную гибель его души, если не освободится от греха до исхода из сей жизни.

Беседа о зависти. Вообще мало обращают внимания люди на эту страсть и завистливого не считают в числе особенно порочных людей и потому редко преследуют его своим судом и осуждением. Но в действительности зависть есть величайшее зло. Зависть, как всякая страсть, отчуждая человека от Бога, подчиняет его влиянию и власти дьявола; кроме того, завистливый человек, по свойству и состоянию своей души, стоит даже ниже человека мстительного и грабительного. Мстительный человек питает зло в душе только к тому человеку, который сделал ему зло, следственно в его поступке по ложному пониманию дела и обязанностей любви к ближнему сокрывается чувство самосохранения; мстительный человек как бы только желает оградить себя от зла на будущее время отражая зло злом и свою злобу ограничивает только одним лицом, причинившим ему вред. Но завистливый питает в душе зло ко всем, которые чем-либо превосходят его даже к тем, которые делают ему добро. Грабитель скорее удовлетворит своей алчности, ограбив одного или двух богатых людей, а завистливый никогда не удовлетворится, пока не увидит всех ниже себя во всех отношениях. Завистливый человек менее обращает на себя внимания потому только, что он менее причиняет другим зла по своему бессилию и крайней осторожности; но сам в себе рассматриваемый без отношения к другим, он есть существо, всецело проникнутое одним злом ко всем, чем-либо превосходящим его.

Св. Василий Великий, желая охранить людей от этой губительной страсти, от этой ржавчины, истребляющей в душе все доброе, прежде всего, показывает откуда ведет свое начало эта страсть и чем поддерживается в душе человека. «Бог благ, – говорит он, – и подает блага достойным; диавол лукав и способствует в грехах всякого рода. И как за благим следует беззавистность, так за диаволом всюду ходит зависть. Будем же остерегаться этой страсти – зависти, чтобы не стать нам сообщниками в делах сопротивника, и впоследствии не подвергнуться одному с ним осуждению. Если разгордевшийся в суд впадает диавол (1Тим. 3, 6), то завистливому как избежать наказания уготованного диаволу?»

«Другой страсти, более пагубной, чем зависть, и не зарождается в душах человеческих. Она менее вредит посторонним, но первое и домашнее зло для того, кто имеет ее. Как ржавчина изъедает железо, так зависть душу, в которой живет она. Лучше же сказать, как об ехиднах говорят, что они рождаются, прогрызая рождающую их утробу, так и зависть обыкновенно пожирает душу, которая ею мучится».

«Зависть есть скорбь о благополучии ближнего. Поэтому у завистливого никогда нет недостатка в печалях и огорчениях. Урожай ли на поле у ближнего? дом ли изобилует всеми житейскими потребностями? или нет у него недостатка в радостях? Все это пища болезни, все увеличивает страдания завистливого. Поэтому ни мало не разнится он с человеком, который ничем не покрыт и в которого все мечут стрелы. Мужествен ли кто или хорошо сложен телом? Это поражает завистливого. Красив ли другой лицом? Это новый удар завистнику. Такой-то превосходит многих душевными преимуществами, обращает на себя взоры и возбуждает соревнование своим благоразумием и силою слова; другой богат, славится щедростью подаяний и общительностью с нуждающимися, ему много похвал от облагодетельствованных. Все это удары и раны, наносимые в самое сердце завистнику».

«Завистливый несчастнее всякого одержимого каким-либо тяжким телесным недугом и истаевающего от какой-либо душевной скорби. Таковые страдалцы могут по крайней мере

высказать свою скорбь другому и получить от него или действительную помощь к облегчению своих страданий, или услышать отрадное для души слово участия в его скорби. Но завистливый, сам хорошо понимая преступность своей страсти, никому не осмеливается высказать своей душевной скорби и яд сокрытый в душе, не имея возможности излиться наружу, истлевает прежде всего душу завистника. Но всего мучительнее в этой болезни, – говорит св. Василий, – что завистливый не может открыть ее. Хотя потупляет он глаза, ходит унылый, смущенный, жалуется, погиб во зле; однако же, когда спросят о страдании, стыдится сделать гласным свое несчастье и сказать: я человек завистливый и злой; меня сокрушают совершенства друга; сетую о благодушии брата; не могу видеть чужих совершенств; напротив того, благоденствие ближнего считаю для себя несчастьем. Так надлежало бы сказать ему, если бы захотел говорить правду. Но поскольку не решается высказать сего, то в глубине удерживает болезнь, которая гложет и снедает его внутренности. Поэтому не принимает он врачующего болезнь, не может найти никакого врачевства, избавляющего от страданий, хотя Писания полны таких целительных средств. Напротив, он ждет одного утешения: в бедствии видеть падение кого-либо из возбуждающих его зависть. Один предел ненависти – увидеть, что внушавший зависть из счастливого стал несчастным, и возбуждавший соревнование сделался жалким. Тогда примиряется и делается другом, когда видит плачущим, встречает печальным. С веселящимся не веселится вместе, но с сетующим проливает слезы. И если оплакивает переворот жизни, по которому человек из такого счастья впал в такое несчастье, то не из человеколюбия, не из сострадательности хвалит прежнее его состояние, но чтобы более тягостным сделать для него бедствие. По смерти сына хвалит его, превозносит тысячами похвал, что он был и прекрасен и понятен к учению и способен ко всему: а если бы младенец был жив, язык не вымолвил бы о нем доброго слова. Как скоро видит, что многие с ним вместе начинают хвалить, опять переменяется, опять начинает завидовать умершему. Дивится богатству по разорении.

Телесную красоту или силу и здоровье хвалит и превозносит уже после болезней. Но вообще, он враг того, что есть, и друг того, что погибло. Что же может быть пагубнее этой болезни? Это порча жизни, поругание природы, вражда против того, что дано нам от Бога, противление Богу. Что виновника зла – демона вооружило на брань против человека? Не зависть ли? Завистью явно изобличил себя богоборец, когда вознегодовал на Бога за щедрые дары Его к человеку, но отмстил человеку, потому что не мог мстить Богу. То же делающим оказывается и Каин – первый ученик диавола, научившийся у него и зависти и убийству – этим сродственным между собою беззакониям, которые сочетал и Павел, сказав: исполненных зависти, убийства (Рим. 1, 29). Что же сделал Каин? Видел честь от Бога и воспламенился ревностью, истребил отмеченного честью, чтобы оскорбить Почтившего. Не имея сил к богоборству, впал в братоубийство. Будем же избегать сего недуга, который делается учителем богоборства, матерью человекоубийства, нарушением естественного порядка, забвением родства, бедствием самым неописанным».

Упомянув далее о том как зависть, возбужденная в Сауле прекрасными качествами души Давида и тем добром, которое он делал ему, побуждала его к вражде и преследованию кроткого юноши, св. Василий говорит: «зависть есть самый непреодолимый род вражды. Других недоброжелателей делают несколько кроткими благотворения. Завистливого же и злонравного еще более раздражает сделанное ему добро. Чем больше видит он себе благодеяний, тем сильнее негодует, печалится и огорчается. Он более оскорбляется силою благодетеля, нежели чувствует благодарность за сделанное для него. Какого зверя не превосходят завистливые жестокостью своих нравов. Не превышают ли свирепостью самого неукротимого из них? Псы, если их кормят, делаются кроткими; львы, когда за ними ходят, становятся ручными. Но завистливые еще более свирепеют, когда оказывают им услуги».

«Что соделало рабом благородного Иосифа? Не зависть ли братьев? Потому и достойно удивления неразумие этого недуга. Убоявшись исполнения снов, продали брата в рабство. Но если

они справедливы, можно ли сделать, чтобы предвещаемое ими вовсе не исполнилось? А если сонные видения лживы, в чем завидует обманувшемуся? Но вот по Божию смотрению, мудрость их обращается в ничто. Чем думали воспрепятствовать исполнению предвещения, тем самым как оказалось, проложили путь событию. Если бы не продан был Иосиф, то не пришел бы в Египет, не подпал бы по своему целомудрию наветам похотливой жены, не был бы заключен в темницу, не свел бы знакомства со служителями Фараоновыми, не стал бы толковать снов, не получил бы за это начальства над Египтом и не поклонились бы ему братия, пришедшие к нему по недостатку в хлебе».

Обратись мыслью к величайшей зависти, оказавшейся в самом важном случае, какая по неистовству иудеев была к Спасителю! За что завидовали? За чудеса. А что это были за чудодействия? Спасение нуждающихся. Алчущие были питаемы и на Питающего воздвигнута брань. Мертвые были воскрешаемы и Животворящий стал предметом зависти. Демоны были изгоняемы и на Повелевающего демонами злоумышляли. Прокаженные очищались, хромые начинали ходить, глухие слышать, слепые видеть и Благодетеля изгоняли. Напоследок предали смерти Даровавшего жизнь, били бичами Освободителя человеков, осудили судии мира. Так на все простерлась злоба зависти. Этим одним оружием от сложения мира и до окончания века, всех уязвляет и низлагает истребитель жизни нашей диавол, который радуется нашей гибели; сам пал от зависти и нас низлагает с собою тою же страстью».

Раскрыв, как велико зло – зависть сама в себе и к каким гибельным последствиям может приводить, св. Василий советует избегать всякого общения с мужем завистливым (Притч. 2, 3. 6), чтобы не сделаться предметом его козней и зложеланий. В зависти, этом великом зле, св. Василий видит только одно добро, что она, прежде нежели успеет причинить вред другому, мучит самого обладателя ею. То разве одно похвалит кто – говорит он, – в этом зле, что чем сильнее оно действует в человеке, тем тягостнее имеющему его в себе.

Стрелы, брошенные сильно, когда попадают во что-нибудь твердое и упорное, отлетают назад к тому, кто их пустил; так и движение зависти, не делая вреда предмету зависти, наносят удары завистнику. Кто огорчаясь совершенствами ближнего, уменьшил их через это? Между тем, снедаемый скорбью, он изнуряет сам себя».

Указывая на предрассудок старых женщин, что от взора завистника может исхудать цветущее красотой тело юноши, говорит: «я отвергаю такое рассуждение... но утверждаю, что ненавистники добра демоны, когда находят в людях демонам свойственные произволения, употребляют все меры воспользоваться ими для собственного своего намерения, почему и глаза завистливых употребляют на служение собственной своей воле. Поэтому ужели не приходишь в ужас, делая себя служителем губительного демона и допустишь в себя зло, от которого сделаешься не врагом обидевших тебя, но врагом благого и беззавистного Бога? Убежим от нестерпимого зла. Оно внушение змия, изобретение демонов, посев врага, залог мучения, препятствие благочестию, путь в геенну, лишение царствия».

Но вот вопросы как узнать завистника, чтобы уклониться от общения с ним, когда он, – как уже сказано, – старается скрыть свою болезнь от постороннего взора? Страсть какая бы то ни была, достигши известной степени развития, волей или неволей проявляется и во взорах и в слове обладаемого ею и от наблюдательного взора постороннего лица не может долго скрываться. Святой Василий, как много пострадавший от коварства и злобы завистников и имевший потому возможность наблюдать за разными проявлениями зависти в своих недоброжелателях, указывает и признаки, по которым можно узнавать завистника. «Завистливых, – говорит он, – можно узнавать несколько и по самому лицу. Глаза у них сухи и тусклы, щеки впалы, брови нависли, душа возмущена страстью, не имеет верного суждения о предметах. У них непохвальны ни добродетельный поступок, ни сила слова, украшенная важностью и приятностью, ни все прочее достойное соревнования и внимания. Как коршуны, пролетая многие луга,

множество мест приятных и благоухающих, стремятся к чему-либо зловонному и как мухи, минуя здоровое, поспевают на гной: так завистливые несмотря на светлость жизни, на величие заслуг, нападают же на одно гнилое. И если случится в чем оступить (как часто бывает с людьми), они разглашают это, хотят, чтобы по одному этому узнавали человека, как и недобрые живописцы лицо изображаемого ими на картине отмечают искривленным носом или каким-либо рубцом, или другим недостатком природным, – либо происшедшим вследствие болезни. Они искусны сделать презренным и похвальное, перетолковать в худую сторону, и оклеветать добродетель, представив ее в виде порока с ней смежного: мужественного называют дерзким, целомудренного нечувствительным, справедливого жестоким, благоразумного коварным. Кто любит великолепии, на того клеветают, что у него грубый вкус; о щедром говорят, что расточителен, и о бережливом опять, что он скуп. И вообще, всякий вид добродетели не остается у них без такого имени, которое заимствовано от противоположного порока».

Но указать на болезнь, показать даже опасность ее для жизни – немного еще значит. Через это только может усилиться тягостное состояние больного, но не уврачуется он от того. Долг доброго врача и показать опасность болезни, чтобы в больном пробудить желание к лечению себя, и вместе преподать действительные средства к лечению от опасного недуга. Святой Василий добрый врач и потому показав гибель для души от смертоносной язвы, именуемой завистью, преподает вместе действительнейшие средства к лечению от оной уже зараженных, и к предохранению от заразы еще здоровых. «Что же? Как можем, – спрашивает он, – или никогда не страдать сею болезнью, или подпав ей избежать ее? Во-первых, можем если из человеческого не будем ничего почитать великим и чрезвычайным, ни то, что люди называют богатством, ни увядающей славы, ни телесного здоровья, потому что не в преходящих вещах поставляем для себя благо, но призваны мы к причастию благ вечных и истинных. Поэтому недостойны еще нашего соревнования богатый ради его богатства, властелин

ради величия его сана, мудрый ради обилия в слове. Это – орудия добродетели для тех, которые пользуются ими хорошо, но сами в себе не заключают блаженства. Потому жалок, кто пользуется сим худо, подобно человеку, который взяв меч для отмщения врагам, добровольно им ранит сам себя. А если кто распоряжается настоящими благами хорошо и как должно, если остается он только приставником даруемого от Бога, и не для собственного наслаждения собирает сокровища; то справедливость требует хвалить и любить такового за братолюбие и общительность нрава. Опять, кто отличается благоразумием, почтен от Бога даром слова, кто истолкователь священных словес; не завидуй такому и не желай, чтобы умолк когда-нибудь пророк священного слова, если по благодати Духа сопровождают его какое-либо одобрение и похвала слушателей. Твое это благо, тебе через брата посылается дар учения, если хочешь принять его. Притом, никто не заграждает источника ключевой воды, никто не закрывает взоров от сияющего солнца, никто не завидует им, но всякий желает и сам насладиться с другими. Почему же, когда духовное слово точится в Церкви и благочестивое сердце изливает струю дарований Духа, не преклоняешь с веселием слуха, не приемлешь с благодарностью пользы, а напротив того рукоплескание слушателей угрызает тебя и ты желал бы, чтобы не было ни того, кто получает пользу, ни того, кто хвалит? Какое извинение будет иметь это перед Судиею сердец наших? Правда, что душевное благо надобно почитать прекрасным по природе, но если кто превосходит других богатством, не низко думает о могуществе и телесном здоровье, впрочем, что имеет, пользуется тем хорошо: то и его должно любить и почитать как человека, обладающего общими орудиями жизни, если только распоряжается он ими как должно, щедр в подаении денег нуждающимся, собственными руками служит немощным, все же прочее что ни имеет, не более почитает своею собственностью, как и собственностью всякого нуждающегося. А кто не с таким расположением принимает сии блага, того должно признавать более жалким, нежели достойным зависти, если у него больше случаев быть худым. Ибо это значит погибать с большими

пособиями и усилиями. Если богатство служит напутствием к неправде, то жалок богач. А если оно служит к добродетели, то нет места зависти, потому что польза богатства делается общею для всех, разве кто в избытке лукавства станет завидовать и собственным своим благам. Вообще же, если прозришь рассудком выше человеческого и устремишь взор к истинно прекрасному и похвальному, то очень будешь далек от того, чтобы достойным ублажения и соревнования признать что-нибудь тленное и земное. А кто таков и не поражается мирскими величиями, к тому никогда не может приблизиться зависть».

«Но если непременно желаешь славы, хочешь быть виднее многих и не терпишь быть вторым (ибо и это бывает поводом к зависти), то честолюбие твое, подобно какому-то потоку, направь к приобретению добродетели. Ни под каким видом не желай разбогатеть всяким способом и заслужить одобрение чем-либо мирским. Ибо это не в твоей воле. Но будь справедлив, целомудрен, благоразумен, мужествен, терпелив в страданиях за благочестие. Таким образом, спасешь себя и при больших благах приобретешь большую знаменитость; потому что добродетель от нас зависит, и может быть приобретаема трудолюбивым; а большое имение, телесная красота и высота сана не от нас зависят. Поэтому если добродетель есть высшее и достаточное благо и по общему всех признанию имеет предпочтение, которой не может быть в душе, то к ней должны мы стремиться, – к добродетели, которой не может быть в душе, не очищенной как от прочих страстей, так особенно от зависти.

Попечительность св. Василия о клире не ограничилась только предписаниями хорепископам; но заботясь о возвышении нравственного состояния всего вообще духовенства, он входил и в непосредственные сношения с пресвитерами, внушая им не только ничего не допускать в своих действиях неприличного их сану, но и не допускать даже и таких действий, которыми бы пользуясь, люди неблагонамеренные могли разглашать неблагоприятные толки в соблазн многим простым и легковверным душам. Пресвитерами позволялось быть и лицам неженатым, которые впрочем, принимали на себя обязательство никогда уже не вступать в

супружескую жизнь, но оставаться девственниками. Из таковых пресвитеров некоторые для ведения по дому хозяйства или под видом ведения хозяйства, имели в своем доме посторонних женщин. И в Кесарийской епархии оказался таковой пресвитер, которому св. Василий на основании правила Никейского собора внушал удалить из своего дома женщину. Пресвитер же, вместо бесспорного повиновения своему Архиепископу усиливался только отклонить от себя обвинение в греховой связи с нею указанием на свои преклонные лета. Но св. Василий, простирая свою заботливость не на него одного, но имея в виду немощную совесть и тех, которым его поступок мог подавать повод к соблазну, написал ему заслуживающее внимания письмо. «Со всем терпением читал я твое письмо и дивился, – писал св. Василий пресвитеру, – почему, когда мог ты коротко и легко оправдываться в деле, намереваешься оставаться при том в чем обвинен и стараешься многословием уврачевать неисцелимое. Не мы первые и не мы одни, Перигорий, узаконили, чтобы женщины не жили вместе с мужчинами. Но прочти правило, изданное святыми отцами нашими на Никейском соборе, которое явно запретило иметь синизактов. Безбрачная жизнь тем и почтенна, что мужчина удаляется от сожительства с женщиною. Почему, если кто, неся на себе обет по имени, на деле поступает, как живущие с женами: то явно, что он только в наименовании домогается чести девства, но не воздерживается от неблагопристойных удовольствий. Тебе тем с большим удобством надлежало уступить моему требованию, что как говоришь, свободен ты от всякой плотской страсти. Да и не думаю, чтобы семидесятилетий стал жить вместе с женщиною по страсти и определенное мною определено не потому, что делается что-либо непотребное, но потому, что научены мы Апостолом не полагати преткновения брату в соблазн (Рим. 14, 15). Знаю, что делаемое одними разумно, для других служит поводом ко греху. По этой причине, следуя постановлению св. отцов, повелел я тебе разлучиться с сею женщиною. Для чего же винишь хорепископа и упоминаешь о давней вражде? Для чего жалуешься на меня, будто бы охотно склоняю слух к принятию

клеветы, а не на себя самого, которому трудно отстать от привычки к женщине? Поэтому удали ее из своего дому и помести в монастыре. Пусть она живет с девами, а тебе прислуживают мужчины, чтобы имя Божие не было хулимо вас ради. А пока так поступаешь, не принесут тебе пользы тысячи отговоров, какие делаешь в письмах, но кончишь жизнь праздным и отдашь отчет Господу о своей праздности. А если не исправившись, осмелишься удерживать при себе священство, то будет анафема всему народу и кто примет тебя, те будут провозглашены отлученными во всей Церкви»¹⁶⁸.

При такой попечительности св. Василия о клире своей Церкви, духовенство кесарийское в большей части своих представителей, поднялось на такую степень нравственного совершенства, что посторонние епископы и города просили его пресвитеров и для своих церквей, а некоторых даже и возводили на епископские кафедры, как можно видеть из писем св. Василия. Мы находим не лишним ознакомить наших читателей с письмами св. Василия, касающимися этого предмета, чтобы дать понятие о том, каково было кесарийское духовенство и каких пресвитеров св. Василий признавал достойными епископского сана. Епископ Иннокентий, чувствуя приближение к смерти, просил св. Василия принять на себя попечение о его Церкви или прислать ему какого-либо пресвитера, который бы достоин был быть его преемником. Св. Василий в ответ на его письмо писал: «сколько рад я был, получив письмо любви твоей, столько же опечалился, что наложил ты на меня бремя заботы, превышающей силы мои. Ибо как буду в состоянии из такого отдаления с успехом распорядиться таким множеством дел? Пока Церковь имеет еще вас, она покоится как бы на собственных своих опорах. А если Господь устроить что-нибудь о вашей жизни, то кого равночестного вам здесь могу послать для попечения о братии? Чего требовал ты в письме, это дело прекрасное и благоразумное: желаешь при жизни знать, кто будет по тебе управлять избранным стадом Господним; и блаженный Моисей желал знать это и узнал. Но поскольку город велик и знатен и труд твой пресловут у многих, времена же трудные по причине

непрестанных бурь и волнений, воздвигающихся на Церковь, потребен кормчий сильный: то почел я небезопасным для души своей распорядиться сим делом неосмотрительно, особливо припоминая писанное тобою, что станешь против меня перед Господом и будешь судиться со мною за нерадение о Церквах. Итак, чтобы не вступить с тобою в суд и лучше найти в тебе сообщника к оправданию моему перед Христом, обзрев весь сонм градских пресвитеров, избрал я честнейший сосуд, воспитанника блаженного Гермогена, который на великом Соборе написал великое и непререкаемое исповедание веры, много уже лет пресвитерствующего в церкви, постоянного нравом, сведущего в церковных правилах, строгого в вере, доныне пребывающего в воздержании и подвижничестве, хотя непрерывность суровой его жизни измождала уже тело его, человека бедного, у которого нет никаких прибытков в этом мире, почему и хлеба не имеет в достатке, но трудами рук вместе с братьями с ним живущими, добывает пропитание. Его-то решаюсь послать. Итак, если тебе нужен такой человек, а не другой кто моложе летами и годный только для одного, чтобы послать куда и исправить житейские потребности, то благоволи скорее написать при первом случае, чтобы послал я к тебе сего мужа, подлинно Божия избранника, способного к делу, почтенного для собеседующих с ним и с кротостью вразумляющего противомыслящих»¹⁶⁹.

По просьбе жителей города Саталы, препровождая к ним на кафедру епископскую мужа, украшенного всеми доблестными качествами, потребными для достойного прохождения епископского служения, просит и их «своею услужливостью ему утешить его сердце, чтобы забыть ему родину, забыть родных, забыть народ, столько же привязанный к его покровительству, сколько недавно рожденный младенец привязан к матерним сосцам»¹⁷⁰.

Что св. Василий, бывши еще пресвитером, вводил понемногу в церковное богослужение, то привел в совершенный порядок, взошедши на кафедру архиепископскую. Чтобы дух предстоящих в храме не утомлялся однообразным чтением псалмов, св. Василием введено пение их всем народом и это

придавало особенную торжественность богослужению и давало вместе силы народу пребывать в церкви по несколько часов без всякого утомления. На особые времена дня и ночи, как можем видеть из его послания к Неокесарийцам, назначались особые псалмы, сменяемые особо составленными св. Василием молитвами. Порядок богослужения утреннего и вечернего, равно как и литургия, составленная св. Василием, скоро вошли в употребление во всех церквах на Востоке. Если бы и ныне вместо пения разных песен, распаляющих только юношеские страсти, приучали детей с раннего возраста петь псалмы и вместе с обучением их разным языкам, старались знакомить их с церковно-славянским языком: то и ныне и юноши и зрелые мужи не стали бы тяготиться кажущеюся продолжительностью церковной службы. А за отсутствием этих добрых правил, многие после шестидневного праздномыслия, соединенного с суетною или прямо вредною для нравственности деятельностью, неохотно пришедши в храм Господень в воскресный день, с нетерпением ждут окончания церковной службы и причину их расслабления духовных сил стараются отыскивать не в оскудевших душах духа благочестия, а в непонятности церковно-служебного языка. Сколько времени употребляется юношами и девами на изучение иностранных языков, которые не приносят никакой пользы их душам, а по большей части только служат удовлетворением суетности и тщеславию! Если бы, хотя десятую долю этого времени, употребляли на изучение церковно-славянского языка, то служба церковная и все молитвословия не казались бы кимвалом звяцающим, не сообщаящим душе ни мысли благой, ни благочестивого чувства.

Как ни благотворны были для народа все нововведения св. Василия в церковном богослужении, но и в его время нашлись люди неблагонамеренные, которые желая прикрыть нечестие своих убеждений и действий, выставляли поводом к прекращению с ним общения его нововведения в церковной службе. Из собственных писаний св. Василия видно, что кесарийский Пастырь имел в свое время дело с Неокесарийцами такое же неприятное, какое наши пастыри

вынуждены иметь с мнимыми ревнителями старых обрядов. Неокесариицы не хотели сообщаться с главною своею Церковью, – Церковью кесарийскою, именно за то, что св. Василий ввел в богослужение кесарийской Церкви особый чин. В письме к неокесарийцам св. Василий, вразумляя их объясняет, что антифонное пение, употребляемое по его распоряжению, известно во многих Церквах, что в Неокесарийской Церкви довольно есть такого, чего не было прежде, именно – введены молебствия, что наконец предмет соблазна их вовсе не так важен, чтобы надлежало для него разрывать узы братской любви. «Если спрашивают их, – писал он, – о причине непримиримой вражды их, они отвечают: псалмы и образ пения изменены у вас против давнего обыкновения и другое подобное выставляют, чего надлежало бы им стыдиться... Смотрите, продолжал мудрый пастырь, не оцеживаете ли вы комара, занимаясь тонкими исследованиями звуков голоса, употребляемых в псалмопении и между тем, нарушая важнейшие заповеди!» Указав Неокесарийцам на то, что и у них есть новость, св. Василий далее говорит: «не обвинение вам говорю, потому что желал бы, чтобы все вы жили в слезах и непрестанном покаянии. И мы не иное что делаем, как молебствуем о грехах наших, с тем только различием, что умилоствляем нашего Бога не человеческими речениями, как вы, но словами Духа Святого»¹⁷¹.

Так мудрый кесарийский Пастырь рассуждал о старом и новом обряде! Так вразумлял он тех людей, которые за обряды, за буквы готовы расторгать союз Церкви, потерять закон любви, самый святой закон христианства. О! когда бы наши любители «старых обрядов» чаще повторяли слова мудрого Пастыря или лучше самого Христа Спасителя: смотрите, не оцеживает ли вы комара! Они познали бы дух истинной, святой старины; они бы поняли, что древнее всего в Церкви Христовой – любовь, а не обряд и что обряды вводила в Церковь мудрая любовь, вникающая в нужды человеческие как общие, так и принадлежащие тому или другому времени; они бы увидели, что и учреждения, одобренные примером такого учителя, каков св. Григорий, епископ Неокесарийский и чудотворец, не признаны

св. Василием за неперемьные и неизмьные. Между тем, как опасно из-за обрядов отклоняться от союза с Церковью, пусть узнают это именуемые «любители старины» из примера Неокесарийцев. Неокесарийцы и не замечали тайной причины, понуждающей людей хитрых вооружать их против новых установлений великого Пастыря. Но мудрый Василий знал этих людей. В следующем году после первого письма к Неокесарийцам, возвращаясь с поместного Собора, св. Василий остановился для отдохновения в одной обители, близкой по месту к Неокесарии и находившейся под управлением брата его по плоти, блаженного Петра. Неокесарийцы, услышав об этом, пришли в волнение; хитрые люди, опасаясь за себя, поспешили разгласить между ними, что Василий силою хочет вводить у них новый церковный чин. В письме св. Василий, объяснив Неокесарийцам случай и причину, по которым остановился он в обители, открыл им глаза на людей смущающих их: он показал им, что это – никто другие, как осужденные Церковью Савеллиане; а сим последним писал, что если не прекратят они волнений, он перед всею Церковью предаст их позору и потом неизменному суду Божию¹⁷². Так и ныне, так называемых любителей старины смущают и увлекают в пагубу или вожди слепые, не способные благоразумно рассуждать ни о каком предмете или по большей части, люди неблагонамеренные, ищущие в простоте умов и сердец народа случай к удовлетворению своих разнообразных страстей. И, о! если бы они могли понять, как быстро они стремятся к гибели, допустив в своих служебных обрядах под видом охранения старины все новое, чего не знала Церковь никогда и что ведет только к отчуждению от Бога и к растлению нравственному!

Глава VI

Св. Василий, умиротворив враждовавших против него, употребляет усилия к умиротворению и всей Восточной Церкви. Средства, употребленные им для этого. Изображение страшных бедствий, которые испытывала Восточная Церковь вследствие гонений со стороны ариан. Причины, породившие бедствия для всей Церкви. Какую имели цель враги св. Василия, приходя слушать его поучения? Беседа о смиреномудрии. Позволительно ли искать славы и какой? Может ли действительно служить к прославлению человека то, в чем он, по внушению врага, поставляет для себя славу? Какие средства к приобретению неувядающей славы? Жизнь истинно святая и богоугодная, сопровождаемая особыми благодатными дарами, дает ли право превозноситься человеку над ближним? Чем можно отогнать гордость, внушаемую диаволом человеку, истинно благочестивому? Как нужно расположить свою внешнюю жизнь, чтобы все окружающее нас служило к водворению в душе смиреномудрия?

Беседа на слова: внимли себе. К чему этими словами внушается внимательность, к внешним действиям, или и к внутренним расположениям души? Грех, совершенный только в сердце, подвергает ли такой же ответственности, как и выраженный во внешнем действии? Почему внутренние расположения души заслуживают большей бдительности с нашей стороны, нежели внешние действия? Каким чувством совершается наблюдение над внутренними расположениями души? Какую пользу приносит наблюдение над внутренним состоянием души? Утешение, какое может извлекать бедный и униженный человек из рассматривания самого себя и окружающей его природы. Внимательность к себе, как причина к врачеванию разнообразных страстей. Внимательность к себе самому, как путь к познанию Творца и Его невидимых свойств.

Почтение о вере. Причины, расположившие к произнесению этого поучения. Необходимость веры, вытекающая из недоступности нашему пониманию самых предметов веры. Эта

недоступность предметов веры нашему пониманию не может ли располагать к самой невнимательности к ним, как непостижимым для нашего ума? Если же дозволительно некоторое исследование этих непостижимых для ума предметов: то где предел этим исследованиям? И не может ли усиленное стремление понять непостижимое повредить самой мысли? Выяснение некоторых слов евангельских, служащих по видимому к унижению Божественного достоинства Сына Божия? Подробное изъяснение благодатных действий Духа Святого по отношению к человеку.

Беседа на слова: в начале бе Слово, и Слово бе у Бога. В этих словах Евангелиста св. Василий указывает верное средство к поражению двух еретиков – Ария и Савелия. Что нужно разуметь под словом начало? Слово начало дает ли право лишить Сына Божия одного из свойств божественных – безначальности? Наименование Сына Божия – Словом, как доказательство Его совечности Богу Отцу. Слово у Бога, как доказательство неслитности Божеских Ипостасей.

Беседа против Ариан и Савелиан. Какую цель имел диавол, возбуждая к пагубным учениям этих двух еретиков? Кто были слушатели св. Василия, – покорные ли ученики гласу своего Пастыря, или враги, отыскивающие в его словах средство к ниспровержению его самого? Учение о Духе Святом, не согласное с учением православной Церкви, не служит ли признаком отчуждения такого учителя от благодатного озарения Духом Святым?

Определение еретиков о низведении св. Василия с кафедры архиепископской и заточении его в ссылку, если он назовет в своих поучениях Духа Святого Богом. Мудрость св. Василия в доказательствах Божественного достоинства Святого Духа без наименования Его Богом. Побуждения к такой осторожности в словах. Недовольство некоторых неразумных ревнителей православия осторожностью св. Василия, и обвинение его в неправославии. Защищение его непоколебимости в православии св. Григорием Богословом и св. Афанасием Александрийским.

Умиротворив враждовавших против него епископов, возвысив до возможной степени совершенства нравственность духовенства, дав благолепным храмам величественное и в высшей степени поучительное церковное богослужение, «св. Василий, – как говорит св. Григорий Богослов, – замышляет в уме нечто большее и возвышеннейшее. Другие смотрят только у себя под ногами, рассчитывают, как бы свое только было в безопасности (если это истинная безопасность), далее же не простираются и не могут подумать или привести в исполнение ничего великого и смелого: но он, хотя во всем другом соблюдал умеренность, в этом же не знает умеренности; напротив того, высоко подняв голову и озирая окрест душевным оком, объемлет всю вселенную, куда только пронеслось спасительное слово»¹⁷³. – Что же усмотрел св. Василий, обзрев вокруг себя и простерши свой взор за пределы своей Кесарийской собственной Церкви? Его взору представилась мрачная картина. Он, к великому прискорбию своего сердца, ревнующего о славе Божией и спасении ближних, усмотрел что «пренебрегаются учения отцов, уничтожаются апостольские предания; в Церквах получают силу изобретения нововводителей; люди только хитрословят, а не богословствуют; мирская мудрость берет первенство, отринув похвалу креста; пастыри изгоняются, а на место их вводятся волцы тяжцы, расточающие стадо Христово (Деян. 20, 29); молитвенные дома стоят пусты без присутствующих, а пустыни наполняются сетующими; сетуют старцы, сравнивая древнее с настоящим, а еще более достойны сожаления юноши, не знающие, чего они лишены»¹⁷⁴. «И не одна Церковь в опасности, даже не две или три Церкви подвергаются жестокой этой буре: почти от пределов Иллирика до Фиваиды свирепствует зловредная ересь, которой лукавые семена брошены сперва злоименным Арием, глубоко же укорененные многими, которые после ариан прилежно воздвигали нечестие, произрастали теперь тлетворные плоды. Догматы благочестия извращены, уставы Церкви нарушены: любоначалие людей, не боящихся Господа, кидается за начальственными должностями и председательство открыто

уже предлагается в награду за нечестие; почему, кто произносил более тяжкие хулы, тот предпочтительнее других избирается на епископство в народе; исчезла сановитость священническая; мало людей, пасущих стадо Господне разумно, сбереженное для бедных честолюбцы непрестанно тратят на свои удовольствия и на раздачу подарков; не видно точного исполнения церковных правил; много стало свободы – грешить: ибо достигающие начальства человеческим усердием в благодарность за сие самое усердие, воздают тем, что все дозволяют в угодность грешащим. Погиб праведный суд; всякий ходит по воле сердца своего; порок не знает себе меры; народ не слушает увещаний; в предстоятелях не достает дерзновения; потому что прибретшие себе власть через людей стали рабами оказавших им милость. У иных придумано уже и оружие для междоусобной брани, именно защита православия и прикрывая частные свои вражды, выставляют на вид, что враждуют за благочестие. А другие, отклоняя от себя обличение в самых гнусных делах, доводят народ до неистовства, поощряя к взаимным спорам, чтобы общими бедствиями прикрыть свое худое состояние. Поэтому брань сия непримирима; сделавшие худое страшатся общего мира; потому что он обнаружит тайная их срама. Сверх этого неверные смеются, маловерные колеблются; вера сомнительна, неведение проливается в душе, потому что злонамеренно искажающие учение подделываются под истину. Молчат уста благочестивых, развязан всякий хульный язык, святое осквернено; здравомыслящие в народе бегут от молитвенных домов, как от училищ нечестия, и по пустыням со стенаниями и слезами поднимают руки к небесному Владыке... народ с женами, детьми и даже старцами, вне городскпх стен, под открытым небом совершают молитвы, с великим терпением перенося страдания от воздушных перемен и ожидая себе помощи от Господа. Какой плач соответствен сим бедствиям? Какие источники слез будут достаточны для стольких несчастий?»¹⁷⁵

Что же св. Василий, при созерцании этой поразительной картины бедствий всех Церквей, ограничивается ли одними слезами о страждущих и тайною молитвою к Богу об избавлении

их от облегающих скорбей? Нет, – говорит его святой друг, – примечая это, Василий не признает достаточным в безмолвии оплакивать бедствие и к Богу только воздавать руки, у Него искать прекращения обдержавших зол, а самому между тем почивать: напротив того, он вменяет себе в обязанность и от себя привнести нечто и оказать какую-нибудь помощь. Ибо, что горестнее сего бедствия? И о чем более должно заботиться взирающему горе? Когда один делает хорошо или худо: сие ничего не предвещает для целого общества. Когда целое в хорошем или худом положении; тогда по необходимости и каждый член общества приходит в подобное же состояние. Сие-то представлял и имел в виду и сей попечитель и предстатель общего блага. И поскольку, как думает Соломон заедино с самою истиною, моль костем сердце чувственно (Притч. 14, 30), и беззаботный бывает благодушен, а сострадательный – скорбен, неотступный помысел сушит его сердце: то Василий приходил в содрогание, скорбел, уязвлялся, был в положении то Ионы, то Давида, отрицаешься души (Ион. 4, 8), не давал ни сна очам, ни дремания веждам (Пс. 131, 4), заботами изнурял остаток плотей, пока не находил уврачевания злу. Он взыскует Божеской или и человеческой помощи, только бы остановить общий пожар и рассеять облегающую нас тьму».

Итак, изобретает следующее одно весьма спасительное средство. «Сколько мог, углубившись в себя самого и затворившись с Духом, напрягает все силы человеческого разума, перечитывает все глубины Писания и учение благочестия предаёт письмени. Делает возражение еретикам, борется и препирается с ними, отражает их чрезмерную наглость, и тех, которые были под руками, низлагает вблизи разящим оружием уст, а тех, которые находились вдали, поражает стрелами письмен? (или писаний?), не менее достойных уважения, как и начертания на скрижалях... Но было у него и другое средство. поскольку, как дело без слова, так и дело без исполнения равно не совершенны, то он присовокупляет к слову и содействие самых дел. К одним идет сам, к другим посылает, иных зовет к себе, дает советы, обличает, запрещает (2Тим. 4, 2), угрожает, укоряет, защищает

народы, города, людей частных, придумывает все роды спасения, всем врачует»¹⁷⁶.

При произнесении поучений св. Василием обыкновенно присутствовали в храме и православные и еретики и друзья его и враги, одни для того, чтобы почерпнуть в его поучениях назидание для себя, другие для того, чтобы уловить какое-либо слово, чтобы клеветать на него, и через клевету ослаблять спасительную силу его слова на верных. Из картины бедствий церковных, начертанной св. Василием, мы видели уже, что движущими причинами всему злу служили разнообразные страсти или гордость ума, или властолюбие, или честолюбие, или стремление в общих смутах скрыть свою порочную жизнь. Но причиной зарождения всех пагубных страстей и развития их обыкновенно служит отсутствие в душе смиренномудрия и невнимательность к самому себе, к внутренним расположениям своей души. Чтобы уврачевать зло в самом корне, св. Василий нашел нужным сказать два поучения, вполне заслуживающие и нашего внимания: поучение о смиренномудрии и на слова Писания: внемли себе (Втор. 15, 9).

В поучении о смиренномудрии св. Василий, прежде всего показывает, что стремление к славе есть стремление, вложенное в нашу душу самим Богом. И Бог, вложив это стремление в душу человека, указал и на то, что может служить к истинному прославлению его, а так же открыл путь к этой славе и дал средства к достижению оной. Но человек, вняв более гласу врага Божия – дьявола, не захотел идти медленным, но верным путем к славе, а захотел исхитить ее у Бога быстро и насильственно, объявив, так сказать, войну самому Богу через противление Его открытой заповеди. Но ложь злого советника скоро открылась. Человек, лишившись через противление заповеди Божией и той славы, которою уже был облечен по благодати Божией, скоро познал свою бесславную наготу, и сам устыдился ее. Бог однако же, по бесконечному своему милосердию, попытался было обратить падшего человека к долгу повиновения, чтобы возратить ему утраченную им славу; но оказалось, что человек так уже глубоко пал, что не способен был воспользоваться и милосердием

Божиим, и потому изгнан был из рая. – Дьявол, зная, что созданное Богом однажды не уничтожается, и потому опасаясь, чтобы человек, невольно подчиняясь прирожденному стремлению к славе, не возвратился к Богу, как единственному источнику истинной славы, указал ему на призраки славы, которыми хотел, хотя на время, утолить его внутреннюю жажду истинной славы. Человек, раз допустив омрачиться своему уму страстями, утратил познание об истинной славе, а потому и доселе гоняется только за призраками, хотя и постоянно чувствует неудовлетворенность своего желания.

Св. Василий в своей беседе о смиреномудрии положил разоблачить пустоту этих призраков, чтобы, сокрушив кумиры гордости человеческой, водворить в душе падшего человека смиреномудрие, как единственно верный путь к достижению истинной славы. «Дьявол, низложивший человека надеждою ложной славы, – говорит св. Василий, – не перестает поощрять его теми же побуждениями и изобретать для сего тысячи козней. Представляет ему чем-то важным, если обложится он деньгами, чтобы тем величаться и о том заботиться, что ни мало не ведет к славе, а великие приносит опасности, потому что приобретение денег – начало любостяжания, а обладание ими не ведет к доброй славе, но понапрасну ослепляет, попусту надмевает и производит в душе болезнь, подобную опухоли. Толщина опухших тел и не здорова и не полезна, а напротив того болезненна и вредна, в ней начало опасности, скрытая причина гибели. Тоже самое и гордость в душе. И не от одних денег рождается в человеке превозношение: люди превозносятся не одною пышностью снедей и одежд, приобретаемых за деньги, не тем одним, что устроят сверх нужды дорогие и роскошные столы, облакаются в ненужные одежды, созидают огромные дома, испещренные украшениями, водят за собою множество сопровождающих слуг и бесчисленные толпы ласкателей; но они, забывая свою природу, величаются чинами... Человека делает также дерзким сила рук, скорость ног, благообразие тела, хотя все это истребляет болезнь, истощает время... И что, по-видимому, гораздо важнее и прочнее других у человека находящихся

благ, – мудрость и благоразумие, и это ведет к суетному превозношению, доставляет высоту не истинную: потому что и сии блага вменяются ни во что, как скоро нет премудрости, которая у Бога. Ибо самому диаволу не удастся ухищрение против человека: что измышлял он против человека, то сам того не зная, устроил против себя, не столько повредив тому, кого надеялся отдалить от Бога и от вечной жизни, сколько изменив себе тем, что отпал от Бога и осужден на вечную смерть. И поставив сеть Господу, сам он уловлен ею, распят на кресте, на котором думал Его распять, умер тою смертью, которою надеялся умертвить Господа. Если же и князь мира, первый, величайший и невидимый наставник мирской мудрости, уловляется собственными ухищрениями, впадая в крайнее неразумие, то тем паче ученики и ревнители его, хотя бы тысячекратно умудрялись, глаголющиеся быти мудри, обьюродеша (Рим. 1, 22). Ухищряется Фараон на погибель Израиля: но ухищрение его неприметно разрушается от чего и не ожидал. Младенец, по его повелению преданный на смерть, тайно воспитан в собственном его доме, сокрушил силу его и целого народа и избавил израильтян. Убийца Авимелех, незаконнорожденный сын Гедеонов, умертвивший семьдесят законных сынов и думавший, что нашел мудрое средство – прочно овладеть царством, сокрушает правда, споспешников своих в убийстве, но и сам сокрушается ими и погибает наконец от женской руки и от удара камнем. И все Иудеи придумали против Господа пагубное намерение, рассуждая сами с собою: аще оставим тако, вси уверуют в Него: и приидут Римляне, и возьмут место язык наш (Ин. 11, 48). От этого намерения дошедши до христубийства в той же мысли, что спасают народ и страну, погубили его тем самым, чем намеревались спасти, и из страны изгнаны, и стали чужды и законов и богослужения. И вообще из тысячи примеров можно уразуметь, что преимущество человеческой мудрости непрочное и более маловажно и низко, нежели велико и высоко».

Потом показав, что все, что только имеем, не только внешние блага или естественные способности души, но и благодатные дары Духа Святого, суть дары милосердия Божия,

а нашу собственность составляет только грех, как произведение нашей злой воли, – внушает хранить глубокое смирение с чувством благодарности к Богу за дары Его благодати, чтобы не лишиться того, что имеем, оставшись с одною своею собственностью – грехом и осуждением за оный. – Указав далее на то, что и пламенно любившему своего Учителя апостолу Петру попущено за самонадеянность дойти до отречения, выставив еще пример фарисея, осужденного за самооправдание и мытаря, оправданного за самоосуждение, говорит: и ты никогда не превозносись ни перед кем, даже и перед великими грешниками. Смирennemудрие часто спасает и того, кто сделал многие и великие грехи. Не оправдывай себя паче другого, чтобы, оправдавшись по собственному приговору, не быть осужденным по приговору Божию.

Даже и в таком случай, если бы человек действительно имел живую веру и деятельность, соответствующую обязанностям христианина, то и в таком случае св. Василий внушает только благодарить Господа за сделанное при Его благодатном содействии, но не превозноситься перед ближним, напоминая себе чаще о своих прежних прегрешениях. «Полагаешь ли, что тобою сделано нечто доброе? Благодарите Бога, – говорит он, – не превозносись перед ближним. Сказано: дело свое да искушает кийждо, и тогда в себе точию хваление да имать, а не во ином (Гал. 6, 4). Ибо какую пользу сделал ты ближнему тем, что исповедал веру, или терпеливо нес труды поста, или претерпел изгнание за имя Христово? Не другому от этого выгода, а тебе. Бойся уподобления в падении диаволу, который вознесшись перед человеком, пал низложенный человеком и предан в поправление поправленному. Подобно сему и падение израильтян: превознесшись перед язычниками, как перед нечестивыми, действительно стали они нечисты. И правда их стала, якоже порт нечистый (Ис. 64, 6), а беззаконие и нечестие язычников заглажены верою. Одним словом, помни истинную притчу: гордым Бог противится, смиренным же дает благодать (Притч. 3, 34; Пт. 5, 5). Имей у себя под руками изречение Господне: всяк смиряйся вознесется, а возносяйся смирится (Лк. 14, 11). Не будь несправедливым судьей самого

себя, испытывай себя не льстя себе и если думаешь, что есть в тебе нечто доброе, не это одно выставляя на вид, падения же намеренно забывая, не величаясь заслугой, какую сделал сегодня, извиняя же себя в том, что делал худого за день и давно. Напротив того, когда надмевает тебя настоящее, приводи себе на память давнее, и избавишься от глупой надутости. И если увидишь ближнего в грехе: не на это одно смотри, но размысли, что сделал или делает он хорошего и нередко испытай вообще, а не в частности судя найдешь, что он лучше тебя. И Бог испытывает человека не в частности, Аз, – говорит Он, – дела и помышления их грядущи собрати. (Ис. 66, 18).

Указав за сим на то, что Господь Иисус Христос учил смирению не только словом но и делом, так что вся Его жизнь от яслей до креста была проповедью смирения, советует желающему себе спасения оставить пагубное надмение гордыни и усвоить себе спасительное смиренномудрие, ничем не пренебрегать, что может служить к утверждению в душе смиренномудрия и быть проявлением живущего уже в душе смирения. «Да будут у тебя и наружный вид, – говорит он, – и одежда, и поступь, и седалище, и состав пищи, и приготовление постели, и дом, и все домашние сосуды доведены до того, чтобы в этом не было излишеств; и слово, и песнь, и обращение с ближним да будут направлены более к скромности, нежели к надмению. Да не будет у тебя софистических прикрас в слове, чрезмерного сладкогласия в пении, речей горделивых и решительных, но во всем отсекай величавость. Будь добр с другом, кроток со слугою, непамятозлобив на дерзких, человеколюбив к смиренным, утешай злосчастных, посещай болезнующих, совершенно никого не презирай, приветствуй с приятностью; отвечай со светлым лицом, ко всем будь благосклонен, доступен, не пускайся в похвалы себе самому, не вынуждай и говорить о тебе, не принимай неприличного слова, прикрывай сколько можно свои преимущества и в грехах сам себя обвиняй и не жди обличения от других, чтобы тебе по примеру праведного, быть себе самого соглагольником в первословии (Притч. 18, 17); чтобы уподобиться Иову, который не посрамился народного множества, еже поведати перед ними

падение свое (Иов. 31, 34). Не будь тяжел в выговорах, обличай не скоро и не со страстным движением, ибо это признак высокомерия; не осуждай за маловажное, как будто сам ты строгий праведник. Впадших в погрешность принимай, исправляй их духовно, как дает совет Апостол: блюдый себе, да не и ты искушен будеши (Гал. 6, 1). Столько прилагай старание не быть прославленным от людей, сколько другие стараются быть прославленными, если только помнишь, что Христос называет ущербом награды, получаемые от Бога, произвольное выказывание себя перед людьми и делание добра с тем, чтобы видели это люди. Ибо о таковых сказано: восприемлют мзду свою (Мф. 6, 2). Поэтому не делай себе ущерба, желая быть на виду у людей. поскольку Бог – великий зритель: ищи славы перед Богом; потому что Он воздаст славную награду. Но ты удостоен первенства, люди оказывают к тебе внимание и прославляют тебя? Будь равен подчиненным, как сказано: не яко обладая причту (1Пт. 5, 3); не подражай мирским начальникам, ибо кто хочет быть первым, тому Господь повелел быть рабом всех (Мк. 10, 44). Кратко сказать: так стремись к смирennemудрию, как любитель его; возлюби смирennemудрие и прославит тебя. Таким образом прекрасно будешь восходить к истинной славе, – к славе у Ангелов, к славе перед Богом; Христос признает тебя перед Ангелами учеником Своим и прославит тебя, если будешь подражателем Его смирennemудрия. Ибо Он говорит: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим (Мф. 11, 29)¹⁷⁷.

В начале беседы на слова: внемли себе, св. Василий, показав необходимость в слове, как воплощении мысли, проявляющейся в душе по недоступности оной без слова пониманию другого, говорит: «поэтому мысль наша, как скоро получит знаменующий ее звук, перенесясь в слове как в ладье и переплыв через воздух, от говорящего переходит к слушающему. И если найдет глубокую тишину и безмолвие, то слово укрывается в слухе поучающихся как в спокойной и безмятежной пристани. Если же в слушателях, подобно

жестокой буре, восстанет смятение, слово рассеявшись в воздухе, претерпит кораблекрушение».

Чтобы не последовало подобного крушения и со словом св. Василия, содержащим много полезного для внимающих ему, приглашает слушающих доставить его слову тишину своим молчанием, так как слово истины уловляется с трудом и легко может ускользать от невнимательных.

Выясняя слова внемли себе, – говорит, – что этими словами требуется внимание не к действиям только телесным, которые как требующие для своего совершения некоторого времени, удобного случая, трудов, помощников и других пособий, не могут остаться незамеченными, но главным образом к движениям помыслов сердечных, которые проявляются мгновенно, совершаются без труда, составляются без усилий и во всякое время. И как может совершиться грех в душе человека объясняет это примером. «Иногда, – говорит он, – человек угрюмый, величающийся честностью, нося наружно личину целомудрия и нередко даже сидя среди тех, которые ублажают его за добродетель, в невидимом движении сердца уносится мыслью на место греха. Он видит в представлении предмет своих желаний, воображает какую-нибудь неблагопристойную беседу и в сокровенной храмине сердца живо и вполне начертав ясное в себе самом удовольствие, совершает внутренно грех, не имеющий свидетелей и остающийся для всех неизвестным, пока не придет Тот, Кто открывает тайная тьмы и объявляет советы сердечные (1Кор. 1, 5)».

Так как грех, совершенный только в сердце, хотя и не осуществленный на деле по недостатку благоприятных к тому обстоятельству приносит столько же вреда душе, как и самое греховное дело, поэтому св. Василий убеждает остерегаться от греховных помыслов и страстных движений сердца, чтобы не стать ниже животных, которые при приеме естественной для них пищи, руководясь одним инстинктом, умеют отличать полезную для них траву от вредной. «Всякое живое существо, – говорит он, – от устроившего все Бога, имеет в себе побуждения к охранению своего собственного состава. И если прилежно

станешь изучать, то найдешь, что большая часть бессловесных, не учась имеют отвращение от вредного и опять, по какому-то естественному влечению спешат к наслаждению полезным. Потому и нам обучающий нас Бог дал сию великую заповедь, чтобы в пособии разума нашли мы то, что у них есть от природы; и чтобы то, что бессловесными делается без размышления, у нас совершалось со вниманием при непрестанном напряжении рассудка и мы были исправными хранителями данных нам от Бога побуждений, бегая греха, как бессловесные избегают ядовитого в снедах, и гонясь за правдою, как и они отыскивают в траве питательное. Поэтому ты внемли себе, чтобы мог ты различать вредное от спасительного».

Объяснив далее, что слова внемли себе относятся не к телесным очам, внимательно всматривающимся в видимые предметы, но к умной силе души, погружающейся в созерцание бесплотного, говорит: «итак внемли себе, то есть осмотри себя со всех сторон и для охранения себя содержи неусыпным душевное око. Посреде сетей минуеши (Сир. 9, 18), врагом во многих местах поставлены скрытые тенета. Поэтому все осматривай, да спасешися яко серна от тенет, и яко птица от сети (Притч. 6, 5).

Серна неуловима тенетами по остроте зрения. А птица, когда она внимательна, по легкости крыльев становится выше злоухищрения ловца. Поэтому смотри, не окажись худшим бессловесных в охранении себя самого и запутавшись в сетях, не сделайся добычею диавола, будучи жив уловлен от него в свою его волю (Тим. 2, 26). – Итак, внемли себе, то есть внемли не тому, что твое и что около тебя, но одному себе; ибо иное – мы сами; иное – принадлежащее нам, а иное – что около нас. Душа и ум – это мы, поколику сотворены по образу Создавшего; тело и приобретаемые посредством него ощущения – это наше; около же нас имущества, искусства и прочие удобства жизни. Поэтому, что значит слово сие? Не плоти внемли, не за плотскими благами гонись всеми мерами, то есть: за здоровьем, красотою, наслаждением, удовольствиями и долголетием; уважай не деньги, не славу, не владычество; не то почитай

великим, что служит для временной жизни и в попечении о семье не будь нерадив о преимущественной своей жизни. Но внимли себе, то есть душе своей. Ее украшай, о ней заботься, чтобы своею внимательностью предотвратить всякую нечистоту, сообщаемую ей пороком, очистить ее от всякого греховного срама, украсить же и просветить ее всякою красотой добродетели. Испытай себя самого, кто ты; познай свою природу; познай, что тело твоё смертно, а душа бессмертна; что жизнь наша двояка: одна – свойственная плоти, скоропреходящая, а другая, сродная душе, не допускает предела. Поэтому внимли себе, не останавливайся на смертном, как на вечном, и не презирай вечного, как преходящего. Не радуйся плоти, потому что проходит; заботься о душе, существе бессмертном. Со всевозможным тщанием вникай в себя самого, чтобы уметь тому и другому дать полезное: плоти – пропитание и покровы, а душе – догматы благочестия, благопристойное образование, упражнение в добродетели, исправление страстей, чтобы не утучнять тебе тела, не стараться о множестве. Но поскольку плоть похотствует на духа, дух же на плоть; сия же друг другу противятся (Гал. 5, 17); то смотри, чтобы тебе, прилепившись к плоти, не уступить большего владычества худшему. Как при взвешивании на весах, если обременить одну чашку, то непременно сделаешь легкою другую противоположную ей, так бывает с телом и душою: избыточество в одном делает необходимым оскудение в другом. Когда тело в добром состоянии и не обременено тучностью, тогда ему необходимо быть слабым и недостаточным для свойственных ему действий. А когда душа благоустроена и размышлением о благах возвышена до свойственного ей величия, тогда следствием сего бывает увядание телесных сил».

В болезнях врачи советуют больным быть внимательными к себе самим и не пренебрегать ничем служащим к излечению, и лекарства употребляют, смотря по состоянию болезни или более сильные или менее крепкие. «Поэтому и ты, – говорит св. Василий, – внимли себе, чтобы по мере прегрешения получить тебе пособие от врачевания. Грех твой велик и тяжёл?

Тебе нужны долгая исповедь, горькие слезы, усиленное бодрствование, непрерывный пост. Грехопадение легко и сносно? Пусть уравниется с ним и покаяние. Только внемли себе, чтобы знать тебе здравие и болезнь души. Ибо многие от чрезмерного нерадения, впад в великие и неисцельные болезни, не знают даже и того, что они больны».

Показав необходимость внимания для всех, кому вверено какое-либо дело служения в дому Божию, внушает внимание к себе особенно тем, которые любят более обращать внимание на недостатки других, чем на свои. «Перестань, – говорит св. Василий, – со тщанием наблюдать порок в другом, не давай занятия помыслам испытывать чужие немощи, но себе внемли, то есть обрати душевное око на собственное исследование себя самого. Ибо многие по слову Господню, чуют сучец, иже в оце брата, бревна же, еже есть во оце их, не видят (Мф. 73). Поэтому не переставай исследовать себя самого, точно ли ведешь ты жизнь по заповеди... не переставай судить себя самого: не согрешил ли ты в чем помышлением? не поползнулся ли на что язык, предваряя мысль? не совершено ли в делах рук твоих что-нибудь необдуманное? И если найдешь много прегрешений в жизни своей (а найдешь без сомнения, потому что ты человек), то скажи словами мытаря: Боже, милостив буди мне грешному (Лк. 18, 13)».

Слова: внемли себе, советует иметь постоянно в мысли как доброго советника в жизни и тому кто благоденствует, живет светло и у которого жизнь несется попутным ветром, и тому кто угнетен несчастными обстоятельствами. Эти многозначительные слова первого спасут от непомерной гордости, а второму с отчаяния не попустят впасть в малодушное уныние. «Гордишься ты богатством, величаешься предками, восхищаешься отечеством, красотою телесною, воздаваемыми от всех почестями? Внемли себе, что ты смертен, что земля еси и в землю отыдеши (Быт. 3, 9). Посмотри на тех, которые прежде тебя жили в подобной знатности. Где облеченные гражданским могуществом? Где непреодолимые витии? Где распоряжавшиеся народными собраниями, знаменитые содержатели коней, военачальники, сатрапы, властители? Не

все ли прах? Не малое ли число костей осталось памятником их жизни? Загляни в гробы: можешь ли различить кто слуга и кто господин, кто бедный и кто богатый? Отличи, если есть у тебя возможность, узника от царя, крепкого от немощного, благообразного от безобразного. Поэтому, помня свою природу, никогда не превознесешься. Будешь же помнить себя, если внемлешь себе».

Обращая слово к человеку низкого рода, бедняку, немощному и приходящему в трепет перед всяким, обладающим властью и могуществом, св. Василий говорит: «не отчаивайся в себе и не теряй вовсе доброй надежды от того, что в настоящем нет для тебя ничего завидного, но возведи душу свою к благам, какие даны уже тебе от Бога и какие по обетованию уготованы в последствии. Итак, во-первых ты человек один из живых на земле тварей, богосоздан. Ужели рассуждающему целомудренно, для высшей степени благодушия, недостаточно и сего – быть созданным собственными руками все устроившего Бога? недостаточно и того, что совершенный по образу Создавшего тебя, доброю жизнью можешь достигнуть равночестия с Ангелами? Ты получил разумную душу, которою уразумеваешь Бога, проникаешь рассудком в природу существ, пожинаешь сладчайший плод мудрости... Земля и море не служат ли твоей жизни? Воздух, небо и сонмы звезд не показывают ли тебе своего стройного чина? Почему же малодушествуешь от того, что у тебя нет среброуздого коня? Но есть у тебя солнце, которое в самом быстром своем течении в продолжении всего дня носит перед тобою светильник. У тебя нет блещущего золота и серебра? Но есть луна, которая озаряет тебя своим в тысячу раз большим светом. Не вступишь ты в златокованные колесницы? Но есть у тебя ноги – это собственная и природная твоя колесница. Для чего ты ублажаешь людей, которые накопили полный карман, и чтобы перейти с места на место имеют нужду в чужих ногах? Не спишь ты на ложе из слоновой кости? Но имеешь у себя землю, которая дороже многих слонов, имеешь сладкое на ней упоение, скорый и безмятежный сон. Не лежишь ты под золотою кровлею? Но

имеешь над собою небо, сияющее неизреченными красотами звезд. Но это еще человеческое, а есть и другое, более важное. Для тебя Бог между людьми, для тебя раздаяние даров Святого Духа, разрушение смерти, надежда воскресения, Божии повеления, усовершенствующие жизнь твою, восхождение к Богу с помощью заповедей, уготованное царство небесное, венцы правды, готовые для неуклоняющихся от подвигов добродетели»!

Эта великая заповедь: внемли себе, не только охраняет от гордости и уныния, но подает силы к уврачеванию и других страстей. «Например, гнев овладел твоим рассудком, и раздражительность вовлекла тебя в неприличные речи, в жестокие и зверские поступки? Если внемлешь себе и усмиришь гнев, как упрямого и нетерпящего узды молодого коня, поражая его как бичем, ударом сего слова, то удержишь и язык, не возложишь и рук на огорчившего. Опять, худые пожелания, распаляя твою душу, ввергают ее в неудержимые и нечистые стремления? Если внемлешь себе и помнишь, что это в настоящем для тебя сладостное, будет иметь горький конец, это ныне от удовольствия происходящее в нашем теле щекотание породит ядовитого червя, который будет нас бесконечно мучить в геенне, и что это разжение плоти будет матерью вечного огня: то удовольствия, обращенные в бегство, тотчас исчезнут и в душе произойдет какая-то чудная внутренняя тишина и безмолвие, подобно тому, как в присутствии целомудренной госпожи умолкает шум резвых служанок. Поэтому и внемли себе и знай, что госпожа – разумная и духовная сила души, а служанки – сила страстная и неразумная, и что первой по природе принадлежит господство, а последние должны повиноваться и покоряться разуму. Итак, не попускай, чтобы когда-нибудь поработанный ум стал слугою страстей, и опять, не позволяй страстям восставать против разума и присвоить себе владычество души».

«Вообще же точное наблюдение себя самого дает тебе достаточное руководство и к познанию Бога. Ибо, если внемлешь себе, то не будешь иметь нужды искать следов Зиждителя в устройстве вселенной, но в себе самом, как бы в

малом каком-то мире, усмотришь великую премудрость Создателя. Из бесплотности находящейся в тебе души уразумевай, что и Бог бесплотен, знай, что Он не ограничен местом, потому что и твой ум не имеет особенного пребывания в каком-нибудь месте, находится же в месте по причине соединения с телом. Веруй, что Бог невидим, познав собственную свою душу, потому что и она непостижима телесными очами. Она не имеет ни цвета, ни вида, ни объемлется какою-либо телесною чертою, но узнается только по действиям. Потому и в рассуждении Бога не домогайся наблюдения с помощью очей, но предоставив веру уму, имей о Боге умственное понятие. Дивись Художнику, как силу души твоей привязал Он к телу, так что простираясь до его оконечностей, наиболее отдаленные между собою члены приводит в согласие и общение. Рассмотря, какая сила сообщается телу душою, и какое сочувствие возвращается от тела душе; как тело приемлет жизнь от души и душа приемлет болезненные ощущения от тела; какие в ней сокровищницы для изучаемого; от чего знание прежних наук не помрачается присовокуплением изучаемого вновь, но припоминания сохраняются неслитными и нераздельными, будучи начертаны во владычественном души как бы на медном каком столпе; как душа, поползнувшаяся в плотские страсти, губит собственную свою красоту, и как опять, очистившись от греховного срама, через добродетель, восходит до уподобления Творцу».

К познанию премудрости и благодати Творца может вести не вникание только в силы и свойства души, но и рассматривание устройства самого тела. «Внемли, если угодно тебе, по рассмотрении души и устройству тела и подивись, какое приличное виталище устроил разумной душе наилучший Художник. Из всех животных одному человеку дал Он прямое положение тела, чтобы по самому наружному виду мог ты разуметь, что жизнь твоя ведет начало свыше. Все четвероногие смотрят в землю и потуплены к чреву; а у человека взор отверст к небу, чтобы не предавался чреву и плотским страстям, но имел всецелое стремление к горнему шествию. Потом, поместив голову на самом верху тела, Бог водрузил в

ней наиболее достойные чувства. Там зрение, слух, вкус, обоняние; все они размещены вблизи друг от друга. И при таком стеснении их в малом пространстве, ни одно не препятствует действию соседнего с ним чувства. Глаза заняли самую высшую стражу, чтобы ни одна часть тела не преграждала им света и, чтобы находясь под небольшим прикрытием бровей, они могли прямо устремляться с горней высоты. Опять, слух открыт не по прямой черте, но звуки, носящиеся в воздухе, принимает в извитый ход. И высочайшая премудрость видна в том, что и голос проходит беспрепятственно, или лучше сказать, звучит, преломляясь в изгибах, и ничто отвне приходящее не может быть препятствием ощущению. Изучи природу языка, как он нежен и гибок и по разнообразию движений достаточен для всякой потребности слова. Зубы суть вместе и орудия голоса, доставляя крепкую опору языку, и вместе служат при вкушении пищи; одни рассекают, другие измельчают ее. И таким образом, рассматривая все с надлежащим рассуждением и изучая втягивание воздуха легкими, сохранение теплоты в сердце, орудия пищеварения, проводники крови, во всем этом усмотришь неисследимую премудрость своего Творца, так что и сам ты скажешь с пророком: удивися разум Твой от Мене (Пс. 138, 6)»¹⁷⁸.

Положив в основу жизни духовной смиреномудрие и внимательность к внутренней жизни души, св. Василий не удовольствовался сим. Но так как время его было время споров и пререканий о возвышенных предметах христианской веры: то он, для предохранения своей паствы и всех последователей истины православного учения от еретических заблуждений, усиливавшихся поколебать основной камень нашего спасения – божество Сына Божия, нашел нужным сказать еще три беседы: о вере, на слова: в начале бе Слово, и против Савеллиан, Ариан и Аномеев.

Еретики, по гордости ума своего, присваивали себе право с точностью определять словами свойства Божества, вследствие чего и впадали в заблуждение. Св. Василий, желая предохранить своих пасомых от еретических заблуждений, в начале беседы о вере доказывает необходимость веры самую

недоступностью предмета нашей веры – Триипостасного Бога не только для выражения его сущности или свойств словами, но и даже для понимания. «Непрестанно памятовать о Боге, – говорит он, – благочестно и в этом благолюбивая душа не знает сытости; но описывать словом божественное – дерзко, потому что и мысль далеко не досягает достоинства предмета и слово не ясно изображает представляемое мыслям. А поэтому, если и мысль наша во многом ниже великости предмета, а слово ниже и самой мысли, то как же не быть необходимым молчанию, чтобы иначе и это чудо богословия не оказалось у нас близким к опасности от низости речений? Посему, хотя во всех разумных существах природою всеяно желание славить Бога: однако же, говорить о Нем по достоинству все равно недостаточны: превосходим мы друг друга ревностью в благочестии, но никто не ослепнет до такой степени, чтобы стал почитать себя достигшим самой высоты разумения. Напротив того, чем кто более, по-видимому, преуспеет в ведении, тем более восчувствует свою немощь. Таков был Авраам, таков был Моисей».

Но уступая неуголимой жажде Церкви слушать о предметах богословия, вменяет себе в необходимость говорить о Боге сколько силы позволяют, не присваивая однако же себе смелости говорить о Боге, что такое Он Сам в Себе. «Скажем о Боге, – говорит он, – не каков Он Сам в Себе, но сколько нам о Нем говорить можно. Как потому, что не можем объять глазами всего пространства между небом и землей, не отказываемся уже и столько смотреть на него, сколько можем: так и теперь в немногие речения заключим благочестие, величину же Естества уступим победу над всяким словом. Ибо и ангельские языки, каковы бы они ни были, и архангельские, даже в совокупном соединении со всею умною природою, не могут выразить и малейшей части, не только что сравниться с целым».

И чтобы показать действительную непостижимость Естества Божественного, говорит: для того только, чтобы созерцать Бога, нужно отрешиться от всего земного, стать выше звезд небесных, подняться выше ангельских чинов. «Миновав все сие, оставив ниже своих помышлений всю тварь, возводя ум за

пределы сего, представь в мысли Божие естество неподвижное, непревратное, неизменное, бесстрастное, простое, несложное, нераздельное, свет неприступный, силу неизреченную, величину беспредельную, славу лучезарную, доброту вожденную, красоту неизмеримую, которая сильно поражает уязвленную душу, но не может по достоинству изображена быть словом».

Указав далее на общие и личные свойства Лиц Святой Троицы, обращает внимание на некоторые евангельские выражения по отношению к Сыну Божию, и убеждает не соблазняться ими и не искать в них, подобно нечестивым еретикам, повода к унижению Его перед Богом Отцом. «А что домостроительствуя спасение людей, явившись нам во плоти, говорит Он относительно к телесному устройению, называя Себя посланным (Ин. 5, 36), не могущим о Себе творить ниче соже (Ин. 5, 30), приавшим заповедь (Ин. 10, 18) и тому подобное: то сие не подает тебе повода к унижению Единородного, потому что снисхождение к твоей немощи не должно быть умалением достоинства Сильного. Напротив того, естество разумей боголепно, а уничижительные речения принимай в отношении к домостроительству».

Доказав разными местами св. Писания Божеское достоинство Святого Духа, с особенною подробностью говорит о Его благодатных действиях по отношению к человеку. «Как солнце, освещая тела и в различных видах имея их своими причастниками, не умалется от множества причащающихся, так и Дух, всем сообщая свою благодать, пребывает неумаленным и нераздельным. Всех просвещает к познанию Бога, вдохновляет пророков, умудряет законодателей, совершает священников, укрепляет царей, приводит в благоустройство праведных, украшает целомудренных, сообщает дарование исцелений, оживотворяет мертвых, разрешает узников, усыновляет чуждых. Производит сие через рождение свыше. Если возьмет мытаря верующего, делает его евангелистом (Мф. 9, 9). Если будет в рыбаке, совершает его богословом (Мф. 14, 19). Если найдет гонителя кающегося, соделывает его Апостолом языков, проповедником веры, сосудом избранным (Деян. 9, 15). Им немощные крепки, бедные

богатеют. Им невежды словом мудрее мудрых. Павел немощен, но присутствием Духа главотяжи пота тела его сообщают исцеление приемлющим (Деян. 19, 20). И сам Петр был обложен немощным телом, но по обитающей в нем благодати Духа тень, падавшая от тела его, прогоняла болезни страждущих (Деян. 5, 15). Бедны были Петр и Иоанн, потому что не имели злата и сребра, но подавали здравие, которое драгоценнее многих золотых монет. Ибо хромой, от многих получая золотые монеты, оставался еще нищим, но прияв благодать от Петра, перестал нищенствовать, скача как елень и хваля Бога (Деян. 3, 6–8). Иоанн не знал мирской мудрости, но силою Духа провещавал глаголы, в которые не может проникать никакая мудрость. Дух и на небе пребывает и землю наполняет; везде присутствует и ничем не объемлется. Всецело обитает в каждом и всецело пребывает с Богом. Не служебно преподает дары, но полновластно разделяет дарования; ибо сказано разделяет властью, коемуждо якоже хочет (1Кор. 12, 11). Хотя посылается по домостроительству, но действует свободно. – Будем молиться, чтобы пребывал Он в душах наших, и ни в какое время не оставлял нас по благодати Господа нашего Иисуса Христа»¹⁷⁹.

Беседа св. Василия на слова: в начале бе Слово (Ин. 1, 1), направлена была, как видно из ее содержания, против ариан, которые толкуя рождение Сына Божия от Бога Отца по понятиям человеческим, усиливались доказать Его появление к бытию во времени и этим самым старались лишить Его одного из Божеских свойств – безначальности, а вместе с этим низвести Его на степень твари, хотя и совершеннейшей всего созданного.

В начале бе Слово, и Слово бе у Бога, и Бог бе Слово. Показав что глубине мысли, содержащейся в этих кратких словах, дивились и обладающие мирскою мудростью, спрашивает: «что же будем делать мы, ученики Духа? Мимоходом ли выслушаем и такое только сделаем заключение, что есть в них некоторая небольшая сила? Ибо кто столько страждет бесчувственностью, чтобы не поразиться такою

красотою мысли и столько непостижимою глубиною догматов и не пожелать истинного их уразумения»?

Но пробудив, таким образом, желание проникнуть в глубину тайны сокрытой в этих словах показывает, что слишком усиленное стремление уяснить ее себе вместо пользы может нанести вред мысли как и усиленное желание рассмотреть солнце приносить только вред зрению, не уясняя самого предмета наблюдения. «Удивляться прекрасному, – говорит св. Василий, – не трудно; приобрести же точное понятие о том, что приводит в удивление, сие трудно и неудободостижимо. Ибо нет человека, который бы не превозносил похвалами и сего чувственного солнца, с услаждением смотря на его величину, красоту, соразмерность его лучей и всеозаряющий свет. Впрочем, если поупорствует с большим усилием устремить свои взоры на солнечный круг, не только не увидит желаемого, но повредит и погубит верность зрения. Чему-то подобному, как думаю, подвергнется мысль, усиливающаяся произвести подробное исследование сих речений: в начале бе Слово. Кто составит соответственное предмету понятие о начале? Какая сила речений окажется способною равносильно выразить представляемое в уме»?

«Намеревающийся передать нам богословие о Сыне Божиим положил слову своему не другое какое начало как начало всяческих. Дух Святый знал восстающих на славу Единородного; предуведал тех, которые будут предлагать нам лжеумствования, изобретаемые ими к гибели слушателей, а именно: «если Сын рожден, то не был и прежде нежели рожден, Его не было и из небытия пришел в самостоятельность». Подобное сему произносят языки, изощренные сладкоречием, паче всякого меча обоюду острого. Поэтому, чтобы никто не мог сказать подобное сему, Дух Святый, предварив Евангелием, сказал: в начале бе Слово. Если удержишь сие изречение, не потерпишь ничего опасного от людей злонамеренных. Ибо, если скажет кто: «ежели Сын рожден, то не был», ты отвечай: в начале бе. Но как же был прежде, нежели рожден? говорит он. Ты не отступай от этого бе, не оставляй сего: в начале. У

начала невозможно представить какой-нибудь крайний предел, ничего не найдется, что было бы вне начала».

Уясняя далее эту мысль, св. Василий говорит: под словом начало, о котором говорит Евангелист, не должно понимать такой пункт во времени, с которого получает начало бытия своего какой-бы то ни было предмет, занимающий известное пространство в видимом мире, но должно понимать такой момент в беспредельной вечности, ранее которого ничто не существовало. «Если станешь усиливать представлением ума перейти за сие начало, – говорит он, – то найдешь, что оно само идет вперед тебя, и встречается твоим помыслом. Дай уму своему идти сколько хочешь и простираться выше и выше; потом найдешь, что ум, после тысячекратных скитаний и после напрасных усилий, опять возвращается к самому себе, потому что не может дойти до того, чтобы начало осталось ниже его. Поэтому всегда оказывается, что начало простирается далее мыслимого и обширнее его».

В самом наименовании Единородного Сына Божия – Словом св. Василий видит указание на то, что рождение Его совечно безначальному бытию Бога Отца. – Как слово наше появляется в самый момент пробуждения мысли в уме, и самая мысль тогда только делается доступною нашему сознанию, когда воплотится во внутреннем слове, так и Божественное Слово получило начало своего бытия в первый момент движения Высочайшего Ума божественного, породившего это Слово и следовательно совечно Ему. «Где хулитель? Где язык христорборный, говорящий: – было некогда, когда Он не был? – Слушай, что говорит Евангелие: в начале бе. А если был в начале, то когда же не был? Нечестие ли их оплакивать мне или с отвращением смотреть на их невежество? Но прежде, нежели рожден, Его не было? Поэтому знаешь когда рожден, а потому и можешь это прежде относить ко времени? Ибо речение: прежде нежели, употребительно о времени; оно предполагает давность одного перед другим. А есть ли сообразность, чтобы Творец времени имел рождение, подлежащее именованию, употребляемым о времени? Итак: в начале бе. Если не отступишь от сего «бе», то лукавой хуле не дашь никакого

доступа. Ибо находящиеся на море, когда держатся качаясь на двух якорях, презирают бурю, так и ты, если душа твоя будет укрыта под защитою сих речений, посмеешься этому лукавому смятению, какое духи злобы производят в мире, приводя в колебание веру многих».

В словах: и Слово бе у Бога, св. Василий также видит неопровержимое доказательство присущности Ипостаси Сына божеского свойства – беспредельности. «Где было Слово? Не в месте, потому что не объемлется местом беспредельное. Где же было? У Бога. – Отец не вместе и Сын не в каком-либо объеме и не в известном очертании заключен; но как бесконечен Отец, так бесконечен и Сын. Что ни представишь умом, куда ни поступишь духом своим, найдешь, что все исполнено Богом; найдешь, что повсюду сораспростерта Ипостась Сына». Вникая глубже в каждое речение выше указанных слов евангелиста, св. Василий разом наносит удар двум ересям. «Подивись точности каждого речения: не сказал: в Боге было Слово, но у Бога, чтобы изобразить отличительное свойство Ипостаси. Не сказал: «в Боге», чтобы не подать повода к слиянию Ипостаси. Ибо лукава и эта хула, когда стараются все смешать; говорят, что одно подлежащее – Отец и Сын и Святой Дух, но одному предмету даны различные наименования. Лукаво это нечестие, его не менее должно бегать как и тех, которые хульно утверждают, что Сын Божий по сущности неподобен Богу и Отцу»¹⁸⁰.

В начале беседы против ариан и савеллиан показывает что диавол, пораженный силою распятого на кресте Господа Иисуса Христа, не могши удержать людей во мраке языческого многобожия и иудейской вражды против Христа, воздвиг еретиков – Ария и Савеллия, которые прикрываясь именем христиан, влекли своим нечестивым учением уже просвещенных светом евангельского учения снова к иудейскому отречению и языческому многобожию. «Иудейство, – говорит св. Василий, – враждует с язычеством, а то и другое враждует с христианством, как Египтяне и Ассириане были и врагами друг другу и Израилю, как и в пороке находим, что робость и дерзость противоположны и одна другой и мужеству. Подобная

какая-то брань с двух сторон облежит и правое исповедание, а именно – с одной стороны от Савеллия, – с другой от проповедающих неподобосущие. – Но мы, как бежали язычников, удалились от лукавого идолослужения и многобожие их признали безбожием, так бежали и хулы иудеев, отрицающих Сына Божия, устранившись от оной угрозы: иже отвержется Мене перед человеки, отвергнется его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех (Мф. 10, 33). Поэтому бежим как и должно еще тех, которые изобретают нечто сродное с язычеством и иудейством, вопреки слову истины. поскольку мудрый в златорстве диавол видел, что христиане чуждаются иудеев и язычников и что самые имена их располагают нас к вражде с ними, то, придав наше имя тем и другим, старается таким образом снова ввести иудейское отречение и языческое многобожие».

Опровергнув на основании слова Божия лживое и нечестивое учение ариан и савелиан и изложив православное учение о Боге Отце и Боге Сыне, св. Василий приступил к изложению учения о Духе Святом. Но приступая к изложению этого учения, прежде всего, показывает кто его слушатели. Это были не простые ученики, готовые с покорностью и доверием принять слово своего Архипастыря, но скорее строгие и не всегда благонамеренные судьи, ищущие в слове своего Пастыря не назидания для себя, а случая к обвинению его. – «Давно замечая, – говорит св. Василий своим слушателям, – что вы недовольны словом, и кажется, почти уже слышу упрек, почему останавливаясь на том, что все исповедуют, не касаюсь весьма известных вопросов, потому что ныне, у всякого слух возбужден к слышанию учения о Святом Духе. А я всего более желал бы, как сам принял просто, как сам поверил бесхитростно, так и передать слушающим, не давая отчета всегда в одном и том же, но имея таких учеников, которые убедились одним исповеданием. поскольку же окружаете меня более как судьи, нежели как ученики и желаете подвергнуть меня испытанию, а не сами ищите заимствовать что-нибудь, то для меня необходимо, чтобы как в судилище исследование продолжилось, и как мне непрестанно давали вопросы, так и я мог сказать, что мною принято. А вам советую всеми мерами

домогаться услышать от меня не что вам приятно, но что благоугодно Богу, согласно с Писанием и не противоречит отцам»¹⁸¹. Согласно с этим заявлением св. Василий и изложил учение о Святом Духе на основании св. Писания и учения предшествовавших святых Отцов, не входя в тонкие споры с совопросниками, лишенными благодатного озарения от Духа Святого. Для вразумления только таких совопросников св. Василий показал им, откуда происходит их спорливость против общепринятого учения и в каком состоянии находятся их души. «Как скоро, – говорит он им, – сказал ты о Духе, чего не должен говорить, в тебе обозначилось уже, что оставлен ты Духом. Как сомкнувший глаза имеет в себе свою тьму, так отлучившийся от Духа, став вне просвещающего, объемлется душевною слепотою»¹⁸².

Но не долго впрочем св. Василий уклонялся от неприятных прений с так называемыми духоборцами или македонианами, отвергавшими божественное достоинство Духа Святого. Когда достаточно уже было выяснено и доказано св. Василием Божественное достоинство Сына Божия и еретики не могли уже колебать православных своими лжеучениями, возникла новая ересь, усиливавшаяся поколебать веру в Божество Духа Святого. Эта ересь воспринята была всеми арианами, как уже лишенными благодати искупления за неверие в Божество Сына Божия, а также многими и из полу-ариан. Полу-ариане допускаемы были до участия в молитвах церковных вместе с православными. «За правое учение, за единение и собожественность во Святой Троице, св. Василий, – как говорит Григорий Богослов, – охотно согласился бы не только лишиться престолов, которых не домогался и в начале, но даже бежать их, и самую смерть, и прежде смерти мучения, встретил бы он как приобретение, а не как бедствие... Между тем он (руководясь ревностью, исполненной мудрости) вменил себе в необходимость отложить ненадолго время брани, потерпеть владычество еретиков, пока не наступит время свободы и не придаст дерзновения языку. Еретики, условившись изгнать св. Василия из города, если он прямо назовет Святого Духа – Богом и придать расхищению всю его паству, прислушивались к

каждому его поучению, вникали в каждое его слово, ища повода к выполнению своего зверского намерения. «Но Василий иными речениями Писания и несомненными свидетельствами, имеющими такую же силу, а также неотразимостью умозаключений, столько стеснил прекословивших, что они не могли противиться, но были связаны собственными своими выражениями, что и доказывает особенную силу его слова и благоразумие. Тоже доказывает и слово, какое он написал о сем (т. е. о Святом Духе). Между тем Василий медлил до времени употребить собственное речение (т. е. Бог), прося у самого Духа и у искренних поборников Духа не огорчаться его осмотрительности; потому что, когда время поколебало благочестие, стоя за одно речение, можно неумеренностью все погубить. И поборникам Духа нет никакого вреда от малого изменения в речениях, когда под другими словами узнают они те же понятия, потому что спасение наше не столько в словах, сколько в делах... Напротив того, величайший вред будет для целого, если Церковью будут владеть еретики. А что Василий, преимущественно перед всеми, исповедывал Духа Богом, сие доказывается тем, что он многократно, если только представлялся случай, проповедывал сие всенародно, а также и наедине с ревностью свидетельствовал перед теми, которые спрашивали. Но еще яснее выразил сие в словах ко мне, перед которым в беседе о таких предметах у него не было ничего сокровенного. И не просто подтверждал он это но, что редко делывал прежде, присовокуплял самые страшные на себя заклинания, что если не будет чтить Духа единосущным и равночестным Отцу и Сыну, то да лишен будет самого Духа. Когда, по тесноте времени налагал он на себя осторожность, тогда предоставлял свободу мне, которого как почтенного неизвестностью, никто не стал бы судить и изгонять из отечества, предоставлял с тем, чтобы наше благовествование было твердо при его осторожности и моем дерзновении»¹⁸³.

Итак, св. Василий, руководясь мудрою ревностью, с непоколебимую силою защищал и неопровержимо доказал Божественность Духа Святого, не называя Его однако же прямо Богом. Такой способ учения, вынужденный несчастными

обстоятельствами, хотя заграждал уста еретикам и разрушал все их козни, но не нравился некоторым неразумным ревнителям православия. Святому Григорию Богослову случилось быть в одном многочисленном обществе, где расположенные к св. Василию превозносили его за его высокую ученость, святость жизни и мудрую распорядительность в управлении делами церковными, но были и такие, которые старались внушить присутствовавшим дурное мнение о нем, уверяя что он нечестиво мыслит о Святом Духе. Св. Григорий старался защитить своего друга, но не успев исправить понятия злонамеренных людей, сам подвергся от них осуждению. Но так как злое по растлению сердца человеческого скорее воспринимается людьми, нежели доброе, поэтому многие и из расположенных к св. Василию выразили некоторое доверие к словам злоречивого человека. Св. Григорий почел нужным сообщить о всем этом своему другу. Это известие огорчило св. Василия не потому, чтобы он придавал большое значение клеветам, но потому что по легковерию и близкие к нему, несмотря на его прежние ученые и устные беседы, свидетельствующие о правоте его мыслей и святой ревности о православии, увлекаются злоречием людей неблагонамеренных ко вреду своей души. Так как первый, породивший клевету на него, был грубый и невежественный монах, недавно еще вступивший в монастырь, то Св. Василий в ответном письме св. Григорию, уверив его в неизменности своей любви к нему, между прочим писал: если же человек, недавно принявший на себя труд приникнуть в жизнь христианскую, а потом возмечтавший, что принесет ему некоторую честь столкновение со мною, слагает чего не слыхал и рассказывает, что не выразумел, то и сие не удивительно. А удивительно и странно то, что между самыми искренними ко мне у вас братьями находит слушателей для таких рассказов, даже не только слушателей, но, как видно, и учеников. Точно, при других обстоятельствах было бы это странно, что подобный человек учит и что очерняет он меня, но эти несчастные времена научили меня ничем не оскорбляться. Ибо давно по грехам моим привык я встречать и большее сего бесчестие». Так как

клеветам злоречивого монаха поверили и другие названные монахи, то св. Василий уведомляет своего друга, что он еще ничего не писал для успокоения и вразумления их, да и не находит это нужным. «Ибо, – пишет он, – кого не убедило продолжительное время, тех убедит ли краткое письмо? Если же достаточно и прежнего, то пусть почтены будут бреднями слова клеветников. По крайней мере, если необузданным устами и необученным сердцам дозволим говорить, что захотят, а сами будем иметь готовый слух к принятию сего, то пусть не только мы принимаем чужие речи, но и другие принимают наши».

«Причиною же сему то, о прекращении чего давно уже просил я и о чем ныне утомившись молчу, именно, что мы с тобою не видимся друг с другом. Ибо если бы по старым условиям и ради лежащего на нас попечения о Церквах большую часть года проводили мы вместе, то не имели бы к нам доступа клеветники. Но ты, если угодно, оставь их в покое, сам же склонись на мою просьбу, раздели мой труд в предлежащем подвиге и выступи со мною против ополчившегося на меня. Ибо, если явишься, остановишь его стремление, рассыплешь собравшихся на ниспровержение благоустройства в отечестве, как скоро дашь им о себе знать, что сам ты по благодати Божией предводишь нашим собором и заградишь всякие несправедливые уста глаголющих на Бога беззаконие. Если будет это, то сами дела покажут, кто твой последователь в прекрасном и кто храмлет и по робости изменяет слову истины. А если дело Церкви будет предано, то не велика для меня важность убедить словами тех, которые столько же оказывают ко мне уважения, сколько оказали бы люди, не научившиеся еще полагать меру себе самим. Ибо вскоре, по благодати Божией, свидетельство самых дел изобличит клевету, потому что ожидаю за слово истины пострадать, может быть и больше что-нибудь, а если не так, то без сомнения быть изгнанным из Церкви и отечества. Если же ожидаемое не исполнится, то не далек суд Христов. Посему если желаешь свидания ради Церквей, готов я придти к тебе, куда ни позовешь; а если желаешь того, чтобы отразил я клеветы, то нет у меня времени отвечать теперь на это»¹⁸⁴.

Св. Василий, готовясь доказать правоту своего учения и непоколебимую преданность вере Отцов самым делом и ожидая оправдания для себя от самого Бога на суде Его, не хотел защищаться от стрел клеветника. Но так как клевета, не уязвляя самого св. Василия, наносила вред малодушным и легковерным и из Назианза перенесшись в Кесарию, возмутила мир тамошних иноков, то св. Афанасий Александрийский нашел нужным сказать слово в оправдание св. Василия. И это нужно было «не в защищение его славы, – как говорит св. Григорий (Василий выше всех обвинителей, если бы и нашлись еще какие), – но в предостережение тех», которые вняв слову клеветника, утрачивали доверие к своему Архипастырю, а вместе с тем утрачивали способность извлекать пользу для своих душ из его устных и письменных бесед. В послании к пресвитерам Иоанну и Антиоху, св. Афанасий Александрийский, отвечая на их письмо, говорит: «весьма подивился я дерзости осмеливающихся говорить против возлюбленного нашего, истинного раба Божия, Епископа Василия. Такие пустые речи могут только обличить их, что не любят они исповедания Отцов». В послании к пресвитеру Палладию еще пространнее говорит о том же. «Что доводишь до моего сведения, – писал он ему – о кесарийских монахах, то известно уже мне, и именно, что они негодуют и противятся Епископу, возлюбленному нашему Василию. Хвалю тебя за то, что даешь о сем знать, а им высказал я, что следовало и именно, чтобы как чада послушны были отцу и не противоречили в том, что он признает лучшим... Если твердо уверены, как и все мы уверены, что он похвала Церкви, подвизается паче за истину и учит имеющих в том нужду, то надобно не противоборствовать таковому, а паче одобрять благую его совесть. Ибо из рассказанного мне возлюбленным Дианием открывается, что негодуют они напрасно. Василий, как твердо уверен я, немощным бывает немощен, да немощных приобретает (1Кор. 9, 22). И возлюбленные наши, взирая на цель и смотрение его соблюсти истину, да прославят Господа, давшего Каппадокии такового Епископа, какого желает иметь и всякая страна. Посему и ты, возлюбленный, соблаговоли объявить им, чтобы как писал я,

были покорны ему. Это и их покажет признательными отцу, это и в Церквах сохранить мир»¹⁸⁵.

Клеветники и люди злоречивые! Поймите из приведенного примера, как много вы зла делает своим языком! Вы – самые верные орудия дьявола! Дьявол, отец лжи и враг истины, не мог поколебать православной кесарийской Церкви и верности своему святому Архипастырю даже при содействии ожесточенной злобы еретиков. Но вот явилось достойное дьявольской злобы орудие – клеветник, произнес он хулу на Святого, люди злоречивые понесли эту хулу в разные концы обширной области кесарийской и доселе, искренно преданные своему Архипастырю, подчинившись по легковерию влиянию клеветы, восстали против своего отца, заградили свой слух для слышания его спасительного учения и их сердца должны истлевать от помыслов осуждения и самомнения. Но кем порождено это зло? Клеветником. Зло, порождаемое клеветником так велико, что превосходит зло всякого другого нечестивца. Пусть он раскается в своем грехе, но он не может уничтожить гибельных последствий своего греха и зло порожденное в душах других его клеветою, всю свою тяжестью ляжет на его совесть и принесет для собственной его души плод по роду своему. Помыслите об этом и удержите слово в себе самих, пока зрелым рассуждением не дойдете до убеждения, что ваше слово принесет пользу и вам и слушающим вас.

Глава VII

Слух о прибытии в Кесарию Императора Валента для низложения с кафедры св. Василия. Причины, заставлявшие кесарийскую паству верить в справедливость этого слуха. Способ действия ариан и царя-арианина, каким пользовались они при низложении православных Епископов, и обращение их паств в арианство. Меры, предпринятые св. Василием к отражению ариан и покровительствовавшего им – царя. Прибытие в Кесарию Модеста – первого царедворца с полномочием – или склонить св. Василия к принятию арианства, убеждениями и обещаниями, или – сослать в заточение, подвергнув предварительно разным мучениям. Разговор св. Василия с Модестом, в котором св. Василий своим мужеством и неустрашимостью, сумел внушить к себе уважение и своему врагу. Прибытие в Кесарию самого Императора, и его желание лично поговорить со св. Василием. Прибытие Императора в церковь, где совершал литургию св. Василий, и поражение его благолепием службы. Беседа царя со св. Василием, и вследствие оной благорасположение к нему царя. Снова покушение на изгнание св. Василия, вследствие настояния ариан. Внезапная болезнь царского сына и исцеление его по молитвам св. Василия. Опасная болезнь Модеста, и исцеление его по молитвам св. Василия. Всегда благосклонное расположение к нему, как царя, так и Модеста. Столкновение св. Василия с областным начальником – родственником Императрицы, принуждавшим одну знатную вдову выйти в замужество за подчиненного себе чиновника.

Неустрашимость св. Василия и любовь народная к нему, высказавшаяся по сему случаю. Разделение Кесарийской области в гражданском отношении на две части, за сим последовавшее разделение оной и в церковном отношении. Скорь св. Василия, причиненная ему Епископом Тианским, вознамерившимся отделиться от св. Василия и образовать отдельную архиепископию. Глубокое смирение св. Василия и его любовь к миру, особенно высказавшаяся по сему случаю.

Богадельня, устроенная св. Василием, в которой нашли для себя приют множество прокаженных, и страдавших другими болезнями, в которых никто доселе не хотел принимать никакого участия. Устройство больниц и в других местах Кесарийской епархии под управлением хорепископов. Недостаточность усердия людей богатых к поддержанию этих благотворительных учреждений. Произнесение св. Василием трех, особенно сильных по одушевлению и убедительности, бесед, в которых он раскрыл, как злоупотребления богатых людей своими богатствами, так и преступность их равнодушия к больным и нищим. Содержание этих бесед.

Св. Василий, отказавшись опровергать слишком явную клевету людей злонамеренных, которые под видом ревности о православной истине, только наносили ей тяжкий вред, готовился доказать на самом деле правоту своего вероучения и непоколебимую преданность вере отцов. Случай к этому не замедлил представиться. Валент, имевший за шесть лет пред сим неудачное покушение ввести в Кесарию Каппадийскую ересь Ария, по случаю похода своего в Сирию, решился непременно исполнить свое намерение. Мужественный Архипастырь кесарийской Церкви, посвятивший всю свою жизнь на служение Богу и Его святой Церкви, не мог страшиться никаких угроз со стороны врагов. Веруя словам Господа, что и врата адовы не одолеют ее, он убежден был, что не долго продолжится торжество врагов Церкви и сила Божия скоро поразит их. Но паства его, со всеми подчиненными ему пастырями, имела причины страшиться приближения нечестивого Императора. Известно уже было, что из всех почти окрестных Церквей, и больших и малых, изгнаны были православные епископы и сосланы в ссылку, а место их заняли арианские епископы; многие из низших членов православной паствы предаваемы были разного рода мучениям, а нередко лишаемы были жизни или предаваемы были сожжению. Но так как насильственные меры со стороны ариан, доставляя им внешнее преимущество не покоряли умов их лжеучению, а нередко сопровождалась смутами и открытым восстанием народа, то ариане и все властители, покровительствовавшие их

нечестию, употребляли сначала убеждения и льстивые обещания. Имея это в виду, св. Василий старался в разных городах поставлять епископами людей достойных по жизни и способных вести с еретиками богословскую борьбу, так чтобы они могли охранить свою православную паству от обольщения мнимой основательностью еретического учения. С этою-то целью св. Василий, имея в виду скорое прибытие в Кесарию Императора Валента, приглашал к себе своего друга, св. Григория, который в это время возведен уже был в сан пресвитера. К этому же времени относится и посвящение в Епископа Григория, брата Василиева. И прежде св. Василий приглашал своего брата к соучастию в трудах епископского служения. При начале своего вступления на архиепископский престол, он между прочим писал ему: «тебе как брату... следовало бы в настоящее время позаботиться об ином; потому что вступил я в такую жизнь, которая, превышая мои силы, сокрушает тело и тяготит душу... по этой причине должен бы ты был теперь прийти ко мне и разделить со мною дела: ибо сказано: братия в нуждах полезны да будут (Притч. 14, 17). Теперь же, по вниманию к нуждам церковным, поставил его против воли его самого по соглашению с прочими Епископами, Епископом города Ниссы в каппадокийской области, находившегося в десяти милях от Кесарии, города незначительного, но сделавшегося известным потому только, что имел столь замечательного Епископа, каков был св. Григорий Нисский¹⁸⁶. Прежде сам св. Василий наставлял своего брата в предметах спора между еретиками и православными¹⁸⁷, теперь же хотел видеть его сподобником православия против еретиков. И что св. Григорий Нисский мог быть ему помощником в этом деле это доказывают написанные им обширные сочинения о разных догматических предметах, свидетельствующие как о его глубоком знании св. Писания так и учения предшествовавших св. Отцов.

Святой Григорий Богослов замедлил немного своим прибытием в Кесарию, потому что услышал, что Император Валент имел намерение придти прежде в Назианз, чтобы принудить этот город вместе с Епископом к принятию

еретического учения ариан, а потом уже идти в Кесарию. Для этой цели злочестивый царь употреблял ласкательства, убеждения, угрозы и самое насилие. Для охранения чистоты веры православной и для отражения всех хитросплетенных возражений еретиков, предводительствуемых Императором, св. Григорий нашел нужным остаться на некоторое время в Назианзе. И его пребывание в Назианзе не осталось бесполезным. Восхваляя мужество своего отца, – говорит св. Григорий, – «ревностно восстал он против еретиков, когда, ополчившись на нас вместе с нечестивым царем и поработив почти уже всех, думали и нас совратить и приобщить к другим. И здесь оказал он нам немалую помощь, как сам, так может быть и через меня, которого он, как молодого пса не худой породы для упражнения в благочестии выводил против сих лютых зверей»¹⁸⁸.

Но как только Валент удалился из Назианза, св. Григорий поспешил на помощь к своему другу Василию. Вслед за ним прибыл в Кесарию и Валент с многочисленной свитой, сопровождаемый арианскими епископами, в полной надежде скоро победить и покорить себе св. Василия, а с ним вместе и всех епископов, находившихся в Каппадокийской области, склонить к принятию арианского учения. «Опять пришел к нам, – говорит св. Григорий, – христорборный царь и утеснитель веры и чем с сильнейшим противником должен он был иметь дело, тем с вящим пришел нечестием и с ополчением воспламененным более прежнего, подражая тому нечистому и лукавому духу, который оставив человека и скитавшись, возвращается к нему, чтобы как сказано в Евангелии (Лк. 11, 24–26), вселиться с большим числом духов. Его-то учеником делается царь, чтобы вместе и загладить первое свое поражение и присовокупить что-нибудь к прежним ухищрениям»¹⁸⁹. Но когда царь, обойдя прочие стороны, устремился с намерением поработить на сию незыблемую и неуязвимую мать Церквей, на сию единственно еще остававшуюся животворную искру истины, тогда в первый раз почувствовал безуспешность своего замысла; ибо он был отражен как стрела, ударившаяся в твердыню и отскочил как порванная вервь. Такого встретил он

предстоятеля Церкви! И к такому приразившись утесу, сокрушился»¹⁹⁰.

Действительно, св. Василий, поддерживаемый св. Григорием, высказал такую неустрашимость, такое величие и крепость духа, что ничто не могло ни утешить его, ни поколебать его веры. Префект Модест, человек жестокий, властолюбивый, исполненный ненависти к православным и готовый на всякое преступление для исполнения воли царя, с единственной целью своею преступною угодливостью удержать за собою власть, прибыл в Кесарию несколько прежде Валента с полномочием от царя или убедить св. Василия к принятию арианского учения или принудить, в случай же его сопротивления – сослать в заточение. «К сему-то правителю, – говорит св. Григорий, – который скрежетал зубами на Церковь, принимал на себя львиный образ, рычал как лев и для многих был неприступен, – вводится или лучше сказать, сам входит доблестный Василий, как призванный на празднество, а не на суд. Как пересказать мне достойным образом или дерзость правителя или благоразумное сопротивление ему Василия!

– Для чего тебе, сказал префект (назвав Василия по имени, ибо не удостоил назвать его Епископом), хочется с дерзостью противиться такому могуществу и одному из всех оставаться упорным?

– Доблестный муж возразил: в чем и какое мое высокомерие? не могу понять сего.

– В том, говорит первый, что не держишься одной веры с царем, когда все другие склонились и уступили. Не сего требует царь мой, отвечает Василий: не могу поклониться твари, будучи сам Божия тварь и имея повеление быть богом.

– Но что же мы по твоему мнению? спросил правитель. Или ничего не значим мы, повелевающее это? Почему не важно для тебя присоединиться к нам и быть с нами в общении?

– Вы правители, – отвечал Василий, – и не отрицаю, что правители знаменитые, однако же не выше Бога. И для меня важно быть в общении с вами (почему и не так? и вы Божия тварь); впрочем, не важнее, чем быть в общении со всяким

другим из подвластных вам; потому что христианство определяется не внешним достоинством лиц, а верою.

– Тогда правитель пришел в волнение, сильнее воскипел гневом, встал со своего места и начал говорить с Василием суровее прежнего. Что же, сказал он, разве не боишься ты власти?

– Нет, что ни будет и чего ни потерплю. – Даже хотя бы потерпел одно из многого, что состоит в моей воле?

– Что же такое? объясни мне это.

– Отнятие имущества, изгнание, истязание, смерть.

– Если можешь, угрожай иным, а это ни мало нас не трогает.

– Как же это и почему? спросил правитель.

– Потому, – отвечает Василий, – что не подлежит описанию имуществ, кто ничего у себя не имеет; разве потребуешь от меня и этого волосяного рубища и немногих книг, в которых состоят все мои пожитки. Изгнания не знаю, потому что не связан никаким местом; и то, в котором живу теперь, не мое и всякое, куда меня ни кинут, будет мое. Лучше же сказать, везде Божие место, где ни буду я пресельником и пришельцем (Пс. 38, 13). А истязания что возьмут, когда нет у меня и тела, разве разумеешь первый удар, в котором одном ты и властен? Смерть же для меня благодетельна: она скорее преподшлет к Богу, для Которого живу и тружусь, для Которого большею частью себя самого я уже умер и к Которому давно спешаю.

– Правитель, изумленный сими словами, сказал: так и с такую свободу никто доселе не говаривал предо мною.

– Может быть, отвечал Василий, ты не встречался с Епископом: иначе, без сомнения имея дело о подобном предмете, услышал бы ты такие же слова. Ибо во всем ином, правитель, мы скромнее и смиреннее всякого, – это повелевает нам заповедь и не только перед таким могуществом, но даже перед кем бы то ни было, не поднимаем брови; а когда дело о Боге, и против Него дерзают восставать: тогда, презирая все, мы имеем в виду одного Бога. Огонь же, меч, дикие звери и терзающие плоть когти скорее будут для нас наслаждением, нежели произведут ужас. Сверх этого, оскорбляй, грози, делай

все, что тебе угодно, пользуйся своею властью. Пусть слышит о сем царь, что ты не покоришь себе нас и не заставишь приложиться к нечестию, какими ужасами ни будешь угрожать¹⁹¹.

Когда св. Василий все кончил, Модест поняв, до какой степени неустрашима и неодолима твердость его, уже не с угрозами, а с некоторым уважением начал склонять его льстивыми словами. «Не почитай за маловажное, – говорил он Василию, – что великий Император хочет соединиться с твоею паствою. Согласись называться и его учителем и не противься его воле. Он хочет немногого, только чтобы исключено было из Символа слово: Единосущный. – Конечно, отвечал Василий, желание Императора вступить в общение с Церковью весьма важное дело, ибо важно спасение души; но допустить исключение из Символа хотя бы и одного слова или прибавить что-либо к нему, или даже переменить в нем порядок, никак не соглашусь¹⁹². – После сего, отпуская Василия, Модест советовал ему еще подумать о предложении. Но Василий отвечал: я и ныне и завтра таков же¹⁹³.

Отпустив св. Василия, Модест, волнуемый разнообразными чувствами и тяжелым чувством униженной гордости и чувством удивления к высоким доблестям христианского пастыря, предстал уже прибывшему тогда в Кесарию Императору и с полною откровенностью высказал ему результат первого покушения на св. Василия. «Мы побеждены, царь, – сказал не знавший доселе никаких преград своей необузданной воле царедворец, – настоятелем сей Церкви: это муж, который выше угроз, тверже доводов, сильнее убеждений. Надобно подвергнуть искушению других, не столько мужественных, а его или открытою силою должно принудить или и не ждать, чтобы уступил он угрозам¹⁹⁴». Такие слова высшего сановника, выражавшие похвалу святому Василию, как христианскому пастырю (и враг дивится доблестям противника) обезоружили Валента и он сожалел даже, что вступил с ним в борьбу. Но как железо, хотя и умягчается в огне, но все остается железом и возвращает свою крепость и грубость, когда выйдет из огня, так и Валент, хотя и поражен был сначала превосходными

доблестями св. Василия, не хотел однако же, вступить с ним в общение, руководясь ложным стыдом показаться побежденным. Царедворцы гордые и самонадеянные, желая успокоить смущенного своего повелителя, испросили у него позволения вступить с Василием в богословский спор о предметах веры, надеясь посрамить его на этом поприще, и если возможно, отторгнуть от него его почитателей. И в этом деле они возлагали надежду на Демосфена, главного царского повара, который тщеславною болтливостью перед невежественными царедворцами о предметах веры успел себе снискать авторитет ученого богослова. Для прений назначен был день, в который в присутствии многих царедворцев и самого Модеста, начал делать возражения против православной веры этот тщеславный Демосфен. Св. Василий, спокойно выслушав его, в коротких словах ниспровергал все его возражения, так что самые царедворцы не могли не видеть несостоятельности их мнимого мудреца. Но поражение, претерпеваемое Демосфеном, только сильнее возбуждало его уязвленное самолюбие. Он горячился и, бросая слова без связи, сделал наконец грубую ошибку против грамматики. Св. Василий, усмехнувшись, сказал: наконец есть у нас и Демосфен неграмотный. Эти слова так озлобили его, что он начал изрыгать разные ругательства и грозил св. Василию убить своим поварским ножом. Но св. Василий спокойно отвечал ему: твое дело судить о кушаньях, а не об учении Божественном, для которого у тебя совсем нет ни смысла, ни вкуса¹⁹⁵. Так покушение могущественного властителя победить Кесарийского Архиепископа вторично было ниспровергнуто! Тяжело и жалко было видеть, – говорит св. Григорий, – что повелитель многих народов, удостоенный великой славы, покоривший всех окрест себя державе нечестия, ниспровергнувший все преграды, оказался побежденным от единого мужа и единого города, сделался посмешищем, как сам примечал, не только для руководствующих им поборников безбожия, но и для всех людей»¹⁹⁶.

Нравственная сила св. Архипастыря, проявившая себя так осязательно, пробудила в Валенте желание поговорить с ним лично и для этого искал удобного случая. И случай к этому

представился скоро. Настал праздник Богоявления Господня (в 372 году). Так как в Кесарии не было арианских храмов, поэтому Император со всею своею свитою отправился слушать литургию в православную церковь, где свершал служение св. Василий. «Когда вступил он внутрь храма и слух его как громом поражен был начавшимся псалмопением (так как в псалмопении участвовал весь народ); когда увидел он море народа, а в алтаре и близ оногo не столько человеческое, сколько ангельское благолепие и впереди всех в прямом положении стоял Василий, каким в слове Божиим описывается Самуил (1Цар. 7, 10), не восклоняющийся ни телом, ни взором, ни мыслию (как будто бы в храме не произошло ничего нового), но пригвожденный (скажу так) к Богу и престолу, а окружающее его стояли в каком-то страхе и благоговели; когда говорю, царь увидел все сие и не находил примера, к которому бы мог применить видимое, тогда пришел он в изнеможение как человек и взор и душа его от изумления покрываются мраком и приходят в кружение. Но сие не было еще приметным для многих. Когда же надобно было царю принести к божественной трапезе дары, приготовленные собственными его руками и по обычаю никто до них не касался (неизвестно было, примет ли их Василий), тогда обнаруживается его немощь. Он колеблется на ногах и если бы один из служителей алтаря, подав руку, не поддержал колеблющегося, то он мог бы упасть»¹⁹⁷. Но в это время царь не мог говорить со Святителем. Полагая, что смущение его не было замечено, царь решился в другой раз придти в церковь, чтобы показать свою готовность вступить в общение с православными христианами, а еще более для того, чтобы лично поговорить со святым Василием, чего давно желал. В это время св. Василий был в самом алтаре, который был отделен от прочих частей храма занавесами. Сюда-то вошел царь с сопровождавшими его чинами, где также находился и св. Григорий вместе с другими лицами. Святой Василий говорит царю с таким одушевлением, что, – говорит св. Григорий, – мы слышали тогда не человеческие, а Божии глаголы. И слова св. Василия так подействовали на Императора, что он решился

прекратить гонения на православную Церковь и готов был дать свободу богослужения всем православным христианам.

Но как Фараону Бог попускал ожесточаться сердцем против Израильян, несмотря на особые знамения покровительства Божия над ними, так Господь попустил ожесточаться сердцем против св. Василия и Валенту, чтобы проявлением особого покровительства ему заявить потомству, что злые гибнут не от недостатка попечительности Божией о их вразумлении, но от их собственного упорства во зле. Не прошло еще нескольких дней, как Валент удивлялся доблестям православного Архипастыря Кесарийской Церкви и с умилением слушал его облагодатствованное слово: но вот придворные льстецы, дышавшие злобою против святого Василия, успели снова пробудить царскую гордость и убедить его в необходимости изгнания св. Василия из города, чтобы и другие по примеру его, не вздумали сопротивляться царской власти и не возвратились бы от нечестия, которому уже покорены, к истинному благочестию. К великому утешению арианских епископов и всех нечестивых царедворцев, царь принял их злой совет и бумага об изгнании и заточении Святителя Христова подписана. Для избежания только возмущения народного, привести в исполнение приговор положено ночью, перед рассветом другого дня. Враги торжествовали, а православные все и особенно друзья св. Василия, были в чрезвычайном унынии, так как ни откуда нельзя было ожидать помощи. Наступила ночь, повозка для отъезда была готова, друзья окружали св. Василия, с трепетом ожидая минуты, долженствующей их разлучить, может быть, навсегда с светильником православия не только для Кесарийской, но и для всей Восточной Церкви. Св. Василий, приказав взять слуге только записную книжку, спокойно ожидал повеления двинуться в тернистый путь, который долженствовал его привести к вечной славе на небеси. Сознывая хорошо, что действительным злом на земле должно считать только грех, лишаящий нас общения с Богом – источником всякого блаженства, он старался успокоить своих унылых друзей представлением того, что внешние злострадания должно считать не несчастьем в жизни, но проявлением особенной

благодати Божией, по которой Господь своим верным ученикам в злостраданиях представляет только случай заявить Ему свою неизменную любовь и преданность. Но сетующие друзья, зная его непоколебимую преданность Промыслу Божественному и его всегдашнюю готовность пожертвовать для славы Божией и блага Церкви своею жизнью, как он уже и пожертвовал своим здоровьем и спокойствием, были больше озабочены будущей судьбою Церкви, которой столпом и утверждением был доселе св. Василий. Но св. Василию, для рассеяния тревожных опасений сетующих, достаточно было указать на то, что глава церкви есть Сам Христос, животворный источник спасительной благодати и что во внешних орудиях своей попечительности о Церкви Он никогда не может иметь недостатка. Если же Господу угодно будет сохранить и его для сетующей Церкви, то Он силен и это сделать, и подобно Исааку возвращенному Аврааму уже с жертвенника, удержать и его на месте прежнего служения.

Но вот, явился и посланный от царя, впрочем православный христианин и питавший в душе к Василию искреннее расположение. Сердца сетующих друзей Василия немного успокоились. Если и не отменено определение царя, думали они, то по крайней мере, исполнено будет без особенных жестокостей. Но посланный возвестил св. Василию то, чего никто и ожидать не мог, что хотя и согласно было с верою Святителя. Все услышали, что шестилетний сын царя Галат, при наступлении ночи внезапно заболел.

Врачи, к которым обращались за помощью, признали состояние больного безнадежными. Просили молитв арианских епископов, но и их молитвы оказались также бессильными. Царь и царица в отчаянии. Но так как царица видела сон, в котором ей объяснено было, что болезнь отрока постигла за оскорбление, нанесенное Кесарийскому Святителю, потому и выразила желание, чтобы св. Василий пришел к царю и помолился об исцелении отрока. Св. Василий с поспешностью пошел к царю-еретику, чтобы показать ему, что истинные ученики Христа не помнят зла, но по примеру Отца небесного, который солнце свое сияет на благие и злые, готовы делать добро всем, кто имеет нужду в оном. С первым появлением св.

Василия во дворце отрок почувствовал некоторое облегчение. Это ободрило надежду царя и укрепило веру его в молитвы православного Святителя. Но св. Василий обещал царю полное выздоровление отрока в таком только случае, если он отдаст его крестить православному священнику и будет воспитывать в православной вере. Так как у Валента один был сын, поэтому он без размышления согласился на все условия, лишь бы только сын был жив. Чудодейственная молитва вознесена была к Богу Жизнодавцу святым Василием и отрок выздоровел. Царь, исполненный радости, в награду св. Василию дал значительные средства на поддержку больницы, которой основание уже положено было попечительным о бедных Святителем¹⁹⁸. Но Валент не сдержал своего обещания, отдал сына крестить арианскому епископу и сын вскоре затем, умер.

В скором времени после сего, – говорит св. Григорий, – «случилось тоже и с областным начальником (Модестом), который грозил еще недавно св. Василию истязаниями и самую смертью. Постигшая болезнь и его подклоняет под руку святого. Для благоразумных наказание действительно бывает уроком для них злострадание нередко лучше благоденствия. Правитель страдал, плакал, жаловался, посылал к Василию, умолял его, взывал к нему: ты удовлетворен, подай спасение! И он получил просимое, как сам сознавался и уверял многих, не знавших о сем, потому что не переставал удивляться делам Васильевым и пересказывать о них»¹⁹⁹. «С сего времени префект имел глубокое уважение к св. Василию и св. Василий, пользуясь его расположением при его содействии многим сделал добро. Так он просил Модеста об освобождении священнослужителей от обложения податью, которую, по новому узаконению, предполагалось с них взимать». Освященных Богу нашему, пресвитеров и диаконов, – писал св. Василий Модесту, – старая перепись не обложила податями. Но те, которые производят перепись ныне, поскольку не получили предписания от твоей высокой власти и их внесли в перепись, за исключением разве некоторых, по самым летам своим имеющих право на освобождение. Посему просим оставить нам этот памятник своего благодеяния, чтобы на все предбудущее время

сохранилась у нас добрая о тебе память и по древнему закону обложения податями уступить нам священнослужителей... Это и твоему высокопородию соблюдет бессмертную славу добрых дел и царскому дому приуготовит многих молитвенников...²⁰⁰. Получив просимое для священнослужителей, просил его о подобной милости и для жителей горы Товра²⁰¹. Просил также его о снисхождении к одному из его друзей, которому, по навету неблагонамеренных людей, предстояла нужда предстать к нему на суд. Ходатайствовал также пред ним и о многих других лицах²⁰².

При первом объяснении с Модестом св. Василий заявил ему, что он готов смириться и преклонить главу пред всяким, кто не восстает на чтимого им Бога. Это подтверждается отчасти и приведенными письмами, в которых св. Василий в почтительных выражениях высказывает к нему покорность, как облеченному законною властью. Но когда нужно было защищать невинно угнетаемых и преследуемых высокими особами, тогда он во всей полноте проявлял свое величие и неустрашимость духа и не боялся показать высоким особам низость их действий. В городе была одна знатная вдова, недавно лишившаяся мужа. С удивительною красотою она обладала и прекрасною душою и потому никому уже более не хотела принадлежать, но решилась посвятить себя на служение Богу в какой-либо обители инокинь. Но товарищ наместника Понтийской области, уязвленный страстью к ней, неотступно преследовал ее, употреблял все усилия, чтобы хотя насильственно принудить вступить ее с ним в брак. Но она, не находя ни в ком защиты от его преследований, прибегла к покровительству святого и мужественного Кесарийского Архиепископа. Св. Василия принял в ней участие, дал слово защищать ее от всех преследователей и в тоже время тайно препроводил ее в монастырь своей сестры Макрины. Страстный поклонник чужой красоты обратился за помощью к наместнику. Наместник, гордясь своим родством с Императорским домом, так как был дядею Императрицы, обещал исполнить его желание. И вслед за сим послал к св. Василию с требованием, чтобы он немедленно выдал известную женщину. Но святой Угодник Божий отказался

исполнить желание угодника и раба низких страстей. Гордый правитель области, привыкши встречать от всех льстивую угодливость, отказ св. Василия счел для себя величайшим оскорблением и потому решился отомстить Святителю. И чтобы осрамить его перед народом и показать, что он защищает молодую женщину, не как добрый пастырь овцу, преследуемую хищным волком, а как раб собственной страсти, приказал подведомственным себе чиновникам обыскать спальню Архиепископа. Но этим месть его не кончилась. Наместник потребовал св. Василия к себе на суд. «Посмотри, – говорит св. Григорий, – на новую борьбу подвижника и гонителя. Один приказывал Василию совлечь с себя верхнее рубище. Другой говорит: если хочешь, сниму перед тобою и хитон. Один грозил побоями бесплотному, другой преклонял уже выю. Один грозил строгать когтями, другой отвечает: окажешь мне услугу такими терзаниями, уврачуешь мою печень, которая, как видишь, много беспокоит меня. Так они препирались между собою. Но город, как скоро узнал о несчастье и общей для всех опасности (такое оскорбление почитал всякий опасностью для себя), весь приходит в волнение и воспламеняется; как рой пчел, встревоженный дымом, друг от друга возбуждаются и приходят в смятение все сословия, все возрасты, а более всех оружейники и царские ткачи, которые в подобных обстоятельствах, но причине свободы, какую пользуются, бывают раздражительнее и действуют смелее. Все для каждого стало оружием, случилось ли что под руками по ремеслу или встретилось что другое: пламенники в руках, у кого занесенные камни, у кого поднятые палки; у всех одно направление, один голос и общая ревность. Гнев – страшный воин и военачальник. При таком воспламенении умов и женщины не остались безоружными (у них ткацкие берда служили вместо копий), и одушевляемые ревностью перестали уже быть женщинами, напротив того самонадеянность превратила их в мужчин. Коротко сказать: думали, что расторгнув на части правителя, разделят между собою благочестие. И тот у них был благочестивее, кто первый бы наложил руки на умыслившего такую дерзость против Василия. Что же строгий и дерзкий

судия? – Стал жалким, бедным, самым смиренным просителем: но явился сей без крови мученик, без ран венценосец и удержав силою народ, обуздываемый уважением, спас своего просителя и оскорбителя»²⁰³.

«С сего времени, – говорит св. Григорий, – брань от мира прекратилась и возымела от Бога правый конец, достойный веры Василия»²⁰⁴. Но скорби св. Василия не прекратились; итак как св. Василий со св. Григорием тесно были связаны между собою взаимною любовью как душа с телом то скорбь, вновь испытанная св. Василием, не менее болезненно отразилась и на св. Григории. Поводом к этой скорби послужило повеление о разделении Кесарийской области в гражданском управлении на две части. Кесария осталась главным городом одной половины Кесарийской области, а главным городом второй половины назначен был город Тиана. Это новое распоряжение было большим бедствием и для самого города Кесарии. Высшие правительственные учреждения и учебные заведения были переведены в другой уже город; с этим вместе город по необходимости должен был постепенно погружаться во мрак невежества, беспорядки в городе увеличивались, город беднел, освещение улиц в ночное время прекратилось, вследствие чего не только благосостояние жителей, но и самая жизнь их подвергались опасности от людей злонравных, пользующихся отсутствием света и бдительного надзора властей. Жители пришли в уныние и не находя в себе сил отвратить постигшее их бедствие, прибегли за помощью к своему попечительному Архиепископу. Он действительно принял живое участие в их скорби и писал к своим влиятельным друзьям²⁰⁵, но его ходатайство не имело большого успеха. Изменение первого распоряжения последовало только в том, что вместо города Поданда, находившегося в невыгодной для здоровья местности, главным городом второй половины Каппадокийской области назначен был город Тиана.

Но это новое распоряжение принесло св. Василию еще более скорби и неудобств в церковном отношении. Властолюбивый епископ города Тианы, Аноим, пользуясь разделением Кесарийской области в гражданском отношении,

вознамерился отделиться от святого Василия и образовать отдельную архиепископию. С этой целью стал привлекать на свою сторону провинциальных епископов, чего не трудно было ему достигнуть. Многие епископы питали чувство нерасположения к святому Василию, отчасти потому, что он избран был вопреки желанию многих из них, отчасти по недостатку сочувствия к его строго-православному духу, а отчасти из зависти к его личным высоким достоинствам, которыми он столько превосходил их, что они казались стоявшими как бы в тени. Вследствие сего произошло в Церкви расстройство и беспорядки и мир Церкви был нарушен. Св. Василий, ограждая права и интересы своей архиепископии, продолжал употреблять усилия к сохранению своей Церкви в целости. Но властолюбие Аноима простерлось до того, что он насильно стал отторгать от Кесарийской Церкви разные доходные статьи; тех хорепископов, которые оставались верными святому Василию, низвергал и заменял их другими лицами, преданными ему; некоторые из церквей отнимал вооруженною силою. Находя такое положение дел вредным для блага Церкви, св. Василий решился отказаться от другой половины Каппадокийской области и обратить все внимание на остававшиеся в его распоряжении церкви. Чтобы возвысить внутреннее благосостояние паствы, а вместе, сколько возможно, охранить достоинство своей архиепископии, он нашел нужным в большей части городов, оставшихся в Кесарийской собственно области, поставить новых епископов, так что и теперь имел у себя до пятидесяти подчиненных ему хорепископов.

На границе Кесарийской архиепископии и вновь образовавшейся архиепископии Тианы находился незначительный городок Сасимы. Св. Василий признавал своего друга св. Григория способным и достойным быть правителем даже вселенской Церкви. Но так как это невозможно, то св. Василий сначала хотел сделать его епископом незначительного городка Сасимы, чтобы он не сам заимствовал уважение от занимаемого им места, но доставлял своим личным достоинством уважение незначительному месту. Ибо в

подлинном смысле велик тот, кто не только достаточен для великих дел, но силою своею и малое делает великим²⁰⁶. Св. Григорий, предпочитая долю смиренного инокa, сначала не решался принять на себя высокое звание епископа, но потом, для выражения покорности воле своего Архиепископа и желанию своего престарелого родителя, подклонился под их святительские руки. Но ему, впрочем, не случилось даже и однажды быть в Сасимах, так как Аноим противопоставил его вступлению в город вооруженную силу; и потому он и при жизни отца и по смерти его управлял Назианскою церковью, пока не призван был Промыслом Божественным к высшему служению Константинопольской Церкви. Как душа святого Василия жаждала мира церковного и какою глубиною смирения обладал он, это показывает его письмо к советодательному собранию в Тиане, которому предоставлял решить спор между им и Аноимом относительно распределения границ двух архиепископий – Кесарийской и Тианской.

«Открывающий глубины и объявляющий советы сердечные (1Кор. 4–5) Господь дал и смиренным разумение ухищрений, как думают иные, неудоборазумеваемых. Поэтому ничто для меня не тайно и не сокрыто все, что ни сделано. Но впрочем, я не вижу и не слышу ничего другого, кроме одного – мира Божия и того, что ведет к нему. Хотя другие и сильны, и велики, и сами в себе уверены, но я ничего не значу, ничего не стою, почему никогда не возьму на себя столько, чтобы почесть себя имеющим довольно сил одному и самому собой преодолеть трудность дел, но твердо знаю, что гораздо более имею нужды во вспомоществовании каждого из братии, нежели сколько одна рука нуждается в пособии другой, потому что и самым устройством тела нашего Господь научил нас необходимости общения. Ибо когда рассматриваю эти самые члены свои и вижу, что ни один не достаточен сам по себе для действия, тогда могу ли подумать, что я сам по себе достаточен для отправления дел житейских? Нога не ходила бы твердо, если бы вместе с нею не подпирала бы тело другая; глаз не видел бы правильно, если бы не имел себе сообщником другого и не согласно с ним устремлялся на видимые предметы. Вернее

слух, который принимает звуки обоими путями; крепче схватываешь вещь при взаимном общении перстов. И одним слово – не вижу, чтобы какое естественное и свободное действие совершалось без единодушия тех, которые принадлежат к тому же роду; потому что и самая молитва, когда нет согласия в молящихся, бывает гораздо бессильнее самой себя и Господь обещал быть посреди двоих или троих, призывающих Его в единодушии. (Мф. 18, 20). Но и самое домостроительство принял на себя Господь, чтобы умиротворить кровию креста Своего, аще ли земная, аще ли небесная (Кол. 1, 20). А по всему этому желаю в мире пребывать остальные дни свои; прошу, чтобы с миром было успение мое. Поэтому решился я для мира не избегать какого бы то ни было труда, не отказываться говорить и делать что-либо унижительное, не брать в расчет дальность пути, не бояться каких-либо других беспокойств, только бы сподобиться наград, обещанных миротворцам. Если кто следует моему в этом руководству, то сие всего лучше и составляет конец моих желаний. А если кто повлечет в противоположную сторону, то и в этом случае не отступлю от своего решения. Но в день воздаяния всякий сам узнает плоды своего делания»²⁰⁷.

Попечение о бедных, призрение беспомощных, больных было предметом заботливости св. Василия еще до его пресвитерства. Но когда он возведен был на степень Архиепископа, то устроив по возможности мирные отношения к внешним властям и к епископам, устремил преимущественное внимание на устройство прочного и покойного приюта для больных и бесприютных бедняков, а также странноприимный дом для странников. К устройству такого приюта особенно располагали его пораженные проказою, от общения с которыми отказывались не только чужие, но и самые близкие родные. Это обширное здание устроено было в предместьи города Кесарии. Здесь была устроена великолепная церковь, помещение для Архиепископа, для временного пребывания высших гражданских начальников, посещавших Кесарию. В больнице устроены были особые отделения для разных больных, для врачей, для принявших на себя попечение о больных. В

богадельне также устроены были разные и удобные помещения для множества бесприютных нищих и увечных. Так как для всех живущих в этих богоугодных заведениях требовалась одежда, разнообразная пища и многое другое, потребное для столь обширного хозяйства: то для удовлетворения всем этим нуждам устроены были свои разные мастерские и ремесленные заведения. Все в совокупности эти постройки были так обширны, что представлялись другим обширным и великолепно украшенным городом. И эти благодетельные учреждения св. Василия не телесное только успокоение приносили нуждавшимся в оных и не находившим успокоения вне этих зданий, но и душевную пользу. Больным внушаемо было терпение страданий телесных ради Господа, без воли которого ничего не происходит в нашей жизни, в наслаждавшихся телесным упокоением старались пробудить чувство благодарности к Богу за Его милосердное попечение о них. Тем, которые заботились заслужить себе блаженство на небе делами милосердия, представлялся удобный случай достигнуть этой цели или посильными приношениями в пользу больных и увечных из своего достояния или самым служением им.

«Отойди несколько от города, посмотри на новый город, – говорит св. Григорий, – указывая на странноприимный дом, построенный св. Василием близ Кесарии, – на сие хранилище благочестия, на сию общую сокровищевлагательницу избыточествующих, в которую по увещаниям Василия, вносятся не только избытки богатого, но даже и последние достояния и здесь ни моли до себя не допускают, ни татей не радуют, но спасаются и от нападений зависти и от разрушительного времени. Здесь учится любомудрию болезнь, ублажается несчастье, испытывается сострадательность». Упомянув далее о разных знаменитых древних постройках царей, удивляющих собою любопытных, продолжает: «для меня гораздо удивительнее сей краткий путь ко спасению, сие самое удобное восхождение к небу. Теперь нет уже перед нашими взорами тяжкого и жалкого зрелища; не лежат перед нами люди еще до смерти умершие и омертвевшие большею частью своих телесных членов, гонимые из городов, из домов, с торжищ, от

вод, от людей наиболее им любезных, узнаваемых только по именам, а не по телесным чертам. Их не кладут товарищи и домашние при местах народных собраний и сходбищ, чтобы возбуждали своею болезнью не столько жалость, сколько отвращение, слагая жалобные песни, если у кого остается еще голос... Василий преимущественно перед всеми убеждал, чтобы мы, как люди, не презирали людей, бесчеловечием к страждущим не бесчестили Христа – единую всех Главу, но через бедствия других благоустраивали собственное свое спасение и имея нужду в милосердии, свое милосердие давали в заим Богу. Посему, этот благородный, рожденный от благородных и сияющий славою муж, не гнушался и лобзанием уст чтить болезнь, обнимал недужных как братьев... чтобы научить своим любомудрием – не оставлять без услуг страждущие тела. Это было и многовещное, и безмолвное увещание»²⁰⁸. Но так как, несмотря на чрезвычайную обширность этого здания, не могли в нем вмещаться все больные и увечные всей области, то по предложению св. Василия учреждены были богадельни хорепископами в разных местах его архиепископии²⁰⁹. Заведение, учрежденное св. Василием, долго и по смерти его процветало и в память своего основателя названо было Василиадою²¹⁰.

Когда предпринято было св. Василием устройство этого благотворительного заведения, тогда богатые люди охотно помогали ему в этом богатыми пожертвованиями от себя. Но когда ощутилась необходимость в постоянном продолжении этих пожертвований и на будущее время, чтобы возведенные обширные здания не оставались бесплодными для тех, для которых они предназначались, тогда капиталисты и вообще люди обладавшие богатыми средствами к жизни, заботясь более об удовлетворении своих прихотей и дурных привычек или, по ложному пониманию о значении для земной жизни богатства, прелагая излишнюю заботу об увеличении своих капиталов, отказывались от дальнейших пожертвований, по крайней мере в таком количестве, какое потребно было для удовлетворения всех нужд собранных страдальцев. Поэтому для возбуждения в них чувства милосердия к нищей братии

потребовалось живое и сильное слово. Святой Василий, понимая силу и убедительность красноречия своего друга, св. Григория, пригласил его к себе с целью при его содействии расположить богатых в пользу бедных. И св. Григорий действительно не замедлил прибыть к нему и в церкви, находившейся при богадельне, произнес слово: о любви к бедным. В этом слове, чтобы расположить слушателей к снисканию одного из главных совершенств христианина – нищелюбия, он не упустил из внимания ничего, что могут сказать в похвалу благотворительности разум, совесть и слово Божие.

Боговдохновенный Псалмопевец говорит: уклонися от зла и сотвори благо (Псал. 33, 15). Руководясь этим порядком в устройстве благоугодной Богу жизни, св. Василий, чтобы расположить свою паству к спасительной для души благотворительности больным и увечным, призренным в его богадельне, нашел нужным прежде отвратить ее от дурных привычек и склонностей, которые принося только пагубу душе, требуют однако же для удовлетворения своего больших издержек. Потом уже обратил внимание на страсть обогащения, которая делая увлеченных ею бессмысленными рабами своей страсти с забвением о высоком назначении своей души, доводит и их сердце до совершенной бесчувственности и презрительной невнимательности к тяжким страданиям несчастных своих братьев о Христе.

По прошествии великого поста, на Святой неделе, когда особенно следовало бы выказать духовную радость о воскресении Господа нашего Иисуса Христа и принести плоды, долженствовавшие показать, что небесполезно для душ прошла Святая Четыредесятница, многие, как-бы вырвавшись из оков, с неистовым стремлением предавались пьянству и неизбежно всегда связанному с ним распутству. В праздник Светлой недели, таким образом, храмы Божии посещались только истинно благочестивыми христианами и потому св. Василий молчал, чтобы не оскорблять их слуха, без пользы для виновных представлением безобразной картины ослепления ума невоздержных и развращения их воли. Но когда кончились

празднества, он нашел нужным представить на суд всех безобразия пировавших.

В начале своей беседы: на упивающихся, – св. Василий говорит: – «вчерашие зрелища побуждают меня к слову, но опять и удерживает мое стремление, притупляет мое усердие бесполезность прежних трудов. И земледелец, когда не взошли у него первые семена, не с таким радением начинает сеять на тех же пашнях в другой раз. Если после стольких увещаний, которые неопустительно делал я, вразумляя вас в предшествовавшее время и которых не прекращал в течение этих семи недель поста, возвещая вам Евангелие благодати Божией, – не было пользы, то с какими надеждами буду говорить ныне?».

«О, сколько ночей напрасно проводили вы в бдении. Сколько дней напрасно собирались вы сюда! И, о если бы еще напрасно! Ибо, кто преуспев в добрых делах, снова возвратился потом к прежнему обычаю, тот не только потерял награду понесенных трудов, но даже достоин тягчайшего осуждения, потому что, вкусив доброго Божия глагола и удостоившись ведения таин, все это утратил, уловленный кратковременным удовольствием. Ибо сказано: малый достоин милости: сильный же сильнее истязани будут (Прем. 6, 6). Один вечер, одно приращение врага разрушили и в ничто обратили весь этот труд».

«Поэтому, какому быть теперь усердию к делу? «И я бы умолк (знайте это), если бы не устрашал меня пример Иеремии, который когда не хотел говорить непокорному народу, испытал на себе им самим описанное, а именно, что был у него огонь во внутренности и расслабел он отовсюду и не мог носить (Иер. 20, 9)».

«Невоздержные жены, забыв страх Божий, презрев вечный огонь, в тот самый день, когда ради воспоминаемого воскресения надлежало им сидеть в домах и иметь в мысли оный день, в который отверзнутся небеса, явится же нам с небес Судия и трубы Божии, и воскресение мертвых, и праведный суд, и воздаяние каждому по делам его, – вместо того, чтобы о сем вести беседу, очищать сердца свои от лукавых помышлений,

стирать слезами прежние грехи и уготовляться к сретению Христа в великий день Его явления, – сринув с себя иго служения Христова, сбросив с себя покровы благоприличия, презрев Бога, презрев Ангелов Его, бесстыдно выставляя себя на показ всякому мужескому взору, распустив волосы, влача за собою одежды и вместе играя ногами, с наглым взором, с разливающимся смехом неистово предаваясь пляске, привлекая к себе всю похотливость молодых людей, составив лики за городом при гробах мучеников, освященные места сии соделали местом собственного своего позора, осквернили воздух любодейными песнями, осквернили землю, нечистыми ногами попирая ее во время пляски; себя самих выставив, как зрелище, толпе юношей, став подлинно бесстыдными, совершенно иступленными, не оставив же и возможности превзойти их в неистовстве».

«Как умолчу об этом? Как и оплачу, сколько должно? Вино было у нас причиною гибели сих душ, – вино, по дару Божию данное целомудренным к облегчению в немощи, но соделавшееся ныне для невоздержных оружием невоздержания. Пьянство, – этот добровольно накликаемый бес, – через сластолюбие вторгающийся в душу, пьянство – мать порока, противление добродетели, делает мужественного робким, целомудренного похотливым, не знает правды, отнимает благоразумие. Как вода враждебна огню, так неумеренность в вине угашает рассудок. Поэтому медлил я несколько говорить против пьянства, не потому что это зло мало и может быть оставлено без внимания, но потому что никакой пользы не принесло бы слово. Если пьяный не владеет умом и омрачен, то делающий ему выговор напрасно тратит слова для не слушающего. Поэтому кому же стал бы я говорить, если имеющий нужду в увещании не слышит того, что говорят, а целомудренный и трезвый чист от этой страсти и ему не нужна помощь слова?

За сим св. Василий представляет ужасную картину опьяневшего человека. Он делается бессмысленным как животное, в словах нет связи, дерзок и неистов в гневе, как зверь, в стремлении к удовлетворению гнусных плотских

страстей бывает неудержимее всякого животного, голова на плечах не держится, руками размахивает как кукла, ноги отказываются служить и он полумертвый валяется в грязи, едва показывая признаки жизни и в таком состоянии уже не уподобляется скотам бессмысленным, а становится уже ниже и их. В конце этой печальной картины св. Василий говорит: «упивающееся достойны плача, потому что пьяницы царствия Божия не наследят (1Кор. 6, 10)».

«Люди образованные и гордящиеся своим высоким званием и состоянием, может быть скажут: это пороки грубой и невежественной толпы народной, и все сказанное к нам – не относится. Но посмотрим, на сколько выше вы стоите грубой и невежественной толпы, когда предаетесь влечению тех же страстей. Св. Василий не обленился описать и ваши наслаждения в том же роде. «Едва начинает день, – говорит он, – украшают места своих пиршеств испещренными коврами и цветными завесами, выказывают рачительность и тщательность в приготовлении сосудов для питья, расставляют сосуды охлаждающие, чаши и фиалы как бы на показ и для зрелища; как будто разнообразие сосудов может утаить от них пресыщение, а обмен и передача чаш – доставить достаточное промедление во время питья. Бывают же при этом какие-то князья вечеринок, главные виночерпии и учредители пира, в беспорядке придуман порядок и в неблагочинном деле – устройство, чтобы, как мирским властям придают важность оруженосцы, так и пьянство, подобно царице, окружалось служителями и избытком усердия закрывался позор его. Сверх того венки и цветы, благовонные масти и курения и тысячи придуманных посторонних увеселений доставляют большее развлечение гибнущим. Потом с продолжением пиршества начинаются вызовы, кто больше выпьет, состязания и подвиги между помогающими чести превзойти друг друга в пьянстве. И законодателем этих подвигов у них диавол, а наградой за победу грех. Ибо кто больше вливает в себя цельного вина, тот получает от других победные венки. Подлинно слава в стуже их (Флп. 3, 19). Состязуются друг с другом и сами себе отмщают. Какое слово может следить за гнусностью происходящего? Все

исполнено неразумия, все полно смятения! Победжденные упиваются, упиваются и победители, а прислужники смеются; руки отказались служить, уста не принимают, чрево расторгается, но зло не прерастает. Бедное тело, лишившись естественной силы, расслабело не выдерживая насилия неумеренности».

«Жалкое зрелище для очей христианских! Того, кто цветет возрастом, полон телесных сил, отличен в воинских списках, того лежащего переносят домой, он не может стоять прямо и идти на своих ногах. Кто должен быть страшен врагам, тот делается поводом к смеху детям на торжище. Он низложен без меча, убит без врагов. Человек вооруженный в самом цвете лет стал добычею вина, готов потерпеть от врагов, что им угодно. Пьянство – утрата рассудка, истощение сил, безвременная старость, кратковременная смерть. Упившиеся – что иное, как не языческие идолы? Очи имеют и не видят: уши имеют и не слышат (Пс. 113, 13–14); руки расслабели, ноги обмерли. Кто зло умыслил это? Кто виновник сих зол? Кто растворил нам этот яд неистовства? Человек! из пиршества сделал ты битву. Выкидываешь юношей, выводимых под руки, как бы раненых с поля сражения, цвет юности умертвив вином. Зовешь к себе как друг на ужин, а выкидываешь от себя замертво, угасив в нем жизнь вином».

«Когда, по мнению других, пресыщены вином, тогда начинают пить и пьют подобно скотам, как бы из явившегося вдруг источника, в котором открылось столько же ключей, сколько возлежащих. Ибо в продолжении пиршества входит к ним юноша, мужественный по сложению плеч, еще непьяный, неся огромный фиал прохлажденного вина. Оттолкнув их виночерпия, становится он на середину и через изогнутые трубки поровну делит пирующим опьянение. Вот новая мера неумеренности, чтобы равномерно друг с другом предаваясь невоздержности, никому не превзойти другого в питье. Ибо, разделив между собою трубки и каждый взяв обращенную к нему, подобно быкам, как бы из какого водоема, не переводя дыхания пьют, поспешая столько втянуть в гортань, сколько прохлаждающий сосуд дает им сверху через серебряные

винопроводы. Склонив взор на бедное свое чрево, вымеряй величину выпиваемого сосуда. Смотри не на сосуд, скоро ли его опорожнишь, но на собственное свое чрево, потому что оно уже наполнено».

Поэтому горе восстающим завтра и сикер гонящим, ждущим вечера и день проводящим в упоении, потому что нет уже у них времени на дела Господни взирать, и о делах рук Его помышлять. Вино бо сожжет я. Жар, производимый вином, сообщаясь плоти, делается поджегою для разженных стрел врага. Вино потопляет рассудок и ум и возбуждает подобно рою пчел страсти и сластолюбие. Какая колесница, влекомая молодыми конями, так бесчинно несется, сринув с себя возницу? Всякий корабль, не управляемый кормчим и несомый по волнам, куда случится, не безопаснее ли упивающегося? После подобных бед, мужчины и женщины, составив вместе общие лики и предав души винолюбивому демону, язвят друг друга жалами страстей. С обеих сторон смехи, срамные песни, любодейные подожжения тела возбуждающие к похотливости».

Итак, показав пропасть, в которую сами себя низвергают неводержные, св. Василий указывает и средство к возвращению на путь спасения. «Да уврачует, говорит он, пост – пьянство; псалом – срамные песни, слезы да будут врачеством смеха. Вместо пляски преклони колена, вместо рукоплесканий ударяй в грудь, а нарядность в одежде да заменит смирение. И паче всего милостыни да искупят тебя от греха. Ибо избавление мужа, свое ему богатство (Притч. 13, 8): приими многих несчастных в общение молитвы, да будет тебе отпущено измышление порока»²¹¹.

Разбирая притчу о лукавом домовладыке, который, вместо того, чтобы избыток своих благ раздать бедным, у которых нет ничего ни в житницах, ни самых житниц, произнес приговор под своими житницами: разорю житницы моя (Лк. 18, 12), за которым последовал небесный приговор о разлучении его души от тела, св. Василий спрашивает: «для чего же уюбзися нива у человека, который не хотел сделать ничего доброго из сего урожая? Чтоб тем в большей мере открылось Божие долготерпение, когда даже до такой степени простерлась благодать Божия, потому что

Бог дождит на праведных и на неправедных, и солнце свое сияет на злых и благих (Мф. 5, 45). Но таковая благодать Божия навлекает большее наказание на лукавствующих. Бог послал дожди на землю, возделанную руками любостяжательными; Бог дал солнце, чтобы согреть семена и умножить плоды посредством урожая... Что же присовокупил человек от себя? Злой нрав, человеконенавидение, скупость. Сим воздал он Благодетелю. Не помнил он общей природы, не думал, что избытки должно разделять неимущим, не обратил внимания на заповедь: раздробляй алчущим хлеб твой (Ис. 58, 7). Не услышаны им все пророки, все вопиющие учителя; ломались у него житницы, затесненные множеством положенного в них, а скупое сердце было не полно. Непрестанно прикладывая к старому новое и ежегодными прибавлениями увеличивая обилие, впал он в это неразрешимое затруднение, по любостяжательности не соглашаясь высыпать старое, и по множеству не находя места, где положить новое. Что сотворю... Он сетует подобно беднякам, и не то же ли самое слышим от него, что и от человека, стесненного нищетою? Что сотворю? Откуда возьму пропитание? Откуда возьму одежду? То же говорит и богатый, мучится в сердце снедаемый заботою. Что веселит других, от того сохнет любостяжательный: не радуется, что все у него в доме наполнено; но текущее к нему и льющееся через края хранилищ богатство уязвляет душу его опасением, чтобы не перепало чего-нибудь посторонним, и чтобы это не обратилось в источник какого-либо добра для нуждающихся. И мне кажется, что болезнь души его подобна болезни людей прожорливых, которые скорее согласятся надорвать себя многоядением, нежели поделиться остатками с нуждающимися».

Показав далее любостяжательному, что Господь наделил его множеством благ земных не для наполнения только его чрева, но избрал его быть только раздателем Божиих даров неимущим, говорит: «вместо того, чтобы разорять старые житницы и созидать новые для наполнения их новыми дарами благодати Божией, следовало бы сказать: наполню души алчущих, отворю свои житницы, созову всех нуждающихся. Буду

подражать Иосифу, проповедуя человеколюбие; произнесу великодушное слово: все, у кого нет хлеба, приходите ко мне; как из общих источников приобщись дарованной Богом благодати каждый, сколько кому нужно. Подражай земле, человек: приноси плоды, как она, чтобы не оказаться тебе хуже неодушевленной твари. Она возрастила плоды не для своего наслаждения, но на служение тебе. А ты, если и явишь плод благотворения, то соберешь его сам для себя, потому что благотворность добрых дел возвращается к дающим. Подал ты алчущему? И поданное тобою делается твоею собственностью, возвратившись к тебе с приращением. Как хлебное зерно, упав в землю, обращается в прибыль бросившему, так хлеб поверженный алчущему, в последствии приносит стократную пользу. Поэтому цель земледелия да будет для тебя началом небесного сеяния, ибо сказано: сейте себе в правду (Ос. 10,12)».

«Для чего же ты беспокоишься? Для чего мучишь себя, усиливаясь заключить богатство свое в глину и кирпич? Лучше имя доброе, нежели богатство много (Притч. 22,1). А если уважаешь деньги, почитая за честь иметь их, то смотри сколько дороже для славы именоваться отцом тысячи детей, чем иметь в кошельке тысячи монет. Деньги и нехотя оставишь здесь, а славу добрых дел принесешь с собою ко Господу, когда перед общим Судиею окружит тебя целый народ и будут именовать своим кормителем, благодетелем и станут приписывать тебе все имена человеколюбия. И ты скуп на издержки, когда можешь достигнуть такой славы! У тебя принимать будет Бог, хвалить тебя будут Ангелы, ублажать станут все люди, сколько их ни было от создания мира. Вечная слава, венец правды, царство небесное будут тебе наградою за доброе распоряжение сим тленным имуществом. Но ты ни о чем этом не заботишься, стараясь о настоящем, презираешь чаемое. Итак, назначь богатство на разные употребления, поставляя великолепие и славу в издержках на нуждающихся. Пусть и о тебе будет сказано: расточи, даде убогим, правда его пребывает во век (Пс. 111,9). Не дорожись, медля продажей до наступления нужды; не выжидай скудости в хлебе, чтобы отворить свои житницы: ибо продавая пшеницу скупю, от народа проклят

(Притч. 11, 26). Не жди голода для золота, ни общей скудости для собственного своего обилия. Не корчемствуй людскими бедствиями, гнева Божия не обращай в случай к умножению у себя денег. Не раздирай ран у тех, которые биты бичами».

Представив глазам любостяжательных богачей страшную нужду бедняков и их отчаяние от безнадежности продлить свое существование еще на несколько дней, показывает им, как должны быть жестоки их сердца, когда в них не только не пробуждается чувство сострадания к бедствиям собрата, но и думают извлечь самые выгоды для себя из бедствия страждущих. Тем, которые стараются оправдать свою бесчеловечную любостяжательность надеждою долгой жизни и необходимостью жить прилично своему званию и состоянию, указывает на евангельского богача, который при виде только зреющих колосьев на поле, говорит своей душе: яждь, пей, веселись, не помышляя о суде Божию на небе, который в первую же ночь после такого решения совершился над ним. Поэтому тем, которые недугуют тою же болезнью, но над которыми по долготерпению Божию еще не совершился суд Божий, св. Василий говорит: «всюду да будет перед тобою пример осуждаемого богача, который, охраняя настоящее, беспокоясь об ожидаемом и не зная наверно, проживет ли завтра, сегодня уже грешит и на завтрашний день. Не приходил еще проситель, а он предварительно показал уже свою жестокость; не собрал еще плодов, а заслужил уже осуждение за любостяжательность. Земля готовила ему богатый пир, заранее показывая на нивах обильную жатву, открывая на виноградных лозах множество гроздов, предлагая маслину, точащую плод, обещая всякое наслаждение в древесных плодах; а он был негостеприимен и бесплоден. Еще не собрал и завидует уже нуждающимся. А сколько опасностей до собрания плодов? И град иногда побивает, и зной похищал почти из рук, и вода неблагоприятно изливается из облаков, портила плоды. Почему же не молишься Господу, чтобы довершил милость, но предварительно делаешь себя недостойным принять, что имеешь уже в виду? Ты втайне говоришь сам с собою, но слова твои оцениваются на небе. Потому оттуда приходит к тебе и

ответ. Что же говорит богатый? Душе, имаши многа блага лежаща; яждь, пей, веселися ежедневно. Какое безумие! Если бы у тебя была душа свиньи, чем иным кроме этого, порадовал бы ты ее? Столько ты скотоподобен, до того несведущ в душевных благах, что предлагаешь душе плотские снеди! Что принимает в себя чрево, то назначаешь ты душе. Если в душе есть добродетель, ежели исполнена она благих дел, ежели близка к Богу, то имеет многа блага и пусть веселится прекрасным душевным веселием. Но поскольку мыслишь ты земное, чрево у тебя богом, весь ты стал плотским, поработился страстям; то выслушай приличное тебе наименование, которое дал тебе ни кто-либо из людей, а сам Господь: безумне! в сию ночь душу твою истяжут от Тебе: а яже уготовал вси, кому будут? Такое осмеяние безрассудства тягостнее вечного наказания!»

«Тот, кто в скором времени будет похищен, что предпринимает? Разорю житницы моя и большая созижду. Прекрасно делаешь, – сказал бы я ему, – потому что сокровищницы неправды того и стоят, чтобы их разорить. Разрушь своими собственными руками, что худо тобой построено; разломай хлебные закрома, от которых никто никогда не отходил с утешением. Уничтожь все здание, которое охраняет любостыжательность; сломай кровли, разбери стены, открой солнцу покрытую плесенью пшеницу, освободи из-под стражи заключенное в узы богатство, отвори всем на показ темные убежища мамоны».

«Разорю житницы моя и большая созижду. А если и их наполнишь, что тогда придумашь? Ужели будешь опять разорять и опять строить? Но что безумнее этого – бесконечно трудиться, тщательно созидать и прилежно разорять? Ежели хочешь, есть у тебя житницы, – это дома бедных. Скрывай себе сокровище на небеси (Мф. 6, 20). Что там положено, того ни червь не поядает, ни тля не изводит, ни разбойники не расхищают».

«Но тогда буду уделять нуждающимся, когда наполню вторые житницы. Долгие лета жизни ты назначил себе. Смотри, чтобы не предварил тебя поспешающий срок. Это обещание

показывает не доброту, а лукавство; потому что обещаешь не с тем, чтобы давать впоследствии, но чтобы отказать на сей раз. Что ныне препятствует подаянию? Бедного ли нет? Житницы ли не полны? Награда ли не готова? Заповедь ли не ясна? Но голодный чахнет; нагий цепенеет; должник притеснен: а ты откладываешь милостыню до завтра! Послушай Соломона: не рцы: отшед возвратися, и завтра дам: не веси бо, что породит находящий день (Притч. 3, 28)»²¹².

В беседе к обогащающимся св. Василий показывает, какие ничтожные предлоги к своему оправданию придумывают люди богатые, когда отказываются помогать бедным. Нет нужды, которые они придумывают, скорее служат к их обвинению, показывая, что они тратят тысячи на такие потребности, без которых легко может обойтись каждый человек, сколько-нибудь разумно обсуждающий свои действия. «Послушай, какие у них распоряжения: эта часть говорят, пойдет в употребление, а эта отложится в запас; и часть, назначенная на покрытие нужд, пусть превысит пределы необходимости: вот это послужит на домашние расходы, а это отделится на то, чтобы показать себя людям; этого станет на пышность в дороге, а это сделает, чтобы сидя дома, жить светло и знатно. А мне остается только дивиться такой выдумке излишеств. У них тысячи колесниц; на одних возят всякую рухлядь, другие покрыты медью и серебром и на них ездят сами. У них множество коней и им как людям ведут родословные, уважая за благородство отцов: одни возят этих сластолюбцев по городу, другие участвуют с ними в охоте, иные объезжены для дороги. Узды, подпруги, хомуты все серебряные, все осыпаны золотом; попоны из багряницы украшают коней, как женихов. У них множество мулов, разделенных по цвету; возничие их сменяют друг друга, одни впереди, другие сзади. У них несчетное множество других домашних слуг, чтобы стало для пышности всякого рода, управители, ключники, землепашцы, обученные всякому ремеслу и необходимому и изобретенному для наслаждения и роскоши; повара, хлебопеки, виночерпии, охотники, ваятели, живописцы, учредители удовольствий всякого рода. У них стада верблюдов, то перевозящих тяжести, то пасущихся, табуны

лошадей, гурты быков, овец и свиней; при них свои пастухи; у них своя земля достаточная для прокормления и еще приумножающая богатство полученными с нее доходами. У них бани в городе, бани по деревням. Дома сияют мраморами всякого рода, один из фригийского камня, другой из лакедемонской или фессалийской плиты; и одни дома согревают зимой, другие прохлаждают летом, полы испещрены разноцветными камнями, потолки вызолочены; где нет на стенах мрамора, там украшено живописными цветами».

Но если таковому расточительному мужу попадется и жена, любящая роскошь и щегольство, то еще вдвое увеличивается расход. «Прихоти она воспламеняет, и сластолюбие увеличивает и раздражает суетные положения», придумывая какие-то драгоценные камни, жемчуги, изумруды, яхонты, употребляя золото, то кованое, то тканое и усиливая болезнь глупостями всякого рода: потому что не по временам только занимаются этим женщины, но дни и ночи проводят в заботах о сем. И тысячи каких-то ласкателей, угождая их пожеланиям, приводят красильщиков, серебрянников, муроваров, ткачей, набойщиков. Ни на минуту не дают вздохнуть мужу, муча его непрерывными своими приказами. На удовлетворение женских пожеланий нестанет никакого богатства, хотя бы оно текло реками, когда им захочется иметь у себя привозимое от варваров миро, как масло с рынка, морские цветы, раковины, морское перо, и в бóльшем еще количестве, нежели овечью шерсть. А золото, служа оправой драгоценным камням, составляет у них убор то на челе, то на шее, то в поясах или оковывает собою руки и ноги. Ибо златолюбивым женщинам приятно носить на руках оковы, только бы оковывало их золото. Поэтому, когда позаботиться о душе человеку, который услуживает женским пожеланиям?! Как от бурь и непогод тонут непрочные корабли, так от худых наклонностей жен гибнут немощные души их сожителей. А богатство, расточаемое на столько предметов и мужем и женою, которые превосходят друг друга в изобретении суетных трат, естественным образом не имеет уже никакого случая перейти к посторонним. Если слышишь: продаждь имение твое и даждь нищим, чтобы иметь

напутие к вечному блаженству: отходишь скорбя. Если же скажут: отдай деньги роскошным женщинам, отдай каменотесцам, столярам, мозаикам, живописцам, ты радуешься, как приобретающий нечто драгоценнейшее денег».

Обращая взор себялюбивых и жестокосердых к бедным, богачей на развалины прежних роскошных домов, чтобы показать суетность их теперешних забот и вместе гибельность для их душ, св. Василий говорит: «не видишь ли этих стен, разрушенных временем и которых остатки, подобно каким-то курганам, возвышаются по всему городу? Когда воздвигали их, сколько было в городе бедных, которых тогдашние богачи презрели, заботясь об этих зданиях? Где же сии пышные постройки? Где возбуждавшие соревнование таким великолепием? Не обращено ли все в кучу и не истреблено ли, подобно тому, что дети для забавы вылепливают из песка; а строитель не в аде ли раскаивается, что заботился о суетном? Старайся иметь великую душу; а стены, малы ли, или велики, той же удовлетворяют нужде. Когда вхожу случайно в дом человека глупого и некстати богатого и вижу, что дом испещрен всякого рода цветами, тогда узнаю, что у этого человека нет других драгоценностей, кроме видимых, что он украшает бездушные вещи, а душа у него не украшена. Скажи мне, к какому выгоднейшему употреблению служат серебряные ложа и серебряные столы, постели и сидалища из слоновой кости, между тем как ради их богатство не переходит к бедным, хотя они тысячами стоят у дверей и оглашают их всяким жалобным голосом.

Но богачи в самом множестве бедных стараются отыскать для себя повод к уклонению от пособия им. Говорят: бедных слишком много и всем невозможно помочь; и потому проходят без внимания всех, не оказывая пособия никому. Св. Василий таким говорит: твой язык подтверждает это клятвою, но рука обличает в противном; она безмолвно разглашает твою ложь, сияя дорогим камнем в перстне. Один твой перстень сколько человек может освободить от долгов? сколько поправить падающих домов? Один сундук твой с одеждами может одеть целый народ, цепенеющий от холода. Но ты с ожесточением

отсылаешь бедного ни с чем, не страшась праведного воздаяния от Судии: ты не помиловал и не будешь помилован; не отворил дома и не будешь допущен в царствие, не дал хлеба и не получишь жизни вечной».

Показав далее, что любостяжательный не только мучит себя самого ненасытностью своих желаний, при всем изобилии земных благ уязвляясь постоянною скорбью о том, что он не достиг еще того, что имеют один или два превышающие его богачи, не только делается неспособным вознестись к Богу с чувством благодарности за полученные блага и выразить свою признательность к Нему пособием своим собратиям по вере, лишенным даже необходимого к существованию, но самая любостяжательность его доводит его до многих неправд и преступлений. «Ничто, – говорит св. Василий, – не противится силе богатства, все преклоняется перед его самовластием, все трепещет его владычества; потому что всякий из обиженных более думает о том, как бы еще не потерпеть какого зла, нежели о том, как бы отмстить за претерпенное. Богатый приводит пары волов, пашет, сеет, жнет на земле, ему не принадлежащей. Если станешь противоречить, – тебе удары. Если станешь жаловаться: обвинять тебя в оскорблении, осудят, будешь сидеть в тюрьме; готовы клеветники, которые доведут тебя до опасности лишиться жизни. Рад будешь и еще что-нибудь отдать, только бы освободиться от тяжбы».

«Желал бы я, чтобы отдохнул ты немного от дел неправды, дал время своему рассудку размыслить, к какому концу стремится попечение об этом. Есть у тебя такое-то число десятин обработанной земли и еще такое же число земли, заросшей лесом, горы, равнины, овраги, реки, луга. Что же после сего? Не всего ли три локтя земли ожидают тебя? Не достаточно ли будет тяжести немногих камней, чтобы охранять жалкую плоть? Для чего трудишься? Для чего поступаешь незаконно? Для чего собираешь своими руками бесплодное? И, о если бы еще только бесплодное, а не пищу для вечного огня! Отрезвишься ли когда-нибудь от сего упоения? Будешь ли иметь здравый рассудок? Придешь ли в себя самого? Представишь ли перед своими очами Христово судилище? чем

оправдишься, когда обиженные станут вокруг тебя и возопиют на тебя праведному Судии? Каких наймешь себе ходатаев? Каких представишь свидетелей? Как уверишь Судию, не поддающегося никакому обману? Там нет витий, нет убедительного красноречия, которое бы могло скрыть истину перед Судией. Туда не сопровождают ни льстецы, ни деньги, ни величие сана. Предстанешь один без друзей, один без помощников, не защищаемый, не оправдываемый, постыженный, печальный, унылый, всеми оставленный, не смеющий отверсть уст. Куда ни обратишь взор, везде увидишь ясные изображения злых дел: здесь слезы сироты, там стенания вдовицы, а с другой стороны бедные, тобой избитые слуги, которых ты мучил, соседи, которых раздражал. Все восстанет против тебя, лукавый сонм злых твоих деяний окружит тебя. Ибо, как за телом тень, так за душою следуют грехи, явственно изображавшие ее дела. Поэтому, там нет места заpiresательству, но заграждаются уста самые бесстыдные; потому что сами о себе свидетельствуют дела каждого, не голос издавая, но являясь такими, как были нами соделаны. Как изображу перед твоими взорами сей ужас? Если только слушаешь меня, если только принимаешь сие к сердцу: то помни тот день, в который открывается гнев Божий с небесе (Рим. 1, 48), помни славное пришествие Христова, когда востанут сотворшии благая в воскрешение живота, а сотворшии злая, в воскрешение суда (Ин. 5, 29). Тогда вечный стыд грешникам и огня ревность поясти хотящего сопротивные (Евр. 10, 27). Пусть это огорчает тебя, но да не огорчает заповедь. Как мне подействовать на тебя? Что сказать тебе? Ужели не желаешь царствия? не боишься геенны? Где сыщется врачевание для души твоей? Если ужасное не устрашает, радостное не возбуждает, то каменному говорю я сердцу».

Указав на природу золота и других драгоценных камней, разъясняет как бесславно для людей, разумных существ, находить для себя славу в блеске золота или камней, которые несколько не изменяют их личных достоинств и никогда не приносят истинных благ, а нередко служат поводом к многим порокам и увеличению страданий не только частной жизни

человека, но и целых обществ и народов. «Какой любитель нарядов, – говорит св. Василий, – мог прибавить хотя один день своей жизни? Щадила ли кого смерть ради богатства? Миновала ли кого болезнь ради денег? Долго да быть золоту силками для душ, удою смерти, приманкою греха? Долго ли богатству служить предлогом к войнам, ковать оружия, изошрять мечи? Ради его родные не знают естественных уз, братия смотрят друг на друга убийством. Ради богатства пустыни питают в себе убийц, море – разбойников, города ябедников. Кто отец лжи? Кто виновник ложных подписей? Кто породил клятвопреступление? Не богатство ли? Не старание ли о богатстве? Что с вами делается, люди? Кто вашу собственность обратил в средство уловлять вас? Имение дано нам в пособие жизни, а не в напутие к злу, на искупление души, а не в повод к гибели».

Любостязательные, не имея другого благовидного предлога к оправданию своих неправд и жестокосердия к бедным, думают укрыться за детьми от позора и заслуженного осуждения. Говорят: у нас дети, надобно им оставить состояние, чтобы они могли жить прилично своему званию и своему положению в свете. – «Это, – говорит св. Василий, – благовидный предлог любостязательности; ссылаетесь на детей, а удовлетворяете собственному сердцу. Не вини невинного, у него свой есть Владыка, свой Домостроитель; от другого получил он жизнь, от Него ожидает средств к жизни. Разве не для вступивших в браки написаны Евангелия? Аще хочещи совершен быти, продаждь имение твое, и даждь нищим (Мф. 19, 21). Ужели, когда у Господа просил ты благочадия, когда молился, чтобы быть тебе отцом детей, присовокуплял в молитвах это: дай мне детей, чтобы преслушать заповеди Твои; дай мне детей, чтобы не достигнуть небесного царства? Кто же будет поручителем за произволение сына, что употребит данное, как должно? Богатство многим послужило к распутству. Не слышишь ли, что говорит Экклесиаст: видех тяжкий недуг, богатство хранимо от стяжателя во зло ему (Еккл. 5, 12); еще: оставляю его человеку, будущему по мне: и кто весть, мудр ли будет, или безумен (Еккл. 2, 18–19)? Итак, смотри, чтобы тебе,

со многими трудами собрав богатство, не приготовить для других удобства ко грехам и потом не понести двойного наказания, – и за то, что сам делал неправду и за то, что другого снабдил к тому средствами. Душа не ближе ли тебе всех детей? Не в ближайшем ли она с тобою свойстве, нежели все прочее? Ей первой дай лучшую часть наследия, ей доставь богатые средства к вечной жизни, и тогда уже дели имение детям. Дети, и ничего не наследовав от родителей, нередко наживали себе дома; но кто сжалится над душою, если она тобою оставлена?»?

Это говорено было отцам. Но что же скажут в свое оправдание бездетные собиратели богатств? «Не продаю имения, говорит такой, не даю нищим по причине необходимых нужд в жизни. – Следовательно, – отвечает ему св. Василий, – не Господь – твой Учитель, не Евангелие служить правилом для твоей жизни. Но сам ты даешь себе законы. Смотри же, в какую опасность впадаешь, рассуждая так! Если Господь предписал нам сие как необходимое, а ты отвергаешь как невозможное, то не иное что утверждаешь, а то, что ты разумнее Законодателя».

Любостяжательный, не отвергая совершенно обязательности закона Божественного и для себя, но желая совместить исполнение воли Божией с удовлетворением всех своих прихотей и страстей, говорит: насладившись богатством в продолжение всей жизни, по смерти сделаю бедных наследниками своего имения, письменно и в завещаниях объявив их владетелями всего моего. – «Когда не будешь уже, – отвечает так рассуждающему св. Василий, – в кругу людей, тогда сделаешься человеколюбивыми. Когда увижу тебя мертвецом, тогда назову братолюбцем. Великая тебе благодарность за щедролюбие, что лежа в гробнице и разрешившись в землю, стал ты не бережлив на расходы и великодушен! Скажи мне, за какое время потребуешь награды? За время ли жизни, или за время смерти? Но пока был ты жив, тратил жизнь на удовольствия, погружался в роскошь; тебе несносно было и взглянуть на бедных; а у умершего какая деятельность? На какую награду имеют право поступки его? Покажи дела и требуй воздаяния. Никто не торгует, когда срок

торга кончился; никто не увенчивается, если пришел по окончании борьбы; никто не показывает своего мужества после брани. Поэтому, как очевидно, и после жизни невозможно стать благочестивым. Обещаешься делать благодеяния чернилами и на письме? А кто скажет тебе время отшествия? Кто поручится, какая будет твоя кончина? Сколько людей были похищены из жизни в сильных припадках, так что от страдания не могли произнести и одного слова? Как многих горячка делала не владеющими умом! Для чего же ждешь времени, в которое, как часто случается, не будешь господином своих помыслов? Глубокая ночь, тяжкая болезнь, а помощника нет; простирающий замыслы на наследство готов все устроить в свою пользу и твои намерения сделает неисполнимыми. Тогда-то озревшись туда и сюда, и увидя окружающую тебя пустоту, почувствуешь, наконец, свое безрассудство; тогда-то вздохнешь о своем неразумии, что до такого времени отлагал ты исполнение заповеди, когда и язык ослабевает и дрожащая рука трясется уже от предсмертных содроганий и ты ни на словах, ни на письме не можешь объявить своей воли».

Но некоторые даже и в завещаниях в пользу бедных руководствуются не любовью к Богу и ближним, а чувством нерасположения к родным, которые имели бы право на их имение. Таковым св. Василий говорит: «во время жизни, себя самого ты предпочитал заповеди, а по смерти и разрушении предпочитаешь заповедь врагам; – говоришь, чтобы не досталось такому-то, пусть возьмет Господь. Чем же назвать это, – мщением ли врагам или любовью к ближним? Прочитай свое завещание. Хотелось бы мне еще пожить и насладиться своим имуществом. – Следственно благодарность смерти, а не тебе: если бы ты был бессмертен, то не вспомнил бы о заповедях. Не льститесь, Бог поругаем не бывает (Гал. 6, 7). Мертвое не приводится к алтарю, приноси жертву живую. Кто приносит избытки, тот не приемлется: а ты, что осталось в избытке после целой жизни, то приносишь Благодетелю. Если остатками трапезы не смеешь угощать знаменитых людей, то как же осмеливаешься остатками умиловать Бога?»²¹³

В заключение советует богатым, на основании их собственной и сильной любви к богатству, ничего не оставлять здесь на земле, но все брать с собою, к чему подают самый удобный случай руки бедных, больных и увечных.

Эти два предшествующие слова св. Василия к людям любостяжательным не только принесли желаемый плод, по отношению к его богадельне, и вообще ко всем бедным, но и не уменьшили любви обличаемых к провозвестнику спасительной истины. В начале своей беседы о том, что не должно прилепляться к житейскому, св. Василий говорит: «обращая на вас при всяком разе язвительное жало слова, думал я, возлюбленные, что покажусь вам несколько досадным, потому что обнаруживаю какую-то излишнюю смелость, неприличную человеку пришлому и неизъятому от подобных же обвинений: но вы обличениями возбудились к благорасположенности, и раны, наносимые моим языком, обратили в повод воспламениться большею любовью. И это не удивительно, потому что вы мудры в духовном. Обличай премудра, и возлюбит тя (Притч. 9, 8), говорит где-то в своих писаниях Соломон. Посему и теперь, братие, приступаю к тому же увещанию, желая как бы то ни было, отвести вас от сетей диавола».

Показывает далее, что диавол ежедневно сильную и постоянную ведет с нами брань. Он, обладая могучею силою, мог бы, конечно, всех людей без замедления низринуть на крайнюю степень развращения и неверия, и вместе с тем, всех подвергнуть вечному осуждению, чтобы тем только показать Богу, против Которого сам восстал, свою силу и свою злобу, хотя без улучшения своей личной судьбы. Но Господь, по своему бесконечному милосердию к роду человеческому, связал его самого неразрешимыми узами, чтобы он не мог сделать насилия ни одному человеку, если человек, по любви к Господу, противится его искушениям. Поэтому-то диавол при всей своей злобе может наносить вред человеку только разными ухищрениями, но всегда, подобно разбойнику скрывающемуся при пути, старается остаться незамеченным так, чтобы падший не мог подметить его козни, а считал свое падение

естественным следствием своей только неосторожности и невнимательности. Цель же при этом у врага состоит в том, чтобы человек не замечая его козней, и постоянно падал и разбивался, пока не нанесет себе смертельной раны. «Поэтому, – говорит св. Василий, – если желаешь безопасно пройти подлежащий путь жизни, представить Христу и душу и тело свободными от стыда, иметь на себе язвы (свидетельствующие о нашей храброй и упорной борьбе со врагом), и получить победные венцы: то должны мы обратить всюду бодрственные душевные очи, на все приятное смотреть подозрительно, без замедления пробегать это мимо и ни к чему не прилепляться мыслью, – хотя бы казалось, что золото лежит рассыпано кучами и готово перейти в руки желающим; ибо сказано: богатство еще течет, не прилагайте сердца (Пс. 61, 11), хотя бы земля произращала наслаждения всякого рода и предлагала многоценные кровы: наше бо житие на небесех есть, отонудуже и Спасителя ждем Христа (Флп. 3, 20); хотя бы предстояли пляски, пиры, пьянство, оглашаемые свирелями ужины; ибо сказано: суета суетствий, всяческая суета (Еккл. 1, 2); хотя: бы представлялась красота тел, в которых живут порочные души; ибо премудрый, говорит: от лица жены, яко от лица змиина бежи (Сир. 21, 2; Сир. 25, 18); – хотя бы предлагались господство и самовластие, толпы телохранителей или льстецов, даже высокий и светлый престол, подчиняющий нам народы и города в добровольное рабство; ибо всяка плоть, яко трава, и всякая слава человека, яко цвет травный, исше трава, и цвет ея отпаде (1Пт. 1, 24). Под всем этим, столько приятным, сидит общий враг выжидая, не совершимся ли когда с правого пути, прельщенные видимым и не уклонимся ли к его засаде. И весьма опасно, если когда-нибудь подойдя к сему неосторожно и не почтя вредною приятность наслаждения, проглотим в первом вкушении сокрытую уду коварства, а потом через нее, волею или неволею, сделаемся привязанными к таким вещам и неприметно увлечемся сластолюбием на страшное перепутье к этому разбойнику, то есть, в смерть».

Показав, что все земные блага, каковы бы они ни были и в чем бы ни состояли, не стоят того, чтобы привязываться к ним

сердцем уже потому, что и они нас оставляют иногда внезапно вследствие каких-либо неблагоприятных обстоятельств и мы их оставляем по неволе при смерти, хотя бы и не желали с ними разлучаться, унося с собою только позднее раскаяние о несправедном приобретении их или несогласном с законом Божиим пользовании ими. – Внушает «сколько возможно более заботиться о душе и употреблять все меры к соблюдению ее чистою, а на плоть, истаивает ли она голодом, или борется со стужей и теплом, или страдает от болезней, или терпит от кого-либо насилие, мало обращать внимания, при всякой скорби взывая и говоря словами Апостола: аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни (2Кор. 4, 16). И видя, приближение опасностей, угрожающих жизни, не окажемся в таком случае боязливými, но с упованием скажем сами себе: вемы, яко аще земная наша хранина тела разорится, создание от Бога имама, храмину нерукотворенну, вечну на небесех (Кор. 5, 1). – Если же кто хочет пощадить и тело, как единственное достояние необходимое душе и содействующее ей в земной жизни: то не много займется его нуждами, чтобы только поддержать его и через умеренное попечение сохранить здоровым на служение душе, а не давать ему воли скакать от пресыщения. Если же увидит, что оно распаляется пожеланием бóльшего и выходящего за пределы полезного, возопиет ему, узаконяя словом Павловым: ничтоже внесохом в мир сей яве, яко ниже изнести что можем: имуще же пищу и одеяние сими довольни будем (1Тим. 6, 7–8). Сие непрестанно повторяя и взывая телу, соделаем его покорным и всегда легким для небесного шествия, лучше же сказать: приобретем в нем сотрудника в подлежащих подвигах».

Сделав такого рода внушение, убеждает обладателей большим богатством уделить излишек бедным, чтобы через то сохранить его для вечности. Указывая же вместе с сим на то, как они злоупотребляют своим достоянием, выражает опасение, чтобы они не подверглись гораздо большему наказанию, нежели какому подвергся богач, живший по вся дни светло, но не обращавший никакого внимания на лежавшего у его ворот Лазаря. «Боюсь, – говорит св. Василий, – воспоминаю богача

томившегося во аде, что поразят нас словами еще более сих горькими, потому что мы, как сами знаете, превосходим этого богача лукавством. Не потому, что совершенно скупы на богатство, проходим мы мимо лежащих братьев; не потому, что бережем имение детям или другим родным, заграждаем слух, когда просят у нас: напротив того, расточаем на худшее и щедрость свою обращаем на поощрение к пороку людей, преданных оному. У многих при столе сколько собрано мужей и жен! Одни забавляют дающего пир срамными словами; другие нескромными взорами и телодвижениями воспламеняют огонь неводержности; иные колкими шутками друг над другом стараются рассмешить призвавшего, а другие обманывают его ложными похвалами. И не ту одну они получают выгоду, что угощены пышно, но уходят с полными руками всяких даров и узнают через нас, что гораздо полезнее для них пускаться на подобные сим дела и в этом упражняться, а не в добродетелях! А если стал перед нами нищий, который едва может говорить от холода: отвращаемся от того, кто одного с нами естества, гнушаемся им, поспешно бежим прочь, как бы страхась, что пошедши медленнее, сделаемся участниками в том же бедствии. И если он, стыдясь своего несчастья, потупляет взоры в землю: говорим, что промышляет лицемерием. Если понуждаемый жестоким голодом смотрит на нас смело: опять называем бесстыдным и наглым. Если, по случаю, покрыт твердою одеждою, которую кто-нибудь ему подал: гоним его от себя, как ненасытного и клянемся, что нищета его притворная. А если прикрыт согнившими рубищами: опять гоним прочь за зловоние, и хотя к просьбам своим присовокупляет он имя Творца, хотя непрестанно закликает, чтобы и мы подверглись подобным страданиям, никак не может переменить нашего безжалостного решения. За сие-то боюсь тягчайшего геенского огня в сравнении с оным богачом»²¹⁴.

Глава VIII

Враждебные отношения к св. Василию Евстафия, Епископа Севастийского и вредные последствия клевет, разносимых им повсюду. Уклонение Евстафия в ересь арианскую. Неприязненные отношения к св. Василию приморских Епископов и примирение с ними. Неприязненные отношения к св. Василию Назианзской паствы и ее Архиепископа, и вразумление их св. Василием. Принесение в Кесарию разных мощей св. мучеников, и слово св. Василия в честь св. мученика. Назначение в Каппадокию нового наместника, и изгнание св. Григория Нисского, брата св. Василия. Заточение в ссылку Евсевия Епископа Самосатского, и Мелетия Архиепископа Антиохийского. Заботливость св. Василия об умиротворении Восточной Церкви при содействии Валентиниана, Императора Западной Империи. Переписка с западными Епископами и убеждения св. Василия относительно их главного Епископа, добытые последствиями этой переписки. Предсказание св. Василия о скором окончании владычества ариан. Исполнение этого предсказания. Смерть Валента и возвращение из заточения православных Епископов на прежние их кафедры. Кончина св. Василия и торжество его погребения. Повесть об особых духовных дарованиях св. Василия, проявившихся еще при его жизни на земле.

Умиротворив Епископов, недовольных его занятием Архиепископского престола в Кесарии, утвердив мирные отношения с Анфимом, епископом Тианским, хотя и с пожертвованием половины своих владений, победив и в некоторой степени, преклонив на свою сторону враждовавших против него Императора и первого при нем вельможу – Модеста, доставив покойный приют множеству бедных больных и увечных, устроив много мужеских и женских обителей, дававших приют ревнителям благочестия, возвысив нравственное состояние своей паствы и утвердив ее в непоколебимой преданности православной вере, что оставалось св. Василию, как не радоваться о могущественном

содействии благодати Божественной всем его благим предприятиям? Казалось бы так. Но не таков суд Божий. Сказано: много скорби праведным (Пс. 33, 20). И этот суд Божий особенно должен был совершиться над св. Василием, который при первом вступлении в иноческую жизнь, сам себя лишил всех земных радостей, на которые имел право и которыми мог пользоваться, как украшенный блистательными способностями и высоким образованием и вместе как наследник богатых имений, остававшихся в его распоряжении по смерти родителей. Раздав все свое имение бедным, посвятив все свои силы душевные и телесные на служение Богу и Его святой Церкви, св. Василий жаждал только одной славы на небе и преблагий Господь, милосердным оком призирая на его святое желание, не хотел убавить и одного луча из того блеска славы, которая ожидала его на небеси и потому попустил ему испытать чашу горести до дна.

Враги были все усмирены, но диавол дышущий непримиримую злобою против всех истинных служителей Божиих, воздвиг святому Василию коварного и непримиримого врага в одном человеке, на которого он смотрел доселе как на своего истинного друга. – Еще в первые дни жизни своей в пустыни св. Василий вошел в тесное дружество с Евстафием, епископом Севастийским, который был тогда начальником аскетов в Понтийской области. Внимание св. Василия привлек к себе Евстафий своим наружным постническим видом и мнимой бдительностью над чистотою не только слов, но и помыслов сердечных. И так как он казался искренним другом, поэтому св. Василий вверился ему во всем. Но Евстафий в действительности был лицемер, преследовавший только свои выгоды, и к тому же был еретик. – Когда св. Василий был возведен на степень Архиепископа, то Евстафий, стараясь для своих выгод поддержать со св. Василием дружественные отношения и даже где нужно управлять им, прислал к нему, как искренний друг к своему другу, двух из своих аскетов с тем, чтобы они живя с ним вместе, помогали ему советом и делом. Св. Василий без всяких подозрений принял их как друзей и благодарил за них Евстафия. Многие же другие, особенно

Епископы, знали Евстафия, каков он есть в действительности, и недовольны были дружеством с ним св. Василия и не ожидали ничего доброго от присланных к нему для услуг аскетов. Но св. Василий, доверившись слишком благочестивой наружности Евстафия, оказывал полную доверенность присланным от него аскетам. Аскеты же, как достойные ученики своего учителя, обо всех делах св. Василия доносили Евстафию и потом, тайно ушедши от св. Василия, распространяли в народе самые невероятные и оскорбительные для него клеветы. – Чистая и святая душа св. Василия, скорбя о коварстве лицемерных аскетов и соблазне в народе, произведенном их побегом, не хотел однако же, подозревать в их нечестии их учителя – Евстафия. И потому он писал Евстафию как еще другу, чтобы он расследовал их поступки и не вверялся их клеветам, дабы они не могли охладить взаимной их между собою любви²¹⁵.

Но Феодот, епископ Никопольский, митрополит всей Армении, в области которого находился и Евстафий Севастийский, знал его хорошо и потому предупреждал св. Василия, чтобы он прекратил с ним общение как с еретиком. Св. Василий скорбел за мнимого своего друга, но не хотел еще довериться взводимым на него обвинениям. Для решения вопроса, должно ли оставаться в общении с Евстафием, Феодот Никопольский приглашал св. Василия в Фергам на праздник Мучеников. Св. Василий на пути в Армению решился заехать к Евстафию, чтобы достовернее убедиться в образе его мыслей относительно предметов веры и о всем сообщить Феодоту для постановления общего решения. Из разговора с Евстафием св. Василий мог убедиться, что обвинения не неосновательны. Но проведши с Евстафием целых два дня в рассуждениях, св. Василию показалось, что он успел привести его в единомыслие с собою и потому предполагал предложить Феодоту потребовать только от Евстафия подписи православного символа для удостоверения в правоте его мыслей. Но Феодот узнавши о том, что св. Василий был у Евстафия и не зная цели его посещения, так огорчен был этим, что не хотел более приглашать Василия к предстоявшему празднеству, подозревая его самого в неправомыслии вместе с Евстафием. Св. Василий,

узнав об этом, отложил свое путешествие в Армению, и с половины пути возвратился в Кесарию²¹⁶.

Получив повеление от Императора через военачальника Терентия устроить дела армянских Церквей вместе с Митрополитом никопольским Феодотом и дать им епископов, св. Василий снова отправился в Армению. При свидании с Феодотом старался объяснить ему, как цель его свидания с Евстафием, так и последствия беседы. Но Феодот напротив открыл ему, что Евстафий, после совещаний с ним, хвалился перед учениками своими, что ни в чем ему не уступил и что касательно веры ни в чем с ним не согласен. Св. Василий и после этого не решился прервать общение с Евстафием, как с еретиком и потому для разрешения недоумения положено было предложить Евстафию исповедание веры для подписания. Это исповедание содержало в себе, кроме символа Никейского, дополнительное определение учения церковного о Духе Святом и прямое осуждение лжеучений Маркелла и Савеллия. Св. Василий принял на себя труд передать его для подписания Евстафию. Но Феодот, несмотря на это, оставался неизменен в своем мнении относительно Евстафия и продолжал питать нерасположение к св. Василию и не хотел даже иметь с ним общения в утренних и вечерних молитвах, а также отказался идти с ним в город Саталу для устроения дел тамошней Церкви²¹⁷. Изнуренный отдаленным путешествием, еще более огорченный враждою Феодота, св. Василий принужден был снова возвратиться в Кесарию, не достигнув желанной цели примирения. С пути он, между прочим писал своему другу Евсевию, епископу Самосатскому: «обстоятельства, о которых, каковы бы ни были и сколько бы меня ни огорчали, ничего не скажу сам, однажды навсегда решившись забывать все неприятное, расскажет твоему благочестию мой содиакон. А тело у меня совершенно отказалось служить, даже и малейшего движения не могу переносить без боли»²¹⁸. С удовольствием отдал бы и жизнь свою, – писал св. Василий к тому же Евсевию, – только бы угасить пламень ненависти, возженный лукавым»²¹⁹.

Руководясь этим чувством миролюбия, св. Василий снова отправился к Евстафию для подписи исповедания веры. Евстафий подписал. Св. Василий успокоился и назначил место для нового собора, на который должен был явиться и Евстафий для утверждения мира с прочими Епископами, чуждавшимися общения с ним. Но Евстафий не явился на собор и никого не прислал для заявления о причинах своего отсутствия, а сообщники его прямо обвиняли св. Василия, будто он проповедует новую веру и ни за что не согласился допустить своего Епископа до общения с ним. На сторону Евстафия перешел и Епископ каставальский Феофил. Таким образом, не дождавшись Евстафия, св. Василий со стыдом и со скорбью в сердце должен был распустить собрание²²⁰. Вскоре Евстафий показал себя вполне к великой скорби защищавших его и к утешению врагов православия. Он удалился в Киликию, где господствовало арианство и там издал исповедание веры, какое прилично было бы написать одному разве Арию и самому близкому из учеников его²²¹. Это поразило сердце св. Василия сильною скорбью и он прекратил с ним всякое общение. Но Евстафий к нечестию присоединил еще крайнюю и непримиримую злобу к св. Василию, который так много выражал к нему самой искренней и дружественной любви и так много заботился об охранении его чести. К нечестию присовокупив злобу, – Евстафий говорил, – что не он отчужден от общения со св. Василием, а сам отчуждает его от общения с собою, потому будто-бы, что Василий находится в общении с еретиком Аполлинарием и приводил в доказательство письмо Василиево к Аполлинарию, писанное назад тому двадцать лет, когда он был еще мирянином. Кроме сего, обвинял еще Василия в том, будто он проповедует новое учение о Духе Святом, когда исповедует Его равночестным Отцу и Сыну²²². Не довольствуясь сим, Евстафий не только в Каппадокии, но и по всему Понту, Галатии, Вифинии даже до Геллеспонта распространял враждебные письма, в которых обвинял Василия в таких пороках, какие могли быть приписаны только самому нечестивому человеку²²³. Все это вместе сколь сильною

скорбью поразило душу св. Василия, видно из его писем к Патрофилу и Олимпию.

Писал он Патрофилу, епископу церкви в Егеях: «пораженный таким страшным и внезапным переворотом, не мог я и отвечать. Сердце у меня стало связано, язык расслабел, рука онемела и впал я в немощь души немужественной; едва не дошел я до человеконенавидения; мне казалось, что всякий нрав подозрителен, что в природе человеческой нет блага – любви, но есть благовидное слово, служащее какою-то прикрасой для употребляющих его, а на самом деле в сердце человека нет сего расположения... что надобно предположить о других, которым не давал я таких залогов дружбы... Перебирая это сам с собою в душе своей и непрестанно обращая в сердце, или лучше сказать, отвращаясь от этого сердцем (так воспоминание о сем грызет и терзает меня), не отвечал я на это письмо, умолчав не из презрения (не подумай этого, брат; потому что не перед людьми оправдываюсь, но говорю о Христе перед Богом), но от недоумения и затруднительности, не находя, что сказать соответственное печали. Пока находился я в таком состоянии, застигло меня другое письмо, писанное к какому-то Дазису; в самом же деле разосланное ко всем, что доказывается столь быстрым его распространением, что в несколько дней рассеялось оно по всему Понту и прошло в Галатию. А иные говорят, что вестники таких добрых слухов, обошедши Вифинию, дошли до самого Геллеспонта. Что же писано было против меня к Дазису? . . . В нем увидишь, что меня обвиняют в коварстве и лживости, в расстройстве Церквей, в пагубе душ. Всеми этому судия – Господь»²²⁴. «И как мне было не выйти почти из ума, – писал св. Василий к Олимпию, – прочитав письмо к благоговеннейшему брату Дазису, исполненное тысячами оскорблений, несносных обвинений и нападений на меня, как будто уличен я в самых опасных замыслах против Церквей? ... Сперва скорбел я душою, яко умалишася истины от сынов человеческих (Пс. 11, 1); но потом убоялся сам за себя, не стражду ли сверх прочих грехов и грехом человеконенавидения, заключая, что ни в ком уже нет верности, когда таковыми оказались ко мне и к самой

истине люди, которым доверял я и в самом важнейшем»²²⁵. Предавая всю свою скорбь, все клеветы против него и все зло, порожденное сими клеветами на суд Божий, св. Василий не хотел и оправдываться, ожидая праведного суда от Бога. Но злоумышления врагов не остались без вредных последствий для его здоровья, и без того всегда слабого²²⁶. В половине 373 года он так сильно заболел, что в Каппадокии разнесся слух о его смерти и Епископы съехались в Кесарию для избрания нового Архиепископа. В ответ на приглашение Евсевия, епископа Самосатского, приехать в Сирию для устройства тамошних церковных дел, св. Василий писал: «в какое, думаешь, состояние пришла душа моя, когда получил я письмо твоего благочестия? Ибо, смотря на расположение, выраженное в письме, устремился я тотчас прямо лететь к Сирианам: смотря же на телесную немощь, которою был связан, чувствовал, что нет у меня сил не только лететь, но и поворотиться на одре. – Пятидесятый день проводил уже я в болезни, когда пришел ко мне возлюбленный и ревностнейший брат наш, содиакон Елпидий. Много изнурен я был горячкою, которая по недостатку питательного для нее вещества, обвинившись около сухой этой плоти, как около обожженной светильни, производила сухотку и медлительную болезнь. А потом, старая моя рана, поразив собою эту печень, произвела во мне отвращение от пищи, отняла от очей моих сон, держала меня в пределах между жизнью и смертью, дозволяя жить в той только мере, чтобы чувствовать неприятности жизни. Поэтому-то пользовался я самородно – теплыми водами и принимал некоторые пособия от врачей»²²⁷. Но воды немного, вероятно, принесли ему пользы, потому что св. Василий писал: «целый уже месяц лечусь водами самороднотеплыми, чтобы получить от сего какую-нибудь пользу. Но напрасно, видно, тружусь в пустыне, или даже многим кажусь достойным смеха, не слушая пословицы, которая говорит, что мертвым не доставит пользы и теплое»²²⁸.

Но если св. Василий и заботился о поддержании своего здоровья, то не для того, чтобы продолжительнее пользоваться радостями и наслаждениями земными, а для того, чтобы еще

послужить благу Церкви, хотя и знал, что его, кроме тяжких огорчений, ничто не ожидает впереди. В письме к Патрофилу писал он: «изнемогши от весьма сильной горячки и приблизившись к самым вратам смерти, потом воззванный к жизни Божиим человеколюбием, не с радостью смотрел я на возвращение сил моих, рассуждая, на какие опять иду бедствия. И придумывал сам в себе, не предназначено ли в глубине премудрости Божией что-нибудь такое, для чего даны еще мне дни жизни во плоти? Когда же узнал об этом (т. е. о тех делах, о которых пишет ему), заключил, что угодно Господу, чтобы увидел я Церкви успокоенными от волнения, которое претерпели они перед этим по случаю отделения тех, которым было все поверено за их лицемерную честность. Или может быть, Господу угодно укрепить душу мою и сделать более трезвенною для последующего времени, чтобы не обращала она внимания на людей, но соображалась с евангельскими заповедями, которые не переменяются ни со временем, ни с обстоятельствами дел человеческих, но всегда те же, и как произнесены не лживыми и блаженными устами, так и останутся вечно. А люди подобны облакам, которые с переменою ветров носятся туда и сюда по воздуху»²²⁹.

Молчал св. Василий и долго молчал, когда клеветы уязвляли только его честь, но когда увидел, что клеветы нарушают мир между православными и подрывают в них доверие к его спасительному слову и через то делают их менее преданными истине православного учения и более доступными для лжи еретических мудрований: то он, возревновав уже о благе своей паствы, многим написал письма, раскрыв во всей полноте, как нечестие клеветников, так и лживость и злонамеренность всех выдумок. Но мы обратим внимание только на начало одного из его писем, написанных в обличение лжи его клеветников, в котором он высказывает причины, побудившие его прекратить молчание и говорить в защиту себя. «Время, – сказано, – молчати, и время глаголати (Еккл. 3, 7); это слово Екклезиаста. Потому и теперь, – говорит св. Василий, – так как довольно уже было времени молчания, благовременно отверст уста к обнаружению истины того, что не все знают. Ибо

и великий Иов много времени переносил бедствия в молчании, доказывая мужество сим самым терпением неудобопереносимых страданий. Но после того, как уже достаточно подвизался в молчании и в глубине сердца скрывал болезненное ощущение, отверз наконец уста и проглаголал то, что всякому известно. Так и я в сии три года молчания соревновал похвале пророка, который говорит: бых яко человек не слышай, и не имый во устех своих обличения (Пс. 37, 15). Почему во глубине сердца своего заключал болезнь, причиненную мне клеветою. Ибо действительно клевета унижает мужа и клевета вводит в заблуждение убогого. Итак, хотя столько зла от клеветы, что низводит с высоты и совершенного (ибо сие разумеет Писание под именем мужа), и вводит в заблуждение убогого, то, есть, скудного ведением высоких догматов (как представляется это пророку, который говорит: негли убози суть, и потому не послушают, пойду к державным (Иер. 5, 4), называя убогими скудных разумением; и здесь очевидно притча говорит, что вводятся в заблуждение и колеблются еще не усовершенствовавшиеся по внутреннему человеку и недостигшие совершенной меры возраста): однако же думал я, что надобно в молчании переносить огорчения, ожидая какой-нибудь перемены на лучшее от самых дел. Ибо полагал, что сказано это о мне не по какой-либо злобе, но по незнанию истины. поскольку же с течением времени и вражда возрастает и они не раскаиваются в том, что говорили сначала и несколько не заботятся утешать прошедшее, но продолжают свое дело и стремятся к цели, какую предположили себе в начале – преогорчать жизнь мою, ухищряясь запятнать меня во мнении братии, то молчание кажется мне уже не безопасным. Напротив того, пришло мне на мысль слово Исаии, который говорит: молчах, еда и всегда умолчу и потерплю? Терпех, яко раждающая (Ис. 42, 14). О, если бы и мне получить какую-нибудь награду за молчание и приобрести сколько-нибудь силы к обличению, чтобы обличив, иссушить этот горький поток излитой на меня лжи и прийти в состояние сказать: поток преиде душа моя; и аще не Господь бы был в нас, внегда

возстати человеком на ны, ибо живых пожерли быша нас, убо вода потопила бы нас (Пс. 123, 2–4)».

Страдания св. Василия не окончились, однако же, его борьбою с Евстафием. Куда только проникал какой-либо вид нечестия, там всегда возбуждалась ненависть и вражда против св. Василия, как ревностного защитника православия и неустрашимого обличителя всякого нечестия. Клеветы против св. Василия пронеслись далеко и достигли наконец и приморских Епископов, которые, по отдаленности их места от Кесарии, не имели почти никакого общения с Кесарийским Архиепископом, хотя и находились в некоторой зависимости от него и не хотели принимать никакого участия в бедственных обстоятельствах Восточной Церкви. Так как зло легко воспринимается всеми, у которых оскудела в сердце любовь к ближнему и страх Божий; по этой причине и приморские Епископы, забыв великие труды св. Василия в пользу Церкви, оставив без внимания его учения, служившие светом для всей Восточной Церкви, объятый мраком еретических умствований, вменив ни во что его высокую подвижническую жизнь, легко поддались влиянию клеветников и осуждали его, не дав себе труда проверить их злоречие собственным исследованием дела или здравым рассуждением. Мир всегда есть высокое благо и особенно ценное в то время обуреваний святой Церкви со стороны еретиков, поддерживаемых могущественною светскою властью. Поэтому для соблюдения мира с ними св. Василий, не могши сам прибыть для личных объяснений с ними, писал им, чтобы они не подчинялись клевете злобных людей и не обвиняли его, не выслушав его оправданий против клеветников. Для этого он предлагал им, или самим придти к нему или ему назначить место для объяснения с ними, представляя им на вид то, что вражда приносит прежде всего зло тому, кто питает его в своем сердце. «Сильное у меня было стремление, – писал им св. Василий, – видеться с вами, но всегда встречалось какое-нибудь препятствие, останавливавшее меня в исполнении этого желания. Меня удерживали или телесная болезнь (о которой, конечно, и вам известно, что она неотлучна со мною с раннего возраста и до этой старости, вместе росла и учит меня

по праведному суду все устрояющего Бога) или заботы о Церквах, или состязание с восстающими против слова истины. Посему доселе провожу время в великой скорби и печали, сознавая, что недостает у меня вашего соучастия. Ибо от самого Бога, Который для того восприял на себя пришествие во плоти, чтобы, показав пример, как должны мы поступать, привести в порядок жизнь нашу, и собственным гласом возвестив нам Евангелие царствия, от Него научившись, что о сем разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любите друг друга (Ин. 13, 34–35) и что Господь, намереваясь довершить свое во плоти домостроительство, в предпутный дар своим ученикам оставил мир свой, сказав: мир мой оставляю вам, мир мой даю вам (Ин. 14, 27) – не могу сам себя уверить, что без взаимной любви с другими и без старания по мере сил моих пребывать в мире со всеми, можно мне достойным образом именоваться рабом Иисуса Христа».

«Много времени ждал я, не будет ли мне какого посещения и от вашей любви. Не безызвестно вам, что поставлен я у всех на виду подобно подводным камням, выдающимся из моря, на себя принимаю ярость еретических волн и они, разбиваясь о меня, не затопляют того, что за мною. А когда говорю: на себя, не человеческой приписываю это силе, но благодати Бога, Который являет силу свою в немощи человеческой, как Пророк говорит от лица Господня: Мене ли не убоитесь, иже положих песок предел морю (Иер. 5, 22)? Ибо Он, мощный такую вещь, которая всего бессильнее и презреннее, песком связал великое и неудержимое море. Итак, поскольку подобное нечто есть и в моем положении: то следовало, чтобы любовь ваша часто присылала каких-либо близких вам людей для посещения меня утесненного, а еще чаще приходили бы ко мне дружелюбные ваши письма, то подкрепляющие меня в усердии, то исправляющие, если в чем погрешаю. Ибо не отрицаюсь, что подвержен я тысячам преткновений, как человек и как живущий во плоти».

«Но поскольку в предшествовавшее сему время, или по не усмотрению того, что было прилично, не воздали вы достопочтенные братия должного мне или будучи

предубеждены чьими-либо клеветами на меня, не почли меня достойным дружелюбного посещения, то вот сам теперь я начинаю переписку и признаю себя готовым перед вами сложить с себя взводимые на меня вины, если только мои обидчики согласятся стать со мною лицом к лицу перед вашим благоговением... Если же прежде обличения осуждают меня, то я никакой правды не потерплю от сего обиды кроме того, что утрачу всего драгоценнейшее для меня достояние – любовь к вам; но вы и это самое потерпите, лишившись меня и окажетесь противящимися Евангелию, которое говорит: еда закон наш судит человеку, аще не слышим от него прежде, и разумеем, что творит (Ин. 7, 51)... Если располагаете сами прибыть ко мне и лично исследовать мои недуги, действительно ли они таковы, как вы о них слышали или погрешности мои представлены вам с ложными прибавлениями и от того кажутся очень тяжкими, то пусть и сие будет. С отверстыми руками готов я ожидать вашего прибытия и предать себя строгому вашему исследованию, только бы всем этим управляла любовь. А если и у себя угодно вам назначить место, куда бы явившись, исполнил я лежащий на мне долг посетить вас и доставил вам случай произвести надо мною возможное испытание, чтобы и предшествовавшее было уврачевано и в будущем не оставалось никакого места клеветам: то пусть и сие будет. Ибо нет в том сомнения, что хотя и немощна моя плоть, но пока дышу обязан ничего не опускать к созиданию Церквей Христовых»²³⁰. Смирение св. Василия, его кротость, любовь и готовность подвергнуть себя их суду, подействовали на них столько, что устыдились своей лежковерности клеветникам, и вспомнив о высоких заслугах Церкви св. Василия, пребыли с ним в общении мира и любви, так что св. Василий от лица всей Церкви своей приглашал их на праздник св. Мучеников²³¹.

Но у св. Василия была другая сильная скорбь, и к тому же менее удобная, как оказалось, для уврачевания. Эту скорбь составляло отчуждение от него жителей Неокесарии. Он был воспитан в соседстве сего города; некоторых из Епископов одного почитал своими учителями; Неокесария прежде оказывала ему чрезвычайную почесть, когда он был еще

мирянином; находилась в тесной связи с его Кесарийской Церковью, в ней жили и его родственники. Несмотря на все сие, когда враги рассеивали в ней худые слухи о св. Василии, с такою жадностью слушали их, что все старое было забыто. Главною причиною дурных слухов о св. Василии был Астарвий, тамошний Архиепископ, который увлечен был ересью Савеллия. Святой Василий сделал ему скромный выговор и просил его объясниться с ним для охранения собственной его чести. Но Астарвий не явился к нему, ни мало не переменял своих мыслей и старался только сколько возможно более сделать св. Василия ненавистным своему народу, называя учение его мирскою мудростью²³². Истинною же причиною ненависти Астарвия к св. Василию была зависть и опасение, чтобы он не обличил его в савеллианской ереси²³³.

Впрочем, св. Василий не терял надежды к миру. И в сем случае он принял тот же способ, какой употребил в отношении приморских Епископов. Он написал к Неокесарийцам письмо, в котором напомнив им о продолжительном с их стороны молчании, вследствие возбужденного в их сердце гнева против него, показывает, что они не имеют справедливого предлога к разрыву, напротив того, есть много важных причин к крайней между ними дружбе и к единению. И причинами, побуждающими к мирным отношениям, выставляет, прежде всего заповедь Господа: о семь разумеют вси, яко мои ученицы есте аще любите друг друга (Ин. 13, 34–35). Второстепенными, но не менее важными, причинами к единению и то, что в отроческом еще возрасте своем, он имел с ними одних учителей таин Божиих и духовных отцов, в начале положивших основание Неокесарийской Церкви, разумея Григория, Неокесарийского чудотворца и всех, которые после него вступая на престол епископский, подобно неким звездам воссиявая один после другого, шли по тем же следам и для желающих оставили явственные знамения небесного жительствова. «Если же, – говорит св. Василий – и плотского родства презирать не должно, напротив того и оно много способствует к неразрывному союзу и общению жизни, то у меня в рассуждении вас есть и эти права».

Показав таким образом, причины побуждающие их к общению с ним, раскрывает далее неосновательность их отчуждения от него и указывает на истинную причину этого отчуждения. «Почему же, – пишет он далее, – почтеннейший из городов нет от тебя ни послания кроткого, ни приветливого слова, напротив того, слух твой отверст для людей готовых клеветать? Посему тем более должен я воздыхать, чем более вижу успеха в замышляемом ими. Дело клеветы имеет у себя открытого вождя (т. е. их Архиепископа Астарвия), который будучи известен по многим худым делам, всего более отличается этим пороком, так что грех этот обратился ему в имя. Но не погневайтесь однако же, на мое дерзновение: открыв оба уха клеветущим на меня, без исследования принимаете к сердцу все и никто из вас не хочет отличить лжи от истины. Кто затруднялся когда-либо в произнесении злых обвинений, не имея перед собою противника? Кто обличаем был во лжи в отсутствие его самого – оклеветанного? Какое слово не найдет вероятия слушающих, когда злословящий усиливается доказать, что дело было так, а злословившего нет при этом и он не слышит хулы? Самый обычай общежития не учит ли нас тому, что если кто намерен быть равнодушным и беспристрастным слушателем, то должен не вовсе увлекаться предупреждающим, но ожидать оправдания от обвиняемого, чтобы таким образом, при сличении слов того и другого, открылась истина. Праведный суд судите (Ин. 7, 24): вот одно из повелений, самых необходимых для спасения».

Уяснив таким образом для Неокесарийцев условия, необходимые для произнесения праведного суда над кем-бы то ни было, показывает далее, что молчал доселе не по небрежению к их мнению о себе, но потому, что направляя свои действия к прославлению имени Божия и благу ближних, ожидал праведного суда для себя от Бога. Если же теперь и решается писать к ним: то не для того, чтобы снискать для себя доброе мнение от людей, но для спасения их собственных душ от греха. «Поелику ложные наветы предварительно заняли собою слух ваш, подвергается оклеветанию жизнь моя, подвергается оклеветанию и вера моя в Бога: то зная, что

клеветник наносит вред трем вместе лицам, ибо обижает и оклеветанного, и к кому обращена речь его, и себя самого, молчал я о своем вреде, не мнением вашим о мне, как знаете это, пренебрегая (ибо можно ли пренебрегать им мне, который для того и пишу, и вступаю теперь в эту борьбу, чтобы не повредить себе в оном?), но видя, что из троих претерпевающих вред меньше всех терплю я. Ибо я лишаюсь вас; у вас же похищают истину, а виновник этого и меня с вами разлучает и себя отчуждает от Господа; потому что невозможно приблизиться к Богу делами запрещенными. Поэтому говорю сие более для вас, нежели для себя; хочу вас избавить от нестерпимого вреда, ибо какое больше зло мог бы потерпеть тот, кто утратил самое драгоценное – истину?».

Смиренно сознавая себя, что он еще далеко не достиг того совершенства, чтобы считать себя безгрешным по отношению к тем высшим требованиям евангельского учения, которыми вменяется в обязанность каждому христианину иметь не только благоплодность во всех действиях, но и совершенную и постоянную чистоту в движениях помыслов и расположений сердечных; выясняет им однако же, что отзываться о ком-либо дурно заочно, не проверяя своих слов объяснениями обвиняемого, значит не обличать виновного, но только злоречить и следовательно, подвергать себя самого осуждению от Бога. Если же они считают себя вправе обвинять его как Архиепископа в неверном направлении его учения; то по любви к истине и истинной ревности о благе Церкви пусть составят собор из людей благонамеренных и способных правильно рассуждать о предметах духовных и тогда, если он окажется в действительности виновным в том, в чем стараются обвинить его заочно люди неблагонамеренные, пусть извергнут его из лика святителей и избавят Церковь от зла, которое наносил он ей своим учением. Но до тех пор пусть помнят, что злоречием они наносят вред только своей душе с доверием слушающим их.

Продолжая свое прежнее слово в Неокесарийцам, св. Василий далее говорит: «итак, что говорю я, братие? Не то, что я безгрешен, что жизнь моя не исполнена тысячами проступков;

ибо знаю себя и не перестаю источать слезы о моих грехах, если бы только возможно мне было умиловить Бога моего и избежать угрожающего наказания; но кто судит дела мои, тот если утверждает, что чисто око его, пусть ищет сучец и в моем око; ибо сознаюсь, что имею нужду в великом попечении о мне людей здравых. А если не говорит он этого о себе (тем же паче не скажет, чем более он чист, потому что совершенным свойственно не себя самих превозносить, иначе без сомнения создаются повинными в высокомерии фарисея, который оправдывая себя, осуждал мытаря): то пусть вместе со мною поищет врача, и да не судит прежде времени, дондеже приидет Господь, иже во свете приведет тайная тьмы, и объявит советы сердечные (1Кор. 4, 5); пусть помнит Сказавшего: не судите, да не судими будете (Мф. 7, 1), и: не осуждайте, да не осуждени будете (Лк. 6, 37). Вообще же, братие, если прегрешения мои удобоисцелимы, то почему не повинуется он учителю Церквей, который говорит: обличи, запрети, умоли (2Тим. 4, 2)? Если же беззаконие мое неисцельно, то почему не противустанете мне в лице и почему, объявив противузаконные мои поступки, не избавить Церковь от вреда мною причиняемого? Итак, не потерпите злословия, произнесенного на меня сквозь зубы. Ибо это могла бы сделать и раба, служащая на мельнице; в этом отличился бы с избытком и всякий подлый человек, у которого язык изощрен на всякое злословие. Но есть Епископы, пусть они будут приглашены для выслушания; есть клир в каждой епархии, – пусть будут собраны люди самые испытанные. Пусть свободно говорит желающий, но только бы это было обличение, а не злословие. Пусть выведены будут на показ тайны моего лукавства и тогда не ненавистью меня преследуют, но вразумят как брата. Более имею права от блаженных и безгрешных мужей ожидать сожаления о себе грешнике, нежели негодования на себя.

«Если же есть преткновение в вере: то пусть будет указано сочинение; пусть опять соберутся равнодушные и беспристрастные судьи, прочтено будет обвинение, рассмотрено, не по неведению ли обвиняющего более представляется достойным обвинения сочинение, чем в

существе своем оно предосудительно. Ибо многое и хорошее не представляется хорошим у людей, не имеющих в уме своем верного начала к суждению. И равновесные тяжести кажутся неравными, когда весовые чашки не имеют между собою равновесия. Даже и мед для иных казался горьким, если у них чувство вкуса повреждено было болезнью. И глаз в нездоровом состоянии не видит многого действительного, представляет же многое такое, чего нет. Поэтому и при оценке сочинений, как замечая, бывает часто тоже, когда судия по способностям ниже писателя; потому что кто судит о сочинении, с тем же почти запасом должен приступить к делу, как и написавший оное. О делах земледелия не способен судить, кто сам не земледelec; не распознает нестройного и стройного в музыкальных ладах, кто не имеет сведения о музыке: но судьей сочинений тотчас делается всякий, кто не может указать учителя своего и времени, когда обучался и вообще не слыхал, ни малого, ни великого о том, как сочинять²³⁴. А я примечая, что и в словах Духа не всякому позволительно приступать к исследованию сказанного, но только имеющему духа рассуждения, как научил нас Апостол, который, говоря о разделении дарований, сказал: овому бо Духом дается слово премудрости: иному же слово разума о том же Духе: другому же вера тем же Духом: другому же действия сил, иному пророчество, другому рассуждения духовом (1Кор. 12, 8–10). Поэтому, если сочинение мое духовно, то намеревающийся судить о нем пусть докажет, что имеет он дарование рассуждения о духовном. А если, как злословит он, это плод мудрости мира сего, то пусть покажет себя опытным в мирской мудрости и тогда предоставлю ему голос в суде». Далее убеждает их не вдаваться всякому нелепому слуху, но исследовать дело с тщательностью, чтобы не погрешить по нерадению против истины и против ближнего. Вместе с сим выражает полную готовность отвечать на все их вопросы и недоумения, только бы спасти их от греха осуждения. В доказательство чистоты и правоты своего учения, между прочим представляет и то, что с ним находятся в общении духовном и имеют переписку все православные Епископы, как то: Писидийские, Ликаонские, Маврийские, обеих Фригий,

Армянские, Македонские, Ахайские, Иллирийские, Галльские, Испанские, всей Италии, Сицилийские, Африканские, из Египетских все соблюдающие здравую веру и весь остаток Сирских. Следовательно, кто чуждается общения с ним, тот по необходимости чуждается общения и с прочими Церквями, и таким образом, сам себя отлучает от общения со всею православною Церковью. В заключение угрожает им, если не исправятся в своих мнениях и действиях, открыть перед всею Церковью истинную причину их уклонения от общения с ним, то есть их уклонение к еретическим учениям, осуждаемым всею православною Церковью²³⁵.

Но это письмо св. Василия осталось без ответа. Опасаясь быть обличенными в ереси, Неокесарийцы избегали всяких объяснений с ним. Св. Василий в другом письме к Неокесарийским клирикам указал им истинную причину их молчания. Они, говорит он в этом письме, «всеми мерами уклоняются от свидания со мною. Для чего же? Не для того ли, что опасаются быть обличенными в лукавых учениях?» – Но Неокесарийские клирики, руководимые впадшим в нечестие своим Архипастырем, чтобы оправдать перед народом свою злобу против св. Василия, выставляли на вид, что они питают к нему неудовольствие и чуждаются с ним общения за его нововведения, именно: за устройство монашеской жизни и псалмопения. Св. Василий показывает им, что жизни подвижнической положено начало не у него. «Обвиняют меня, – говорит св. Василий, – в том, что есть у меня подвижники благочестия, отрекшиеся от мира и от всех житейских попечений... А такие люди носят мертвость Иисусову в теле своем и взяв крест свой, последуют Богу... И теперь, как слышу, такую добродетель имеют некоторые в Египте, а может быть и в Палестине; иные преспевают в житии Евангельском; слышу также о некоторых совершенных и блаженных мужах и в Месопотамии. Мы же в сравнении с совершенными еще дети. Но если и женщины желают жить по-евангельски, предпочитают девство браку, порабощают мудрование плотское и живут в ублажаемом плаче, то они блаженны за сие избрание в какой бы земле ни находились. У нас это в малом еще виде, потому что

изучаем только начатки и одно введение в благочестие... Намереваюсь же довести до вашего сведения, что желаю иметь у себя сонмы таких мужей и жен, у которых житие на небесах, которые распяли плоть свою со страстями и похотями, не заботятся о пище и о одежде; но ничем неразвлекаемые и водруженные в Боге, день и ночь пребывают в молитвах, у которых уста не глаголят дел человеческих, но которые непрестанно поют песнопения Богу нашему, делая своими руками, чтобы у них было, чем поделиться с нуждающимися».

Отвечая на другое обвинение относительно нововведений в церковном Богослужении, говорит им, что и они допустили у себя много новых молитвословий, которых не знала первенствующая Церковь и вместе объясняет им, что он напоминает им об этом не для обвинения их, но только, чтобы показать неосновательность их обвинений против себя. Что же касается вообще нововведений в церковном Богослужении, то говорит, что они всегда возможны и полезны, если служат к созиданию души. Раскрывая далее порядок Богослужения, совершаемого в Кесарии, указывает, что тот же порядок Богослужения усвоен и многими другими Церквями. «На обвинение в песнопениях, – пишет св. Василий, – которыми клеветники мои наиболее устрашают людей простодушных, могу сказать следующее: утвердившиеся ныне обычаи во всех Церквях Божиих однообразны и согласны. Ибо народ с ночи у нас бодрствует в молитвенном доме, в труде, в скорби и в слезах сокрушения исповедуясь Богу, и восстав напоследок по молитвах начинают псалмопение. И иногда, разделившись на две части, поют попеременно одни за другими, через это вместе и упрочивая поучение в словесах, и производя в сердцах своих сокрушение и собранность. Потом, опять предоставив одному начать пение, прочие подпевают и таким образом, проводя ночь в разнообразном псалмопении, прерываемом молитвами на рассвете уже дня все сообща как бы едиными устами и единым сердцем возносят к Господу псалом исповедания, каждый собственными своими словами говорит покаяние. Если за это уже бегаете от нас, то бегайте от Египтян, бегайте от обитателей той и другой Ливии, Фивян, Палестинян, Аравитян, Финикиян,

Сириян и живущих при Ефрате, одним словом от всех, кто уважает бдения, молитвы и общие псалмопения»²³⁶.

Но и это письмо св. Василия, устраняющее все видимые предлоги к вражде против него, осталось без благотворных последствий, потому что истинною-то причину вражды против него было не то, что говорили, но то, что старались скрыть. Однажды св. Василию случилось быть близ Неокесарии в одной пустынной обители (в которой начальствовал брат его Петр) для отдохновения от непрестанных и утомительных трудов. Его близость к Неокесарии такой страх навела на начальников и главных провозвестников нечестивого Савеллиевого учения, что все оставили город и разбежались, показывая тем свое несокрушимое упорство в нечестии. Других же слуг нечестия подкупали и опьяняющими пиршествами склонили разглашать в народе самые нечестивые, лживые и оскорбительные выдумки против св. Василия, чтобы прикрыть только истинную причину своего бегства. – Св. Василий понимая, что народ увлекается нечестивыми учениями своего Архипастыря по неразумию и не способности отличать истину от лжи, а духовенство идет за ним вслед или по человекоугодничеству или склоняемое к тому корыстными видами, написал письмо к Неокесарийским ученым, которые способны были беспристрастнее относиться к предметам спора. В этом письме, раскрыв перед ними безобразные поступки вождей Неокесарийской Церкви, доказав нечестие их учения, давно отвергнутого и осужденного всею православною Церковью, убеждал их не примешиваться сему лжеучению. В заключение говорит им, что если они и вожди их отрекутся от своих лжеучений, то цель его забот достигнута и он забудет прошедшее, только бы уврачевано было настоящее. «Если же, – писал он далее, – останутся при том же, необходимо будет мне возопить другим Церквам о вашем нечестии и постараться, чтобы от большего числа Епископов пришли к вам письма, который бы низложили это великое нечестье, у вас подготовляемое. Это или будет сколько-нибудь полезно для нашей цели или без сомнения, настоящее засвидетельствование освободит нас от вины на суде»²³⁷. Такое отношение к нему Неокесарийцев весьма неприятно

подействовало на его душу и еще более расстроило его здоровье. Возвратившись из дальнего путешествия, писал он к Амфилохию, пришел я с разбитым телом и с душою довольно огорченною»²³⁸.

При всем усилии св. Василия умирить враждующих, отразить врагов Церкви, охранить чистоту веры между православными, по попущению Божию враги мало уменьшались в числе и силе; а друзья его и защитники православной истины, прошедши назначенный Богом путь земной жизни, отходили в вечность для получения заслуженных от праведного Судии наград. Св. Афанасий Александрийский, который во многом помогал ему и в некоторых случаях защищал от нападения врагов и в котором одном св. Василий полагал надежду к утверждению мира церковного, отошел ко Господу. Не успел св. Василий освободиться от скорби от разлук с ним, его сердце поражено было вестью о жестоких гонениях, воздвигнутых против православных в Александрии. Желая поддержать духовное общение с Александрийскою Церковью, св. Василий поспешил приветствовать преемника Афанасиева – Петра, желая ему наследовать от прежнего великого и святого Архипастыря и любовь к нему, какою он пользовался от св. Афанасия «и попечение о живущей повсюду братии с тем же сердоболием и с тем же усердием, какие и тот блаженный муж имел о всех по истине любящих Бога»²³⁹. Не оставил св. Василий без утешения и скорбную Александрийскую паству. Но в особом послании к жителям Александрии, внушив им мужественно терпеть озлобления от врагов по подражанию прежним отцам, которые только этим путем могли достигнуть славы на небе, извиняется, что не мог сам лично явиться к ним с утешением, как по причине болезни своей, так и по причине врагов, которые как хищные волки подстерегают его, чтобы уловить удобное время для расхищения овец Христовых²⁴⁰.

Смерть святого Афанасия Александрийского лишила в нем для св. Василия главного сотрудника в умиротворении Церкви Антиохийской, которая страдала и от нападения ариан и от борьбы двух православных архиепископов, Мелетия и Павлина. Павлин, как посвященный в сан Архиепископа после Мелетия,

не имел права на антиохийский престол при жизни прежнего Архиепископа, но как поддерживаемый западными Епископами, усиливавшимися подчинить своему влиянию и Восточную Церковь, незаконно стремился к власти, тем увеличивал бедствия Антиохийской Церкви. К бóльшей скорби св. Василия и пресвитер Евагрий, муж ученый, доселе поддерживавший вместе со св. Василием права Мелетия, склонился на сторону Павлина.

Но этим не окончились скорби св. Василия. Вскоре за сим скончался отец его друга, Епископ Назианский Григорий, которого он чтит и любил как отца. Несмотря на немощь своих телесных сил, св. Василий посетил своего друга, св. Григория Богослова.

За эту утрату не замедлила явиться другая, не менее тяжелая для сердца св. Василия. Его искренний друг и советник во всех делах св. Евсевий, Епископ Самосатский, по повелению Валента был сослан в заточение.

Среди сих скорбей и лишений св. Василий не был, однако же, оставлен Господом совершенно безутешным. Его вера и терпение имели нужду в подкреплении примером мужественного подвижника за веру: и вот, по изволению Господа, к нему присланы были мощи св. Саввы Готфского его родственником, областным начальником на пределах Скифии, Сораном²⁴¹. А Асхолий, Епископ Солунский, в особом послании, исполненном выражений искренней любви и почтения к нему, живо описал все страдания и все мужество за веру св. мученика Евтихия, которого вместе прислал и св. мощи²⁴². Читая послание Асхолия, св. Василий переносился мыслию в первобытные времена Церкви, твердой в вере и соединенной любовью. И вообще празднование в честь св. мучеников св. Василий совершал всегда с большим торжеством, почерпая в их мужественных страданиях за веру силы к несению скорбей, которые окружали его самого отовсюду.

Обратим внимание хотя на одну из бесед св. Василия, сказанных им в честь св. мучеников. В начале беседы на день св. мученика Варлаама, св. Василий показывает, что в прежние времена смерть святых чествовали сетованием и слезами; но

теперь, так как состояние святых в загробной жизни после креста изменилось, «мы уже не плачем, – говорит он, – сопровождаем смерть святых, но в восторженных ликованиях веселимся при их гробах. Потому что смерть для праведных – сон, вернее же сказать, отшествие к лучшей жизни. Поэтому, закалаемые мученики радуются; желание бесконечной жизни умерщвляет в них ощущение болезней при заклании. Мученик смотрит не на опасности, но на венцы; не ужасается ударов, но вычисляет награды, видит не исполнителей казни, бичующих здесь на земле, но представляет себе Ангелов, приветствующих с неба; имеет в виду не кратковременные опасности, но вечные воздаяния». И за то, что искали небесной только славы и здесь пользуются искренним и одушевленным прославлением от всех истинных поклонников подвигоположника Христа. Ни одной знаменитости земной не продолжается слава так долго и не чествуется его память с таким торжеством, как чествуется память раба Божия, исполненного благодати Божественной, хотя бы он при жизни не обладал ни могущественною властью, ни мудростью земною.

Указывая далее на происхождение и звание св. Мученика, ежегодно собирающего на свое празднество множество народа, показывает, как много превосходит всякого гордящегося своим научным образованием и высоким происхождением, – человек простой по разуму, но просвещенный верою и согретый пламенною любовью к Господу. Люди, просвещенные наукою, наделенные даже не малым запасом богословских сведений, но чуждые деятельной любви к Господу, когда предстоит им подвиг отречься от какой-либо греховной привычки, прямо осуждаемой словом Божиим или отказаться от какого-либо удовольствия, препятствующего к достижению какой-либо добродетели и прямо воспрещаемого церковными постановлениями, всевозможными умствованиями стараются убедить себя в излишестве таких подвигов и в возможности благоугождать Богу и без лишения себя тех удовольствий, которые вследствие долговременной привычки, сделались уже потребностью природы. Успокоив такими умствованиями себя, идут к своей гибели, не чувствуя смущений в своей лукавой совести. Но не

так действует живая вера человека простого разумом, но крепкого в любви к Господу: и эту истину доказывает своим примером св. мученик Варлаам. «Теперь благовременно нам воскликнуть, говорит св. Василий: где премудр, где книжник, где совопросник века сего (1Кор. 1, 20)? Сегодня у нас непобедимым учителем благочестия – поселянин, которого мучитель влек, как удобоуловляемую добычу, но в котором по испытании, узнал непреодолимого воина; над которым смеялся за его неправильную речь и который устранил ангельским мужеством: ибо нравы его не огрубели вместе с орудием слова и рассудок не оказал в себе тех же недостатков, какие были у него в слогах. Но стал он вторым Павлом, с Павлом говоря: еще и невежда словом, но не разумом (2Кор. 11, 6). Бичующие его исполнители казни приходили в оцепенение, а мученик оказывался возрастающим в силах; ослабевали руки строгающих, но рассудок строгаемого не преклонился; били, расторгали стройное сплетение жил, но крепость веры делалась более нерасторгаемой; исчезла плоть на изрытых боках, но цвело любомудрие разума; большая часть плоти омертвела, но мученик был бодр, как не начинавший еще подвигов. – Когда любовь к благочестию поселится в душе: тогда все виды браней для нее смешны и все, терзающие ее за любимый предмет, более услаждают нежели поражают». Когда жестокие мучители, испытав все роды мучений над святым мучеником, не могли его преклонить к жертвоприношению идолам, чтобы избавиться от стыда быть побежденными от непобедимого мужества верующего поселянина, придумали особый род мучения. Возложив огонь на жертвенник, они велели мученику держать правую руку над ним и в руку вложили горящий ладан, чтобы он, не принеся жертвы идолам по произволению, сбросил ладан на жертвенник хотя непроизвольно, не выдержав мучения от огня. Действительно рука, объятая пламенем и сверху и снизу, прогорела до костей, но св. мученик не пошевелил ею, так что ладан весь сгорел на ладони. – Урок назидательный для тех, которые отказываются от соблюдения узаконенных Церковью постов или не хотят отречься от некоторых видов удовольствий, препятствующих соблюдению

чистоты сердечной и твердости в исполнении воли Божественной!

При созерцании мужества и терпения св. мучеников, св. Василий вдохновлялся к перенесению скорбей, которые его ожидали впереди и которые, при расслабевших его силах телесных, болезненнее действовали и на его душу.

В Каппадокию назначен был новый наместник, префект Димосфен, покровитель ариан. По случаю его прибытия, так писал о нем св. Василий к Евсевию, епископу Самосатскому: «прибыл к нам наместник – это первое и величайшее из наших зол. Не знаю, еретик ли он по образу мыслей (а думаю, что не знает никакого учения, не имеет никакого усердия к таким делам и не занимается ими; потому что, как вижу, день и ночь душою и телом предан он другим занятиям), но по крайней мере он любитель еретиков и столько же их любит, сколько нас ненавидит»²⁴³. При его-то содействии ариане по ложным доносам, осудили и объявили низложенным брата Василиева, Григория епископа Нисского, и Василий, при всех усилиях оправдать невинного брата, не имел успеха²⁴⁴.

Вскоре скончался Епископ Никопольский Феодот, известный ревнитель православия. Чтобы ариане не успели возвести на Никопольский престол кого-либо из своих, св. Василий убеждал духовенство и жителей Колонии уступить своего Епископа Евфросиния. Но колонийцы не соглашались исполнить его желание и пока продолжался спор и убеждения, ариане успели поставить епископом Никополя одного из своих единомышленников²⁴⁵. Итак, постоянное отторжение православных Церквей на сторону ариан поражало душу св. Василия постоянною скорбью.

Так как Император Валентиниан, правитель Западной Империи, был православный христианин и поддерживал в своем государстве православие, то западные епископы при его содействии могли бы оказать помощь и к умиротворению восточных Церквей. Стоило бы только расположить к этому Валентиниана и он мог приказать Валенту прекратить гонение на православных, так как он находился в полной зависимости от него, как его помощник в управлении обширную империю.

Св. Василий и держался этой мысли и в продолжение своего Архиепископского служения много употреблял усилий склонить западных епископов к сочувствию бедственному состоянию восточных Церквей. Но после многократных и многолетних опытов пришел к тому убеждению, что главою римской церкви владеет гордость, заносчивость и стремление к владычеству, а затем, совершенное равнодушие к бедственному состоянию тех, которые не признают его власти над собою²⁴⁶. Потому, когда другие Восточные Епископы, видя постоянное поглощение православных Церквей арианами, просили его еще раз испытать и отправить к западным Епископам общее письмо с объяснением всех бедствий, претерпеваемых восточною Церковью, св. Василий дал такой ответ: «люди надменного нрава, когда им угождают, делаются еще большими презрителями. Если умиласердится над нами Господь, то чего еще нам желать сверх этого? А если пребудет над нами гнев Божий, какая будет нам помощь от западной гордости? Они и не знают дела, как оно есть и не хотят его узнать... Сам я желал бы не в виде общего послания написать к их верховному и не о делах церковных, но о том, что не должно нападать на людей, угнетенных искушениями, признавать достоинством гордость – этот грех, который и один может сделать нас врагами Богу»²⁴⁷.

Но подчиняясь общему желанию всех восточных Епископов, св. Василий в 376 году написал снова два письма к западным Епископам. В этих письмах, живо изобразив бедствия, которые терпит на Востоке православие со времени царствования Валента уже тринадцатый год, просил их довести о состоянии восточных Церквей до сведения западного Императора и если сего нельзя сделать, то по крайней мере прислать кого-нибудь для посещения и утешения скорбящих²⁴⁸.

Последствия этих писем показали, что св. Василий не обманулся в бесполезности сношений с Западом. Западные Епископы не только не оказали никакой помощи восточным Церквам и не только не обвинили, как бы следовало, если бы они ревновали только о православной истине, Павлина, поставленного ими, за его уклонение в Маркеллову ересь, но и обвинили собственно за нападение на него в ереси ревностных

защитников православия, Мелетия, Архиепископа Антиохийского, и Евсевия, епископа Самосатского²⁴⁹. Как ни горестно было для святого Василия известие о сем, но он не терял упования на милостивое попечение о Церквах Господа Иисуса Христа и потому в 378 году писал св. Евсевию, жившему в изгнании, выражая твердую уверенность свою, что милосердный Бог внимая слезам Церквей и вздохам всеми испускаемым, еще при жизни его возвратит изгнанных Епископов на свои престолы²⁵⁰. И упование его на Бога не посрамило. В Мае 378 года западным Императором Грацианом издан был указ в пользу православия, которым не дозволялось еретикам иметь никаких церковных собраний ни в городах, ни вне городов. Хотя этот указ при жизни Валента не мог принести православным всех благотворных плодов, каких можно было от него ожидать, но тем не менее он немало ободрил дух православных и утвердил их надежды на лучшие времена. Впрочем Промысел Божественный, полагавший предел всему, и радостям и скорби, не замедлил послать страждущему православно полное утешение, а вместе с сим нанести и конечное поражение еретикам. В Августе того же 378 года Валент погиб в войне против Готфов, а вместе с ним рушилось и господство ариан. Немедленно по смерти Валента Грациан повелел возвратить из заточения всех исповедников православия, и изгнав из городов еретиков, возвести на кафедры церковные православных Епископов, которым они прежде принадлежали²⁵¹. Для исполнения этого указа Грациан отправил на Восток особого чиновника Сапора. И св. Василий, изнуренный восьмилетнею, в сане Архиепископа, борьбою с еретиками, ослабленный постоянными и неутомимыми трудами, изможденный непрерывными болезнями, истощенный подвигами любомудрия в конце дней своего земного жития имел еще утешение видеть возвращенными на свои кафедры своих друзей, Мелетия и Евсевия. Ревностные Архипастыри немедленно занялись восстановлением Церквей, пострадавших от ариан, возводя на запустевшее престолы людей, доказывавших и чистоту и твердость своего православия²⁵². На эти церковные кафедры возведены были многие и из учеников

св. Василия им самим за несколько дней до его кончины, которая последовала 1 Января 379 года на 51-м году его жизни.

Св. Григорий Богослов, несмотря на сильное свое желание проститься со своим отходящим в вечность другом или хотя облобызать его священный прах, не мог этого сделать по причине болезни, не дававшей ему никакой возможности оставить свой одр²⁵³. Но возвратившись из Константинополя при первой возможности он посетил его могилу и почтил память своего друга надгробным словом, в котором пересказал всю его жизнь от дня рождения до его кончины. И потому мы выслушаем его повествование о последних днях жизни Великого Святителя и о торжестве погребения, при котором ясно высказались, как глубокое уважение к нему Кесарийской паствы, так и искренняя любовь к нему и признательность.

«Когда, течение скончав, – говорит св. Григорий о своем святом друге, – и веру соблюдши, возжелал он разрешиться и наступило время к принятию венцов; когда услышал он не то повеление: взыди на гору, и скончайся (Втор. 32, 49–50), но другое: скончайся и взыди к нам: тогда совершает он чудо не меньшее описанных. Будучи уже почти мертв и бездыханен, оставив большую часть жизни, оказывается он еще крепким при произнесении исходной своей речи, чтобы отойти отселе с вещаниями благочестия и на рукоположение искреннейших своих служителей подает руку и дух, чтобы алтарь не лишен был его учеников и помощников во священстве».

«Коснеет, правда, слово коснуться последующего, однако же, коснется, хотя говорить о сем приличнее было бы другим, а не мне, который (сколько ни учился любомудрию) не умею соблюсти любомудрия в скорби, когда привожу себе на память общую потерю и скорбь, какая объяла тогда вселенную».

«Василий лежал при последнем издыхании, призываемый к ликостоянию, к которому с давнего времени простирал свои взоры. Вокруг него волновался весь город; нестерпима была потеря; жаловались на его отшествие, как на притеснение, думали удержать его душу, как будто можно было захватить и насильно остановить ее руками и молитвами (горесть делала их безрассудными) и всякий, если бы только возможно, готов был

приложить ему что-нибудь от своей жизни. Когда же все их усилия оказались напрасны (надлежало объясниться тому, что он человек) и когда, изрекши последнее слово: в руке Твои предаю дух мой (Пс. 30, 6), поемлемый Ангелами, радостно испустил он дух, впрочем тайноводствовав прежде присутствовавших и усовершенствовав своими наставлениями: тогда открывается чудо замечательнейшее из бывших когда-либо. Святой был выносим, подъемлемый руками святых. Но каждый заботился о том, чтобы взяться или за воскрылие риз, или за сень, или за священный одр, или коснуться только (ибо что священнее и чище его тела?), или даже идти подле несущих, или насладиться одним зрением (как бы и оно доставляло пользу). Наполнены были торжища, переходы, вторые и третьи жилья; тысячи всякого рода и возраста людей, дотоле неизвестных, то предшествовали, то сопровождали, то окружали одр и теснили друг друга. Псалмопения заглушаемы были рыданиями, и любомудрие разрешилось горестью. Наши препирались с посторонними, с язычниками, с иудеями, с пришельцами, они с нами о том, кто больше насладится зрелищем и извлечет для себя большую пользу. Скажу в заключение, что горесть окончилась действительным бедствием: от тесноты, стремления и волнения народного немалое число людей лишились жизни и кончина их была ублажаема, потому что преселились отсюда вместе с Василием и стали (как сказал бы иной усерднейший) надгробными жертвами. Когда же тело с трудом укрылось от хищных рук (т. е. от рук усердных читателей, не желавших с ним расстаться) и оставило позади себя сопровождающих, предается оно гробу отцов и к иереям прилагается архиерей, к проповедникам – великий глас, оглашающий еще мой слух, к мученикам – мученик. И теперь он на небесах, там, как думаю, приносит за нас жертвы и молится за народ»²⁵⁴.

Ко всему сказанному о жизни св. Василия Великого находим нужным присовокупить на основании сказаний св. Дмитрия Ростовского Чудотворца об особых благодатных действиях Духа Святого, проявленных через св. Василия еще при жизни его на земле. Когда уже был св. Василий Великий Архиепископом, то

во время совершения им Божественной Литургии по освящении даров, алтарь был осияваем неким особым небесным светом и самого великого Архиерея окружали некие светоносные, в белых одеждах, muži, что служило ясным указанием присутствия в храме Духа Святого и сослужения Ангельского. Это видение явно было для многих благоговейных клириков, участвовавших в служении со святым Архипастырем.

Один еврей, из любопытства пришедши в церковь, чтобы узнать, что совершается христианами во время Литургии, по особому Божию промыслению во время преломления освященного хлеба узрел в руках Святителя младенца, которого он раздроблял на части. Желая еще более удостовериться в действительности виденного им чуда, вместе с прочими христианами подошедши для приобщения святых Тайн, убедился еще более в действительности того, что христианам преподается истинное Тело и истинная Кровь. Это чудесное преложение хлеба и вина в истинное Тело и в истинную Кровь при благодатном озарении от Господа дало ему возможность понять высоту христианского Таинства и на другой же день со всем своим семейством он принял от рук святительских святое крещение и был благоговейный христианин.

Одна бедная женщина, обиженная князем, занимавшимся сбором податей, припала к стопам Святителя и умоляла его, чтобы он написал к этому князю и попросил у него милости для нее, уверяя его, что князь его послушает. Святитель дал этой бедной женщине письмо к князю, в котором написал: эта женщина сказала мне, что мое писание имеет большое значение перед тобою; если это справедливо, то окажи ей милость какую можешь. Князь ответил ему: я желал бы, но не могу сделать для нее никакой милости. Святитель снова написал ему пророчески: если хотел сделать добро, но не мог, то это еще не беда; но если мог, но не хотел, то сам впадешь в состояние просящих милости. В скором времени князь действительно подпал гневу царя и предан был суду. Защиты для себя он не находил ни у кого, потому и обратился к св. Василию, прося его защиты перед царем, так как он много имел между высокими придворными чинами расположенных к себе

лиц. Святой Василий для вразумления его, напомнив ему о немилости его к бедной женщине, стал ходатайствовать за него и он был освобожден от суда с возвращением ему прежних должностей. Тогда князь позвал к себе презренную им прежде бедную женщину и наградил ее щедро.

Для воспоминания о Духе Святом, явившимся над крестившимся в водах Иорданских Господом нашим Иисусом Христом в виде голубя, св. Василий повелел устроить из чистого золота голубя для хранения в нем святых Даров. Этот голубь повешен был над святою трапезою и всегда во время Литургии, совершаемой святым Архипастырем при призывании Святого Духа трижды приходил в сотрясение, что ощутительным образом перед всеми, находившимися в алтаре, свидетельствовало и присутствие Святого Духа. Но в одно время этого чудесного действия не совершалось. Св. Василий, с удивлением и скорбью обозрев прозорливым оком всех предстоявших престолу, как бы отыскивая виновного в отсутствии видимого знамения явления Святого Духа, усмотрел, что один диакон, державший рипиды, бросал нескромные взгляды на одну жену, стоявшую вне алтаря. Этому диакону тотчас же повелел выйти вон и голубь пришел в обычное движение.

Слава о великой духовной мудрости св. Василия, равно как и о его святости и великих подвигах благочестия, разносилась далеко за пределы Кесарийской области, и достигла, наконец, до слуха великого в Сирии подвижника, известного всему православному миру своими духовно-подвижническими сочинениями, Ефрема Сирина. Он услаждался слухом о великих подвигах и святости жизни св. Василия Великого и благодарил Бога, воздвигшего в столь трудные времена для Церкви столь великого мужа, но по чрезвычайной дальности пути, соединенного с великими трудностями и по любви к уединению, не решался придти в Кесарию, чтобы лично насладиться его беседою. Но Промысел Божественный, для пользы обоих святых мужей, находил нужным их временно соединить между собою. Святой Ефрем желал знать, каков св. Василий по суду Божию, чтобы в его примере найти для себя

побуждение к высшему совершенствованию себя в духовной жизни и с этим святым желанием обратился к самому сердцеведцу Богу. Приникая вниманием к благой цели желания св. Ефрема, Бог открыл ему в видении, каков Василий. Ефрем увидел огненный столп, восходивший от земли и касавшийся неба, и в это время слышался глас: Ефрем, каков этот столп, который ты видишь, таков есть Василий. После такого видения Ефрем возымел сильное желание увидеть того, кого великим почитал и сам не лживый судия – Бог. Взяв с собою переводчика, так как сам не знал греческого языка и потому не мог беседовать со св. Василием, отправился в путь и прибыл в Кесарию накануне праздника Богоявления Господня. На самый праздник, пришедши в храм, стал на западной стороне в углу и имел возможность и молиться уединенно, никем не замечаемый и видеть самого св. Василия при совершении Божественной Литургии. Составив себе понятие, что святой слуга Божий, не в душе только должен быть смиренным, но и быть таковым по наружному виду при всех обстоятельствах жизни, св. Ефрем соблазнился, когда увидел св. Василия облаченным, со всеми сослужащими ему, в богатые ризы, с выражением величия и в самых его движениях. Но св. Василий, не видевши его еще ни разу и не слышавши о его прибытии, по откровению от Господа сердцеведца, прозрел его мысли и послал своего архидиакона пригласить его в алтарь. Св. Ефрем удивился, услышав приглашение от Архиепископа и объяснил архидиакону, что он странник, недавно прибыл в город, неизвестен Архиепископу и потому полагает, что его приглашение относится к кому-либо другому. Архидиакон возвратился в алтарь и сказал ответ св. Ефрема. Но св. Василий снова послал архидиакона сказать страннику Ефрему, что именно его требует к себе Архиепископ. Тогда св. Ефрем убедился, что св. Василий действительно муж святой и обладает даром прозорливства. Но по глубокому смирению не хотел однако же, среди народа представляться ему и потому просил позволения явиться к Архиепископу после Литургии. Беседуя после со св. Василием при посредстве переводчика и чувствуя великое услаждение в душе от его беседы, сожалел, что не может сам непосредственно

беседовать с ним. Веруя однако же в силу молитв св. Василия, св. Ефрем просил его, чтобы он помолился Богу о даровании ему дара говорить с ним по-гречески. Св. Василий сказал, что слишком многого просит от его немощи; но прибавил, в награду за великий труд предпринятый тобою, помолимся Господу Богу и уповаю, что Он по вере твоей, даст тебе просимое. И действительно, по окончании молитвы, св. Ефрем получил способность сам говорить по-гречески и понимать то, что говорил ему св. Василий. В благодарность за великое утешение, которое он получил в продолжение нескольких дней от беседы св. Василия, написал в честь и память его похвальное слово, которое сохранилось доселе в числе творений св. Ефрема Сирина.

В Кесарии был некто еврей Иосиф, который занимаясь врачебным искусством, такую приобрел опытность, что ощупав жилы больного, определял день и час смерти его. Святой Василий, провидя духом обращение его ко Христу, приглашал его к себе иногда и убеждал его оставить жидовскую веру. Но еврей на все его убеждения всегда отвечал одно: хочу и умереть в той вере, в которой родился. Когда св. Василий впал в болезнь, от которой должен был и окончить дни свои, пригласил к себе этого еврея и спросил его: скоро ли я должен умереть? Еврей, ощупав его жилы, сказал, что очень скоро, не доживешь и до вечера. А если, – сказал св. Василий, – я проживу до шести часов утра, что тогда сделаешь? – я готов сам умереть, ответил еврей. Св. Василий сказал: так умрешь для греха и будешь жить для Бога. Понимаю о чем говоришь и клянусь, если доживешь до утра, то исполню твою волю, – с твердостью ответил еврей. Святой Василий помолился Господу Богу, чтобы он продлил его жизнь до утра ради спасения души еврея. Когда настало утро, св. Василий послал за евреем. Еврей не хотел верить слуге и поспешил сам к Святителю. Увидев его еще живым, воскликнул: воистину велик Бог христианский и нет иного Бога кроме Его; отрицаюсь богоненавистного жидовства и приступаю к истинной христианской вере. Повели святой Отче немедленно преподавать святое крещение мне и всему дому моему. Я сам преподам

тебе святое крещение моими руками, сказал ему св. Василий и вместе с ним пошел в церковь. Окрестив его и всех членов его семейства и преподав им по совершении Божественной Литургии святыя Тайны, возвратился в свой дом. И здесь, преподав всем присутствовавшим слова наизидания и благословив всех, с миром отошел ко Господу.

Примечания

- ¹ - Григорий Богослов. Сл. 43, стр. 56.
- ² - Григорий Богослов. Сл. 43, стр. 55, 56.
- ³ - Василия Великого бесед. 18, стр. 281.
- ⁴ - Григорий Богослов. Сл. 43, стр. 60.
- ⁵ - Св. Григорий Нисский. Жизнь Макрины.
- ⁶ - Григорий Богослов. Сл. 43, стр. 57.
- ⁷ - Григорий Богослов. Сл. 43, стр. 57.
- ⁸ - Григорий Богослов. Сл. 43, стр. 58 и 59.
- ⁹ - Григорий Богослов. Сл. 43, стр. 62.
- ¹⁰ - Там же.
- ¹¹ - Григорий Нисский, жизнь св. Макрины.
- ¹² - Григорий Нисский.
- ¹³ - Василий Великий, письмо 196, стр. 69.
- ¹⁴ - Василий Великий в слове о суде Божиим.
- ¹⁵ - Григорий Богослов. Сл. 43, стр. 65.
- ¹⁶ - Василия Великого письмо 215, стр. 126.
- ¹⁷ - Григорий Богослов сл. 43 стр. 63–64.
- ¹⁸ - Григорий Богослов, сл. 43, стр. 66. Василия Великого 72.
- ¹⁹ - Григорий Богослов, сл. 43 стр. 66.
- ²⁰ - Там же, стр. 67.
- ²¹ - Там же, стр. 63.
- ²² - Василий Великий, письмо 47.
- ²³ - Григорий Богослов, сл. 43, стр. 67.
- ²⁴ - Григорий Богослов, сл. 43, стр. 67.
- ²⁵ - Твор. Василия Великого, ч. IV, стр. 345, 366.
- ²⁶ - Григорий Богослов, сл. 43, стр. 67–68.
- ²⁷ - Там же, стр. 71.
- ²⁸ - Там же, стр. 72.
- ²⁹ - Там же, стр. 73.
- ³⁰ - Там же.

20. ³¹ - Григорий Богослов, стихотворение о своей жизни, стих.
- ³² - Его же, ст. 43, стих. 173.
- ³³ - Там же, стр. 74–75.
- ³⁴ - Там же, стр. 76.
- ³⁵ - Там же, стр. 77.
- ³⁶ - Там же, стр. 78. – Мы не находим нужным упоминать здесь имена учителей св. Василия, так как какую бы славою они не пользовались в свое время, их слава не увеличит славы вселенского учителя св. Христовой Церкви.
- ³⁷ - Там же, стр. 80.
- ³⁸ - Василий Великий, письмо 202. Григорий Богослов, сл. 43, стр. 81.
- ³⁹ - Василий Великий, письмо 202.
- ⁴⁰ - Василий Великий, письмо 215.
- ⁴¹ - Св. Василий Великий в книге о Святом Духе.
- ⁴² - Григорий Богослов, письмо 1.
- ⁴³ - Василий Великий, письмо 215.
- ⁴⁴ - Созомен, Ц. И. кн. 6, гл. 33.
- ⁴⁵ - Василий Великий, письмо 14.
- ⁴⁶ - Григорий Богослов, письмо 43, стр. 117–118.
- ⁴⁷ - Руфин, Ц. И. кн. 11, гл. 2.
- ⁴⁸ - Василий Великий, простран. прав. вопрос 7.
- ⁴⁹ - Созомен, Ц. И. кн. 6, гл. 17. Григорий. Нисский. в похв. сл. Василию.
- ⁵⁰ - Василий Великий, письмо 2.
- ⁵¹ - Там же.
- ⁵² - Григорий Богослов, письмо 145.
- ⁵³ - Сократ, Ц. И. 4, 26; Созомен Ц. И. 6, 17.
- ⁵⁴ - Григорий Богослов, письмо 5.
- ⁵⁵ - Ц. Ист. 2, 9.
- ⁵⁶ - Символ Сирийский находится у Илария de Synodis § 11, у св. Афанасия Александрийского de Synodis § 28, Символ Анкирский у св. Епифания (Haeres LXXII § 2).

- 57 - Созомен Ц. И. 11, 39–40.
- 58 - Об этом свидетельствует Филосторгий, Ц. И. 4, 12.
- 59 - Василий Великий, письмо 215.
- 60 - Григорий Богослов Сл. 21, стр. 198.
- 61 - Василий Великий, письмо 47.
- 62 - Василий Великий, письмо 8.
- 63 - Стр. 12.
- 64 - Стр. 29–30.
- 65 - Василий Великий, письмо 47.
- 66 - Григорий Богослов, сл. 18, стр. 133–135.
- 67 - Более подробное сведение о его характере и действиях по отношению к Церкви, – см. Жизнь Григория Богослова изд. 1869 г. стр. 50–66.
- 68 - Григорий Богослов. Сл. 18, стр. 135–136.
- 69 - Григорий Богослов. Сл. 5, стр. 213–214.
- 70 - В. В., письмо 17.
- 71 - Книга 1-я, стр. 3–4.
- 72 - Там же, стр. 5.
- 73 - Там же, стр. 6–7.
- 74 - Филосторгий (Ц. И. 4, 12) и Сократ (4, 26) говорят, что св. Василий проходил должность диакона. Св. Григорий Богослов хотя не упоминает о степени диакона, говорит однако же, что Божие человеколюбие удостоивает его чести по порядку и по закону духовного восхождения (сл. 43, стр. 82). И потому можно предположить, что он, хотя перед самым посвящением в пресвитера, возведен был и на степень диакона.
- 75 - Григорий Богослов, письмо 11.
- 76 - Григорий Нисский в жизни св. Макарины.
- 77 - Василий Великий, сл. 12, стр. 193.
- 78 - Там же, стр. 219–223.
- 79 - Василий Великий, письмо 20.
- 80 - Григорий Богослов, сл. 43, стр. 84–86.
- 81 - Сократ. Ц. И. 4, 1.
- 82 - Григорий Богослов, сл. 43, стр. 87.

- 83 - Григорий Богослов, письмо 12.
- 84 - Его же письмо 13.
- 85 - Его же письмо 14.
- 86 - Его же письмо 15.
- 87 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 88.
- 88 - Там же стр. 88–89.
- 89 - Созомен. Ц. И. 6, 15.
- 90 - Сократ Ц. И. 4, 3.
- 91 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 89–90.
- 92 - На шестоднев беседа 2 и 8.
- 93 - Беседа на 114 Псалом.
- 94 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 124.
- 95 - В этой беседе говорил о водных животных, а в следующей предполагает говорить о птицах.
- 96 - Стр. 3–4.
- 97 - Стр. 5–6.
- 98 - 1, Стр. 6–8.
- 99 - Там же.
- 100 - Стр. 9
- 101 - Стр. 30–31.
- 102 - Стр. 31–32.
- 103 - Стр. 58–59.
- 104 - Стр. 64–65.
- 105 - Стр. 66.
- 106 - Стр. 67.
- 107 - Там же.
- 108 - Стр. 69–70.
- 109 - Стр. 74.
- 110 - Стр. 76.
- 111 - Стр. 87.
- 112 - Стр. 89.
- 113 - Стр. 86.
- 114 - Стр. 101.

- 115 - Стр. 117–118.
- 116 - Стр. 160.
- 117 - Стр. 228–230.
- 118 - Стр. 239.
- 119 - Стр. 243.
- 120 - Стр. 337.
- 121 - Стр. 393.
- 122 - Василий Великий, Сл. 8, стр. 122.
- 123 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 91.
- 124 - Василий Великий, Сл. 8, стр. 122.
- 125 - Там же стр. 128–129.
- 126 - Там же стр. 136.
- 127 - Там же стр. 137–140.
- 128 - Василий Великий, письма 27 и 30.
- 129 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 92.
- 130 - Там же стр. 90.
- 131 - Созомент, Ц. И. 1, 9.
- 132 - Сократ, Ц. И. 7, 37.
- 133 - Василий Великий, письмо 32.
- 134 - Его же письмо 33.
- 135 - Его же письмо 35.
- 136 - Его же письмо 36.
- 137 - Григорий Нисский в жизни св. Макрины.
- 138 - Василий Великий, письмо 23.
- 139 - Василий Великий, письмо 23.
- 140 - Созомен, Ц. И. 6, 7.
- 141 - Василий Великий, письмо 215.
- 142 - Созомен. Ц. И. 6, 6.
- 143 - Сократ, Ц. И. 4, 12.
- 144 - Василий Великий, письмо 62.
- 145 - Созомен. Ц. И. 6, 12.
- 146 - Василий Великий, письмо 25
- 147 - Его же письмо 29.

- 148 - Его же письмо 30.
- 149 - Григорий Богослов, письмо 33.
- 150 - Это замечание великого Святителя не мешает принять к сведению и настоящему времени, стремящемуся к выборному началу.
- 151 - Т. е. Св. Василия Великого.
- 152 - Григорий Богослов, Сл. 18, стр. 137.
- 153 - Григорий Богослов, письмо 35.
- 154 - Григорий Богослов, Сл. 18. Стр. 139.
- 155 - Григорий Богослов, письмо 38.
- 156 - Св. Афанасий Алеасандрийский, Письмо к Антонию В.
- 157 - Василий Великий, письма 66, 95, 121, 244, 258.
- 158 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 116.
- 159 - Там же стр. 117–118.
- 160 - Там же, стр. 135. Бароний Ann. ad. 378.
- 161 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 123.
- 162 - Василий Великий, письмо 44.
- 163 - Василий Великий, письмо 55.
- 164 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 97.
- 165 - Василий Великий, письмо 49.
- 166 - Его же письмо 50.
- 167 - Василий Великий, беседа 10.
- 168 - Василий Великий, письмо 51.
- 169 - Василий Великий, письмо 77.
- 170 - Василий Великий, письмо 98.
- 171 - Василий Великий, письмо 199.
- 172 - Василий Великий, письмо 202.
- 173 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 97–98.
- 174 - Василий Великий, письмо 86.
- 175 - Василий Великий, письмо 88.
- 176 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 98–100.
- 177 - Василий Великий, письмо 20.
- 178 - Том 4, беседа 3.

- 179 - Том 4, беседа 15.
- 180 - Том 4, Слово 16.
- 181 - Том 4, стр. 24.
- 182 - Там же, стр. 385.
- 183 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 126–128.
- 184 - Василий Великий, письмо 67.
- 185 - Афанасий Александрийский, Том 3, стр. 414–416.
- 186 - Василий Великий, письмо 217.
- 187 - Его же письмо 38.
- 188 - Григорий Богослов, Сл. 18, стр. 140.
- 189 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 100.
- 190 - Там же, стр. 102.
- 191 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 104–105.
- 192 - Григорий Нисский против Евномия, кн. 1.
- 193 - Сократ, 4, 26. Феодорит 5, 29.
- 194 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 106.
- 195 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 103. Григорий Нисский против Евномия, кн. 1. Феодорит 4, 19.
- 196 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 100.
- 197 - Там же стр. 107.
- 198 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 109. Ефрем Сирин, Похвальное слово Василию Великому. Феодорит 4, 26.
- 199 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 109.
- 200 - Василий Великий, письмо 100.
- 201 - Его же письмо 106.
- 202 - Его же письмо 107, 271, 272, 273.
- 203 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 111, 112.
- 204 - Там же.
- 205 - Василий Великий, письмо 70, 71, 72.
- 206 - Василий Великий, письмо 94.
- 207 - Василий Великий, письмо 93.
- 208 - Григорий Богослов, Сл. 43, стр. 119–121. Василий Великий, письмо 90 и 145.

- 209 - Василий Великий, письмо 137, 138.
- 210 - Созомен, 6, 34.
- 211 - Василий Великий, том 4, беседа 14.
- 212 - Василий Великий, том 4. Сл. 6.
- 213 - Василий Великий, том 4. Сл. 7.
- 214 - Василий Великий, том 4, Слово 21.
- 215 - Василий Великий, письмо 114.
- 216 - Василий Великий, письмо 95.
- 217 - Там же.
- 218 - Василий Великий, письмо 96.
- 219 - Его же письмо 123.
- 220 - Василий Великий, письмо 236.
- 221 - Его же письмо 125.
- 222 - Василий Великий, письмо 218.
- 223 - Его же письмо 114, 216, 236.
- 224 - Василий Великий, письмо 236.
- 225 - Его же письмо 126.
- 226 - Его же письмо 136.
- 227 - Василий Великий, письмо 133.
- 228 - Его же письмо 132.
- 229 - Василий Великий, письмо 236.
- 230 - Василий Великий, письмо 195.
- 231 - Василий Великий, письмо 244.
- 232 - Его же письмо 196.
- 233 - Его же письмо 202.
- 234 - Астарвий, архиепископ Неокесарийский, враждовавший против св. Василия, возмущавший против него свою паству, не обучался ни в каком учебном заведении.
- 235 - Василий Великий, письмо 196.
- 236 - Василий Великий, письмо 199.
- 237 - Василий Великий, письмо 202.
- 238 - Василий Великий, письмо 209.
- 239 - Василий Великий, письмо 128.

- 240 - Его же письмо 134.
- 241 - Василий Великий, письмо 160.
- 242 - Его же письмо 159.
- 243 - Василий Великий, письмо 229.
- 244 - Василий Великий, письмо 217.
- 245 - Его же письма 219–222.
- 246 - Василий Великий, письмо 207, 208.
- 247 - Василий Великий, письмо 231.
- 248 - Василий Великий, письмо 258.
- 249 -
- 250 - Его же письмо 260.
- 251 - Сократ 5, 2; Созомен кн. 7; Феодорит 5, 4.
- 252 - Феодорит 5, 4.
- 253 - Григорий Богослов, письмо 70.
- 254 - Григорий Богослов, сл. 43, стр. 136–138.